

INSPIRIA

ЭЛЛИ РЕЙНОЛДС ДРОЖЖЬ

ОНИ НЕ ЗНАЮТ
ВСЕЙ ПРАВДЫ
И НИКОГДА
НЕ УЗНАЮТ.

INSPIRIA

Annotation

Как далеко вы зайдете, чтобы выиграть? Азарт, интеллектуальные игры и опасные погодные условия вместе делают «Дрожь» триллером года, который непременно стоит прочитать. Поклонники Люси Фоли и Лайзы Джуэлл будут в восторге.

Они не знают всей правды. И никогда не узнают.

Миллу приглашают на курорт во французских Альпах, где ей предстоит встретиться со своими друзьями-спортсменами.

Она бросает все, чтобы снова встать на сноуборд и потренироваться на настоящих склонах. Но самая главная причина ее приезда – Кертис. Единственный человек из прошлого, которого Милла не может забыть.

Пятеро друзей не виделись десять лет: с того самого дня, как Саския – их приятельница, соперница, а кому-то даже любовница – загадочно исчезла. Но когда то, что должно было их объединить, оборачивается катастрофой, они спрашивают себя: кто и зачем собрал их в этом месте.

В заброшенном домике высоко в горах вот-вот откроются секреты прошлого.

«Дрожь» – это герметичный детектив в зимнем сеттинге, раскрывающий всю изнанку профессионального сноубординга.

«Книга, леденящая кровь! Она захватила меня с самого начала, и я все гадала, кто же виноват. Напряжение неуклонно нарастало – я даже стала оглядываться во время чтения. Фантастический, волнующий дебют, полный атмосферных поворотов сюжета. Не могу дождаться ее следующей книги!» – Сара Пирс, автор романа «Санаторий»

«Сюжет летит вперед на огромной скорости – аж сердце выпрыгивает из груди. Вас ждут не только неожиданные повороты, но еще и прыжки и сноуборд-трюки. Читать «Дрожь» – сплошное удовольствие!» – Анна Даунз, автор романа «Укрomный уголок»

-
- [Элли Рейнолдс](#)

-
- [Предисловие переводчика](#)
-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)

- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
-

Элли Рейнолдс

Дрожь

© Жукова М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие переводчика

Герои этого романа – сноубордисты, и в книге встречаются специальные термины. Русскоговорящие сноубордисты – или райдеры (riders), или бордеры (borders) – используют транслитерацию английских слов. Для удобства читателей я решила дать пояснения ряда терминов в самом начале книги.

Сноубордисты делятся на регуляров (regulars), которые катаются левой ногой вперед, и гуфи (goofies), которые катаются правой ногой вперед. Если сноубордист едет непривычной ногой вперед (регуляр правой, а гуфи левой), то это называется свитч (switch).

Хафпайп (halfpipe или сокращенно HP, дословно: половина трубы) – это сооружение в форме глубокого канала из твердого снега и льда, по виду похожее на продольно разрезанную трубу. Высота стенок должна быть выше трех метров (обычно 3–6 метров), длина – больше 80 метров, угол наклона – 15–20 градусов. Сноубордист разгоняется на склоне и выполняет различные трюки во время вылетов с вертикальной части хафпайпа. Во время проезда по хафпайпу сноубордист может выполнить до шести мощных или восьми невысоких прыжков. Если герои говорят, что «тренировались в трубе», «сегодня будут пробовать трюки в трубе», имеется в виду хафпайп. Если говорится о фронтсайд-стенке (frontside wall), то это значит, что сноубордист едет к ней лицом, соответственно бэксайд-стенка (backside wall) – это та, к которой он едет спиной.

Вращения считаются в градусах – от 180 и больше. Бывают вращения на 360, 540, 720, 900, 1080 и т. д. градусов. Вращения для краткости иногда называются по первой цифре, то есть вращение на 360 градусов будет называться «три», на 540 – «пять» и т. д., хотя 1080 называется «десять-восемьдесят». То есть «Я сделал трешку» означает не три оборота, а один оборот – вращение на 360 градусов. Можно делать вращения как из своей стойки, так и из свитча.

Направления вращения именуется фронтсайд (frontside), то есть «вперед» (против часовой стрелки для регуляров и по часовой стрелке для гуфи), и бэксайд (backside), то есть «назад» (по часовой стрелке для регуляров и против часовой стрелки для гуфи). Если вращение

идет не из своей обычной стойки, то оно называется свитч фронтсайд (switch frontside) или свитч бэксайд (switch backside). Например, если регуляр, который обычно катается левой ногой вперед, подъезжает к краю хафпайпа правой ногой вперед и делает вращение по часовой стрелке, то это свитч бэксайд.

Грэб (grab) – захват доски рукой. Также грэбом можно назвать трюк, при котором сноубордист придерживает сноуборд рукой.

У сноуборда есть нос (nose) и хвост (tail). Бэксайд для сноуборда – та часть, где находятся пятки сноубордиста. Ноусгрэб (nosegrab) – передняя рука берет нос сноуборда. Тэйлгрэб (tailgrab) – задней рукой берется хвост сноуборда.

Биг-эйр (Big Air) – это длинный и затяжной прыжок с трамплина, во время которого выполняется какой-то трюк. Оценки на соревнованиях ставятся за сложность, амплитуду, четкость выполнения трюка, чистоту приземления.

Главная героиня хочет попробовать криплер (Crippler) – один из самых травмоопасных трюков, название происходит от слова «калека». Это смещенное вращение, когда сноубордист выполняет флип (flip) на 180 градусов, то есть вращается в воздухе на 90 градусов, делает флип и докручивает 90 градусов, выезжая в своей стойке в хафпайпе.

Бэксайд флип (backside flip) – сальто назад.

Инди-эйр (Indy Air) – бэксайд-вращение с грэбом задней рукой переднего края доски между креплениями.

Инверт (invert) – трюк, при исполнении которого сноубордист находится вниз головой.

Со всеми остальными трюками – метод (Method), мактвист (McTwist) и т. д. – которые герои упоминают, обсуждают и делают, желающие могут ознакомиться в Интернете – с описанием, рекомендациями по выполнению и видео. Впечатляет.

М. Ж.

Посвящается моим маме и папе, любителям гор

Пролог

Такое это время года. Время года, когда ледник возвращает тела.

Огромная масса льда там наверху – это замерзшая река, которая течет так медленно, что человеческий глаз неспособен уловить это движение. Недавние жертвы оказываются в ее прозрачных глубинах рядом со старыми. Некоторые появляются на самом верху, другие в конце ледника, и невозможно предугадать, кто будет следующим.

Может пройти много лет, прежде чем жертвы снова окажутся на поверхности. Даже десятилетия. О леднике в соседней Италии недавно рассказывали в новостях – он выбросил на поверхность мумифицированные трупы солдат, погибших во время Первой мировой войны, вместе со шлемами и винтовками.

То, что попало в ледник, в конце концов должно вернуться, поэтому я каждое утро просматриваю местные новости.

Я жду появления одного конкретного тела.

Глава 1

– Эй, есть тут кто-нибудь? – кричу я, и мой крик эхом отдается от окружающих меня бетонных стен.

Вагончик фуникулера, такой знакомой красно-белой расцветки, стоит у платформы, но в будке оператора никого нет. Солнце исчезло за Альпами, небо окрашено в розовый цвет, тем не менее в здании не включена ни одна лампочка. Где все?

Дует ледяной ветер, бьет по лицу. Я кутаюсь в куртку. Сейчас не сезон, курорт откроется только через месяц, поэтому я не ожидала, что будут работать другие подъемники, но думала, что этот все-таки включат. Иначе как мы поднимемся на ледник? Или я приехала не в тот день? Я ошиблась?

Я бросаю на платформу сумку со сноубордом и достаю телефон, чтобы еще раз проверить письмо, которое пришло по электронной почте. «Знаю, что мы давно не виделись, но как насчет встречи старых друзей? Проведем вместе выходные? “Панорама”, ледник Дьябль, Ле-Роше. Встречаемся у вагончика фуникулера в 17 часов, в пятницу, 7 ноября. К. х^[1]».

«К» – это Кертис. Если бы меня сюда пригласил кто-то другой, я бы просто стерла сообщение, оставив его без ответа.

– Эй, Милла!

Я вижу Брента, который вприпрыжку несется ко мне. Он на два года младше меня, значит, ему сейчас тридцать один, и он все еще не растерял своего мальчишеского шарма – непричесанные темные волосы свободно свисают по обеим сторонам лица, а когда он улыбается, появляются ямочки, хотя выглядит он измотанным и усталым.

Он сгребает меня в объятия, крепко прижимает к себе и отрывает от земли, так что мои ноги болтаются в воздухе. Я крепко обнимаю его в ответ. Я вспоминаю все те холодные ночи, которые провела в его постели. Я ругаю себя за то, что не связывалась с ним. Хотя после того, что случилось... Но он ведь тоже не пытался меня найти.

Я смотрю через его плечо и вижу острые горные пики, которые маячат вдаль на фоне темнеющего неба. Я на самом деле хочу быть

здесь? Еще не слишком поздно. Я могу извиниться, придумать какое-то оправдание, прыгнуть в свою машину и поехать домой в Шеффилд.

Кто-то откашливается позади нас. Мы прекращаем обниматься и видим Кертиса.

Почему-то я ожидала, что этот высокий блондин и теперь будет выглядеть так, как при нашей последней встрече. Тогда он был на грани срыва. Горе сломило его. Но конечно, выглядит он совсем по-другому. У него было десять лет, чтобы прийти в себя и пережить случившееся. Или спрятать свое горе в какой-то укромный уголок внутри себя.

Кертис обнимает меня легко и быстро.

– Рад видеть тебя, Милла.

– И я тебя.

Мне всегда было трудно смотреть ему в глаза, потому что он такой красавчик, черт его побери – и до сих пор выглядит великолепно, – но теперь это еще сложнее.

Кертис и Brent обмениваются рукопожатием, кожа Кертиса выглядит бледной на фоне руки Brentа. Они привезли с собой сноуборды; в этом нет ничего удивительного. Мы едва ли смогли бы приехать в горы без наших досок. На них джинсы, как и на мне, но мне забавно видеть, как из-под курток для сноубординга у них торчат воротники рубашек.

– Надеюсь, что от меня не требовалось прибыть при полном параде, – говорю я.

Кертис оглядывает меня с головы до ног.

– Сойдет, – заявляет он.

Я сглатываю. У него все такие же голубые глаза, но они напоминают мне о человеке, о котором я не хочу думать. Также от Кертиса теперь не исходит тепло, которое я всегда чувствовала раньше. Именно ради него я приехала сюда, хотя поклялась себе никогда не возвращаться. И уже начинаю жалеть.

– Кого еще ждем? – спрашивает Brent.

Почему он смотрит на меня?

– Понятия не имею, – отвечаю я.

– Разве ты не знаешь? – смеется Кертис.

Шаги. Появляется Хизер. А это кто? Дейл? Не может быть! Они что, до сих пор вместе?

Раньше Дейл всегда ходил с растрепанными волосами, теперь они стильно подстрижены, а от пирсинга не осталось и следа. Он в модных ботинках для сноуборда, но выглядят они так, словно он ни разу в них не катался. Думаю, Хизер его укротила. Но по крайней мере, она разрешила ему взять с собой сноуборд.

Хизер одета в платье, черное и блестящее, с лосинами и сапогами до колена. Наверное, ей очень холодно, даже несмотря на то, что поверх платья надета куртка от Puffa. Когда она меня обнимает, я чувствую запах лака для волос, которым сбрызнуты ее длинные черные локоны.

– Я так рада тебя видеть, Милла!

Вероятно, она уже немало приняла на грудь перед тем, как добраться сюда, потому что слова кажутся искренними. Сапоги у нее на семисантиметровом каблуке, и благодаря им она оказывается сантиметра на два с половиной выше меня. Вероятно, она и обула их ради этого.

Она показывает мне кольцо.

– Вы поженились? – спрашиваю я. – Поздравляю!

– Три года назад, – отвечает она, и ее акцент кажется более сильным, чем когда-либо. Она из Ньюкасла, и по ее речи это сразу понятно.

Брент и Кертис хлопают Дейла по спине.

– Долго же ты собирался сделать ей предложение, братишка, – говорит Брент. Мне кажется, что и его лондонский акцент стал сильнее.

– На самом деле это я сделала ему предложение, – огрызается Хизер.

Дверца вагончика канатной дороги открывается со скрипом. Появляется сотрудник курорта в низко надвинутой на глаза форменной черной шапочке, подходит к нам сзади, волоча ноги. Он проверяет наши имена по списку, который закреплен на доске-планшете с зажимом, потом жестом приглашает нас зайти в вагончик.

Все остальные проходят мимо меня.

– Больше никого не будет? – спрашиваю я, пытаюсь выиграть время.

Кажется, что оператор подъемника больше никого не ждет. Он почему-то кажется мне знакомым.

Все остальные уже зашли в вагончик. Я неохотно присоединяюсь к ним.

– А кто еще мог бы быть? – спрашивает Кертис.

– Да, больше некому, – соглашаюсь я. Были еще люди, которые когда-то с нами катались, но они приходили и уходили, а из нашей изначальной компании остались только мы пятеро.

Или, правильнее будет сказать, только мы еще можем кататься.

На меня накатывает чувство вины. *Она никогда больше не сможет ходить.*

Оператор подъемника захлопывает дверцу. Я пытаюсь рассмотреть его лицо, но до того, как успеваю это сделать, он отворачивается, уходит с причальной платформы и исчезает в своей будке.

Вагончик начинает движение. Вместе с остальными, я как замороженная и затаив дыхание смотрю сквозь оргстекло. Мы летим над вершинами елей вверх, в горы, в угасающем свете дня. Странно видеть черную землю и траву внизу. Раньше был только снег. Я пытаюсь разглядеть сурков, но они, вероятно, спят. Мы пролетаем над скалой, и крошечная деревенька Ле-Роше исчезает из виду.

Я испытываю странные чувства, когда еду в этом подвешенном к тросу вагончике, а за окнами меняется пейзаж. Мне кажется, что мы не поднимаемся в горы, а путешествуем назад во времени. И я не знаю, готова ли я к встрече с прошлым.

Слишком поздно. Вагончик уже подходит к промежуточной причальной платформе. Мы выходим и вытаскиваем наш багаж. Здесь холоднее, а там, куда мы направляемся, будет еще холоднее. На ветру реет французский флаг. Плато безлюдно. Здесь уже нет коричневых и зеленых пятен, все белое. Выше будет только снег.

– Я думал, что к этому времени и долину уже завалит снегом, – говорит Brent.

Кертис кивает.

– Вот тебе и глобальное потепление.

Зимой это место становится центром горнолыжного курорта, во все стороны двигаются кресельные подъемники и кабины, но сегодня работает только один.

Хафпайп был прямо здесь, рядом с этим маленьким домиком. Сейчас же это место, скорее, напоминает длинную грязную канаву U-

образной формы. Но у меня в сознании остался другой образ с чисто-белыми стенами. Это был лучший хафпайп в Европе в то время, и благодаря ему мы все тогда и встретились.

Боже, сколько воспоминаний. По коже побежали мурашки. Вспоминаю нас, таких молодых и веселых. Нас пятерых.

И еще двоих, которых нет.

Налетает порыв холодного ветра, треплет мои волосы, и они хлещут меня по лицу. Я застегиваю молнию на куртке до самого подбородка и спешу вслед за остальными.

«Пузырь»^[2] поднимет нас почти на три с половиной тысячи метров над уровнем моря. Ледник Дьябль – один из самых высоко расположенных горнолыжных курортов во Франции. Блестящие оранжевые кабинки свисают с троса, напоминая рождественские елочные игрушки. Кертис заходит в ближайшую открытую кабинку.

Хизер тянет Дейла за руку.

– Давай поедем отдельно, – предлагает она.

– Нет, – говорит Дейл. – Заходи в эту. Мы все поместимся.

– Места полно, – поддерживает его Кертис и широким жестом обводит кабинку.

Судя по выражению лица, Хизер сомневается, и я ее понимаю. Эти маленькие кабинки теоретически рассчитаны на шесть человек, но мы с багажом. От того тесно. А из-за дурацкого чемодана, который она зачем-то притащила с собой, еще теснее.

Слишком высокий Брент наклоняется, чтобы войти.

– Ты можешь сесть ко мне на колени, Милла, – предлагает он. – Давай сюда сумку со сноубордом.

– У тебя на коленях может разместиться Дейл, – говорю я. – А я сяду здесь.

В результате Хизер оказывается на коленях у Дейла, рядом с ними сидит Кертис. Мы с Брентом устраиваемся напротив, в проход свалены сумки. И не только в проход, а везде вокруг нас. Дейл выглядит странно без своих дредов. У него нордический типаж, и он всегда напоминал мне викинга. А теперь он скорее выглядит как ведущий какой-нибудь телевикторины.

Мы быстро несемся над плато. Внизу пустота. Я забыла о том, какие тут гигантские пространства. Летом здесь много туристов и на склонах можно увидеть множество поднимающихся вверх пешеходных

троп. Они идут зигзагами. Наверное, летом здесь очень красиво – множество альпийских цветов. Но сегодня можно увидеть только клочки бурой травы и крутые каменистые склоны. Нет никаких признаков жизни, даже птиц нет. Земля кажется голой.

Мертвой.

Нет. Спящей. Ждущей.

Словно там, наверху, есть что-то еще. Я сглатываю и пытаюсь отделаться от этих мыслей.

Колено Кертиса ударяется о мое, когда мы проезжаем одну из опор канатной дороги. Он кажется мне необычно тихим, но я его понимаю. Если уж мне тяжело, то ему должно быть во сто крат тяжелее.

В приглашении не было про это ни слова, но очевидно, что мы здесь именно поэтому. За день до того, как пришло письмо от Кертиса, в новостях сообщили:

«Британская сноубордистка, пропавшая без вести десять лет назад, заочно признана умершей после судебного разбирательства».

Остальные тоже, наверное, не горели желанием сюда приезжать, но как мы могли отказаться? Вполне естественно, что Кертис хотел ее помянуть.

Теперь под нами уже снег, он отликает лиловым цветом в сумерках. Высоко над нами маячат скалы, благодаря которым деревня Ле-Роше и курорт получили свое название^[3]. На самом верху находится «Панорама», которая отсюда кажется мрачным и приземистым строением.

– Как тебе это удалось, Милла? – спрашивает Brent.

– Что мне удалось? – уточняю я.

– Получить VIP-пропуск на ледник. Договориться о включении подъемника и так далее. Просто шикарно!

Я смотрю на него широко раскрытыми глазами.

– Ты о чем?

– Сейчас же не сезон. Все закрыто. Это, должно быть, обошлось тебе в кругленькую сумму.

– Почему ты думаешь, что все это организовала я? Это Кертис.

– Не понял, – говорит Кертис и странно смотрит на меня.

Что за игру они затеяли? Мы достаем наши телефоны. В последний раз, когда я поднималась сюда с телефоном, я разбила экран

во время первого заезда, и еще на бедре у меня остался синяк в форме прямоугольника – как раз по размеру телефона. После того раза я перестала брать его с собой наверх.

Я показываю им письмо, которое получила, а Brent показывает мне письмо, которое получил он. Текст приглашения такой же, как пришел мне, только оно подписано «М», и еще там P. S.: «Потеряла телефон. Пиши на почту».

– А вот что пришло мне, – говорит Кертис и показывает приглашение – точно такое же, как получил Brent.

Я никогда не понимала Кертиса. Он решил так пошутить?

Кабинку трясет, когда мы проезжаем еще один столб, и у меня закладывает уши. Здесь уже настоящая крутизна. Мы только что начали долгий-долгий подъем на ледник.

Я поворачиваюсь к Дейлу и Хизер.

– Что говорится в вашем приглашении? – спрашиваю я.

Дейл мнется.

– То же, что и в ваших, – отвечает Хизер.

– От кого оно – от М или К? – спрашивает Brent.

– М-м-м, от М, – Хизер бросает взгляд на меня.

Почему у меня возникает чувство, что она врет?

– Можно мне его посмотреть? – спрашиваю я.

– Прости. Я его стерла, – говорит Хизер. – Но оно было точно таким же, как у них.

Глава 2

Я не знаю, что ожидать на вершине. Музыка? Свечей? Официантов с подносами, на которых стоят бокалы шампанского?

Ничего такого нет. Причальная платформа тускло освещена и пустынна, будка оператора подъемника пуста. Мы вытаскиваем наши сумки из кабинки. Когда движение подъемника останавливается, воеет сирена. Вероятно, им сейчас управляют только снизу, экономят расходы на персонал. У нас над головами висит камера видеонаблюдения. Вероятно, сотрудники увидели, что мы успешно прибыли на причальную платформу. Но после странной истории с приглашением мне как-то не по себе. Судя по тому, как Хизер нахмурила лоб, ей тоже.

На меня смотрит Brent.

– Пока оставим вещи здесь?

– Меня не спрашивай, – отвечаю я.

Он ставит свои сумки на платформу. Я сомневаюсь, но потом бросаю и свои. Маловероятно, что их тут кто-то украдет.

Ступени металлические, фактически это металлическая решетка, они предназначены для покрытой снегом обуви. Я тяжело дышу к тому времени, как добираюсь до верха. Воздух здесь разреженный. Я толкаю открывающуюся в обе стороны дверь, которая ведет в «Панораму», и вдыхаю затхлый запах дыма, такой, какой бывает после того, как топили дровами. Но топили здесь давно. На мгновение я закрываю глаза. Этим запахом я дышала все зимы, и он больше всего ассоциируется у меня с тем периодом моей жизни.

Kurtis нажимает на выключатель, и в обшитом деревянными панелями коридоре включается свет. Обычно тут идет нескончаемый поток лыжников и сноубордистов. Они проходят мимо шкафчиков, а потом выходят на ледник. Но сегодня вечером здесь неестественно тихо.

Kurtis прикладывает ко рту сложенные рупором руки и кричит:

– Есть тут кто-нибудь?

Brent снова смотрит на меня; Дейл тоже смотрит. Я опять думаю про приглашения. Мог ли это организовать один из них? Нет, навряд

ли. Как Brent правильно заметил, сейчас не сезон, курорт закрыт. В это время года провести выходные здесь может стоить несколько тысяч евро. Я слежу за Кертисом в соцсетях и знаю, что дела у него идут хорошо. Это должен был организовать он. Но зачем такая таинственность? А другие в курсе, или он каким-то образом заставил их поверить, будто это я их пригласила?

– Здесь должен кто-то быть, – говорит Кертис. – Давайте осмотримся.

Мы все бросаемся в разные стороны, словно дети, оказавшиеся к тематическом парке. Этот дом напоминает лабиринт. Это единственное здание на много миль вокруг. Оно представляет собой большое многофункциональное строение, в котором находится горноспасательная служба, диспетчерская и все остальное, что только может потребоваться посетителям и персоналу. Я знаю, где находятся ресторан и туалеты, вот, пожалуй, и все. Ах да, я еще один раз здесь ночевала – здесь есть крошечные комнатки для желающих. Самый высоко расположенный молодежный хостел во Франции!

Я бегу по коридорам и по пути везде включаю свет. Кругом масса закрытых дверей. Некоторые заперты, другие нет. Вот эта открывается. Боже, похоже, что именно в этой комнатке я и ночевала в тот единственный раз. Пахнет влагой и плесенью, и от этого запаха накатывают воспоминания. Brent подо мной на матрасе, его большие руки держат мои бедра. Я смотрю на единственную узкую кровать. Затем я выхожу и плотно закрываю дверь за собой.

За следующей дверью находится бельевая – грубые белые полотенца и выдавшие виды простыни сложены стопками на полках из сосны и пахнут дешевым моющим средством. Я чувствую, что откуда-то доносится запах еды, и нахожу кухню. На огромной плите стоят две кастрюли. Я поднимаю крышки. В одной из них жаркое, в другой картофельное пюре. Все еще теплые. Это наш ужин? Но где тогда обслуживающий персонал?

Я вижу туалет, осторожно толкаю дверь, но там пусто и темно. Сразу за кухней находится погруженный во тьму ресторан, там запах древесного дыма настолько силен, что я кашляю, несмотря на то что камин не горит. В прошлом я провела здесь много часов, согревая пальцы о чашки кофе и пережидая снежные бури. Но сейчас все столы

пусты, и я поворачиваю в еще один коридор. Остальные, вероятно, поднялись на этаж выше, потому что я больше их не слышу.

Еще какие-то складские помещения, еще запертые двери. Все лампочки с таймерами, и время от времени свет выключается раньше, чем я успеваю нажать на следующий выключатель. Тогда я остаюсь в полной темноте, и мне приходится пробираться вперед на ощупь. Я шарю по стене в поисках выключателя. От тишины становится не по себе. Если бы кто-то выскочил из-за какой-нибудь двери у меня за спиной, то у меня вполне мог бы случиться сердечный приступ.

Наконец что-то знакомое: главный выход на ледник. Я спешу к нему. Там никого не может быть в такое позднее время, и дверь, вероятно, заперта, но если все-таки не заперта, я хочу вдохнуть ледяной воздух. Как давно я его не вдыхала!

Дверь не заперта. Я чуть-чуть приоткрываю ее, и тут в здание с воем врывается ветер. Это высокий и неослабевающий звук. Он как-то странно похож на вой, какой мог бы издать человек. Я захлопываю дверь и стою около, тяжело дыша. Я знала, что столкнусь с этой проблемой, если вернусь сюда. Слишком много дверей, которые для меня было бы лучше не открывать.

«Возьми себя в руки, Милла!»

Хорошо. Я смогу. Мне надо выпить, пара стаканчиков – и со мной все будет в порядке.

Наверху есть банкетный зал, там проходят свадьбы и другие мероприятия. Такому маленькому курорту, как этот, полезно иметь такое помещение, оно приносит ему хороший доход, в особенности вне сезона. Я видела этот банкетный зал только на фотографиях, но, вероятно, сейчас все собрались в нем, потому что все остальные места внизу я проверила.

Вот лестница. Наверху находится тяжелая дверь, запасной выход на случай пожара. Воздух с другой стороны этой двери кажется еще холоднее. Легкий запах. Знакомый. Что это? Может, духи Хизер.

Голоса доносятся из-за двери справа.

«Стоп! – читаю я на плакате. – Игра началась. Телефоны следует оставить в корзине».

Я выдыхаю. Игра. Может, какая-то викторина? Нам будут задавать вопросы о сноубординге или о том, что мы помним друг о друге. Чтобы мы начали говорить о прошлом. А это как раз в стиле Кертиса –

таким образом сказать нам, что делать, и чтобы ничего не отвлекало нас от того, что он задумал. Я опускаю телефон в корзину. Только...

Плакат снова привлекает мое внимание. «Игра началась». Один раз я сказала эту фразу ей... Нет, это распространенное выражение. Это ничего не значит. Я кладу телефон поверх других четырех, которые уже лежат в корзине, и захожу.

Банкетный зал словно нависает над горой. Пол покрыт белым ковром с густым ворсом, так похожий на снег снаружи, мебель в белых и серебристых тонах, несомненно, нерационально дорогая. Мягкие кресла обиты сатином, стеклянные столы на хромированных ножках. Эти роскошь и богатство резко контрастируют с грубой мебелью внизу. Здесь даже пахнет по-другому. Запах дыма исчез, вместо него пахнет свежей краской.

Вся задняя стена представляет собой одно огромное окно, белые бархатные занавески отдернуты в стороны и перевязаны шнуром. В дневное время отсюда, вероятно, открывается потрясающий вид, но сейчас за окном крошечная тьма. Ни одного огонька нигде. Как-то это жутко и внушает суеверный страх при нынешнем положении вещей, но если не думать обо всем этом, то банкетный зал – красивое место для празднования свадьбы.

Если вы можете забыть про то, сколько жизней забрал этот ледник.

И сколько тел он еще не отдал.

«Не думай об этом!»

Здесь так холодно, что у меня изо рта идет пар. И влажно. Вероятно, этим помещением не пользовались много месяцев. Все остальные уже что-то пьют. На серебряном подносе одиноко стоит одна бутылочка Kronenbourg 1664. Стекло кажется ледяным, когда я беру ее в руку. Раньше я любила эти маленькие бутылочки французского пива, сладковатого и пенистого. Но я не пила его с тех пор, как в последний раз была здесь.

Нас все еще пятеро. Персонал, наверное, где-то в коридоре. Кертис то и дело посматривает на дверь. Что он задумал?

Хизер сжимает рукой мое предплечье. На ногтях – французский маникюр.

– И как тебе эта игра?

– Какая игра?

Она ведет меня по ковру к высокому деревянному ящику, который стоит на низком столике. Рядом лежат ручки, конверты кремового цвета из хорошей бумаги и карточки. И еще ламинированный лист бумаги, на котором написан текст. Предлагаемая нам игра называется «Ледокол». Таким шрифтом обычно пишут чинопоследование^[4] на похоронах.

«И на свадьбах», – быстро напоминаю я себе. И вообще нам, наверное, таким образом хотят помочь снять напряжение и расслабиться. Хотя бы расколоть лед, если не растопить.

«Напишите какой-нибудь секрет о себе, о котором не знает никто другой. Положите карточку в конверт и опустите в ящик. Потом достаньте конверты, один за другим, и догадайтесь, кто что написал».

Я снова бросаю взгляд на Кертиса. Мне кажется забавным то, что он приложил такие усилия, ведь мы были бы счастливы просто выпить. Он широкими шагами идет к окну мимо меня. Стекло запотело, он вытирает его рукой и выглядывает наружу. Плавность его движений всегда напоминала мне движения мужчин-гимнастов, и она не изменилась до сих пор. Он и сейчас двигается с той же потрясающей грациозностью.

Мне нужно побольше выпить, чтобы осмелиться подойти к нему, поэтому я иду к Бренту. Я удивлена, увидев у него в руке бутылку пива. Он никогда раньше не пил.

– Ты все еще катаешься на сноуборде? – спрашиваю я.

– Раз в год, – говорит он. – Больше не могу себе позволить. Хотя до сих пор много катаюсь на скейтборде.

– Я это вижу по твоим ботинкам.

Его ботинки от DC так сильно поношены, что в одном месте у носка проглядывает палец. Раньше DC Shoes^[5] была одним из его спонсоров, но предполагаю, что эту пару ему пришлось покупать самому. Мне кажется трогательной его верность бренду, но это типично для Брента.

В ту зиму ему было двадцать один, он был очень худым, и энергия была из него фонтаном, как из подростка. Теперь он немного поправился. Из-за мешковатой одежды трудно точно определить, в какой он форме, но мне кажется, что в очень хорошей. И все еще носит спущенные до середины задницы джинсы.

Он смуглый благодаря отцу-индусу, и его внешность позволила ему начать успешную модельную карьеру – до того, как он увлекся сноубордингом. Я слежу за его успехами в Интернете, но из его Instagram мало что можно узнать. Мне хочется спросить, встречается ли он с кем-то, даже хочется спросить, есть ли у него дети, но он может не то подумать. А я просто хочу знать, счастлив ли он.

– Значит, на самом деле ты не приглашала меня сюда? – спрашивает Brent.

– Нет, – качаю головой я. – Я же уже говорила.

Kертис встречается со мной взглядом. Он все еще стоит у противоположной стены и выглядит... обеспокоенным? Вероятно, размышляет, где же обслуживающий персонал.

– Ты все еще катаешься? – спрашивает Brent, явно прилагая усилие, чтобы сменить тему на более безопасную.

– Нет, не катаюсь с тех пор, как уехала отсюда, – говорю я ему.

– Серьезно? Ни разу не каталась?

– Я много работаю.

Я вижу, как он удивлен. Тогда, десять лет назад, я могла думать только о сноубординге, и считала, что буду заниматься им до старости.

По правде говоря, катание приводит меня в ужас. Я боюсь того, в кого я превращаюсь, и боюсь, что могу разрушить жизни других людей. Как только я застегиваю крепления на сноуборде, ничто больше не играет роли.

Brent не знает, что я сделала. То есть он знает не все. Никто из них не знает.

И я намерена сделать так, чтобы они и дальше не знали.

Глава 3

Хизер хлопает в ладоши.

– Пора сыграть в «Ледокол», – объявляет она.

– Я голоден, как волк, – говорит Brent.

– И я тоже, – поддерживаю его я. – Я нашла в кухне жаркое.

Хизер надувает губы.

– Это будет весело. А потом поедим.

Она меня всегда так раздражала, или это замужество приучило ее командовать? Хизер допивает остатки вина из своего бокала. Может, она просто пьяна?

Brent ворчит, но Хизер раздает нам карточки, ручки и конверты. Я снова бросаю взгляд на Кертиса, но он на меня не смотрит и выходит из зала.

– Что мы должны написать? – спрашивает Brent.

– Что-нибудь скабрёзное, какую-нибудь пикантную подробность, о которой никому не известно, – отвечает Хизер.

У меня пересыхает в горле. Я осушаю бутылку пива, но горло пересохло так, что тут не поможет никакой алкоголь. Я знаю, потому что у меня уже такое было десять лет назад, когда я отсюда уехала. Я грызу кончик ручки, пытаюсь придумать или вспомнить что-нибудь забавное. Я слышу голос Кертиса в коридоре. Он говорит по телефону. Это типично для Кертиса – заставить нас положить телефоны в корзину, когда он сам может пользоваться своим. Он разговаривает со своей девушкой? Он видит, как я за ним наблюдаю, и захлопывает дверь.

Я смотрю на свою чистую карточку, но я слишком сильно замерзла и проголодалась, чтобы четко мыслить. В конце концов пишу: «Кличка моего кота Тухлая Рыба^[6]».

Brent исчез. Я опускаю свой секрет в конверт, а конверт – в отверстие в ящике, словно предназначенное для писем. Где Кертис раздобыл этот ящик? Он белый, но сочетается с остальными предметами в зале только по цвету. Сделан грубо, мой дед вполне мог бы соорудить такое – тонкие листы фанеры плохо склеены друг с другом, а потом их так же плохо покрасили.

Мне нужно в туалет. Женский находится на первом этаже, и к нему еще нужно пройти по коридору. Из крана течет такая холодная вода, будто вот-вот замерзнет в трубах. По крайней мере, так можно подумать.

Я возвращаюсь в банкетный зал. Brent откуда-то достал большой пакет картофельных чипсов. Я беру горсточку. Киваю на куртку Brenta. В таких катаются на сноуборде.

– Burton все еще обеспечивает тебя одеждой? Или тебе теперь приходится все самому покупать?

Он хрустит чипсами.

– Мне дают скидку.

– Везет же некоторым. Мне самой пришлось покупать полный комплект для этой поездки, – говорю я.

Я слизываю соль с пальцев. Десять лет назад я отдала весь свой инвентарь и всю экипировку для сноубординга одной французской девчонке, которая жила в доме на противоположной стороне улицы. Ей все это требовалось гораздо больше, чем мне.

Возвращается Кертис. Он закончил телефонный разговор и снова занимает пост у окна, повернувшись к нам спиной. На что он там смотрит? Там же ничего не видно!

Приходит Дейл с новой партией пива. Мы с Brentом берем по бутылочке.

– Готовы сыграть? – спрашивает Хизер.

– Секундочку, – говорит Кертис и еще раз выскальзывает из банкетного зала.

Судя по виду, Хизер готова взорваться. Я пытаюсь скрыть улыбку. Похоже, Кертис ушел специально, чтобы вывести ее из себя.

– Ты видел кого-нибудь из персонала? – спрашиваю я у Дейла.

– Нет, – отвечает он. – Похоже, мы тут одни.

– Похоже, – соглашается Brent.

– Но в кухне стояла горячая еда, – напоминаю я им.

– Да, я видел, – кивает Дейл. – Наверное, они решили, что мы сами в состоянии себя обслужить. Может, утром пришлют кого-нибудь на подъемнике, чтобы приготовить нам завтрак.

– И оставили целую группу гостей без присмотра? Меня это удивляет, – признаюсь я.

– Экономят, – высказывает свое мнение Дейл.

Брент согласно кивает.

– Да, такому крошечному курорту должно быть сложно удерживаться на плаву и конкурировать с другими, например, с таким гигантом, как Труа Валле^[7].

– А почему нам предложили эту игру? – спрашиваю я. – Ее тоже персонал готовил?

Они не могут ответить. А судя по тому, как они смотрят на меня, они все еще думают, что я сама имела к этому отношение.

– Мне достать конверты? – спрашивает Хизер, как только возвращается Кертис.

Не дожидаясь ответа, она открывает ящик снизу, вытаскивает первый конверт и разрывает его.

Мы все рассаживаемся на стульях. Что это она так возбуждена? Что такого, по ее мнению, мы могли написать на этих карточках?

– Я их все зачитаю, а затем мы будем гадать, кто что написал. Хорошо?

Хизер так дергается, что, похоже, она не только пьяна. Я думаю, что она еще что-то нюхает, или глотает «колеса», или колется. С другой стороны, и Кертис нервничает и проявляет нетерпение. Он сидит с абсолютно прямой спиной, напряжен и постоянно оглядывает зал.

Я не чувствую пальцев рук. Засовываю их между бедрами, чтобы согреть. Обтянутый сатином стул такой же холодный, как и все остальное в этом помещении.

Хизер зачитывает написанное на первой карточке и краснеет:

– «Мы переспали с Брентом».

Она с беспокойством быстро бросает взгляд на своего мужа, словно опасается, что он примет это за признание. Но он смотрит на меня, как, впрочем, Брент и Кертис.

– Я это не писал, – говорит Кертис.

Мы все смеемся.

Все, кроме Хизер.

– Мы же договаривались, что прочитаем все, и только потом будем отгадывать.

Она пытается командовать Кертисом. Ну-ну. Попробуй.

– Я этого тоже не писала, – говорю я.

Мужчины снова смеются. Хизер гневно смотрит на меня.

– Не смотри на меня. – Дейл поднимает руки, словно хочет ей сдаться.

Снова смех.

Кто-то из мужчин наверняка написал это, желая пошутить. Вероятно, Кертис.

Хизер уже открывает следующий конверт. Ее поспешность меня удивляет. Между нею и Brentом что-то было? Если и было, то она, несомненно, не стала бы объявлять об этом всем и каждому. В ту зиму они очень быстро сошлись с Дейлом, фактически в самом начале сезона.

Хизер откашливается.

– «Мы переспали с Brentом», – ее голос становится слишком эмоциональным.

Снова смех, на этот раз более громкий. Смеемся мы с Brentом и Кертис. Дейл даже не улыбается.

Кертис хлопает Brentа по плечу.

– Неудивительно, что ты не выиграл Олимпиаду. Ты совсем не высыпался!

Мне приятно видеть, что Кертис выглядит более счастливым. Этот «Ледокол» на самом деле оказывается игрой, помогающей расслабиться и завязать разговор. Желаемый эффект достигнут. Мы начинаем согреваться – то ли от того, что нам весело, то ли от смущения – несмотря на низкую температуру воздуха. Я с удовольствием наблюдаю за тем, как Хизер ерзает. Судя по выражению лица Дейла, если между его женой и Brentом когда-нибудь что-то и было, для него это новость.

Brent с Хизер переглядываются. Brent хмурится. «Что за игру ты затеяла?» – говорит выражение его лица. Brent считает, что это написала Хизер! Хизер отвечает на его немой вопрос легким покачиванием головы. Что это означает? «Не сейчас»? Или она хочет сказать, что не писала это?

Я в изумлении. Мысли судорожно крутятся в голове. Если Brent думает, что одно из этих признаний написала Хизер, то это означает, что он на самом деле с ней переспал?

Я вытягиваю шею, чтобы увидеть почерк, хотя я его не узнаю – в ту зиму мы мало писали от руки. В любом случае текст на карточке, которую держит в руках Хизер, написан ровными печатными буквами.

Так пишут, когда не хотят, чтобы кто-то узнал, что это писали вы. Наверное, это шутка. Должна быть шутка. Кертис с Brentом заранее договорились так пошутить, чтобы нас всех встряхнуть. Кертис с Дейлом никогда не ладили. Но вообще-то удивление Brentа показалось мне искренним.

Я могла бы высказаться, заявить, что это писала не я, что обе эти карточки не мои, но я решаю подождать и посмотреть, что написано на следующей.

Хизер открывает третий конверт. Она смотрит на карточку и резко втягивает воздух.

– «Мы переспали с Саскией».

На этот раз не смеется никто. Это уже выходит за рамки допустимого.

Несмотря на то что мы такие разные, я не могу представить, зачем кому-то из присутствующих здесь было это писать. Насколько мне известно, только один человек из присутствующих переспал с Саскией, и я не думаю, что это было известно многим. Наоборот, этого не знал почти никто. Я прилагаю усилия, чтобы не смотреть на Brentа. Как и на Кертиса.

Хизер смотрит на своего мужа и явно раздумывает, не он ли это написал. Если я и дальше буду придерживаться моего предположения, что признания на первых двух карточках написали Кертис и Brent, то получается, что это написал Дейл. Но зачем, черт побери, он это сделал?

Хизер разрывает следующий конверт. Наверное, думает, что хуже уже быть не может.

Но очевидно, может, потому что она моргает и поднимает глаза, по которым видно: она шокирована.

– «Я знаю, где Саския».

Кертис выхватывает карточку из ее рук и смотрит на текст с каменным выражением лица.

– Это шутка? – спрашивает он.

Никто не отвечает.

– Кто-то из присутствующих на самом деле написал что-то из этого?

Мы обводим глазами зал. Качаем головами.

Мне становится очень не по себе. Я бросаю взгляд на окно, за ним – кромешная тьма, и это напоминает мне, что мы здесь одни. Здесь только мы пятеро. Никого нет на много миль вокруг. Мне нужно знать, на самом ли деле нас сюда пригласил Кертис. Потому что если приглашал не он...

Я смотрю на дверь, думая о длинных темных коридорах, которые тянутся за ней. Там кто-то есть?

– Давайте послушаем, что написано на последней, – нарушает молчание Brent.

Хизер открывает последний конверт и бледнеет. Карточка падает из ее руки на пол.

Я поднимаю ее.

«Смерть Саскии – моих рук дело».

Глава 4

Десять лет назад

Девушка высоко взлетает над хафпайпом, ее светлые волосы вылезают из-под шлема. Она платиновая блондинка. И катается она классно. Во время последней попытки она выполнила полтора оборота – вращение на пятьсот сорок градусов. Она тормозит прямо передо мной, вспахивая снег так, что он осыпает меня всю.

Я знаю, кто это. Саския Спаркс. В прошлом году она выиграла у меня на Чемпионате Великобритании по сноубордингу. Она заняла третье место, я оказалась четвертой.

А в этом году я выиграю у нее.

У меня тоже светлые волосы, но на несколько тонов темнее, чем у нее. Меня многие узнают по волосам, светлые волосы вообще являются отличительным признаком, и если я узнаю ее, то она, вероятное, узнала и меня, но если и узнала, она этого не показывает. Она просто отстегивает крепление на задней ноге и катится к подъемнику.

Я подхватываю рюкзак и спешу за ней. Я много слышала про нее. Ее прозвали Снежная Королева.

Пропуск на подъемник у меня в кармане. Я касаюсь бедром сканера, дожидаясь сигнала, затем прохожу сквозь турникет. Подъемник тут примитивный – бугельный, в виде обшарпанных пластиковых Т-образных перекладин, которые свисают с потрепанного движущегося каната. Я хватаюсь за ближайшую Т-образную перекладину, сажусь на нее верхом и наблюдаю за происходящим вокруг, пока подъемник тянет меня вверх по склону.

Местность здесь считается непроходимой: много естественных препятствий, острые скалы, узкие ущелья. Склоны слишком крутые для праздно отдыхающих граждан и поэтому не пользуются популярностью у обычных людей. Но именно поэтому Ле-Роше считается культовым местом у профессиональных горнолыжников и сноубордистов.

У курорта есть еще один плюс: хафпайп. Хафпайп в Ле-Роше привлекает сноубордистов. Это эквивалент рампы в скейтбординге –

длинный белый канал, который тянется вверх по склону. Его строили по олимпийским требованиям: длина составляет сто пятьдесят метров, высота снежных стен с каждой стороны – по шесть метров. Судя по виду, сделано хорошо.

Райдера катаются туда-сюда, на одну стенку, на другую, вылетают вверх из ледяной полутрубы и выполняют все виды безумных трюков. Трудно определить, кто есть кто из-за шапок, шлемов и очков, но тут совершенно точно есть несколько известных сноубордистов, которые тренируются, чтобы завтра выступить на Le Rocher Open – открытом турнире в Ле-Роше.

Жаль, что я не приехала сюда раньше. Сезон начался две недели назад, пятого декабря, но я все еще работала. Я должна была накопить достаточно, чтобы продержаться всю зиму – только так я смогу сосредоточиться на тренировках. Я никогда не войду в первую тройку, если и дальше буду работать по ночам в каком-то заштатном баре. Паршивая была работа. Но в любом случае я здесь. Время наверстывать упущенное.

Саския снова на вершине трассы. Она приехала сюда на весь сезон или только на турнир? Она разгоняется и снова выполняет вращение на пятьсот сорок градусов. Тренирует приземления, и они у нее получаются.

Когда я впервые в жизни увидела хафпайп, крутизна почти вертикальных стен привела меня в ужас. Но это иллюзия. Вертикаль^[8] – ваш друг. Вы должны правильно на нее приземляться и тогда поймете, насколько она мягкая. Вы не ощутите приземления, но только если оно правильное. Лед жесткий, как бетон, поэтому, если вы смажете приземление, вас ждут проблемы.

Я чувствую страх, когда застегиваю крепления на ботинках. Он словно покалывает, пощипывает меня изнутри. Ладони становятся влажными в кожаных перчатках, предназначенных специально для катания в трубе. Я нервничаю больше обычного, потому что у меня новый сноуборд – Magic Pipemaster 157 от моего первого в жизни спонсора.

Обычно я делаю что-нибудь простенькое при первой попытке, чтобы «прощупать» хафпайп, но тут Саския – девушка, которую мне нужно победить. Поэтому я тоже собираюсь попробовать сделать вращение на пятьсот сорок градусов в самом конце первого заезда.

Вначале я разгоняюсь – еду вниз по трубе, потом вниз со стены по переходу на основание, вверх на противоположную стену – и взлетаю в воздух.

Моя передняя рука находит хвост сноуборда, и я крепко сжимаю его. Бэксайт-эйр. Я парю надо льдом, мыслей нет, я не думаю ни о чем, ничего не вижу, ничего не слышу. Только чувствую. Эти мгновения в невесомости драгоценны – мгновения, когда ты зависаешь наверху и сила тяжести еще не успела притянуть тебя назад. Ради них я полгода работаю на трех работах и заставляю себя тренироваться в спортзале.

Я опускаюсь вниз, касаюсь земли, я возбуждена и хочу еще! Снова и снова, от стены к стене, как маятник. Когда я взлетаю в воздух в последний раз во время этого заезда, я заставляю себя крутиться – и у меня получается вращение на пятьсот сорок градусов. Едва. Мои руки дрожат, когда я отстегиваю крепления. Мне нравится эта доска. Я сохраню ее навсегда – повешу на стену, чтобы потом показывать внукам.

Саския пешком идет вверх, потому что у подъемника очередь, и я тяжелым шагом отправляюсь вслед за ней. Снег ослепительно белый. Как он невероятно блестит! Белая альпийская зима так сильно отличается от серой зимы в городе. Мои глаза еще не привыкли.

Во время следующего заезда Саския выполняет два вращения на пятьсот сорок градусов во время двух последних вылетов из хафпайпа. И еще оба раза – сальто назад с большой амплитудой. У меня от страха крутит живот. Я всегда думала, что после того, как найду спонсоров, я смогу расслабиться и просто получать удовольствие. Как я ошибалась! Давление усилилось в десять раз, и теперь мне еще нужно поддерживать определенный имидж! Я не могу подвести своих спонсоров.

Я представляю вращения в голове, когда застегиваю крепления. Мне нужна большая амплитуда при первом трюке, нужно достаточно времени в воздухе. Сделаю первый – тогда сделаю и второй. Поехали.

Проклятье! Я только что приземлилась лицом в снег перед всеми этими обедающими людьми. Сколько же их тут внизу! Я выплевываю снег, вытираю очки и спешу назад на вершину трассы. Колено пульсирует, и я даже не хочу знать, видела ли Саския мое позорное приземление.

Я должна это сделать. Первая тройка в рейтинге – это другой уровень. Это разница между полупрофессионалом и профессионалом. Если ты профессиональный сноубордист, это означает, что ты можешь тренироваться круглогодично. В отличие от Саскии, я не из богатой семьи, но хочу добиться успеха в этом деле больше, чем я когда-либо чего-то хотела в жизни.

Я делаю еще одну попытку. Еще один провал. Я падаю на правую руку, она принимает на себя всю силу удара, и боль пронзает всю руку. Мне кажется, что я вижу, как Саския ухмыляется, когда я поднимаюсь. Приходится сделать еще четыре попытки, и тогда наконец у меня каким-то образом все получается. А Саския делает вращение на семьсот двадцать градусов. Черт ее побери! Два полных оборота высоко в воздухе надо льдом.

Солнце ярко освещает хафпайп. Каждый раз, когда я выполняю какой-то трюк, какое-то вращение, Саския поднимает планку. Я напрягаюсь, как только могу себе позволить. Если я себе что-нибудь сломаю перед завтрашним «Le Rocher Open», то мне конец. Тогда все пропало!

К середине дня моя бутылка с водой снова опустела. Я уже один раз спускалась на промежуточную платформу, чтобы ее наполнить. Я оставляю свой сноуборд внизу хафпайпа, как и в прошлый раз, и он лежит среди множества других ярких, разноцветных досок, а сама бегу по плато.

По пути назад я прохожу мимо семьи горнолыжников – мама, папа и малыш. Они о чем-то оживленно спорят у края скалы. Я смотрю вниз и понимаю о чем. На снегу внизу лежит крошечная голубенькая рукавичка.

Я снова смотрю на семью. Ребенок в слинге сидит на груди у отца. Он тепло одет, и ему не страшна никакая непогода. Видны только маленькие розовые щечки. И одна маленькая голая ручка. Вероятно, ребенок сбросил рукавичку, когда они ехали на кресельном подъемнике, который сейчас грохочет над головой. Курорт Ле-Роше не ориентирован на семейный отдых, и это первая семья с маленьким ребенком, которую я здесь когда-либо видела. Вероятно, это местные жители.

Я оглядываю скалу со всех сторон. Мне много раз доводилось прыгать и с более высоких. «Если высота не превышает шести метров,

то это даже не скала», – написали в Whitelines^[9]. Но это отнимет у меня тренировочное время. Я смотрю через плечо на хафпайп, где Саския еще больше уйдет в отрыв. Затем я смотрю на малыша и его голую ручку. Бедняжка! Не осознавая, что делаю, я засовываю бутылку с водой в свой спортивный бюстгальтер и бегу к краю. Женщина прикрывает рукой рот, когда я прыгаю.

Уже в воздухе до меня доходит. Я прыгала со скал только на сноуборде. Это будет больно...

Я лечу по воздуху. Внизу маячат пушистый снег и камни. Когда мои ботинки касаются поверхности, я группируюсь и качусь – и останавливаюсь в снегу. Я вся в снегу. Я приподнимаю очки и вижу лица шокированных членов семьи, которые смотрят на меня сверху, с края скалы. Так, где эта рукавичка?

Вставая на ноги, я чувствую боль в колене. Дает знать о себе старая травма. Это иногда случается, а сегодняшние падения пошли мне совсем не на пользу. Я поднимаю рукавичку вверх, и родители аплодируют. Я с силой кидаю ее вверх – так высоко, как только могу. Мужчина ловит ее в воздухе, они благодарят меня, и семья исчезает из вида. Теперь мне нужно придумать, как подняться наверх.

Я долго пробираюсь по глубокому паудеру^[10], какими-то боковыми тропами. Наконец я снова оказываюсь у хафпайпа, вся мокрая и усталая. И все это только ради чертовой детской рукавички.

На мне термобелье, верхняя часть точно промокла под мышками и прилипает к телу, и я уже опять выпила половину бутылки воды. Но по крайней мере, мой сноуборд лежит там, где я его оставила. Саския сидит рядом, подставив лицо солнцу. Она так и не признала меня, но как только я беру свою доску, она хватается свою и несется к подъемнику. Я спешу за ней, пытаюсь сконцентрироваться.

Когда мы поднимаемся вверх, я вижу, как фигура в куртке мятного цвета закручивает невероятный трюк. Черт побери – это девчонка! Обычно девушек легко опознать по стилю катания – меньше силы, больше осторожности, но эта выполняет трюки, как парень. Какие отточенные движения! Как мне с ней соревноваться? Надо надеяться, что она не британка.

Я беру себя в руки. Сейчас меня должна беспокоить Саския. Она начинает движение, пока я застегиваю крепления. Проклятье! Она

только что сделала вращение на семьсот двадцать градусов и сальто назад. Не думаю, что смогу это повторить.

«Вперед! Твои спонсоры от тебя откажутся, если узнают, какая ты трусиха!»

Я делаю глубокий вдох и бросаюсь вперед, но мой сноуборд катится медленно и не реагирует так, как нужно. Вроде я проехала уже весь хафпайп. Во время последнего вылета у меня получается только один полный оборот. Жалкое вращение на триста шестьдесят градусов.

Я уже не контролирую свои движения, просто лечу вниз на скорости, хватаюсь за нос сноуборда, падаю у колен какого-то несчастного парня и сбиваю его в снег. Он валится на спину.

Блестяще. Я только что сбила с ног Кертиса Спаркса, трехкратного чемпиона Великобритании по хафпайпу и старшего брата Саскии.

– Прости!

Он помогает мне подняться.

– Ничего страшного. Ты в порядке?

– Да, а ты? Я ведь сильно в тебя врезалась.

Ему весело.

– Живой.

Я уже много лет влюблена в этого парня. Он не просто великолепен и очень талантлив. Когда его спросили, почему он не участвовал в отборе на последние зимние Олимпийские игры, он посмотрел прямо в глаза журналисту и ответил: «Потому что я недостаточно хорошо катаюсь для этого». Он даже не упомянул, что незадолго до отборочных стартов у него была серьезная операция. Никаких оправданий. Он сам свой самый суровый критик. Я полюбила его за это.

Я поднимаю очки, чтобы посмотреть, что там с моим сноубордом.

– Я в прошлом году видел тебя на чемпионате Великобритании.

– Да, и я тебя видела, – говорю я ему.

Меня несколько выбивает из колеи то, как он на меня смотрит, это волнует и возбуждает, и я пытаюсь скрыть свое смущение, разглядывая сноуборд.

– Мои крепления опять ослабли. У тебя, случайно, нет отвертки?

– Давай посмотрим.

Кертис склоняется над моим сноубордом и берет крепления своими большими руками. Волосы у него светлые, но темнее, чем у сестры, и коротко подстрижены, кожа золотистого цвета, но вокруг глаз – белые круги из-за очков.

– Эй, Сасс! – кричит он.

И вот она уже близко и наблюдает за нами.

– Что ты сделала с моей отверткой? – спрашивает он.

Саския подходит с большой отверткой с пластиковой ручкой пурпурного цвета.

– Спасибо, – говорю я и беру у нее отвертку.

Она поднимает очки неоново-розового цвета на шлем, но молчит. Глаза у нее удивительные. Я видела их на фотографиях, но в жизни они еще пронзительнее – даже более голубые, чем у ее брата.

Я подтягиваю крепление, вкладывая в это всю свою силу, потому что не хочу, чтобы оно снова разболталось. Мне сегодня уже один раз пришлось позаимствовать отвертку у какого-то парня на вершине.

– Хочешь я затяну покрепче? – предлагает Кертис.

– А что, похоже, что у меня руки не из того места растут?

Слова вылетают до того, как я успеваю заставить себя заткнуться. Да, грубо, я знаю, но находилась бы я здесь, если бы не умела сама подкручивать крепления?

Кертис с трудом сдерживает улыбку и осматривает меня с головы до ног.

– Не вижу никаких проблем ни с руками, ни с ногами. Ни с чем.

Мои щеки пылают. Я отдаю ему отвертку. И замечаю, что штаны внизу у него порваны.

– О боже, я тебе штаны порвала!

Он улыбается шире.

– Не беспокойся о них. Я за них не плачу. Можешь падать на меня в любое время.

Этот парень не может не флиртовать? Да еще и на глазах у сестры!

– Странное дело, – говорю я. – Мои крепления сегодня ослабли уже во второй раз.

Боже, что я несу.

Улыбка исчезает с его лица, и он поворачивается к своей сестре.

– Правда? – говорит он, продолжая смотреть на сестру.

Почему он так на нее смотрит?

Саския поправляет волосы, рассыпавшиеся по плечам.

– Наверное, все дело в теплой погоде. Отверстия в доске снизу расширились или что-то в этом роде.

– Ты сегодня ни в чем не уступаешь моей сестре, – говорит мне Кертис, все еще глядя на нее. – Достойная соперница! Саския сегодня делает такие трюки, которых я от нее не ожидал. Даже не знал, что они ей по плечу.

Саския мрачнеет. Может, я и не так и сильно от нее отстаю.

– Привет. Меня зовут Саския, – протягивает она мне руку.

– А меня Милла.

Она улыбается.

– Я знаю. Сегодня вечером придешь в бар «Сияние»? Там организуют вечеринку перед завтрашними соревнованиями.

Я колеблюсь.

– Обычно я никуда не хожу перед соревнованиями.

– Почему? Боишься? – склоняет голову набок Саския.

Я мысленно выражаюсь непечатно.

– Нет. Я приду.

Глава 5

Наши дни

Мы передаем друг другу «секреты» в холодном банкетном зале. Все они написаны одинаковыми печатными буквами.

– Что происходит? – спрашивает Кертис очень тихим голосом. Его тон не предвещает ничего хорошего.

Судя по выражениям лиц, все поставлены в тупик. Дейл сжимает и разжимает кулаки. Brent сжимает горлышко еще одной бутылки пива. Хизер переводит взгляд из угла в угол.

Теперь я не думаю, что эту игру придумал Кертис. Кто угодно, но только не он. Такую ярость разыграть невозможно. Он не притворяется, и он не стал бы говорить или писать подобные вещи про свою сестру.

Он хватается за ящик и яростно его встряхивает. Он явно хотел бы и нас так встряхнуть. Хорошо потрясти, чтобы получить ответы.

Внутри ящика что-то перекачивается. Кертис запускает руку в отверстие снизу. Стучит.

– Там есть ложное дно, – сообщает он, ставит ящик назад на стол и прикладывает глаз к длинной узкой щели сверху. – Наши конверты все еще там.

Мы все потрясены и молчим. И все подходим, чтобы посмотреть.

Я забираю ящик у Кертиса. Примерно на середине деревянная вставка разделяет его на две части. В верхней части можно рассмотреть наши конверты, хотя и с трудом, нижняя часть теперь пуста. Ящик из зала не выносили. Мог ли кто-то из нас положить в него второй набор карточек так, чтобы этого не увидели другие, или это было сделано заранее?

– Дай мне посмотреть, – просит Brent.

Я передаю ему ящик. Он бьет по нему ногой, и ящик распадается на части.

– А смысл? – бормочет себе под нос Кертис.

Он прав. Готова поспорить: то, что мы написали, не идет ни в какое сравнение с секретами, которые зачитала Хизер.

Хизер хватает один из конвертов с пола, открывает его и зачитывает:

– «Я теряю сознание от вида крови».

Никто не слушает.

У Кертиса глаза горят гневом.

– Это кто-то подстроил. Кто?

Он подолгу смотрит на каждого из нас. Взгляд суровый. Мы по очереди сжимаемся под этим взглядом.

Я пытаюсь отделаться от мысли, что это он пригласил меня сюда. Частично из гордости. Мне это польстило – я подумала, что это что-то значит. Я *надеялась*, что это что-то значит. Но если эту встречу организовал не Кертис, то кто?

Брент встает.

– К чертям собачьим все это. Мне нужно выпить что-нибудь покрепче.

Дверь с грохотом захлопывается за ним.

У Хизер на щеках появляются маленькие розовые пятна. Потом я найду ее где-нибудь одну и спрошу насчет Брента, потому что я должна знать. Если она с ним спала, то до или после того, как она сошлась с Дейлом? И до или после того, как Брент спал со мной?

Дейл отводит ее к окну, они стоят там и что-то обсуждают тихими голосами. Он спрашивает ее про Брента? Должно быть.

Мне кажется маловероятным, чтобы это все организовала Хизер. Первые три секрета, похоже, специально предназначались для того, чтобы ее смутить. Или я должна так думать? Она же лгала, когда говорила мне про свое приглашение.

Я потягиваю пиво маленькими глотками, мне хочется выпить чего-нибудь покрепче – и внезапно подпрыгиваю на месте. У меня за спиной оказывается Кертис. Если этот парень хочет, то может подкрасться тихо, как кот.

– Это имеет какое-то отношение к тебе, Милла?

– Нет, – говорю я. – Конечно, нет.

Судя по выражению лица, я его не убедила.

– Расскажи мне про приглашение, которое ты получил, – прошу я. – Когда ты его получил?

– Примерно две недели назад.

– И я тоже.

Времени было мало, но я бросила все дела. «Потому что оно было от тебя!» Может, мы и не разговаривали эти десять лет, но я не могла упустить возможность снова с ним встретиться.

– Сообщение пришло на телефон или на электронную почту? – спрашиваю я.

– На почту.

– С какого адреса оно было отправлено?

Мне следовало спросить об этом раньше, когда они с Brentом показывали мне свои приглашения.

Кертис смотрит через зал на Дейла и Хизер.

– «М Андерсон» или что-то в этом роде. Почтовый ящик на Google.

– У меня нет ящика на Google. Мое приглашение пришло от «К Спаркс». Тоже ящик на Google.

Я столько времени обдумывала ответ на письмо. Упомянуть ли мне Саскию? Выразить ли соболезнования? Я даже подумывала ему позвонить. Телефонный номер в приглашении указан не был, но на его сайте их было несколько. В конце концов я струсила. Сложные разговоры лучше вести с глазу на глаз.

«Прекрасная мысль! – написала я в ответ. – Я приеду. Рада получить от тебя весточку. Чем занимаешься?»

Он прислал ответ: «Рад, что можешь приехать. До скорой встречи».

Я испытала разочарование, но объяснила такой ответ его занятостью. И ведь он же мужчина. Какой мужик пишет больше, чем необходимо?

Я допиваю бутылку пива. В отличие от Brentа, Кертис прекрасно выглядит для своего возраста. Он чисто выбрит, на подбородке четко видна ямочка. Вероятно, он недавно был в каких-то теплых краях, потому что загар еще не сошел. Светлые волосы теперь длиннее, чем раньше, но такая прическа ему идет. На нем голубая куртка от «Спаркс» с белой оторочкой на рукавах. Судя по фотографиям в социальных сетях, вся его семья теперь носит этот бренд.

Или, точнее, оставшиеся члены семьи.

– Ты с кем-нибудь поддерживала связь? – спрашивает Кертис.

– Нет, – отвечаю я.

– Даже с Brentом?

Он спрашивает из любопытства или не только?

– И с ним тоже нет.

Я хочу задать ему множество вопросов. Сколько времени он проводит на снегу? Где он живет? Встречается ли он с кем-то? Я разглядываю его лицо, пытаюсь увидеть следы той теплоты, которая всегда исходила от него, или хотя бы какой-то знак, показывающий, что он меня не ненавидит.

Но Кертис настроен по-деловому.

– А хоть с кем-то, кто был здесь в ту зиму?

– Ни с кем.

Та зима для меня закончилась, когда я прыгнула в свою машину и уехала, оставив бурю позади. Я стерла их из своего аккаунта в Facebook. Из своего телефона. Из моей жизни. Теперь я об этом сожалею, но я хотела начать все с чистого листа.

– Но меня легко найти онлайн. Я – персональный тренер, у меня есть блог и свой сайт.

Если он и искал меня в Интернете, он этого не показывает.

– Молодец.

– У тебя тоже есть?

– Ага.

Очевидно, что Кертис оказался таким же талантливым в бизнесе, как и сноубординге, потому что компания «Спаркс Сноубординг», занимающаяся изготовлением верхней одежды, которую он основал семь или восемь лет назад, хорошо раскрутилась и процветает. И мне нравится, как он ведет дела. Он еще каждое лето организует лагеря для тех, кто занимается фристайлом^[11]. И в этих лагерях он тренирует детей из бедных семей вместе с восходящими звездами. Также он борется против изменения климата, пытаясь защитить ледники, чтобы будущие поколения могли также насладиться ими.

В противоположном конце зала Дейл повышает голос, но снова его понижает, когда замечает, что мы на него смотрим. Хизер качает головой, судя по языку жестов и телодвижений, она защищается. Мне не нравится то, что я вижу. Если он только пальцем ее тронет, я вмешаюсь.

Брент возвращается с бутылкой Jack Daniels и стопкой стаканов. Я тяну руку за одним из стаканов.

– Отличная идея. Может, я хоть согреюсь, – говорю я.

Брент наливает мне виски, его рука при этом дрожит. Я делаю маленький глоток и морщусь. Боже, крепкий.

Дейл и Хизер продолжают спорить. В его голосе слышится злость, она говорит жалобно. Слов не разобрать.

– Хочешь, Кертис? – предлагает Брент.

– Нет, спасибо. Так где ты теперь работаешь? – спрашивает Кертис.

Брент щедро наливает себе виски в стакан и осушает его.

– Кирпичи кладу, – говорит он. – Каменщик я.

Не знаю, чего я ожидала, но только не этого.

– Семейный бизнес, – поясняет Брент, вероятно, увидев выражения наших лиц.

После того, как он нам это сообщает, я обращаю внимание на ширину его плеч, на грубые руки, на слегка согнутую спину.

Я думаю о том, как он мечтал выступить на Олимпиаде, и чувствую щемящую тоску.

Слава мимолетна для большинства спортсменов и в особенности в таких опасных видах спорта, как наш. Ты на пике, у тебя кружится голова, тебя ставят на пьедестал и чествуют, как героя, но стоит совершить одну ошибку – и всему этому приходит конец. Ты можешь врезаться в край хафпайпа, приземляясь слишком быстро или слишком медленно, ты можешь попасть в борозду или выемку, оставленную предыдущим райдером. Ты чуть-чуть не рассчитал – и все. Или может просто не повезти. Ставки слишком высоки, и если бы мы о них задумывались, мы вообще не совершали бы трюков и прыжков, если только не хотели бы покончить с собой.

Все мы падаем, рано или поздно. Но почему-то кажется, что Брент упал ниже всех и с большей высоты. Он был «золотым мальчиком» у Burton, лицом энергетических напитков «Смэш». На протяжении многих лет я следила за рейтингами, надеясь увидеть его фамилию, но он исчез со сцены, совсем, как и я. Я предполагала, что он получил серьезную травму, но теперь я в этом сомневаюсь. Почему он прекратил участие в соревнованиях? Эта причина как-то связана со мной? Если связана, я думаю, что этого не вынесу.

Кертис первым приходит в себя.

– И как оно? – спрашивает он.

– Это просто работа, – отвечает Brent, судя по голосу – занимает оборонительную позицию.

– У тебя есть сайт? – спрашиваю я.

– Есть.

Мы с Кертисом переглядываемся. Значит, кто угодно мог найти и адрес электронной почты Brentа.

Хизер быстро выходит из зала, опустив голову. Мне следует пойти за ней?

Нет. Она выглядит расстроенной, и сейчас я не в состоянии ее утешать, если она идет плакать в туалет. Я никогда не знала, что нужно говорить в таких случаях, никогда не могла подобрать правильные слова. Когда я сама расстроена, мне нужно побыть одной и чтобы меня никто не трогал. Про Саскию я могу сказать одну хорошую вещь: она никогда не стала бы утешать меня, если бы я отправилась куда-то рыдать.

Я один раз видела, как плакала Одетта, но если бы я услышала то, что услышала она, я бы тоже рыдала.

И не смогла бы остановиться.

Она никогда больше не сможет ходить.

Я допиваю виски. Я не буду об этом думать. Я найду Хизер после того, как она немного успокоится.

Дейл стоит у окна с бутылкой в руке. Он бросает взгляд на Brentа, потом поворачивается к нам спиной. Что ему сказала Хизер?

– Как вы сюда добивались? – спрашивает Кертис.

– Я прилетел сегодня утром, – говорит Brent.

– В Гренобль?

– Лион.

– Это объясняет, почему я тебя не видел, – говорит Кертис. – Я прилетел в Гренобль.

Я видела бирки авиакомпаний на их сумках со сноубордами.

– Я приехала на машине, – сообщаю я.

Кертис вопросительно приподнимает брови.

– Весь путь на машине?

– Хотелось вспомнить прошлое. А так у меня было время подумать.

«Подумать о тебе, кроме всего прочего».

Хизер врывается в зал.

– Народ! – Она, кажется, сильно запыхалась. – Наши телефоны исчезли.

Глава 6

Десять лет назад

Саския обнимает меня так, словно я теперь ее новая лучшая подруга. От нее пахнет какими-то экзотическими духами, от которых начинает кружиться голова, хотя она не стала краситься, если не считать фиолетовую подводку для глаз, благодаря которой ее глаза кажутся еще более голубыми.

Мы сидим в кабинке в баре «Сияние», нас шесть человек, все девушки. Я не знала, что сегодня надеть. Саския, похоже, относится к тем, кто любит наряжаться, но, черт побери, на улице-то минус десять. Поэтому я натянула обтягивающие джинсы и два свитера, предполагая, что буду выглядеть как колхозница, но все девушки, сидящие за столом, тоже были одеты в джинсы и свитера, и мы все еще не сняли куртки, в которых катаемся на сноубордах. Похоже, эти девушки – француженки. Мне они нравятся.

В баре полно народу. Вообще-то я не люблю эти мероприятия «после катания». Я приехала сюда тренироваться, а не ходить на вечеринки. Мне всегда казалось странным, что такое количество людей, приезжающих на горнолыжные курорты, проводят больше времени в барах, а не на склонах. Но «Сияние» – это единственный бар в деревне.

На сцене группа играет дерьмовый панк-рок.

– Ты сюда приехала на весь сезон или только на соревнования, Милла? – спрашивает Саския, стараясь перекричать музыку.

– На весь сезон, – отвечаю я. – А ты?

– Тоже.

У меня что-то сжимается в животе. Всю зиму мне предстоит тренироваться бок о бок с моей главной соперницей. Я смогу наблюдать за ее прогрессом, но ведь и она сможет наблюдать за моим. Я смотрю на ее узкие плечи и бедра. Она сантиметров на пять ниже меня, но рост не является преимуществом в хафпайпе – наоборот, низкий центр тяжести помогает удерживать равновесие. Тем не менее если говорить о силе, то тут преимущество у меня. Мне хотелось бы посмотреть, как Саския тренируется в спортзале. Вероятно, у нее

поразительно сильная нижняя часть тела, раз она ездит так, как я видела.

– У тебя есть спонсоры? – спрашивает она.

– Да.

Она ждет объяснений.

– Magic, выпускающая сноуборды, Vonfire – бренд одежды и Electric, которая изготавливает очки.

И еще есть один бренд, выпускающий мюсли в батончиках, но я не стану его упоминать, чтобы она не смеялась. Я приехала сюда на своем маленьком «Фиате Уно», набитом этими батончиками по самую крышу, и меня от них уже тошнит. Но по крайней мере, я не умру от голода. Мои спонсоры только обеспечивают меня своей продукцией – присылают мне одежду, очки, те же батончики, а свои тренировки я оплачиваю сама. Это я ей тоже не собираюсь говорить.

– Два года у меня был другой спонсор – бренд одежды, но они от меня отказались после того, как я получила травму колена.

– Со мной такое тоже было, – говорит одна из девушек.

До моего появления они все говорили на французском, но когда я к ним присоединилась, перешли на английский.

– Нам следует застраховать наши ноги, – говорит еще одна девушка. – Как их страхуют футболисты.

– Знаете, что Мэрайя Кэрри застраховала свои ноги на один миллиард? – спрашивает Саския.

– Дженнифер Лопес застраховала свои ягодицы, – добавляет еще кто-то.

– Где они могут упасть? – спрашиваю я. – Жаль, что я не могу застраховать *свою* задницу.

Мы начинаем обсуждать, какие части тела мы хотели бы застраховать.

Барменша приходит с еще одним подносом, на котором стоят рюмки. Она вручает одну рюмку Саскии, и та передает ее мне. Я не собиралась пить сегодня вечером, но отказаться трудно. Все эти девушки собираются участвовать в Le Rocher Open – открытом турнире в Ле-Роше, и все они пьют. Платит Саския. Я жду, пока каждая девушка не возьмет рюмку, и тогда опрокидываю рюмку в себя. Мы все веселимся, подбадриваем друг друга, и наши громкие голоса привлекают к себе удивленные взгляды девушек в соседней кабинке.

Они немки, а может, швейцарки, и наверное, завтра участвуют в соревнованиях, потому что ни одна из них не пьет, и все вопросительно приподнимают брови, глядя на нас.

К нашему столу подходят два парня, у одного смуглая кожа, у второго светлые дреды. Где-то я видела их обоих.

– Кто это? – спрашивает смуглый, глядя на меня. У него лондонский акцент.

– Отвали, – говорит ему Саския.

Оба парня перемещаются к барной стойке. Погодите-ка! Это же были Brent Bakshi и Дейл Хан. А Саския только что грубо их послала!

Сразу после них появляется Кертис. Он улыбается мне, кивает своей сестре, хмурится при виде рюмок и направляется к столу, за которым сидят парни, чтобы пожать им руки. Лица этих парней я тоже узнаю – видела их на DVD с записями, посвященными сноубордингу. Кертиса и Саскию можно считать королевской семьей в сноубординге. Их родители – Пэм Бернадж и Энт Спаркс – были пионерами этого спорта, и кажется, что брат с сестрой знают здесь всех.

Рядом со мной сидит Одетта Голин, бронзовая медалистка Всемирных экстремальных игр. Это она сегодня каталась в куртке мятного цвета, она и сейчас в ней. Ее короткие каштановые кудри торчат из-под шапочки от Rossignol. Я стараюсь не показывать своего восхищения звездой, но она на самом деле очень милая. Я узнаю, что она тоже приехала сюда на весь сезон. Остальные девушки – только на соревнования.

Я склоняюсь к Одетте.

– Парни тебя боятся? – спрашиваю я. – Я хотела сказать, что ты так мастерски катаешься, что они просто должны бояться.

Одетта только отмахивается.

– Тьфу на них, – говорит она.

Мне хочется, чтобы музыкальная группа заткнулась. Я уже осипла.

– В прошлом году я встречалась со сноубордистом из Швейцарии, – говорю я. – И он меня бросил, потому что я победила его в армрестлинге.

Девушки хохочут.

– В присутствии его друзей, – добавляю я.

Одетта ударяет открытой ладонью о мою открытую ладонь. Это все водка. Обычно я не рассказываю о себе, в особенности людям, с которыми только что познакомилась, но мне становится хорошо после того, как я выплескиваю это из себя. Я не понимала, что до сих пор испытывала сильное чувство обиды. Стефан профессионально занимался сноуборд-кроссом^[12] и никогда не сбавлял скорость, если мы катались вместе. Мне нравилось кататься с ним, потому что мне требовалось по-настоящему напрягаться, использовать все свои ресурсы, чтобы не выпустить его из вида, когда он несся по трассе.

– Нужно послать его в спортзал, – говорит девушка, которая сидит за столом напротив меня.

– Нанять ему тренера! – подсказывает еще одна.

– Накормить стероидами!

Предложения становятся все более и более причудливыми и оригинальными.

Это новое ощущение – оказаться в компании девушек и в нее вписаться. Мои встречи со знакомыми женского пола дома приносят только боль. Они хотят говорить только о моде и знаменитостях. Мне гораздо комфортнее с друзьями брата, регбистами с их грубыми шутками.

Приносят еще водку. Сколько рюмок мы уже выпили? Я потеряла счет. Пью я редко. Я слишком занята – работаю или тренируюсь, или то и другое вместе. Я никогда не пила перед соревнованиями, но другие девушки продолжают пить, двое еще и водку пивом запивают, так что я опрокидываю в себя очередную рюмку и с грохотом опускаю на стол.

Немки говорят о нас, и, как я думаю, именно этого и добивалась Саския. Это показуха: мы настолько крутые, что можем напиться сегодня и выиграть у вас завтра. Да, так вполне может быть, если ты – Одетта Голин, но не так уж вероятно, если говорить обо мне. Тем не менее я не хочу подводить нашу компанию.

К нам подходит Кертис и что-то говорит на ухо Саскии. Я не слышу из-за грохочущей музыки, но, как я думаю, он говорит ей, чтобы не пила больше. Она только отмахивается, и он возвращается к своему столу, нахмурившись.

– Боже, иногда он меня так раздражает, – признается она.

– Мой брат тоже меня дико раздражает, – говорю я. – На сколько он старше тебя?

– На два года.

– И мой брат старше меня на два года.

– У меня два старших брата, – сообщает нам Одетта.

– Бедненькая! – говорит Саския, и мы все хохочем.

– Они занимаются сноубордингом? – интересуюсь я.

– Нет, лыжными гонками, – говорит Одетта. – Я тоже начинала с лыж. Перешла на сноуборд, когда мне было четырнадцать.

– Они здесь, в Ле-Роше? – спрашиваю я.

– Нет, эту зиму они в Тине^[13]. Ты там была?

И мы начинаем обсуждать, где кто катался.

Когда Саския в следующий раз идет к барной стойке, я вижу, как они яростно спорят с Кертисом. Джейк не посмел бы мне говорить, что делать. Он это понял много лет назад.

Саския снова возвращается с рюмками. Когда мы их осушаем, музыкальная группа начинает сингл рок-группы The Killers под названием Somebody Told Me.

Саския вскакивает с диванчика.

– Я обожаю эту песню!

Мы идем за ней на танцпол, и внезапно встают все, кто есть в баре, и начинают танцевать. Мы толкаемся на маленькой площадке. Меня покачивает. Я никогда так не напивалась. Мне придется выпить ведро воды перед тем, как лечь спать.

У меня кружится голова, и я иду в дамскую комнату. По пути назад к нашему столику я чуть не падаю, и кто-то хватается за предплечье, помогая устоять на ногах. Кертис.

Я выругалась – про себя. У меня уже заплетаются ноги, и говорю я таким же заплетающимся языком:

– Спасибо.

У него горят глаза.

– Как я уже говорил тебе раньше, можешь падать на меня в любое время.

Я прилагаю усилия, чтобы не покраснеть, и киваю на бутылку воды Evian у него в руке.

– Вероятно, ты здесь единственный, кто не употребляет крепкие напитки.

– Я не пью, когда тренируюсь. Алкоголь мешает мне восстанавливаться.

Я бросаю взгляд на наш столик. Туда снова принесли рюмки. Черт побери!

Кертис замечает, куда я смотрю.

– По-моему, ты сегодня уже выпила достаточно.

– Что, прости? – переспрашиваю я. – Если мне потребуется твой совет, то я его спрошу.

Что он о себе возомнил? Одно дело – говорить своей младшей сестре, чтобы не пила, но со мной-то он практически не знаком. Пошатываясь, я иду к барной стойке. Я не могу позволить Саскии весь вечер платить за спиртное. Ей это по средствам, но я не хочу этим пользоваться. По крайней мере, один раз заплачу я.

Только я не знаю, какую именно водку мы пили, а мне кажется, что у Саскии дорогой вкус.

– Повторить? – спрашивает девушка за барной стойкой до того, как я успеваю открыть рот.

– Да, – киваю я с облегчением.

Чуть дальше за барной стойкой сидят Дейл и Brent. Барменша болтает с ними, готовя мой заказ. На ней маленькое черное платье и сапоги на тонких каблуках, и парни разглядывают ее ноги. Она маленького роста и на самом деле хорошенькая – длинные черные волосы, сильно накрашенные глаза. Я слышу, как она говорит. Акцент сильный, гораздо сильнее моего. Судя по нему, она из Ньюкасла. Я проникаюсь к ней симпатией – она с севера, как и я.

Дейл говорит что-то, что заставляет ее закатить глаза. Она отвечает, и он демонстративно опускает голову, притворяясь, будто ему стыдно. Brent хохочет и шлепает Дейла по спине.

Барменша приносит мой заказ. Мне ее жалко – каждый вечер приходится разговаривать с посетителями, которые пристают и заигрывают с ней, в особенности с типами с такой впечатляющей внешностью, как у Дейла, с его дредами и пирсингом. Наверное, ее уже от них тошнит.

Она ставит для меня рюмки на поднос, и я вижу загадочную улыбку, которая ненадолго появляется у нее на губах, и понимаю свою ошибку. Это *она* играет с ними. И она точно знает, как нужно себя с ними вести.

– Вот ваш заказ, – говорит она мне. – Десять евро.

Я в сомнениях. Выпивка на горнолыжных курортах стоит очень дорого, и я ожидала, что заказ как минимум потянет на пятьдесят евро. Барменша ошиблась, потому что ее отвлекли Дейл с Brentом, и если я ничего не скажу, разницу вычтут у нее из зарплаты.

– Наверное, вы ошиблись.

– Нет, все правильно, – на ее красивом лице появляется раздражение.

Хорошо. Я, по крайней мере, попыталась. Я даю ей десять евро.

Она пробивает чек, уголком глаза смотрит на парней и поправляет волосы. Всем своим поведением она говорит им: «Я не заинтересована». Я смотрю, словно очарованная, как Дейл склоняется в ее сторону, чуть ли не всем корпусом ложась на стойку. Рукава у него закатаны и видны руки в татуировках. Он зовет ее. Она снова улыбается сама себе и притворяется, будто не слышит.

Я никогда так не играла с парнями. Не знаю как.

Она показывает пальцем на мои рюмки, ноготь на пальце покрашен блестящим красным лаком. Она что-то говорит, но я не слышу.

– Простите?

– Водка вот здесь.

Что?

Ужасающая мысль появляется в моем затуманенном алкоголем сознании. Но Саския не стала бы этого делать.

Или как раз стала?

Глава 7

Наши дни

Мы выбегаем в холодный темный коридор. Корзина, в которой мы оставили свои телефоны, пуста.

– Кто их взял? – Голос Кертиса звучит угрожающе.

– У меня был совершенно новый телефон, – говорит Хизер, которая готова вот-вот разрыдаться. – В нем все мои рабочие контакты.

– Успокойся, – поворачивается к ней Дейл. – Мы его найдем.

Кажется, что все в замешательстве.

Я стою в коридоре, смотрю в одну сторону, потом в другую. Один из этих четверых забрал телефоны или в здании есть кто-то еще? Жаль, что я не могу трезво мыслить. Происходящее не имеет смысла. Я не понимаю, что происходит. Я уже чувствую опьянение, спасибо выпитому виски. Алкоголь на этой высоте действует гораздо сильнее, да еще и на голодный желудок

– Мы можем определить, кто не брал телефоны, – заявляю я. – Кто не выходил из зала? Я выходила в туалет до того, как началась игра.

– А ты видела телефоны в корзинке? – спрашивает Кертис.

Я напряженно думаю.

– Не помню, – признаюсь я.

– Я ходил за выпивкой, – говорит Дейл. – И я тоже не обратил внимания. – Дейл поворачивается к Кертису. – А ты зачем выходил?

– Надо было позвонить, – отвечает Кертис. – Потом в туалет.

– Кому ты звонил? – спрашиваю я.

Кертис вопросительно приподнимает брови, словно говоря, что это не мое дело.

– Ну? – не отстает Дейл.

– Почему это имеет значение? – спрашивает Кертис.

– Может иметь, – заявляет Дейл.

Кертис бросает гневный взгляд в мою сторону.

– Маме.

– Я выходил два раза, – сообщает Brent.

– А Хизер выходила только что, – говорю я. – Проклятье! Любой из нас мог их взять.

– И что потом? – спрашивает Кертис.

– Наверное, где-то их спрятал, – говорю я.

Все смотрят на сумку Хизер. Она – единственная из нас, кто принес сюда сумку.

Мне тридцать три года, и у меня нет ни одной дамской сумочки. Один раз я все-таки купила сумочку – чтобы сходить на свадьбу моей подруги Кейт. «Не смей заявиться ко мне на свадьбу со своим рюкзаком, Милла», – написала она от руки на приглашении. Сумочка была зеленовато-голубого цвета – под цвет моего платья подружки невесты, и я чувствовала себя с ней до смешного нелепо, как маленькая девочка, раздевшаяся, как взрослая. Сразу же после свадьбы я отдала ее в местную благотворительную организацию.

Сумочка Хизер коричневого цвета, на молнии – яркая золотая бирочка. Подозреваю, что сумка дизайнерская. Когда до Хизер доходит, на что мы все смотрим, она краснеет и вываливает содержимое на ковер. Там лежит небольшой кошелек серебристого цвета, влажные салфетки, тампоны и огромное количество косметики. Никаких телефонов. Она с вызовом поднимает на нас глаза.

– Теперь довольны?

Она сгребает все вещи и бросает назад в сумку.

– Их мог взять кто-то еще, – говорит Кертис.

– Но кто? – у Хизер округляются глаза.

– Может, ты мне скажешь? – смотрит на нее Кертис.

Дейл обнимает Хизер за плечи, и она прижимается к нему. Вот и примирение, но надолго ли?

– Нам нужно все здесь обыскать, – продолжает Кертис. – Попробовать найти телефоны. Или того, кто их взял.

– Давайте, – соглашается Brent, допивает оставшийся виски и направляется к двери. Я иду за ним.

– Подождите! – кричит Хизер. – Мы же не знаем, кто здесь.

– Разумная мысль, – кивает Кертис. – Я не думаю, что девушкам стоит ходить по одной.

Дейл хватается Хизер за руку.

– Я останусь с Хизер.

– Я останусь с Миллой, – говорит Кертис.

– С Миллой останусь я, – заявляет Brent.

Наверное, мне следует быть благодарной за их заботу. Но я в ярости. Мне совсем не нравится, когда кто-то считает, что меня нужно защищать. Я не жалкое, слабое существо просто потому, что я женщина. Я такая же сильная сейчас, как была тогда, хотя теперь руки у меня более сильные, чем ноги. Если кто-то попытается на меня напасть, я смогу дать достойный отпор.

Я открываю рот, чтобы все это сказать. Но вижу, как сильно напряжен Кертис, да и Brent тоже. Кертис плотно сжимает челюсти. А этих двоих не так-то просто напугать. Я думаю о темных пустых коридорах в этом здании. Лучше все-таки подумать о мерах безопасности.

– А как насчет того, чтобы вы оба пошли со мной?

Кертис кивает.

– Встречаемся здесь через... двадцать минут?

Дейл смотрит на часы.

– Договорились, – говорит он.

– Идите туда. – Кертис показывает налево. – Мы пойдем в противоположную сторону. Пройдитесь по нижнему этажу, а мы по верхнему.

– Ты теперь большой начальник, да? – смотрит на него Дейл.

Кертис не удостоивает его ответом. На самом деле он всегда вел себя как начальник, хотя я обычно его не слушаю.

Дейл тянет Хизер за руку, и они направляются по коридору налево.

– Проверьте шкафчики для лыж, – кричит Кертис им вслед. – И заодно, нет ли тут стационарного телефона.

Мы втроем отправляемся в другую сторону. Естественно, Кертис идет первым. Тут и по приезде было жутко, а теперь уж точно мурашки бегут по коже. Это здание выглядит совсем по-другому в лыжный сезон, когда со всех сторон слышны удары лыжных палок и болтовня посетителей. Сегодня вечером здесь слишком пусто. Слишком тихо.

Но зачем кому-то понадобились наши телефоны? Не знаю, что меня пугает больше – мысль о том, что их забрал совершенно незнакомый человек, или один из тех, кого, как я думала, хорошо знаю. По крайней мере, знала раньше.

Первые двери справа – это туалеты.

– Мне проверить женский? – спрашиваю я.

– Мы сделаем это все вместе, – отвечает Кертис и толкает дверь.

Там четыре кабинки в ряд, все двери закрыты. Я заглядываю под каждую дверь. Если я увижу там ноги...

Ба-бах! У меня на мгновение сердце замирает в груди. Но это Кертис бьет ногой по двери. Он решил действовать проще. Он идет вдоль ряда кабинок и открывает каждую ногой. Здесь никого нет. Конечно, нет. Brent роется в корзине для использованных бумажных полотенец.

Мы проверяем мужской туалет точно таким же образом. Внезапно я чувствую, как потянуло сквозняком – ледяной поток воздуха бьет мне в шею. Я вижу, что маленькое окошко приоткрыто на какие-то два сантиметра. Я поднимаюсь на цыпочки, чтобы выглянуть из него. У себя в воображении я рисую картину: чья-то рука выбрасывает наши телефоны в ночь, по одному просовывая в эту щель. Если все было так, то наши телефоны потеряны навсегда, потому что эта сторона здания выходит на скалы. Но зачем кому-то это делать?

– Это окошко и раньше было приоткрыто? – спрашиваю я.

Кертис нецензурно выражается и захлопывает его.

– Я не обратил внимания.

– И я тоже, – признается Brent.

Следующая дверь – кладовка уборщицы, оттуда воняет отбеливателем. Мы ищем телефоны среди рулонов бумажных полотенец и жидкого мыла в пакетах для диспенсера. Там целая гора туалетной бумаги. Я заглядываю в каждый рулон.

Я скорее умру, чем признаюсь, что рада заниматься поисками в сопровождении этих двух мужчин. В особенности Brentа, потому что я испытываю дрожь и волнение совсем другого рода, когда нахожусь рядом с Кертисом.

Коридор поворачивает. Двери по обеим сторонам, все заперты. Я напрягаюсь, когда мы проходим мимо каждой, готовлюсь, что из них может кто-то выпрыгнуть.

– Как вы думаете, что здесь? – спрашивает Brent, проверяя последнюю дверь.

– Наверное, кабинеты. Или кладовки, – высказывает свое мнение Кертис.

Коридор заканчивается тупиком.

– Здесь почти ничего нет, – говорю я, когда мы возвращаемся тем же путем. – А если выйти на улицу?

– Сейчас слишком темно, чтобы искать, – отвечает Кертис.

– А ты помнишь, что там? – спрашиваю я. – Я помню два гаража для ратраков.

Огромные гаражи для гигантских машин на гусеничном ходу, которые приводят в порядок горнолыжные склоны и другие трассы.

– Мне кажется, что их три, – говорит Кертис.

– Там еще есть небольшой домик в самом низу подъемника, – добавляет Brent. – И будка.

– И еще площадка с шезлонгами на открытом воздухе, – вспоминает Кертис. – Должен быть сарай или какое-то складское помещение, куда они убирают шезлонги.

Мы возвращаемся в банкетный зал. Хизер с Дейлом еще не вернулись. На нижнем этаже гораздо больше помещений.

Кертис захлопывает за нами дверь и говорит тихим голосом:

– Как вы считаете, за всем этим стоят Дейл и Хизер?

– С какой стати? – удивленно смотрю я на него.

– Понятия не имею.

– Не думаю, – заявляю я. – Хизер кажется мне сильно напуганной.

– Или, может, она просто хорошая актриса? – Кертис смотрит на Brenta.

Brent пожимает плечами.

– Меня не спрашивай.

Похоже, Кертису страшно хочется кому-нибудь врезать, и он грозно косится на дверь.

– Кто-то с нами играет, и мне это не нравится.

Brent наливает себе еще одну большую порцию Jack Daniels. Мне интересно наблюдать за тем, как эти двое справляются с напряженной ситуацией. Brent просто напивается, Кертис злится и заводится все больше.

– Хочешь, Милла? – Brent предлагает мне виски.

Не так я себе представляла эту ностальгическую встречу. Я вздыхаю.

– Наливай, – говорю я.

Кертис касается моей руки.

– Милла, – говорит он предупредительно.

Ощущение дежавю застает меня врасплох. Однажды вечером десять лет назад Кертис уже предупреждал меня, что пора прекратить пить. Мне следовало его послушаться, но я этого не сделала.

И сейчас не стану.

Я протягиваю свой стакан. Бренту, похоже, гораздо больше не по себе, чем он показывает, потому что у него дрожит рука, и он проливает виски мне на пальцы. Я слизываю спиртное с руки и опрокидываю стакан.

Я думаю, что Кертис заметил эту дрожь, потому что смотрит на Брента оценивающе. Вероятно, пытается определить, на что тот способен.

Он смотрит не на того человека.

Глава 8

Десять лет назад

Я иду, пошатываясь, по плато, в голове пульсирует кровь, в животе творится что-то невообразимое. Надеюсь, что смогу добраться до хафпайпа и меня по пути больше ни разу не стошнит.

Установлены огромные баннеры: Le Rocher Open – открытый турнир в Ле-Роше. Участники соревнований, уже с номерами, вылетают из хафпайпа. Они разминаются. Другие выполняют упражнения на растяжку, проверяют шнурки и крепления. Лица напряженные, райдеры сосредоточенно думают о заездах, которые им предстоят, и о трюках, которые они надеются выполнить. И то же самое делала бы я, если бы не старалась сдерживать рвоту.

Я пыталась поесть сразу же после того, как добралась домой из бара «Сияние» вчера вечером, но в животе ничего не задерживалось. Я злюсь и больше всего на себя. Как я могла попасться на эту удочку? Мне двадцать три года, я не подросток. Это в подростковом возрасте ты можешь поддаваться давлению сверстников, но я-то должна была думать своей головой.

Из громкоговорителя грохочет хип-хоп, солнечные лучи, как кажется, пронзают мне мозг. Я прикрываю глаза рукой, мечтая о том, чтобы свернуться калачиком в темной, погруженной в тишину комнате, выспаться и избавиться от похмелья.

Парень рядом со мной вонзается зубами в спелый банан, у меня при виде этого крутит живот. Я чувствую запах банана. Я вижу операторов разных телеканалов с камерами по обе стороны от себя – Eurosport, France 3, еще парочка каких-то. Я сжимаю губы. Только бы меня не стошнило!

Я стою в очереди на регистрацию участников, слышен гул голосов, говорящих на разных языках. Когда я получаю номер, несколько девушек из тех, кто вчера был в баре, проходят мимо меня со сноубордами под мышкой. Я опускаю голову, я не хочу видеть, как они надо мной смеются.

Кто-то хлопает меня по плечу. Это Одетта, которая целует меня в обе щеки.

– Как ты?

– А ты как думаешь? – Я вопросительно приподнимаю бровь.

– В чем дело? – Она больше не улыбается, на лице непонимание.

– В водке.

– Водке?

– Которую я пила вчера весь вечер.

Лицо Одетты розовеет после моих слов. Она осматривается в поисках Саскии, не веря произошедшему. И вот Саския появляется на самой вершине в белой куртке от Salomon, готовится катиться вниз. Одетта снова поворачивается ко мне, и слова начинают литься из нее потоком. Очевидно, Саския заранее обо всем договорилась – до того, как я пришла в бар. Остальным она предложила пить воду из водочных рюмок, чтобы обескуражить конкуренток.

– Мне очень жаль, – говорит Одетта. – Я не знала.

Судя по ее выражению лица, она на самом деле не знала. Она выглядит подавленной, и я ей верю.

– А другие девушки? Они знали?

– Не думаю.

Я не могу решить, мне от этого лучше или хуже.

Саския проходит мимо, направляясь к подъемнику. Одетта смотрит ей вслед, явно борясь с собой. Она не может принять, что ее подруга способна на подобное.

Я уже пропустила половину разминки. Время уходит. Я подхватываю свой сноуборд.

– Давай начинать, – говорю я Одетте. – Как тебе хафпайп?

Мы с Одеттой вместе едем на подъемнике.

Кертис пристегивает сноуборд на вершине. Стоит ему один раз взглянуть на меня, как он чертыхается.

– Я пытался тебя предупредить.

– Что? Ты знал? – кричу я.

– Я подозревал.

Саския стоит с небольшой группой спортсменов, смеется и шутит. Там Brent. И Дейл, кольцо в губе которого блестит на солнце. Во мне закипает ярость. Я целенаправленно иду к этой группе и хлопаю Саскию по плечу.

Она поворачивается ко мне лицом. Выражение ее лица напоминает мне морду кота, который живет у моих родителей. Он так

смотрит, когда в нем просыпается охотничий инстинкт.

– Почему именно я? – спрашиваю я, чувствуя за спиной присутствие Кертиса и Одетты.

Все вокруг замолкают.

Я ожидаю, что Саския будет все отрицать, но она смотрит прямо на меня, в ее глазах нет раскаяния или угрызений совести.

– Потому что я могла это сделать.

– Боялась, что я у тебя выиграю?

Она не отвечает. Да это и не требуется. Сегодня я не смогу у нее выиграть, она это гарантировала.

Я в такой ярости, что мне хочется ей врезать. Я всегда играла жестко – мне приходилось, хотя бы потому, что мой брат всегда играл так, с ним в этом вообще никто не сравнится. Но он всегда играет в открытую, ничего не делает исподтишка. А это совсем другой вид игры. Может, женский? Тайный, подлый. И я не знаю, как с этим справляться.

Я прилагаю усилия, чтобы ярость не отражалась на моем лице.

– Надеюсь, ты понимаешь, что игра началась.

Саския улыбается.

– Игра началась, – повторяет она.

Кертис жестом предлагает ей отойти в сторону, и они сидят, голова к голове. Судя по тому, как он показывает в мою сторону, он говорит ей нелестные вещи. Саския еще раз бросает взгляд в мою сторону, потом поворачивается спиной. Теперь Кертис показывает на хафпайп. Дает напутствия. Мне нужна любая помощь сегодня, любая, которую я только могу получить, поэтому я напрягаю слух, чтобы услышать, что он говорит.

– Эта стена полностью на солнце, так что снег быстро станет мягким. Будь осторожна, не задень за край, когда будешь приземляться после вращений.

Саския кивает и застегивает крепления на сноуборде. Кертис остается сидеть и наблюдает за ее заездом. К нему подходит парень с бородой. Судя по номеру, он участвует в соревнованиях. Они приветствуют друг друга, ударяя кулаком о кулак. Американец.

Я пристегиваю сноуборд и делаю глубокие вдохи, пытаюсь подготовить живот к движению вверх и вниз.

Дует ветер, вместе с ним до меня долетают слова Кертиса:

– Уверен, что снег весь день будет жестким.

Странно. Он только что сказал Саскии совсем другое, или я неправильно услышала?

Через полчаса я вся на нервах, жду, когда меня вызовут.

– Милла Андерсон!

Обычно в этот момент я становлюсь абсолютно спокойной, все происходит словно при замедленной съемке. Мне помогают многие часы тренировок и визуализации трюков, это позволяет совершить заезд на автопилоте. Но только не сегодня. Сегодня я на быстрой перемотке. У меня кружится голова, даже когда я стою на месте, поэтому неудивительно, что я смазываю уже первое вращение и падаю на основание хафпайпа. Второй заезд получается не лучше. Я вылетаю из соревнований.

Я заставляю себя сесть на снежную насыпь и смотреть соревнования до конца. Я переживу это и больше никогда в жизни не повторю эту ошибку.

Кертис также уверен в себе на горе, как и в жизни, и все делает так же гладко. Движения сильные, трюки он выполняет чисто и попадает в финал. Саския тоже попадает в финал, выполняет вращения на семьсот двадцать градусов, одно за другим, и занимает седьмое место среди женщин. Это впечатляющий результат, учитывая, что это международные соревнования, и сноубордисты приехали со всей Европы. Побеждает Одетта.

Райдеры собираются у подножия, обнимаются и ударяют открытыми ладонями об открытые ладони других участников. Открывают шампанское и поливают им всю толпу.

– Идем праздновать в «Сияние»! – кричит кто-то.

Кажется, я – единственный человек, который не празднует. Я сжимаю кулаки, когда еще один человек поздравляет Саскию. Я поднимаю свой сноуборд и ухожу с горы.

Через четыре месяца мы с Саскией снова встретимся, уже на чемпионате Великобритании по сноубордингу. И я у нее выиграю, даже если мне придется расшибиться в лепешку ради этого.

Глава 9

Наши дни

Дверь в банкетный зал распахивается, я подпрыгиваю на месте. Первым заходит Дейл, Хизер следует за ним по пятам.

Дейл в ярости.

– Кто-то свистнул наш ноутбук, – сообщает он.

Кертис бросается к двери.

– В чем дело? – кричу я.

– У меня с собой MacBook!

Мы несемся за ним вниз по лестнице, потом по коридору. Ледяной воздух врывается в помещение, когда он толкает дверь, открывающуюся в обе стороны. Ветер развеивает мои волосы. Кертис спускается по металлическим ступенькам, перешагивая через одну. Я испытываю облегчение при виде своих сумок. Они стоят там, где я их оставила.

Кертис роется в своем рюкзаке.

– Черт побери! Моего ноутбука тоже нет.

Я замечаю, что молния на моем рюкзаке наполовину расстегнута, и в панике начинаю проверять свои вещи. Кошелек и ключи на месте. Я не брала с собой компьютер. Я почти все делаю с телефона.

Другие тоже проверяют свои сумки. Хизер копается в целой куче одежды.

– Что-то еще пропало? – спрашивает Кертис.

– Я не вижу, чтобы у меня что-то пропало, – говорит Brent.

Я так взволнована, что не помню, какие именно вещи взяла с собой.

– Я не уверена, – заявляю я.

– Это больше не смешно, – произносит Хизер. – Я хочу спуститься вниз.

«Думай, Милла!»

Мой взгляд падает на камеру видеонаблюдения, которая направлена на верх подъемника. Я встаю перед ней и начинаю махать руками.

– Эй, КТО-НИБУДЬ! Вы меня видите?

Кертис вышагивает назад и вперед по платформе.

– Как я мог это допустить? – бормочет он себе под нос. – Я должен был сюда спуститься полчаса назад.

Я продолжаю махать руками, надеясь, что оператор подъемника нас увидит, даже если и не услышит, и снова запустит механизм.

– Я несколько недель не делала резервных копий с нашего ноутбука, – говорит Хизер Дейлу. – Мы должны его найти.

– Не нужно мне напоминать, – бурчит Дейл.

К нему поворачивается Кертис.

– А что вы делали здесь внизу все это время? – спрашивает Кертис.

– Эй, не надо все это валить на нас, – протестует Дейл. – Ты сам еще раньше два раза выходил из зала, и все это видели.

У Хизер и Дейла определенно было время, чтобы покопаться в наших вещах и спрятать компьютеры, пока они ходили внизу, но потенциально любой из нас мог сбегать сюда и куда-то их унести.

Или это сделал кто-то другой?

В любом случае это было тщательно спланировано. Кто бы это ни был, он отправил нас в банкетный зал, правильно предположив, что мы не потащим с собой сумки. Ведь нужно идти через все здание.

– Мы обыскали весь первый этаж, – сообщает нам Хизер. – Потом я вспомнила про ноутбук.

– Что-нибудь нашли? – спрашивает Кертис.

– Множество запертых дверей, – отвечает Дейл.

– Никого из обслуживающего персонала? – спрашиваю я. – А стационарный телефон?

– Мы нашли две телефонные розетки – в баре и в кухне. Но аппаратов там нет, – сообщает Хизер.

Аппаратов нет, потому что их кто-то убрал? Я вижу по ее выражению лица, что она именно так и думает.

– Что находится за всеми этими запертыми дверьми? – хочет знать Хизер.

– Вы нашли диспетчерскую? Или помещение, где располагается горноспасательная служба? – спрашивает Кертис. – Медпункт?

– Нет.

– Ну, тогда посмотрим здесь.

Кертис отправляется к двери будки, в которой обычно сидит оператор подъемника, и берется за ручку. Конечно, дверь заперта. Он пытается сквозь окно рассмотреть, что там внутри.

Я присоединяюсь к нему.

– Видишь телефон или рацию? – спрашиваю я.

– Нет. – В его голосе слышится разочарование и недовольство.

К нам подходит Brent и тоже пытается заглянуть в будку. Грохот за нашими спинами заставляет нас резко обернуться. Камера видеонаблюдения лежит на бетоне, разбитая на куски. Под тем, что осталось от ее крепления, стоит Дейл, подняв над головой сноуборд. Я моргаю и ошарашенно смотрю на обломки.

– Какого черта ты это сделал? – спрашивает Кертис.

Дейл опускает сноуборд.

– Мы же не хотим, чтобы за нами следили, правда?

Я пытаюсь успокоиться.

– Но ведь они могли бы нас спасти, – говорю я.

Кертис поднимает с бетона самый крупный кусок. Нам не нужен специалист, чтобы понять: камеру не починить. Кертис отбрасывает кусок в сторону.

– Ты только что уничтожил нашу единственную потенциальную возможность связи с долиной, – говорит Кертис. – Кто-нибудь еще видел здесь камеры видеонаблюдения?

– Возможно, есть в ресторане, – высказываю предположение я.

Дейл откашливается. Я уже чувствую, что он собирается сказать.

– Я ее разбил.

Мы с Brentом переглядываемся, и я уверена, что мы все думаем одно и то же. За всем этим стоит Дейл? Но почему?

К нему подходит Кертис.

– Это самая большая глупость, которую только можно было сделать.

– О, спустись с небес на землю, – предлагает ему Дейл. – Если кто-то там внизу наблюдает за нами с помощью камер, то они участвуют в деле. Не могут не участвовать.

– Правильно, – соглашается Кертис. – Нам нужно найти ответы. Какая-то дерьмовая игра получается. – Он поворачивается к Хизер. – Ты спала с Brentом?

Я морщусь. Деликатность никогда не была сильной чертой Кертиса.

Дейл делает шаг в его сторону.

– Она не должна отвечать на этот вопрос.

Двое мужчин смотрят друг другу в глаза. Дейл немного выше ростом – наверное, он под метр восемьдесят, высокий для сноубордиста. Кертис шире в плечах и более плотного телосложения.

– Следующий вопрос будет о том, спал ли я с Саскией? – интересуется Дейл.

– А ты спал? – спрашивает Кертис.

– А *ты*? – отвечает вопросом на вопрос Дейл.

Кертис хватает его за плечи и толкает спиной вперед по платформе. Дейл упирается. Через несколько метров платформа заканчивается и начинается обрыв. Там тьма кромешная. От края скалы их отделяет только тонкое металлическое ограждение.

Мы с Brentом бросаемся за ними. Острые как ножи сосульки свисают с крыши над нашими головами. Я молюсь, чтобы они не вздумали рухнуть именно в этот момент. Brent делает шаг к Дейлу, я оказываюсь за спиной у Кертиса. К нему опасно приближаться, когда он в таком заведенном состоянии. Теоретически я знаю, что делать – когда у тебя брат-регбист, умение защитить себя становится вопросом выживания. Кроме того, я работала вышибалой на входе в ночной клуб «Лидмил» на протяжении нескольких лет после того, как закончила со сноубордингом.

Я надеюсь, что помню, как надо действовать – и делаю захват шеи правой рукой, моя левая рука давит на шею Кертиса сзади. Это удушающий прием. Как только я чувствую, что он отпускает Дейла, я ослабляю хватку. Кертис поворачивается ко мне. Он в равной мере шокирован и разъярен.

Дейл стряхивает с себя Brentа и говорит:

– Ты *сам* поберегись. Сейчас ты едва лиходишь в список моих любимых людей.

У Дейла сверкают глаза, он поправляет куртку и возвращается туда, где стоит Хизер.

– Нам нужно сохранять спокойствие и выяснить, что происходит, – говорю я. Мне трудно дышать.

– Что там со шкафчиками для лыж? – спрашивает Кертис. – Все открыты?

– За исключением одного, – сообщает Дейл.

– Пошли, попробуем его открыть, – предлагает Кертис.

Я вешаю на плечо свой маленький рюкзак и подхватываю сумку со сноубордом. Они не тяжелые. Я не брала с собой много вещей: мы же в конце концов приехали сюда на две ночи. Но я хочу, чтобы мои вещи лежали там, где я могу их видеть. Остальные тоже подхватывают свой багаж, и мы тащим все вверх по лестнице.

Шкафчики пронумерованы, их здесь ровно сотня. Они окрашены в красивые пастельные тона. Из замков торчат ключи с бирками. Я открываю дверцы у пары шкафчиков и проверяю, что там внутри. Кертис делает то же самое, но чуть дальше.

– Мы уже смотрели, – говорит Хизер.

Я вижу шкафчик, из которого не торчит ключ. Brent тянет на себя дверцу.

– У меня есть отвертка, – сообщает Кертис.

– Подожди секундочку, – говорит Brent и достает из кармана связку ключей.

Мы наблюдаем за тем, как он снимает ключи с проволочного кольца, потом распрямляет проволоку. Он вставляет ее в замок, начинает ею вертеть, потом достает, чтобы согнуть ее по-другому.

Дейл отходит к главному входу и, кажется, собирается открыть дверь.

«Нет. Пожалуйста, не надо».

Прямо сейчас я не могу снова слышать этот звук. Так или иначе, мне придется снова ее открыть и выйти на улицу, но сейчас я не могу. Я уже вся на нервах, вздрагиваю от каждого звука, и мне нужно успокоиться.

Дейл поскользывается и хватается за стену, чтобы удержать равновесие.

– Черт побери, пол мокрый.

И на самом деле на полу видны мокрые пятна, которые ведут к выходу.

– Это чьи-то следы? – спрашиваю я.

– Похоже на то, – с мрачным видом кивает Кертис. – Кто-то здесь выходил?

Молчание. Но если кто-то выходил, у этого человека будет мокрая обувь. Стараясь не привлекать внимания, я проверяю обувь у остальных. Мне это только кажется, или носки у Брента темнее остальной части его ботинок от ДС?

– Получилось, – сообщает Brent и вытаскивает проволоку из замка.

Его мастерство впечатляет, но у него всегда были золотые руки.

Мы стоим полукругом за его спиной, когда он открывает дверцу шкафчика, но внутри пусто. Кертис, который стоит ближе всех к шкафчику, резко поворачивается, словно ему в голову только что пришла какая-то мысль, и внимательно оглядывает наши лица. Он думает, что Brent как-то слишком легко открыл эту дверцу?

– Так где наши телефоны? – спрашивает Дейл.

– Расскажи нам, – предлагает ему Кертис.

Я напрягаюсь. Судя по виду, эти двое снова готовы принять боевую стойку.

– А можно поесть? – спрашивает Brent.

– Нам нужно найти чертовы телефоны, – поворачивается к нему Кертис.

– Я знаю. Но я умираю с голода.

– Ты понимаешь, что все это значит? – повышает голос Кертис. – Подъемник не работает. Мы не можем ни с кем связаться. Если мы не найдем телефоны, то застрянем здесь.

– Я тоже хочу есть, – вставляю я. – Давайте обсудим положение вещей за ужином.

Если я поем, то опьянение хотя бы частично уйдет и я смогу трезво мыслить.

Хизер смотрит на нас так, словно не верит своим ушам.

– Как вы можете думать о еде, когда кто-то творит с нами все это?

– Пользы от голодания в дополнение к стрессу не будет никакой, – говорю я.

Кертис подхватывает свой багаж и идет в направлении ресторана. Мы все спешим вслед за ним. Когда мы заходим, он уже стоит у барной стойки и рассматривает обломки камеры видеонаблюдения, валяющиеся на полу. Мы все сваливаем наш багаж в кучу.

Хизер кивает на свою сумку и обращается к Дейлу:

– Не спускай с нее глаз.

После этого она быстро идет на кухню. А я еще раз украдкой рассматриваю ботинки Брента.

– У тебя мокрые ботинки? – тихо спрашиваю я его.

Он смотрит вниз.

– Наверное, это виски.

– Да, наверное.

– Давай посмотрим, не удастся ли разжечь камин, – говорит Brent и направляется к нему.

Я считаю, что могу разжечь костер или камин не хуже любого из них, но я хочу спросить Хизер про Брента, поэтому направляюсь за ней.

От запаха специй и томатов у меня урчит в животе. Хизер заглядывает в сковородки и включает электроплиту.

– Что мне делать? – спрашиваю я у нее.

Повар из меня никакой. Я стараюсь есть здоровую пищу, и по большей части питаюсь сырыми продуктами, чтобы не требовалось готовить.

Хизер вручает мне деревянную ложку и показывает на жаркое.

– Встань тут и помешивай его.

Она быстро передвигается по кухне, все осматривает, открывает дверцы шкафчиков наугад. Как она может так быстро и ловко передвигаться на таких каблуках? Когда я в последний раз надевала каблуки, мне было то ли семь, то ли восемь лет, и я хотела нарядиться как взрослая. В итоге я потянула лодыжку, не смогла участвовать в соревнованиях по гимнастике и дала себе слово больше никогда не носить каблуки.

Мне отчаянно хочется что-нибудь съесть. Я заглядываю через ее плечо в поисках хоть чего-то, что можно сунуть в рот, но шкафы пусты, если не считать нескольких старых упаковок. Огромный холодильник тоже пустой. Это объяснимо. Продукты начнут завозить в следующем месяце, перед открытием лыжного сезона.

– Где ты теперь работаешь? – спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал буднично.

– Мы с Дейлом спортивные агенты, – сообщает она. – Я получила диплом юриста, и мы учредили собственное агентство после того, как поженились.

– Вау! Впечатляет.

Разговор сходит на нет. Я никогда не знала, о чем с ней разговаривать. Она почти не каталась на сноуборде, и у меня всегда было гораздо больше общего с Дейлом. С женщинами типа Хизер я чувствую себя неуверенно. У нее всегда сделаны укладка и макияж, она всегда прилагает усилия, чтобы выглядеть хорошо. Предполагается, что женщина и должна быть такой, по крайней мере, в соответствии с общепринятыми стандартами.

А я не такая. Я напоминаю девчонку-сорванца, которая так и не повзрослела. Перед всеми я притворяюсь, что мне плевать на то, как я выгляжу, но глубоко внутри меня это волнует. Меня беспокоит, что, может, парней отталкивает то, что я недостаточно женственная и, может, поэтому я до сих пор не замужем.

Хизер чем-то гремит в холодильнике. Никогда не будет подходящей минуты, чтобы спросить, изменяла ли она Дейлу, так что я начинаю этот разговор прямо сейчас.

– Я пытаюсь догадаться, кто все это написал, когда нам предложили сыграть в «Ледокол». И я думала о вас с Brentом.

Хизер распрямляется, держа в одной руке листья салата и огурец в другой. Она проверяет, нет ли кого-то в коридоре, и поворачивается ко мне.

– Что именно тебя интересует? – спрашивает она ледяным тоном.

– Ты с ним спала?

Она смотрит на меня, сверкая глазами.

– А ты спала с Дейлом?

– Конечно, нет. – Хотя я его целовала. Но я надеюсь, что это никогда не всплывет, потому что я этим совсем не горжусь. – Ну так как?

– Нет, – говорит она и старается не отводить взгляд.

– Я тебе не верю, – заявляю я.

Парни, вероятно, разожгли огонь в камине, потому что до нас доносится запах дыма.

– Это твое дело.

Хизер открывает верхний шкафчик и достает пять тарелок.

– Хорошо. Я спрошу у Brentа, – говорю я.

Она молча раскладывает еду по тарелкам, салат и огурец остаются на разделочной поверхности. За сегодняшний день я уже второй раз чувствую в ее словах ложь. О чем она еще врет?

У меня першит в горле от дыма, когда я несу тарелки. Ресторан выглядит точно так же, как я его помню. Стены обшиты темными деревянными панелями, видны балки, на полу коврики из воловьей кожи, черно-белые фотографии на стенах. Языки пламени играют в огромном каменном камине, прямо над ним из стены торчит оленья голова. На каминной доске тикают знакомые часы, их циферблат пожелтел от старости.

Освещение тусклое – люстры низко нависают над столами, но ярких лампочек в них нет. Обстановка должна бы казаться уютной, но в зале слишком много темных уголков, и мне это не нравится.

Брент с Дейлом сидят за столиком, который стоит ближе всего к камину, и болтают. Я ставлю перед ними тарелки и испытываю облегчение, видя, что они снова поладили. Дейл теперь тоже пьет виски, и рядом с первой бутылкой Jack Daniels уже стоит вторая.

– Вы уже выпили целую бутылку? – спрашиваю я.

Брент ухмыляется.

– В баре все бесплатно. Почему бы не воспользоваться?

Я беру в баре стаканы и наливаю себе еще виски, зная, что делать этого не следует. Я моргаю из-за дыма и осматриваюсь. На стенах выставлено древнее альпинистское снаряжение: винтажные очки, кошки, хорошо поношенная пара альпинистских ботинок.

Ржавый топор-ледоруб. Благодаря горным вершинам и нетронутой природе Ле-Роше является популярным у альпинистов местом зимой. Я дотрагиваюсь до металлического кончика. Все еще очень острый.

Кертис стоит на коленях перед камином и разбирает поленницу.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Ищу телефоны.

– Я уже тут проверял, – вставляет Дейл.

Кертис продолжает поиски. У меня от дыма слезятся глаза.

Появляется Хизер с остальными тарелками.

– Мне нужно вернуть ноутбук, – заявляет она.

– Да заткнись ты со своим ноутбуком, – шипит Дейл.

Хизер всегда казалась мне сильной женщиной. Десять лет назад, как мне представлялось, именно она задавала тон в их отношениях, но,

похоже, баланс сил изменился.

Я сажусь рядом с Brentом. На всех стульях лежат накидки из овчины с длинным ворсом. Мне хочется закрыть ноги этой овчиной, как одеялом, но она прикреплена к сиденью.

– Как вам квад-корк 1800 Билли Моргана^[14]? – спрашивает Brent, когда мы принимаемся за еду.

– Я его видела на YouTube, – говорю я, радуясь усилиям Brentа снять напряжение.

Дейл кивает.

– А теперь еще какой-то японец первым сделал квад-корк 1980, – говорит он.

– Это безумие, – качаю головой я. – Вы можете себе это представить? Пять полных оборотов!

– Пять с половиной у японца, – поправляет меня Дейл. – Сноубординг сделал гигантский шаг вперед.

Хизер смотрит на часы, словно считает минуты, когда ей можно будет отсюда уйти. Кертис все так же напряженно следит за происходящим, а я начинаю расслабляться. Свою роль сыграли жаркое и алкоголь, от которых у меня в животе стало тепло, да еще и языки пламени согревают мое лицо.

– Вы можете поверить в то, что мы катались без шлемов? – спрашивает Brent.

– Я всегда катался в шлеме, – заявляет ему Кертис.

– А как мы рисковали! – продолжает Brent. – Нам повезло, что мы легко отделались.

Некоторым из нас не повезло, но я не собираюсь сейчас об этом думать. В любом случае и в шлеме можно сломать шею.

– Вы видели, как тот парень из Норвегии сделал бэксайд 540 ревинд^[15]? – спрашивает Дейл.

– Нет, – говорю я. – А что это такое?

Дейл в свое время задавал стиль, и я очень любила обсуждать с ним трюки.

Он ставит стакан на стол.

– Это подобно вращению на семьсот двадцать градусов, а потом ты начинаешь вращение в обратном направлении. Представь, как ты останавливаешь вращение в воздухе, зависаешь и начинаешь

вращаться в обратном направлении. Это невероятно трудно. Попробуй и все сама поймешь.

Дейл поднимает свой стул на соседний стол и забирается на него.

Я люблю этих ребят. Когда я хожу куда-то с моими коллегами из спортзала, мы обсуждаем шоу на Netflix. Может, я не видела эту компанию целых десять лет, но у меня все равно с ними больше общего, чем с кем-либо еще.

Люди не становятся профессиональными спортсменами ради денег, в особенности в таком опасном виде спорта, как наш. Вы никогда не разбогатеете, если будете заниматься сноубордингом, конечно, только если вы не Шон Уайт^[16]. Нет, это страсть. Вы хотите проводить каждую минуту своей жизни, занимаясь сноубордингом, вы постоянно думаете о нем, и все ваши мечты связаны с ним. Никто из нас больше не является профессиональным спортсменом, но мы не утратили эту страсть.

Дейл прыгает со стула, поворачиваясь в одну и другую стороны во время полета.

– Нет, – говорит Кертис. – Нужно сделать поворот, по крайней мере, на сто восемьдесят градусов, иначе это просто шифты^[17].

Дейл гневно смотрит на него.

– Дай я попробую, – говорит Brent, залезает на стул и спрыгивает.

Я испытываю радостное возбуждение. Я встаю.

– Моя очередь.

Хизер закатывает глаза, а я снова чувствую себя двадцатилетней. Стул вибрирует, когда я на него забираюсь. Я прыгаю в воздух. Приземление получается жестким. На протяжении многих лет я не прыгала ни с чего выше StairMaster^[18].

– С такой высоты недостаточно времени в воздухе, – объявляет Дейл.

Его взгляд останавливается на остатках ствола дерева, которое спилили, чтобы получился стол. Он поднимает на него еще один стол, меньшего размера, а наверх ставит еще и стул. Эта пирамида опасно покачивается, когда он на нее забирается. Brent успевает как раз вовремя, чтобы не дать ей упасть. Дейл высоко подпрыгивает, а приземлившись, шатается, врежется в наш стол, потом растягивается на полу.

– Достаточно, – говорит Кертис. – Хватит дурить.

Дейл поднимается с пола, потирая плечо.

– Чего ты такой хмурый?

– Кто-то украл мой телефон и мой компьютер. Вот поэтому.

– Выше нос! Расслабься хоть немного.

Кертис откидывается на спинку стула.

– Верни мне мои вещи, и я это сделаю.

Они с Дейлом сверлят друг друга взглядом. Я вижу пустой стакан из-под виски рядом с тарелкой Кертиса. Я не заметила, что он пил.

– Ты нисколько не изменился, да? – говорит Дейл. – Все такой же вредный и противный. Я знал, что не следует сюда ехать.

– Так зачем же ты приехал? – спрашивает Кертис.

Дейл кивает на Хизер.

– Она хотела.

– Серьезно? – Я бросаю взгляд на Хизер. А почему она хотела? У меня всегда было ощущение, что она терпеть не может это место.

– А если ты хочешь получить ответ на вопрос, который ты задавал раньше, то отвечаю: нет, я не спал с твоей сухой-сестрой, – заявляет Дейл.

Кертис поднимается на ноги.

– Есть только один человек, которому дозволено обзывать мою сестру, и это я. Но я этого не делаю, потому что, в отличие от тебя, мне знакомо чувство уважения, черт побери.

Напряженное молчание.

Кажется, настроение здесь может меняться так же быстро, как и погода.

Глава 10

Десять лет назад

Брент и Кертис сидят напротив меня в «пузыре». Ветер здорово усилился, и наша маленькая кабинка раскачивается из стороны в сторону. Я издаю стон и хватаюсь за живот.

– Только не блевани на мои новые штаны. Мне в них еще кататься, – предупреждает Брент со своим лондонским акцентом.

– Да, нужно быть очень внимательным, если она находится рядом с твоими штанами, – говорит Кертис. – Вчера она порвала мои.

Я смотрю на нижнюю часть ноги Кертиса. Там ничего не порвано. Значит, это новые штаны. Напряжение спало, соревнования закончились, поэтому Кертис с Брентом широко улыбаются. На них больше ничего не давит. И у них есть основания улыбаться. Кертис занял третье место, а Брент пятое. Британские парни хорошо себя показали.

Еще один порыв ветра подхватывает нашу кабинку, ее сильно качает, и от этого у меня что-то словно перемещается в животе. Я чувствую, что меня сейчас вывернет наизнанку. Запах старого сигаретного дыма не помогает – тот, кто ехал в этой кабине до нас, плевать хотел на предупреждения «Не курить».

Я забралась сюда, чтобы сделать несколько заездов и выпустить всю свою ярость. Вероятно, это хорошо, что парни запрыгнули в кабинку вместе со мной, потому что они не дают мне думать о моем провале. И вообще, когда Кертис смотрит на меня своими голубыми глазами, мне трудно о чем-либо думать.

– Я считала, что вы двое будете праздновать – там, внизу, в долине, – говорю я.

– Я всегда делаю пару заездов после соревнований, чтобы успокоиться. – Кертис бросает взгляд на Брента. – А Брента преследует одна швейцарка, с которой он провел прошлый вечер. Ему требовалось быстро от нее сбежать.

Я улыбаюсь и смотрю на сноуборды, стоящие у окна. Доска Брента вся заклеена стикерами его спонсоров, и я с трудом понимаю, какая это модель. Что-то от Burton. Предполагаю, что это

профессиональная модель, которую рекламирует Шон Уайт. Если Brent и дальше будет кататься так, как сейчас, то на следующий год Burton вполне может продвигать модель «Brent Backsi».

Я киваю на стикер «Смэш».

– Ты на самом деле пьешь это дерьмо?

– А что? Хочешь баночку?

Brent роется в своем рюкзаке и достает оттуда ярко-оранжевую банку, с треском открывает и протягивает мне.

– Нет, – качаю головой я. – Хотя давай. Я его никогда не пробовала. – Я делаю небольшой глоток. – Фу! Похоже на жидкость для полоскания рта. – Я отдаю банку назад. – Слышала, что в нем кофеина, как в трех чашках кофе.

– Как в пяти.

Brent встает, его темные волосы касаются потолка кабинки. Он открывает окно, и в кабинку врывается холодный воздух. Brent выливает содержимое банки вниз.

– Что ты делаешь? – кричу я. – Сурки в этом году не смогут заснуть.

– Я терпеть не могу эту дрянь. – Brent закрывает окно и убирает пустую банку в рюкзак. – Только никому не говори, потому что они оплачивают мне весь этот сезон.

Мне нравится Brent. Он напоминает мне одного из друзей моего брата, Барнси.

– Они платят тебе больше, чем Burton? – спрашиваю я.

– Они платят больше, чем все мои остальные спонсоры, вместе взятые.

– Серьезно?

Но вообще-то это имеет смысл. У Brentа отличные перспективы, он может стать большим спортсменом. Идеальное лицо бренда.

– Когда они сказали мне, сколько готовы платить, я ответил, что готов сделать татуировку с их брендом у себя на заднице.

– Не может быть!

Brent приподнимает куртку, берется за резинку спортивных штанов, будто собирается их спустить.

– Хочешь посмотреть?

Я не уверена, говорит ли он серьезно, и бросаю взгляд на Кертиса. Кертис разводит руками.

– Не смотри на меня. И с чего ты взяла, что я видел его задницу?

Брент смеется и снова садится. Он очень уверен в себе, и причина такой наглой самоуверенности – его исключительное мастерство в спорте, причем не любом виде, а в том, в котором требуется летать по воздуху на большой высоте. Но при этом он забавный. И это не говоря о том, что он симпатичный, часто улыбается, и у него невероятные темные глаза.

Перед тем как приехать сюда, я видела его в одной утренней телепередаче. Ведущая – Анна Как-там-ее, привлекательная женщина сорока с небольшим лет – спросила его, какие мышцы необходимо развивать для сноубординга. Он ответил, что все. Она убедила его снять рубашку, он разделся, и она разве что не набросилась на парня. Второму ведущему, мужчине, практически пришлось ее оттаскивать!

Это был смешной пример сексизма наоборот. Если бы каждый из них был противоположного пола – мужчина-ведущий и девушка-спортсменка – подобное поведение вызвало бы негодование в национальных масштабах. А так половина зрителей над ней смеялась, а вторая половина пришла в такой же экстаз. А Брент сидел и воспринимал происходящее, как должное.

И да, тело у него впечатляющее. Я их понимаю. Тем не менее он не действует на меня так, как Кертис.

Я хватаюсь за сиденье, когда нас снова бросает из стороны в сторону. Потом кабинка замедляет ход.

– Знаешь, сегодня утром Дейл попросил меня дать ему банку «Смэш», – сообщает Брент Кертису.

– Правда?

– Вчера вечером он отправился домой с барменшей.

– С Хизер?

– Я не знаю, как ее зовут.

– Длинные темные волосы?

– Она.

– Они живут вместе с моей сестрой, – сообщает Кертис. – Она его вымотала? Тебе повезло.

Они смеются.

– А Дейл какое место занял? – спрашиваю я.

– Седьмое, – сообщает Кертис.

Мне интересны отношения Брента и Кертиса. Они соперники, но видно, что они еще и друзья. Кертис старше. Вероятно, ему двадцать четыре, а то и двадцать пять, а это уже многовато для профессионального сноубордиста. Сейчас крупнейшие зимние старты выигрывают пятнадцатилетние подростки, и лишь немногие продолжают участвовать в соревнованиях, когда им переваливает за двадцать пять. Мягкие молодые кости не так легко ломаются. Чувствует ли Кертис угрозу от быстро набирающего обороты Брента? Наверняка.

Меня бросает вперед, когда «пузырь» останавливается. Проклятье! Мы добрались только до середины крутого склона.

– Ходят слухи, что однажды с этой скалы прыгнул кто-то из лыжников, – говорит Кертис.

Я смотрю на голые камни под нами.

– Серьезно? А ты бы прыгнул?

– Разве что с парашютом.

Из громкоговорителя раздается треск, потом объявление на французском.

– Что он сказал? – спрашивает Brent.

– Держитесь! Держитесь!

– Ну даешь, Милла! – смеется Кертис.

– А что на самом деле сказали? – опять спрашивает Brent.

– Какая-то техническая неполадка. Извиняются за задержку, – переводит Кертис.

Brent выражается непечатно.

– У кого-нибудь есть хоть какая-нибудь еда? – интересуется он.

Я копаюсь в рюкзаке и достаю батончик мюсли.

– Возьми.

– Отлично.

Кабинка качается из стороны в сторону, ощущения – будто мы на карусели. В щель у окна задувает ледяной ветер. Я притягиваю колени к груди.

– Как здесь холодно-то, черт побери!

Кертис пересаживается на мою сторону и устраивается рядом. Не проходит и минуты, как Brent делает то же самое и садится с другой стороны. Теперь я зажата между ними. Это уже похоже на интимную

близость, и я – не единственная, кто это чувствует, потому что мы все замолкаем.

Низко висящее над горизонтом солнце освещает снег, и под его лучами он кажется золотистым. Покрытые снегом склоны наверху прорезаны петляющими линиями – следами тысяч спусков. Мне сейчас следовало бы спрашивать этих парней про трюки, просить советов и подсказок, но я не могу ни о чем думать, кроме как о ноге Кертиса, которая прижимается к моей.

Он снова ловит мой взгляд.

– Так получше?

– Ага.

Мне нужно отсюда выбираться. Я не выдержу, если он и дальше так будет на меня смотреть. Мне такие сложности этой зимой совсем не нужны. Я не должна ни на что отвлекаться.

Из громкоговорителя опять слышится треск и еще одно объявление.

– Проклятье! – восклицает Кертис. – Из-за ветра система автоматически отключилась. Они собираются эвакуировать нас из «пузырей» по одному. Устраивайтесь поудобнее. Нам тут предстоит посидеть какое-то время.

Над нашими головами жужжит вертолет. Мы вытягиваем шеи, чтобы его увидеть. Вертолет зависает над одной из кабинок гораздо ниже по склону. Из нее вылезает мужчина. Я пытаюсь согреть пальцы своим дыханием. Это будет длиться целую вечность.

– Хочешь мою куртку? – спрашивает у меня Кертис.

– Нет, спасибо, – благодарю я.

– А мою хочешь? – спрашивает Brent.

Я ловлю взгляд, который Кертис бросает на Brentа.

«Отвали», – говорит этот взгляд.

– Нет, – отвечаю я. – Кто-нибудь из вас хочет мою куртку? Нет? Отлично, потому что вы ее не получите.

Мы смеемся, и это снимает напряжение. Мы прекращаем флиртовать и говорим о сноубординге. О местах, где мы катались; о хороших днях и плохих днях; о рекорде амплитуды прыжка в высоту – 9,8 метра, установленном Терье Хааконеном^[19] на соревнованиях Arctic Challenge. Тем временем цвет неба меняется с розового на пурпурный, а потом на темно-синий.

– Вы давно знакомы? – спрашиваю я.

– Мы познакомились на соревнованиях Burton US Open – открытом чемпионате США, спонсором которого была компания Burton, несколько лет назад, – отвечает Кертис. – А в прошлом сезоне вместе снимали квартиру.

– С его сестрой, – добавляет Brent.

Они с Кертисом снова переглядываются. В чем дело? Но прямо сейчас я не хочу о ней думать. Я рада, что застряла в кабинке с ними двумя, а не с ней.

Звучит еще одно объявление.

– Уже недолго, – переводит нам Кертис.

– Ты бегло говоришь на французском? – спрашиваю я.

– Я бы так не сказал.

– Он еще говорит на немецком, – вставляет Brent. – Если бы я знал, что буду этим заниматься, я бы посильнее налегал на языки в школе.

– И я бы тоже, – признаюсь я. – В прошлом году я весь сезон провела в Швейцарии, в Лаксе, и знала только две фразы на немецком.

– Какие? – интересуется Кертис.

Я собираюсь с силами, чтобы произнести их на правильном немецком.

– Ich verstehe nicht. – При виде полного непонимания на лице Brenta, я перевожу: – Я не понимаю.

– А вторая фраза? – спрашивает Кертис.

– Wo ist der Krankenhaus? Где больница?

Кертис смеется.

– Прекрасный выбор. Только надо говорить «das Krankenhaus».

Я делаю вид, что сейчас врежу ему в бок.

У нас над головами слышится характерный злобный звук, вертолет зависает над нашей кабинкой, и из него внутрь направляют луч мощного фонаря.

– Вот и вертолет, – говорит Brent.

По веревке спускается человек, которого мы пока не можем четко рассмотреть. Мы отступаем назад, когда этот мужчина с силой раскрывает дверь кабинки и делает шаг внутрь. Он спрашивает что-то по-французски.

– Кто пойдет первым? – переводит Кертис.

– Я! – Я поднимаю руку.

Мне всегда нужно себе что-то доказывать. Это глупо, но мне это необходимо. Я должна продемонстрировать бесстрашие. Я виню в этом своего брата. Джейк с друзьями чего только не вытворяли в лесах вокруг нашего дома в годы нашего детства. И они позволяли мне носиться по округе в их компании только потому, что я делала самые безумные вещи. «Давай, Милла. Попробуй». Я ломала кости, пытаюсь ни в чем не отставать от мальчишек. Я всегда принимала вызовы, а не уходила от них – и я до сих пор остаюсь такой. Теперь это вошло в привычку. Безбашенная Милла. Люди ждут от меня подобного поведения.

Спасатель надевает на меня сбрую. – Не нужно волноваться, хорошо?

– Я и не волнуюсь, – отвечаю я ему. – Я всегда хотела это сделать.

Он странно смотрит на меня. Кертис с Brentом громко хохочут.

– Давай, Милла, – напутствует Brent, и я начинаю спуск.

На самом деле мне далеко до спокойствия. Камни внизу выглядят очень острыми. «Давай, соберись! Не раскисай!» Шаг за шагом я спускаюсь вниз по поверхности скалы. Меня подхватывает ветер и относит в сторону. «Ничего себе!» Я держусь за веревку одной рукой, а вторую выставляю вперед как раз вовремя – меня кидает на скалу. Я жду, когда стихнет этот порыв ветра, затем продолжаю спуск вниз.

Еще десять метров. Наконец я добираюсь до плоской поверхности, и мои ботинки утопают в снегу.

Ратрак расчистил участок для нашего приземления – прошел зигзагом вниз с ледника, а сейчас освещает его. Я прикрываю глаза от слепящего света – его фары очень мощные.

Из тени, словно призрак, выходит Саския.

Я так шокирована, что чуть не валюсь спиной вперед на острые как ножи скалы.

– А ты здесь откуда? – выплевываю я слова.

Она кивает на кабинку, которая шла вверх через одну после нашей. Я вижу победный взгляд и все понимаю. Она видела, как я уползала со склона, и решила последовать за мной, намереваясь еще насладиться триумфом победителя.

Мои руки сжимаются в кулаки, и мне страшно хочется толкнуть ее со всей силы.

Глава 11

Наши дни

– Знаешь что? – спрашивает Дейл. – Я рад, что твоя сестра мертва.

Кертис бьет ему кулаком в челюсть. Дейла отбрасывает назад, он хватается рукой за лицо.

Удар не был сильным – я уверена, что Кертис при желании мог бы врезать гораздо сильнее, но я все равно шокирована. Кертиса обычно называют настоящим «Мистер Самоконтроль», хотя той зимой десять лет назад я несколько раз видела, как он выходил из себя – и все те случаи были связаны с его сестрой. Он – Супермен британского сноубординга со своим криптонитом^[20].

Дейл приходит в себя и бросается на Кертиса, а Кертис отбрасывает его назад, на один из столов.

Отношения между Дейлом и Кертисом резко испортились в вечер перед исчезновением Саскии. Не знаю точно, что между ними произошло, но насколько я могу судить, начали все Хизер и Саския. А Кертиса и Дейла просто втянули в эту разборку. Полагаю, что после этого каждый из них пошел своим путем (как, впрочем, и я), и дружбы между ними больше не было.

Мы с Brentом бросаемся их разнимать. Мужчины машут кулаками во все стороны, достается и бедному Brentу. Ему врезают под дых, у него перехватывает дыхание. Я пытаюсь снова сделать удушающий захват – обхватываю шею Кертиса, но на этот раз мне уже не застать его врасплох, и он знает, на что я способна. Хизер сжимается в углу, закрывая лицо руками.

– Откуда ты знаешь, что моя сестра мертва? – орет Кертис. – Ты ее убил?

Судя по тому, как он смотрит на Дейла, кажется, что Кертис на самом деле не исключает такую возможность. Мне опять становится не по себе – знакомый груз давит на плечи.

Это не Дейл. Это была я. Я убила ее.

Я так сильно хотела выиграть, что была готова пойти на все что угодно только бы добиться цели. Я снова и снова прокручивала в

голове события десятилетней давности, и каждый раз приходила к одному и тому же выводу. То, что я сделала, привело к ее смерти.

Мне дурно от того, что я натворила, но если бы снова возникла такая ситуация, поступила бы я по-другому? В меня врезается Дейл и возвращает меня в настоящее. Меня шатает, я падаю на стол, а он сверху валится на меня. Я выпила слишком много виски и медленно реагирую. Brent стягивает с меня Дейла за капюшон его куртки. Слышится треск – что-то рвется.

Дейл матерится и толкает Brentа, тот врезается в камин.

– Хорошо, я спрошу! Ты спал с моей женой?

Может, Дейл больше не похож внешне на викинга, но ведет он себя все так же. Я задерживаю дыхание. «Brent, скажи “нет”, даже если спал, или он тебе врежет».

– Нет, – говорит Brent.

Дейл прищуривается и поворачивается к Кертису.

– А тебе я хочу сказать, что у твоей сестры башню снесло. Она полностью вышла из-под контроля. Полагаю, что это *ты* убил ее. Признайся. Она тебя достала, как и всех нас.

Кертис снова замахивается на него. Дейл уклоняется от удара, и кулак Кертиса врезается в его плечо по касательной. У Кертиса на щеках красные пятна. Я никогда раньше не видела, чтобы он так выходил из себя.

Его ярость заставляет меня задуматься. Может, в конце концов и не я виновна в смерти Саскии? Он ее ударил? Она умерла после этого? Трудно представить, что такое могло произойти, потому что он все время пытался ее защищать. Но может, он сорвался. У всех есть предел. Даже у Кертиса.

Кертис с Дейлом все не могут успокоиться. На пол летят стулья и стаканы.

Хизер хватается руками за голову.

– Прекратите!

Brent хватается Дейла за плечи сзади.

– Успокойся, – говорит Brent.

Дейл бьет его в живот. Это превращается во всеобщую потасовку, а я очень хорошо помню, что случилось после предыдущей такой их драки.

Я должна это остановить до того, как кто-то серьезно пострадает, но что мне делать? Мы же не можем вызвать полицию.

Кертис снова приближается к Дейлу. Я надеюсь, что он не набросится на меня вместо него, и встаю у Кертиса на пути.

– Прекрати.

Тело Кертиса касается моего тела, он тяжело дышит.

– «Ледокол», – напоминаю я. – Похоже, что кто-то пытался нас всех посорить. Не поддавайся.

Кертис плотно сжимает челюсти, в глазах у него горит яростный огонь. На несколько полных напряжения секунд все замирают, затем Кертис с неохотой кивает. Он смотрит прямо на Дейла, а потом возвращается на свое место. Дейл бормочет что-то себе под нос, но тоже идет к своему стулу. Мы с Brentом занимаем свои места, поправляем одежду и восстанавливаем дыхание.

– Мы должны обсудить, кто мог написать эти секреты, – объявляю я. – Потому что тот, кто это сделал, на самом деле хорошо знает нас.

– Так, погоди... – перебивает Brent.

– Я не говорю, что все это правда. Я имела в виду...

– Она права, – вмешивается Кертис. – Мне кажется, что сделать подобное могли только семь человек. Одна из семи больше не может шевелить ни руками, ни ногами, вторая пропала десять лет назад и официально объявлена мертвой. Остаемся мы пятеро.

Слова повисают в воздухе. Все нервно оглядываются.

– Кто-то что-то слышал от Одетты? – спрашивает Дейл.

Я впираюсь ногтями в бедра под столом – так сильно, как только могу. Он смотрит на меня, я качаю головой. Я специально никогда не пыталась найти ее, даже не гуглила. Таким образом я могу убеждать себя, что, возможно, она чудесным образом исцелилась. Или, может, хотя бы частично восстановила движение конечностей. Потому что если до сих пор нет...

– Я связывался с ней через FaceTime на прошлой неделе, – сообщает Кертис.

Я резко поворачиваю к нему голову.

– Вы поддерживаете связь?

– Едва ли. Связывались только пару раз с тех пор, как мы все отсюда уехали.

– Мне она сказала убираться вон, – говорю я. – Не хотела меня видеть.

– Дело не лично в тебе, – поясняет Кертис. – Мне она тоже сказала, чтобы убирался – тогда, десять лет назад. Я подождал какое-то время, потом позвонил.

Я внутренне съеживаюсь.

– И как она?

Его печальные глаза говорят все, что мне нужно знать.

– Все еще в инвалидном кресле. Немного может двигать руками. Я думал, что смогу заехать ее навестить до или после этой нашей встречи – в зависимости от того, где она сейчас живет. Но она не захотела.

Хизер встает.

– Почему мы здесь сидим? Я хочу отсюда выбраться, – объявляет она.

Она смотрит на Дейла, словно он может с помощью магии перенести ее вниз на пятнадцать километров, да еще и в полной темноте, по льду и голым скалам.

– Сегодня вечером мы никуда не пойдём, – резко отвечает Дейл. – Нужно подождать до утра.

Хизер смотрит на всех нас, ожидая подтверждения.

– Поверь: если бы был хоть какой-то способ отсюда выбраться, то меня бы уже здесь не было, – говорит ей Кертис.

– В темноте спускаться слишком опасно. Тут везде расщелины, – вставляю я.

Хизер с неохотой снова усаживается на место. Все опять молчат. Брент выливает остатки виски себе в стакан и выпивает. Я поднимаю валяющуюся на столе бутылку из-под пива. Весь стол залит пивом, но меня это сейчас не беспокоит.

Хизер так крепко сжимает руку Дейла, что у нее белеют костяшки пальцев.

– Зачем кому-то это делать? – спрашивает она.

Похоже, никому не хочется говорить очевидное.

– Все дело в Саскии, правда? – говорю я, прилагая усилия, чтобы мой голос звучал твердо. – Кто-то думает, что ее убил один из нас. Наверное, этот человек или люди не знают это точно, или они пошли

бы в полицию, но они это подозревают. Поэтому они и собрали нас здесь вместе, чтобы вычислить убийцу.

Я надеюсь, что мое чувство вины не отражается у меня на лице.

«Все в порядке, – говорю я сама себе. – Никто не знает, что ты сделала».

Я не знаю, что пугает меня больше – перспектива разоблачения? Или возможность, что Саския не умерла, как я предполагала, а ее убил кто-то из этих четверых?

Судя по тому, как все собравшиеся смотрят друг на друга, они думают то же самое.

«Ты убийца Саскии?»

Конечно, если только действительно один из нас не убийца. Кертис откашливается.

– Послушайте, мы даже точно не знаем, мертва ли моя сестра.

Дейл что-то бормочет себе под нос. Кертис вскакивает на ноги.

– Что ты сказал? – орет он.

Проклятье. Они снова заводятся.

– Давайте округляться на сегодня, – предлагаю я, когда Кертис обходит стол, приближаясь к Дейлу. – Уже поздно, и мы все на взводе. Давайте спокойно все обсудим утром.

Брент останавливает Кертиса.

– Пора в койку, братишка.

Кертис смотрит на Дейла. Затем поворачивается на пятках, подхватывает свои сумки и выходит из ресторана. У него опущены плечи, и вид этих плеч заставляет что-то внутри меня перевернуться. Он снова выглядит сломленным. Я смотрю на Брента, мне не хочется оставлять его здесь с Дейлом, но я все равно бегу за Кертисом, по пути подхватывая свои вещи.

– Сколько комнат с кроватями открыто? – спрашиваю я у Кертиса, когда он толкает очередную открывающуюся в обе стороны дверь.

– Не помню.

Я ожидаю, что свет погаснет. Кертис бьет рукой по каждому выключателю, мимо которого проходит, но свет не гаснет. Все лампочки продолжают гореть.

– Я не хочу жить вместе с Хизер, – говорю я.

Я считаю двери комнат хостела по мере того, как он их распахивает.

– Одна, две. – Бельевая. – Три, четыре. Достаточно. Хизер с Дейлом могут жить вместе.

Кертис открывает последнюю дверь ногой.

– Хочешь эту комнату?

– Спасибо, – благодарю я и затаскиваю внутрь сумку со сноубордом.

Он продолжает стоять в дверном проеме. На виске у него ярко-красная отметина.

– Тебе нужно приложить лед, – говорю я.

Кертис хмыкает и осматривает костяшки пальцев. Они тоже красные.

– Рука болит? – спрашиваю я.

– Все в порядке, – говорит он, наклоняет голову назад и прижимается ею к двери.

– Ты точно в порядке?

– Да.

Я смотрю, как он делает глубокие вдохи.

– Это я изменился или Дейл? – спрашивает он.

– Мне кажется, что Дейл сильно нервничает. «Как и ты», – могла бы я добавить, но не делаю этого. Вместо этого я меняю тему: – Где ты сейчас живешь?

– В Лондоне. Но много путешествую. А ты?

– Все так же в Шеффилде.

Он отходит от двери и расправляет плечи.

– Спокойной ночи, Милла. Я буду в соседней комнате. Как в старые добрые времена.

Я чувствую внутри внезапную острую боль. Это не совсем сожаление, а мысль о том, что могло бы быть.

Я выхожу за ним в коридор. Это не лучшее время, чтобы задавать такой вопрос, но я должна знать.

– Ты с кем-нибудь встречаешься?

Я стараюсь, чтобы вопрос звучал непринужденно. Но мне кажется, что звучит он как угодно, но только не так, как я хотела. Он это понял? Кертис медленно поворачивается, я изучающе осматриваю его лицо, но в этих глазах, как и всегда, ничего не прочитаешь. Я думаю, что это была одна из тех черт, которыми он меня и привлек,

вместе с барьером, который он воздвиг после того, как мы сошлись с Brentом. Он меня очаровывал. И продолжает очаровывать и теперь.

– Я расстался с девушкой несколько месяцев назад. С Сильви Асплунд.

Он произносит это имя так, словно я должна ее знать.

– Я больше не слежу за рейтингами.

– Норвежка. Занималась биг-эйр. – Кертис прислоняется к стене. – Мы были вместе несколько лет, но то сходились, то расходились. С бывшими спортсменами нелегко жить.

– Можешь мне не рассказывать, – хмыкаю я. – В особенности с теми, кто ничего не добился.

Выражение его лица смягчается.

– Про тебя нельзя сказать, что ты ничего не добились.

Я вопросительно приподнимаю брови.

– В ту зиму ты тренировалась усерднее кого-либо из нас, Милла.

– Это не так.

– Я не говорю о том, чего ты могла бы добиться. Я говорю о рисках, на которые ты шла.

– Мы все рисковали, – напоминаю я.

– Да, но большинство трюков, которые я делал, я выполнял уже на протяжении нескольких лет. И то же самое можно сказать про Саскию и Brentа. Мы их тренировали на батуте, потом в летних лагерях над надувными подушками безопасности. А ты тренировала их надо льдом.

Я никогда не смотрела на то, что было, под таким углом. Я только видела, что я – самый слабый райдер в группе, и пыталась догнать остальных.

– Почему ты бросила спорт? – спрашивает Кертис.

Есть простой ответ на этот вопрос: *«Из-за твоей сестры»*. И конечно, из-за Одетты. Но в основном из-за его сестры.

– Я сделала то, что не следовало делать. – Я сглатываю. – Сделала много ошибок.

Так много ошибок.

Кертис внимательно смотрит на меня, и внезапно я начинаю думать об одном конкретном выборе – я сделала тот выбор в этом самом коридоре десять лет назад. Выбор между погоней за исполнением моей мечты – стать профессиональной сноубордисткой,

или дать волю чувствам. Интересно, а он догадывается, о чем я думаю? Кертис открывает рот, чтобы что-то сказать, но открывающаяся в обе стороны дверь распахивается, и в коридоре появляются все остальные. Они идут к нам со своим багажом. Brent смотрит на нас с любопытством и толкает дверь в одну из комнат. Дейл с Хизер заходят в соседнюю с ним и хлопают дверью.

Я уже собираюсь идти в свою комнату, но Кертис внезапно тихо произносит:

– Знаешь, ведь тело моей сестры так и не нашли.

Я поворачиваюсь и смотрю на него. Он в замешательстве.

– Скажи мне, что я сошел с ума, но я уловил запах духов Саскии, когда мы открыли тот шкафчик для лыж. И в коридоре.

У меня по рукам бегут мурашки, когда я вспоминаю тот пряный аромат с примесью ванили.

– Я тоже его почувствовала, – признаюсь я слабым голосом. – Я подумала, что это духи Хизер.

Кертис проверяет, нет ли кого-то в коридоре, потом говорит еще тише:

– У меня всегда оставались сомнения по поводу того, что с ней случилось. После ее исчезновения ее кредитную карту неоднократно использовали. Было проведено множество операций!

Я неотрывно смотрю на него.

– Что ты хочешь сказать?

– Я не знаю. – Кертис обеспокоенно смотрит на меня своими голубыми глазами.

– Ты серьезно думаешь...

Он снова проверяет, нет ли кого в коридоре, словно ожидает увидеть здесь Саскию.

Похоже, его не очень радует мысль, что его сестра, возможно, осталась жива. Как раз наоборот.

Он выглядит очень обеспокоенным.

Глава 12

Десять лет назад

Волосы Саскии развиваются на ветру. В свете фар ратрака она выглядит как Медуза Горгона.

Рядом с нами приземляются Brent и Кертис. Мне это кажется, или парни рады видеть ее не больше, чем я?

Она вышагивает взад и вперед, требуя внимания к себе, словно кошка, которая весь день оставалась взаперти.

– Боже, как они тянут! Как тут скучно!

«На самом деле совсем не скучно. Я весело проводила время и получала удовольствие, пока не появилась ты».

– Я так замерзла. – Она стягивает перчатки. – Вот, смотри!

Саския запускает ледяные пальцы мне под куртку и касается моей голой шеи.

Я резко дергаюсь и отступаю назад. Она идет к Brentу.

– Отвали, – говорит он.

Ратрак дает гудок, и мы пробираемся к нему между каменистых выступов. Водитель выдает целую речь на французском.

– Мы – последние из спасенных, – переводит Кертис. – Еще ниже ждет семья, которую ему нужно отвезти вниз в долину. Он может взять только пять пассажиров. Согласимся ли мы провести эту ночь в хостеле, который есть на леднике, чтобы ему не приезжать еще раз вверх за нами? До хостела он нас довезет.

Brent издает радостный вопль.

– Утром мы будем первыми на горе!

– Надеюсь, что у них хватит комнат для нас всех, – говорю я.

Водитель открывает дверь за своей кабиной, мы туда забираемся и устраиваемся на скамье за его сиденьем. Приходится держать на коленях наши сноуборды и рюкзаки. Саския прижата ко мне, она надушена, и запах ее духов чувствуется еще сильнее в очень нагретом маленьком помещении. Кто вообще душит, когда занимается сноубордингом? Только она.

Машина медленно пробирается вверх по склону, хотя мы и не опрокидываемся назад, но наклон сильный. Дизельные пары

смешиваются с духами, и у меня опять начинает крутить живот.

– Вы видели мой последний двойной оборот? На семьсот двадцать? – спрашивает Саския. – Я чуть не упала.

Каким-то образом из-за ее присутствия снова возникает напряжение. Его чувствую не только я: парни тоже сидят тихо – или, может, они просто устали. Саския пытается их разговорить, обсудить соревнования, но они не поддаются. Теперь идет снег. Снежинки кажутся оранжевыми в свете фар ратрака, они падают на лобовое стекло.

Наверху стоит здание, известное как «Панорама», свет горит во всех его окнах. Кертис уже собирается прыгнуть на землю, но водитель грозит ему пальцем и опять начинает длинную речь. Я улавливаю только одно слово: расщелины. Он подвозит нас прямо к главному входу.

– Я никогда раньше не бывал здесь ночью, – признается Кертис, когда мы сбиваем снег с обуви на коврик у двери.

– И я тоже, – говорю я.

Женщина в переднике жестом показывает, куда нам идти. Я иду вслед за остальными в ресторан, обращая внимание на то, как поразному они все двигаются. Кертис идет с прямой спиной и целенаправленно; Brent лениво и свободно, штаны спущены до середины задницы; у Саскии легкая походка, как у танцовщицы.

Глаза мне щиплет дым – горят дрова, но вид зажженного камина и языков пламени радует. В ресторане сидит еще только одна группа: уже поздно. Я снимаю ботинки и стою перед камином, надеясь, что никто не почувствует запах моих носков.

Вокруг камина висят черно-белые фотографии. Альпинисты со старомодным снаряжением позируют перед знакомыми вершинами. Под одной из фотографий написано: «Монблан, 1951 год». Там опасно даже сейчас, чего уж говорить про подъемы с помощью кошек, привязанных простыми веревками.

Кертис склоняется поближе, чтобы рассмотреть другую фотографию.

– Гранд-Кассе. Это одна из любимых гор моего отца. Он был первым сноубордистом, который съехал по северному склону, сразу после рождения Саскии. Мама не хотела, чтобы он это делал.

– Я думала, что она тоже этим увлекалась, – говорю я.

– Прекратила после нашего рождения.

Типичная история. Моя мама тоже оставила работу, которую любила, чтобы родить нас с братом. Она работала менеджером в доме престарелых. Когда мы подросли, она вернулась на неполный день, но на старое место ее больше не взяли. Почему всегда именно женщинам приходится отказываться от мечты? Я не собираюсь ни от чего отказываться ради кого бы то ни было.

К нам присоединяется Саския, снимает с крючка винтажные альпинистские очки и прикладывает к лицу.

– Мне идет?

– Осторожно. Это антикварная вещь, – предупреждает Кертис.

Она неохотно вешает их на крючок, вид у нее недовольный, потом останавливается перед чучелом головы оленя и трет ему нос перед тем, как присоединиться к Бренту, уже сидящему за столом.

Я наконец достаточно согрелась, чтобы расстегнуть молнию на куртке. Прядь волос запутывается в молнии.

– Проклятье!

– Дай я. – Теплые пальцы Кертиса опускаются на мои.

Он так близко, что я едва могу дышать. От него пахнет мускусом и одновременно чем-то сладким. Может, дезодорантом? Или это запах его кожи? Он дергает бегунок молнии, и я внутренне сжимаюсь – готовлюсь, что он сейчас вырвет мне клочок волос. Именно так я делаю сама, когда такое случается. Но он действует очень нежно. Я чувствую комок в горле.

– Вот, получилось, – говорит Кертис и ведет молнию вниз.

Я вся горю, понимая, что за нами наблюдают его сестра и Brent, тем не менее Кертис, как кажется, совсем не собирается от меня отходить. Он осторожно перебрасывает мои волосы через плечо.

Что этот парень со мной делает?! Дело не только в его внешности – дело в том, какой он сам. Его внешняя холодная уверенность вызывает у меня желание заставить его раскрыться, мне хочется посмотреть, что там внутри. Я чувствую, что в глубине души он совсем не холодный. Там вполне может пылать огонь.

«Стоп!» Я не могу позволить себе идти этой дорогой. Эта зима крайне важна для меня: пан или пропал. Решается моя судьба! Если я не войду в первую тройку, мне придется уйти из спорта и устраиваться на нормальную работу.

Саския смотрит на меня с любопытством, когда я усаживаюсь рядом с Brentом. Каждый раз, когда я ее вижу, меня охватывает ярость. Я буду вести себя так, словно ее здесь нет.

Brent сидит, вытянув длинные ноги, и делает большой глоток из бутылки.

– Тебе принести что-нибудь выпить, Милла?

Я издаю стон.

– Нет, я больше никогда не буду пить.

Brent показывает мне бутылку. Это всего лишь кока-кола.

– О! – выдыхаю я. – Нет, я буду воду.

Я наполняю стакан из кувшина, который стоит на столе.

– А меня ты не собираешься спрашивать? – обращается к нему

Саския.

Brent делает еще глоток, словно не слышит ее вопроса.

Это интересно. Он только что ее проигнорировал. Откровенно и нагло. Почему? У них с Саскией что-то было?

Судя по выражению ее глаз, она удивлена. Она явно не привыкла к тому, чтобы ее игнорировали. Саския резко встает из-за стола, ножки стула со скрипом едут по деревянному полу.

– Хорошо, я сама себе принесу.

Я скрываю улыбку, когда Саския отправляется к барной стойке. Brent тоже улыбается.

Обычно я не чувствую себя так расслабленно рядом с такими симпатичными парнями, но Brent очень похож на Барнси. Такие же манеры, даже такой же акцент. Мне с ним комфортно, как будто бы мы знакомы много лет.

Рядом с Кертисом я испытываю совсем другие ощущения.

– Эй, Сасс! – Кертис хлопает меня по плечу.

Я резко поворачиваю голову.

– Как ты меня назвал?

Кертис улыбается, ему стыдно, и это отражается у него на лице.

– Прости. Из-за волос. – Он предлагает мне красное вино. – Хочешь?

– Нет, спасибо, я буду пить воду. А завтра я покрашу волосы в розовый цвет. И я не шучу.

Brent смеется.

– У тебя проблемы, братишка.

Саския возвращается с пустым винным бокалом. Не произнеся ни слова, она хватает бутылку из руки Кертиса, наливает вино себе в бокал и усаживается за стол.

Женщина в переднике приносит нам тарелки с тартифлетом^[21] – мягким картофелем, залитым липким острым сыром, с характерным вкусом и запахом. Живот меня больше не беспокоит, и я страшно голодна. Я протягиваю руки к огню, пока жую.

– Сколько тебе было лет, когда ты занялась сноубордингом, Милла? – спрашивает Кертис.

– Одиннадцать, – отвечаю я. – Вначале я каталась по сухим склонам в Шеффилде. На снег вышла только в шестнадцать лет. А ты?

– В пять.

– А я в три, – вставляет Саския, хотя я ее не спрашивала.

Повезло. Неудивительно, что она так хорошо катается.

– Наши родители таскали нас с собой по всему миру, – рассказывает Кертис. – По крайней мере, по горам в разных точках света. Наша мама родом из Калифорнии, и у нас там до сих пор живут родственники. Поэтому мы провели несколько зим в Маммоте^[22].

Я это знаю, но не хочу, чтобы он знал, что я им интересовалась и читала о нем.

– Я помню, как смотрела старые записи – я видела, как ваши родители летали над склонами на Аляске.

Кертис улыбается.

– Правда?

– У вас было классное детство.

– Иногда я уставал от мотаний по всему миру. Мне не нравилось все время переезжать с места на место.

Саския зевает. Я поворачиваюсь к Бренту.

– А ты когда начал?

– В десять, – отвечает он. – Но я занимался скейтбордингом примерно с шести лет. Мой отец – строитель, и он построил рампу для меня и брата у нас в заднем дворе, чтобы мы могли кататься на доске.

Меня веселит его лондонский акцент. Мне хочется смеяться.

– У нас даже были спонсоры, – добавляет он. – У моего брата очень хорошо получалось.

– Но ты предпочитаешь сноубординг? – спрашиваю я.

– Больше возможностей, – улыбается он.

– В прошлом году ты в первый раз участвовала в чемпионате Великобритании, Милла? – спрашивает Кертис.

– Да. Я подавала заявку и в позапрошлом году, но получила травму колена как раз перед соревнованиями.

– Какую? – склоняется вперед Саския.

– Порвала наружную коллатеральную связку. – Мне кажется, что признаваться в этом – слабость. – Но теперь с моим коленом все в порядке.

Я не собираюсь ей рассказывать, как в то лето работала по восемьдесят часов в неделю, чтобы оплатить физиотерапию в дополнение к деньгам, которые я откладывала на следующий зимний сезон.

– Саския несколько лет назад порвала переднюю крестообразную связку, – говорит Кертис.

Она резко поворачивает к нему голову.

Это серьезная травма. Я жду, надеюсь, что он расскажет поподробнее. Но вероятно, он понимает, что она хочет ему сказать своим взглядом, и просто откидывается на спинку стула.

– Мне кажется, что наш вид спорта напоминает игру «Змеи и лестницы». Остается только надеяться, что удастся забраться повыше, а не соскользнуть вниз.

Другие люди, которые ужинали в ресторане, ушли, а женщина, подававшая нам тартифлет, маячит неподалеку. Бедняга! Она выглядит изможденной. Я знаю, как она себя сейчас чувствует. Летом я работала в баре до четырех утра, потом спала несколько часов и отправлялась на дневную работу.

– Как мне кажется, она хочет, чтобы мы поскорее заканчивали, и она смогла закрыть ресторан, – говорю я тихим голосом.

Мы доедаем все, что нам было подано, и женщина сразу же хватает наши тарелки. Потом она показывает нам отсек коридора, служащий хостелом. Каждому из нас выделяется по комнате.

– Эй, Милла, – тихо говорит Кертис, когда я уже собираюсь зайти в отведенную мне. – Если замерзнешь ночью, ты знаешь, куда идти, чтобы согреться.

Саския поворачивается и смотрит на него со странным выражением лица.

– Думаю, что моя кровать теплее, чем его, – говорит Brent, стоя в дверном проеме.

Я бросаюсь в свою комнату, мое лицо пылает.

Спортсмены – физически крепкие люди. У нас много энергии, но иногда она оказывается неизрасходованной к концу дня. Поэтому предложение парней меня не удивляет. И мне нравится, как они все это подали. В их словах не было ни похоти, ни угрозы. Они просто предложили мне свои варианты, а я могу эти предложения принять или отклонить.

Когда я стою под душем, у меня дрожат ноги. Для них это в порядке вещей – вероятно, за обоими постоянно бегают девчонки, но мне еще никогда не делали таких откровенных предложений, да еще и одновременно два таких горячих парня. И очевидно, что два таких талантливых спортсмена будут так же талантливы и в постели.

Вода льется мне на голову. Они такие разные. Brent напоминает хорошо разношенную пару ботинок для сноубординга, в которых удобно и привычно.

А Кертис – это ботинки для сноубординга на следующий сезон. Я никогда не примеряла их и даже не представляла, что такие существуют, но если я их надену, то больше никогда не захочу их снимать.

Я закрываю глаза и наклоняю голову вбок, чтобы струи воды падали мне на лицо. Я все еще не отошла после двух моих последних расставаний с парнями. Этой зимой я могу завести только ни к чему не обязывающие отношения, чтобы было легко и весело. А в моих чувствах к Кертису нет ничего легкого и непринужденного, все как раз наоборот.

Но я не могу о нем не думать. Не лезет он у меня из головы! Проклятье!

Вода здесь идет тонкой струйкой, давление слабое, и в душе я не согреваюсь. У меня стучат зубы, когда я снова натягиваю на себя термобелье. Мои ноги сами несут меня в коридор. Я чувствую, что вот-вот сделаю ужасную ошибку, но я поднимаю руку.

Имеется и дополнительная сложность. Его сестра – моя самая главная соперница. Кертис – последний человек, с которым я могу позволить себе начать отношения.

Я делаю два шага по коридору.

И стучу в дверь Брента.

Глава 13

Наши дни

Воспоминания накатывают на меня волной, когда я стою в коридоре перед дверью Брента. Дверь раскрывается, и он стоит на пороге в термобелье от Burton, волосы еще влажные после душа, как и в тот раз, только куда более неуверенный.

На меня снова накатывает волна теплых чувств к нему.

– Можно мне войти?

Он отступает назад, темные глаза смотрят настороженно.

– Конечно.

У меня возникает желание его обнять, но я не хочу, чтобы у него создалось ложное впечатление. Я хочу знать, не сильно ли его била жизнь, но вопрос кажется слишком личным.

Мы стоим с Brentом и смотрим друг на друга. Я все еще не пришла в себя после того, что Кертис сказал в коридоре. Мы уловили запах духов Саскии.

В этом здании.

Нам это показалось? Боже праведный, я надеюсь, что показалось.

Доски пола кажутся ледяными, когда их касаются голые большие пальцы моих ног. Мне следовало надеть носки.

– У тебя в комнате также холодно, как и у меня, – говорю я. – Посмотри. Пар идет изо рта.

Брент снимает одеяло с кровати.

– Присаживайся.

Я устраиваюсь на тонком матрасе. Он опускается рядом со мной, но так, чтобы не касаться меня, и набрасывает одеяло нам на плечи. Мы садимся ближе к стене, прижимаясь к ней спинами.

Я пришла сюда, чтобы узнать, что Брент думает о происходящем, но теперь, оказавшись здесь, я не уверена, с чего начать. Мне очень не нравится эта пропасть между нами. Я больше не знаю, как себя с ним вести.

Раньше это было так просто. Я до сих пор помню, как десять лет назад на его лице медленно расплылась улыбка, когда он открыл мне дверь. Мне ничего не потребовалось говорить. Он просто взял меня за

руку и повел к узкой кровати, забрался на нее после меня и выполнил свое обещание – прекрасно меня согрел.

Его татуировка чуть видна из-под рукава, теперь она несколько побледнела. Мой палец тянется к ней, я хочу к ней прикоснуться, но вовремя останавливаюсь. Я обращаю внимание на его часы – неоновозеленые G-shock.

– А где Omega? – спрашиваю я. – Сломались?

– Продал их на eBay, чтобы провести неделю в Брекенридже.

Мне страшно хочется у него спросить, почему он прекратил участие в соревнованиях, но я боюсь, что мне не понравится ответ, поэтому я предпринимаю попытку просто поболтать ни о чем, пытаюсь восстановить связь, которая когда-то существовала между нами.

– Теперь за твои занятия сноубордингом платит Vummer? Это не самый дешевый вид спорта.

Его улыбка выглядит натянутой.

– Я иногда думаю о том, чтобы перебраться во Францию, – говорит он. – Если я выучу больше пяти слов на французском, то, может, так и сделаю.

Его лондонский акцент меня успокаивает.

А вот то, как он на меня смотрит, совсем наоборот. Он насторожен и закрыт. Он наклоняется вперед, достает из-под кровати бутылку виски и протягивает мне. Вероятно, прихватил из ресторана.

– Хочешь?

– Нет, спасибо.

Он делает большой глоток. Мне странно видеть его пьющим таким образом.

– Ты все еще работаешь моделью? – спрашиваю я.

– Нет. Слишком стар для этого.

Достаточно пустой болтовни. Часть меня, та, которая до сих пор остается инфантильной, хочет спросить у него, спал ли он с Хизер, но если спрошу, нам станет в миллион раз менее комфортно вместе, так что этот вопрос я оставляю на следующий раз. Или снова завтра надавлю на Хизер.

Я делаю глубокий вдох.

– Как ты думаешь, кто пригласил нас сюда?

Брент смотрит на меня уголком глаза.

– Предполагая, что это не ты и не я?

– Ты меня пригласил?

– Нет.

– А я не приглашала тебя.

Он еще раз бросает на меня взгляд своих темных глаз. Проклятье! Он на самом деле подумал, что я снова хочу его видеть. Кто-то использовал меня, чтобы заманить его сюда, точно так же, как они использовали Кертиса, чтобы заманить меня.

Я поплотнее закутываюсь в одеяло.

– Так кто? – спрашиваю я.

– Я поставил бы на Кертиса, – говорит Brent.

– Правда?

– А ты подумай. Деньги у него есть.

– А ты вспомни, в какой ярости он был после «Ледокола». Только не говори мне, что он притворялся. В любом случае зачем ему было ждать десять лет? Как-то не складывается.

Brent пожимает плечами.

В какой-то мере это предательство, но я должна поделиться с Brentом тем, что мне сказал Кертис, чтобы он знал: Кертис не стоит за всем этим.

– Он даже не уверен, что Саския мертва. Сегодня вечером он дико напугал меня в коридоре. Сказал, что уловил запах ее духов.

– Он думает, что она до сих пор жива? – Brent качает головой. – Он пытается выдать желаемое за действительное. Возвращение сюда должно было разбудить воспоминания. Бедный парень! Ты же видела, как они были близки, хотя и его она дико бесила. Я думаю, что это он тут дергает за ниточки.

– Но это не все. Я тоже уловила этот запах.

Судя по выражению его лица, Brentа мне убедить не удалось.

– Вы пришли в банкетный зал все вместе? – меняю я тему.

– Нет. Я пришел первым. Я заглянул в ресторан и увидел, что он пуст. Банкетный зал показался мне следующим наиболее очевидным местом, чтобы найти персонал.

Интересно, что он пришел к этому выводу быстрее нас всех. Может, это он стоит за всем этим?

Я смотрю на него изучающе и ненавижу себя за то, что подозреваю его.

– Хитро было придумано, – говорю я. – Нас вынудили оставить багаж, заставив слоняться по зданию. Если бы мы знали, что нужно сразу же идти в банкетный зал, мы вполне могли бы сразу взять наши вещи и не оставлять их без присмотра.

– Да, я знаю.

По его лицу ничего невозможно прочесть.

– Расскажи мне, как все происходило, – прошу я. – Кто пришел следующим?

– Дейл и Хизер. Хизер болтала по телефону, и ее вывело из себя требование оставить его у двери. Кертис не хотел класть телефон в корзину, но Хизер заставила его. «Если ты не будешь его класть в корзину, то и я не буду».

В дверь стучат.

– Заходите, – кричит Brent.

В дверном проеме появляется Кертис. Надеюсь, он не слышал, как мы про него говорили.

– Ты не видел Миллу? – спрашивает он. – О!

Он увидел меня. Проклятье. Теперь он думает, что между нами с Brentом что-то происходит. Это словно болезненное возвращение в прошлое. Кертис сделал то же самое десять лет назад, когда мы проводили здесь ночь. Он просунул голову в комнату Brentа утром и спросил, не знает ли Brent, где я.

Теперь он точно так же смотрит на меня, как смотрел тогда – без всякого выражения. Я хочу сказать ему, что на этот раз все не так – это не то, чем кажется на первый взгляд.

– Я забыл предупредить: закройте ваши двери, – говорит Кертис.

– Конечно, – отвечаю я.

– Спокойной ночи, – говорит Brent.

Кертис захлопывает дверь. Проклятье. Он думает, что я собираюсь провести здесь ночь.

Я заставляю себя снова думать о том, о чем мы говорили с Brentом.

– А если это организовал не кто-то из нас? Кто еще мог это сделать?

Brent задумывается.

– Помнишь Жюльена?

– Жюльена Марра? – Это имя я очень давно не слышала.

Жюльен был главным подозреваемым после исчезновения Саскии из-за того, что написал на ее почтовом ящике. Его задержали, чтобы допросить, но потом отпустили. Он доказал, что в тот день находился на соседнем курорте.

– А зачем ему это делать? – спрашиваю я.

– Он же был без ума от нее. Просто одержим ею.

Я внимательно смотрю на Брента.

– Ты хочешь сказать, что он думает, будто один из нас ее убил, поэтому он собрал нас тут вместе, чтобы... отомстить за ее смерть? Странно, что он ждал десять лет.

– Но он же всегда был странным, не так ли? Кстати, я слышал, как ты его отдубасила.

– Кто тебе это сказал?

Брент запускает пальцы в мокрые волосы.

– Не помню. Думаю, Дейл.

– Откуда он мог это знать? Тогда присутствовала только Саския.

Брент пожимает плечами.

– Да, я хорошенько ему врезала. Придурок!

Боже, я говорю как Саския.

– Он дал тебе сдачи?

– Нет. Он лежал на земле. Это был сильный удар.

У Брента вырывается смешок.

Но он заставляет меня задуматься. За всем происходящим стоит Жюльен? Это вполне возможно. В ту зиму периодически у него были трения с нами всеми. Он ненавидел Кертиса и Дейла. Это я точно знаю.

Но сейчас я заставляю себя об этом не думать.

– Следующий вопрос. Если ее убил один из нас, то кто?

Выражение лица Брента становится жестким.

– Думаю, что у нас у всех имелись причины это сделать.

– Ты прав.

Брент встречается со мной взглядом.

– Ты думаешь, что это сделал я?

Он так это спрашивает, что заставляет меня содрогнуться.

– Конечно, нет, – говорю я.

Но когда я гляжу ему в глаза, я в этом не уверена.

Глава 14

Десять лет назад

Я парю в воздухе. Кругом белая мгла, идет снег, снежинки смешиваются с туманом, образуя сплошной белый фон. Я ничего не вижу, но осторожно наклоняюсь и делаю грэб за задний край сноуборда. Затем я вытягиваю заднюю ногу, как советовал Дейл. Этот трюк называется стейлфиш.

Верхний край хафпайпа побрызгали красным, чтобы помочь нам в сегодняшних погодных условиях, так что, возвращаясь на землю, я ориентируюсь на красную полосу. Мое приземление напоминает ночное падение слона, только я приземлюсь еще и на ледяную вертикаль. Я касаюсь поверхности, на скорости несусь вниз, пролетаю по основанию хафпайпа и несусь вверх, чтобы снова взлететь.

Подобные дни требуют невероятного нервного напряжения и слепой веры в себя. Нужно держать себя в руках, чтобы ни в коем случае не сорваться. В то мгновение, когда ты потеряешь эту веру в себя, ты рухнешь вниз, и падение будет тяжелым. За последние полчаса это случилось уже с несколькими сноубордистами. Труба сегодня на самом деле непробиваемая, ведь солнца нет вообще, и ничто ее не смягчает.

При такой видимости я не осмеливаюсь делать вращения, поэтому работаю над стрейт-эйр^[23]. После моего ужасного провала на Le Rocher Open я тренируюсь очень напряженно. Ведь эти соревнования были моим шансом показать спонсорам, чего я стою, и я его упустила. Теперь все зависит от чемпионата Великобритании по сноубордингу. В этом году он пройдет в Ле-Роше, именно поэтому я и выбрала этот курорт для тренировок.

Я скатываюсь вниз и вздыхаю с облегчением. *Я выжила.* До следующего раза. Во мне бурлит адреналин. Как так получается, что игры со смертью заставляют нас чувствовать себя настолько полными жизни?

Туман такой густой, что я ощущаю его во рту, он влажный и холодный, когда я его вдыхаю. Мимо меня проносится Дейл. Резко

останавливается, скрипя металлом об лед. Я и не знала, что он за моей спиной.

Дейл поднимает большие пальцы вверх.

– У тебя получился стейлфиш. Молодец!

– Спасибо. Я удивлена, что ты смог это увидеть.

Мы сегодня вместе с ним ехали на подъемнике, и я спрашивала у него совета, а он пояснил, как внести небольшие изменения в исполнение этого трюка.

– Я собираюсь попить водички, – говорит Дейл.

– И я тоже.

Мы стоим и пьем из наших бутылок с водой. Дейл одет в оранжевый блестящий комбинезон из флуоресцентного материала, и только на нем вещь такого цвета может выглядеть модно и стильно. Снежинки прилипают к его дредам.

– Над чем ты сегодня работаешь? – спрашиваю я.

– Над инди.

– Только и всего?

Инди был первым грэбом, который я освоила, – задняя рука делает грэб носа сноуборда. Вероятно, все осваивают этот грэб первым.

– Стиль – это основа, – улыбается Дейл.

Лыжник совершает вращение и приземляется спиной вперед, это впечатляющее достижение при такой видимости. Из тумана появляется Саския и проносится мимо нас на большой скорости, за ней следует невысокий парень в серо-зеленой камуфляжной куртке.

– А это кто? – спрашиваю я. Он неплох, кем бы он ни был.

– Жюльен Марр, – говорит Дейл.

Первый в рейтинге среди французов. Неудивительно.

Они с Саскией исчезают в тумане. Мы с ней не разговаривали после соревнований, но на таком маленьком курорте полностью избежать встреч с ней невозможно. Она пару раз стояла за мной в очереди на подъемник, и я уже внутренне готовилась к тому, что она что-то скажет, но она молчала. Стыдится того, что сделала? Но нет признаков того, что она испытывает угрызения совести.

Кто-то приземляется с флипа на вытянутые руки и издает крик боли.

– Черт побери, люди сегодня падают как мухи, – говорит Дейл и спешит вверх по трубе в белую мглу, чтобы предупредить райдеров, которые находятся на вершине.

Неподалеку сидит Кертис и разговаривает с фотографом. Бедная женщина выбрала не лучший день для съемки. Она вся закутана, чтобы не замерзнуть, видны только глаза.

Возвращается Дейл, и я уже открываю рот, чтобы спросить его про *мои* инди, но к нам приближается Хизер.

– Привет! – говорю я.

Хизер неприязненно смотрит на меня. Может, она с севера Англии, как и я, но пока это единственное, что есть у нас общего. Похоже, я ей не нравлюсь. Она поворачивается к Дейлу.

– Ты готов?

– Еще два заезда, хорошо? – спрашивает Дейл.

– Я задубела, – заявляет Хизер.

Неудивительно в такой коротенькой кожаной курточке. Предположительно она пришла посмотреть на Дейла. Я еще не видела ее саму на сноуборде. Я не знаю, что она делает на горнолыжном курорте, если не хочет кататься.

– Увидимся, – говорю я и подхватываю свой сноуборд.

Брент сидит на снежной насыпи и болтает с симпатичной японкой, которая заняла третье место на Le Rocher Open. Я киваю им и пристегиваю крепление на передней ноге.

– Спасибо за эту ночь, – сказала я Бренту, проснувшись у него в кровати, когда мы два дня назад ночевали на леднике. – Можно сделать так, чтобы это осталось между нами?

– Конечно.

– А Кертис...

– Я попрошу его держать язык за зубами.

Так что мы вели себя как ни в чем не бывало перед Саскией за завтраком, и любой человек, посмотрев на нас, не смог бы догадаться, чем мы занимались несколько часов назад.

Тем не менее я ожидала, что новость о совместно проведенной нами ночи к этому времени уже станет известна всему курорту. Я же знаю парней – в особенности его возраста. Но единственный намек на нашу близость – это едва заметные улыбки, которые время от времени появляются у него на губах, когда он ловит мой взгляд. Его

благоразумие производит на меня впечатление. Очевидно, что и Кертис держит язык за зубами.

Я иду к подъемнику. Похоже, Хизер добилась своего, потому что Дейл надевает рюкзак. Бедный Дейл. Но это как раз одна из тех проблем, с которыми ты сталкиваешься, если вступаешь здесь с кем-то в отношения. Я не хочу, чтобы этой зимой меня волновало что-то, кроме сноубординга. Есть, спать, кататься. Я намерена заниматься только этим следующие четыре месяца.

На меня падают снежинки, пока я жду своей очереди на подъемник. Некоторые из них попадают мне за воротник на голую шею. Я ежусь и потуже затягиваю застежку-липучку на воротнике.

Подъемник в виде Т-образной перекладины начинает тянуть меня вверх, и в это мгновение рядом со мной оказывается Brent, успевший запрыгнуть на перекладину. Несмотря на сегодняшние погодные условия, он улыбается и, как и всегда, у него на щеках появляются ямочки.

После нашей совместной ночи мы несколько раз поднимались вместе на подъемнике к верху хафпайпа и говорили только о сноубординге. Между нами нет никакой неловкости, которая иногда возникает после совместно проведенной ночи. Он относится ко мне тепло и по-дружески.

Он опускает руку в перчатке на мою, которая лежит на перекладине.

– Хочешь сегодня переночевать у меня?

Я удивленно смотрю на него. Я думала, что та наша ночь на леднике была первой и последней. Но на самом деле я хочу у него остаться. Мое тело болит после напряженной тренировки, и я снова хочу почувствовать на нем его теплые руки и губы.

Надеюсь, что он не принимает это за то, чего нет.

* * *

Два часа спустя я звоню в звонок, стоя у маленького шале, который Brent показал мне, когда мы спускались вниз. Дверь открывает Саския.

Она стоит в дверном проеме босиком, на ней очень узкие джинсы ультра-скинни и обтягивающий белый свитерок. Она смотрит на меня так, словно раздумывает: пускать меня или нет. В этой одежде она кажется тоненькой, изящной, нежной и слабой, почти хрупкой. Я поражаюсь этому впечатлению. В ней нет ничего слабого и хрупкого – ни в ее катании, ни в ее личности.

За ее спиной появляется Кертис.

– Ты как раз вовремя. Я собираюсь подавать на стол.

Я снимаю покрытые снегом кроссовки Nike и иду за ними в дом.

Там уже собрались все и курсируют между крошечной кухонькой и гостиной. Хизер с Дейлом, Одетта с Жюльеном. Я ожидала совсем не этого. Brent с Жюльеном склонились над ноутбуком. Brent виновато улыбается мне, и я вижу, что он тоже этого не ожидал, но он принимает все в порядке вещей, и я тоже смиряюсь с ситуацией.

В воздухе пахнет древесным дымом, смешивающимся с запахом лука и чеснока. Неужели они здесь живут? Носки, перчатки и очки борются друг с другом за место на радиаторе. Мокрая одежда свисает со всего, на что только можно было ее повесить. Кругом лежит столько сноубордов, что можно было бы открыть пункт проката, но у камина стоят только три пары ботинок. Я думаю, что они принадлежат Кертису, Brentу и Дейлу. Мне было неловко смотреть на Кертиса на леднике за завтраком. Меня совсем не радует мысль о том, что меня ждет повторение этого испытания.

– Пива хочешь? – кричит Кертис из кухни.

– Нет, только воду, – отвечаю я, заходя в кухню. – Я сама возьму.

Он что-то бормочет себе под нос, стоя у плиты, периодически я слышу ругательства. Я ищу стакан в кухонном шкафу. Когда я наливаю в него воду, Кертис рявкает, требуя, чтобы я дала ему деревянную ложку, потом ругает меня за то, что дала не ту.

Дейл смеется, когда я выхожу в комнату.

– Не заходи в кухню, когда он готовит. Я не захожу.

– Да, Дейл, ты моешь посуду, – кричит Кертис.

Хизер морщит нос.

– Пахнет так, словно тут кто-то умер. – Она поднимает вывернутый наизнанку носок со спинки ближайшего стула. Такие носки поддевают в ботинки, в которых катаются на сноуборде. – Это твой, Дейл?

– Ага, – ухмыляется он.

– Ну и вонючий он!

Она бросает в него носком. Дейл легко его ловит и отбрасывает в угол. Мне нравится, что Хизер нисколько его не боится. Он выглядит впечатляюще: рослый и сильный парень, но ей удается ставить его на место.

– Эй, Милла, испанец установил новый мировой рекорд: рейл-слайд на шестьдесят семь метров, – кричит Brent.

Я направляюсь к нему. Я смотрю видеозапись: парень в куртке на экране ноутбука прыгает на металлические перила, торчащие из снега, и легко катится по ним.

– Смотришь – и кажется, что это так легко, – говорит Brent.

– В этом и заключается проблема с рейл-слайдами, – вздыхаю я. – Кажется, что по перилам так легко скользить, пока сам не попробуешь. У меня до сих пор остался след на голени от моей последней попытки.

К нам присоединяется Саския, и я напрягаюсь. Я до сих пор в ярости из-за Le Rocher Open, но теперь, по прошествии какого-то времени, я чувствую к ней странное уважение из-за того, что она сделала. Наконец я вижу девушку, которая играет так же жестко, как и я. А судя по тому, какие взгляды она на меня иногда бросает, уважение вполне может быть взаимным.

Теперь мы смотрим неудачные рейл-слайды, морщимся и стонем, когда райдеры пытаются съехать по самым разным металлическим поверхностям, и это у них не получается.

Кертис выходит из кухни с тарелками в руках.

– Однажды Кертис целый день тренировал рейл-слайды, – объявляет Саския. – Замерил расстояние, а мне велел сообщать ему, как далеко он проехал. Больше двадцати метров у него ни разу не получилось.

Это впечатляющее расстояние, но Кертис смотрит на нее предупреждающе.

Саския идет к нему и обнимает за талию.

– Что такое? Я выдаю твои секреты?

Когда они стоят рядом друг с другом, я не могу решить, кто из них красивее.

Кертис локтем отталкивает ее, но улыбается при этом.

– Держи, Милла. – Он вручает мне тарелку с пастой. – Занимай место, пока они еще есть.

Если он и обижен на меня за то, что выбрала Брента, а не его, он это не показывает, но и не флиртует. Его игривость словно выключили. И в глубине души мне ее не хватает.

Я опускаюсь на диван и ставлю тарелку себе на колени. И напрягаюсь, когда Саския усаживается рядом со мной. Остальные тоже рассаживаются один за другим, и Саския придвигается ко мне все ближе и ближе. Ногти у нее на ногах покрыты голубым лаком, точно соответствующим цвету ее глаз.

Дейл переводит взгляд с меня на Саскию.

– Они выглядят, как близняшки.

Так, я теперь точно перекрашу волосы.

Саския склоняет голову в мою сторону. Оценивает.

– Как-нибудь нам стоит вместе покататься, – говорит она легким тоном.

Вилки застывают на пути ко ртам, в комнате воцаряется тишина. Ну и наглость! Она приглашает меня вместе покататься в присутствии всех. Я собираюсь сказать ей, куда она может засунуть свое предложение, и унижить ее перед всеми.

Только что-то в ее глазах останавливает меня. Неужели она на самом деле хочет со мной общаться?

– Да, давай как-нибудь, – медленно говорю я.

Она достает свой мобильный.

– Продиктуй свой номер.

Почему-то этот момент мне кажется куда более важным, чем когда Brent попросил мой номер. Думаю, эта зима обещает быть гораздо более интересной, чем я ожидала.

Глава 15

Наши дни

В хостеле пахнет пылью и сыростью. Но к моему облегчению, не духами Саскии. Возможно, Brent прав: нам показалось. Это едва ли можно назвать попыткой выдать желаемое за действительное – по крайней мере, в моем случае. Скорее, это чувство вины или угрызения совести.

Я щелкаю задвижкой и дергаю дверь, чтобы проверить, закрылась ли она. Тот, кто оставил эти двери открытыми для нас, не оставил ключей. Мне очень не нравится, что мы можем запереть эти двери только изнутри. Кто угодно мог проникнуть в мою комнату, пока я разговаривала с Brentом. Я чувствую себя немного нелепо, когда проверяю шкаф, затем ванную (даже заглядываю за шторку душа), чтобы посмотреть, не прячется ли там кто-либо.

Убедившись, что я одна, я сажусь на узкую кровать. Я не могу решить, что вызывает у меня больший ужас: мысль о том, что Саския находится в этом здании, живая и здоровая; или мысль о том, что Brent или один из других членов нашей компании ее убил. Меня бросило в дрожь от взгляда Brentа. От тьмы, которую я в нем увидела.

Теперь у меня есть свободное время, чтобы попытаться разобраться с секретами, которые выпали из ящика, когда мы играли в «Ледокол». Есть ли доля правды в том, что там было написано? Похоже, кто-то именно так и думает, иначе зачем было идти на все эти ухищрения?

Я осматриваюсь в поисках авторучки, но это хостел, а не гостиница. Здесь нет ни ручки, ни письменного стола, ни даже стула. Я без своего телефона как без рук. Не помню, когда в последний раз приходилось пользоваться ручкой. Обычно просто делаю фотографию того, что мне нужно. Я буду в дикой ярости, если не получу свой телефон назад.

Я роюсь в своем рюкзаке. Ничего подходящего. Мой взгляд падает на крошечное окошко. Я дышу на стекло, пока оно не запотеет. Прекрасно.

Когда я касаюсь стекла кончиками пальцев, оно кажется ледяным. Я пишу на нем наши имена: «Милла, Кертис, Brent, Хизер, Дейл». Я собираюсь на время притвориться, что никак не виновата в смерти Саскии. Предположим, что все секреты, выпавшие из ящика, – правда, и каждый из нас сделал только что-то одно.

Значит, один из моих друзей – убийца. Я бросаю взгляд на дверь, чтобы еще раз проверить, заперта ли она.

Так, нужно быть объективной. С первыми двумя секретами все просто. Предполагаем, что Brent гетеросексуален (а я уверена, что это так), значит, спали с ним я и Хизер. Вот и получаются два человека. Я пишу «Переспала с Brentом» после наших имен. Лучше бы Дейл этого не видел.

Странно, как болезненно Дейл отреагировал на предполагаемую измену жены. Можно подумать, это случилось вчера, а не десять лет назад – уж точно до того, как они поженились. Тем не менее я понимаю, почему он так отреагировал. Мы сейчас снова вместе, вся группа, и ощущения странные, словно и не было этих десяти лет.

В любом случае остаются три парня и три оставшихся секрета. Один из них спал с Саскией, второй знает, где она находится сейчас, а третий убил ее. Это напоминает мне головоломки судоку. А у меня они никогда не получались – в особенности после того, как выпью. Еда частично сняла опьянение, но недостаточно.

Хорошо, предположим, что Кертис не спал с собственной сестрой. Значит, с ней переспал или Дейл, или Brent. Дейл с Хизер сошлись во вторую неделю сезона, значит, наверное, Brent?

Но однажды я спрашивала его об этом, и он яростно все отрицал. И мне больно думать о них вместе. Да, она была потрясающе красива, но также она была моей главной соперницей, и мне казалось, что он ее ненавидел. Значит, Дейл? Саския вполне могла с ним переспать, чтобы просто посмотреть, не удастся ли увести его у Хизер. Я прикусываю губу и пишу «Переспал с Саскией» рядом с именем Дейла.

Судя по тексту на карточках, это означает, что Саскию убил либо Brent, либо Кертис, а второй знает, где она находится сейчас.

Я думаю о том, какой Brent в постели.

– Не нужно так со мной осторожничать, – говорила я ему не один раз. – Я не сломаюсь.

Он был таким нежным. Он не был страстным, он был мягким. Он просто неспособен на насилие. Он представляет опасность только для одного человека – себя самого.

Я снова покусываю губу, думая про то утро, когда начался чемпионат Великобритании по сноубордингу. Кертис появился у хафпайпа за несколько минут до своего заезда. Очевидно, он поднимался на ледник вместе с Brentом и Хизер, искал Саскию. Но то, что он сказал в коридоре, не имеет смысла.

Кончик моего указательного пальца замирает у имени «Кертис». Я пишу: «Убил Саскию». Я сотру все это через минуту, потому что не хочу, чтобы он это видел. Совсем не хочу. Но как быть с его словами? Это могла быть очень хитрая ложь, чтобы сбить меня с толку.

Значит, Brent «знает, где Саския». Но откуда это знать Brentу? Он видел, как ее убивал Кертис? Он помогал Кертису спрятать тело? Где? Машины у них здесь не было, так что я не понимаю, как они могли бы вывезти ее с курорта. Это означает, что она до сих пор здесь. Где-то на горе.

У меня по рукам снова бегут мурашки. Последние часы жизни Саскии покрыты туманом. Я и сама никогда и никому не рассказывала всего, что произошло, и чувствую, что я такая не одна.

Я смотрю на то, что написала. Буквы текут. Струйки воды бегут по стеклу подобно слезам.

Столько предположений. Я правильно все поняла? Ведь тут думать надо не о том, какие мы сейчас, а о том, какими мы были тогда. Я закрываю глаза и пытаюсь вспомнить.

Глава 16

Десять лет назад

Я просыпаюсь в кровати Брента, его сильное, худое тело прижимается к моей спине. На мне надета одна из его футболок от Burton, и она пахнет им.

Я перекатываюсь на другой бок. У него тут так тепло. Радиатор у кровати работал всю ночь. На Бренте только трусы-боксеры от Calvin Klein. Раньше Brent работал моделью, демонстрировал одежду, и эти бренды быстро стали его спонсировать. Интересно, а ему сейчас приходится хоть за что-то платить?

Я провожу пальцем по накачанным мышцам его груди. Боже, какое тело! Атлет на пике формы.

Брент открывает темные глаза и лениво улыбается.

– Доброе утро!

Я продолжаю свои исследования, спускаюсь по плоскому животу.

– У тебя потрясающая кожа, – говорю я. Мой палец выглядит очень бледным на ее фоне.

Он протягивает руку к прикроватной тумбочке, на которой лежат его часы – массивные металлические Omega. В приложении к Sunday Times я видела рекламу на целую страницу – там Брент выполняет бэксайд-эйр с большой амплитудой, а на руке у него эти часы. Вероятно, розничная цена на них выше, чем мне обойдется весь этот сезон.

– Который час? – спрашиваю я.

– Восемь.

Подъемники начинают работать в восемь тридцать, и обычно в это время я уже готовлюсь идти на тренировку, но мы легли после полуночи, украдкой пробрались сюда после того, как большинство других ушли. Я напрягаю слух. В кухне что-то происходит? Кертис уже встал?

Брент застегивает часы на запястье, и я снова вижу татуировку у него на предплечье: «Играй по-крупному или возвращайся домой». Я касаюсь этих букв.

– Мне нравится этот девиз.

– Он напоминает мне о том, кто я. Я не хочу становиться старым и скучным.

– Я не могу представить, что ты когда-нибудь станешь старым и скучным. Ты и в восемьдесят будешь исполнять трюки. На ходунках.

Он смеется и прижимает меня покрепче. Мне следует встать, но у него в постели так тепло. Я прижимаюсь к нему и обнимаю. Он гладит меня по волосам.

– Ты когда-нибудь делала флипы?

Я качаю головой.

– А хочешь?

– Придется.

Я уже какое-то время тому назад поняла, что с моими стрейт-эйр и вращениями я могу пойти только до определенной черты. Если я хочу подняться выше в рейтинге, то мне придется добавить флипы к моим обычным заездам по хафпайпу. Саския может выполнить мактвисты.

– Я тебя научу, – говорит Brent.

– Классно!

– Я схожу с тобой на батут, если хочешь, но попозже.

– Погоди-ка! Здесь и батут есть?

– Да, в спортзале.

– Проклятье! Как же я могла этого не знать? Готова поспорить: Саския там постоянно тренируется.

– Ага.

Я издаю стон – ему в грудь.

– Я давным-давно не была на батуте. До одиннадцати лет я занималась гимнастикой. Тогда я могла делать бэкфлипы.

– Тебе следовало продолжать тренировки.

– Можешь мне этого не говорить. Мои родители не могли себе это позволить.

Они тратили все деньги на занятия регби моего брата. И это дало результат – Джейк играет за «Орлов Шеффилда». Но я до сих пор чувствую себя уязвленной.

В четырнадцать лет я устроилась на работу по субботам – на местном сухом склоне и перешла на сноубординг, потому что могла кататься бесплатно. Я достигла того, чего достигла, сама, без чьей-либо помощи. И это меня мотивирует. Таким образом я показываю отцу средний палец.

Брент запускает руку мне под футболку и кладет на бедро.

– Нам пора. Если только...

– А у тебя останутся силы на тренировку?

Но мое тело уже отвечает ему. Он ухмыляется

– Ты же говоришь с лицом «Смэш». Забыла?

Мой телефон пищит: пришло сообщение.

– Мне нужно его проверить, – говорю я. – Моему брату на этой неделе должны оперировать колено.

Я ныряю в рюкзак за телефоном, но сообщение пришло не от брата. От Саскии.

«Я заказала тебе кофе. Встретимся у фуникулера, чтобы подняться первыми?»

Сноубординг с Саскией или постель с Брентом? Мне легко принять решение. Я вылезая из кровати.

– Прости, я забыла, что должна встретиться с Саскией.

– С Саскией? – переспрашивает он напряженным голосом.

Я натягиваю свою одежду.

– У тебя с ней проблемы? Она твоя бывшая? – Он качает головой. – Но ты с ней спал?

– НЕТ.

Меня поражает резкость его ответа. Она определенно вызывает в нем сильные эмоции, но я не могу понять почему. Брент теперь тоже одевается.

– У меня нет времени завтракать, – говорю я. – У тебя тут, случайно, нет «Смэш»?

Брент кивает на ящик в углу.

– Угощайся.

– Спасибо. Встретимся на горе.

– Да, конечно.

Я проглатываю содержимое банки и морщусь при этом – вкус отвратительный, потом быстро ухожу. Ночью шел снег, дороги покрывает белый слой толщиной сантиметров пятнадцать. Машины ползут по главной улице, цепи противоскольжения звенят подобно колокольчикам на санях. Я обращаю внимание на украшения в витринах магазинов, на рождественские гирлянды, протянутые над головой, и внезапно понимаю, что сегодня Рождественский сочельник.

Зимой я никогда не слежу за временем. Имеет значение только катание.

Я забегаю в свою крошечную квартирку, подхватываю сноуборд и все остальное, что мне требуется на горе, засовываю несколько батончиков мюсли в карман куртки и снова убегаю. Мне приходит в голову, что Саския могла что-то подсыпать мне в кофе, но я буду осторожна, да и она должна понимать, что я не полная дура.

Но все равно у меня в животе какое-то странное ощущение, когда я трусцой бегу по улице со сноубордом под мышкой. Это все нервы. Я спешу к причальной платформе, откуда начинают свой путь вверх вагончики фуникулера. Я чувствую себя так, словно иду на свидание. Мы будем только вдвоем? Она и я?

Солнечные лучи под углом падают на вершины гор и окрашивают склоны в оранжевый цвет. Саския сидит на верхней перекладине деревянного забора, качает ногами в ботинках, в каждой руке у нее по стаканчику. Мне ее поцеловать, обнять или что-то еще сделать? Почему я так нервничаю?

Она спрыгивает с забора и сама чмокает меня один раз, ее губы кажутся теплыми, когда прикасаются к моей щеке этим морозным утром. Ее духи бьют мне в нос, запах сладкий и сильный.

– Вот, возьми, – протягивает она мне один из стаканчиков.

– С водкой? – спрашиваю я.

Она смеется и поднимает свой сноуборд, который лежал в снегу.

– Пошли.

Вагончик фуникулера быстро несется вверх. Мы с Саскией стоим у окна из оргстекла. Мы касаемся друг друга локтями и маленькими глотками попиваем свой кофе.

– Что это за духи? – спрашиваю я.

– «Черная орхидея» от Тома Форда. Тебе нравится?

Я не отвечаю сразу. Я в сомнениях. Запах тяжелый и экзотический, такой запах можно или любить, или ненавидеть. Как и саму Саскию.

– Не уверена, – говорю я.

На склоне внизу видны петляющие следы какого-то маленького животного – может, зайца, а может, горноста. Ели склоняются под тяжестью недавно выпавшего снега. Чем выше мы поднимаемся, тем глубже сугробы.

– Хочешь подняться на ледник? – спрашивает Саския. – Покататься по свежему снегу?

Мы выбегаем из вагончика фуникулера и прыгаем в «пузырь». Не знаю, что сыграло свою роль – смесь кофе со «Смэш» или перспектива дружбы с Саскией, – но я пребываю в огромном возбуждении.

Что вы видите, когда летите в самолете и смотрите из иллюминатора вниз на море облаков? Сегодня, поднимаясь на подъемнике на ледник, я вижу то же самое. И ощущения точно такие же, когда я качусь вниз – будто парю над белым облаком.

Когда мы снова оказываемся внизу у подъемника, откуда «пузыри» идут вверх на ледник, Саския кивает на мой сноуборд. Логотип Magic заляпан снегом.

– Доска на самом деле магическая? – спрашивает она. – Соответствует своему названию?

– Да, – киваю я. – На самом деле. Это лучшая доска из всех, на которых я когда-либо каталась.

– Хочешь поменяться досками на один заезд?

Я содрогаюсь от одной мысли о том, что мой сноуборд окажется у нее в руках. Это мой ребенок. Но я не могу придумать причину, чтобы отказаться, так что мы меняемся сноубордами, и я счищаю снег с носовой части ее доски, чтобы посмотреть производителя и модель. Domina Spin 154. На три сантиметра короче моей. Это имеет смысл, потому что Саския весит меньше меня. Я отмечаю про себя, что должна буду больше отклоняться назад, когда помчимся по паудеру.

Мы несемся вниз бок о бок, делая широкие завороты и поднимая снег фонтанами в воздух. Сноуборд прорезает такой снег подобно ножу, проходящему сквозь размягченное масло, но мое удовольствие омрачается тем, что я вижу свой сноуборд у нее под ногами.

Снег летит мне в лицо, когда мы ударяем ладонью о ладонь у подножия. Я испытываю облегчение, получая свой сноуборд назад. Мы опять идем к подъемнику.

– Следуй за мной! – кричит Саския на вершине.

Я несусь за ней вниз по другой стороне горы, где не бывала еще ни разу. Когда Саския заворачивает, паудер взмывает вверх, покрывая мои губы и щеки. Спуск длинный, где-то приходится подпрыгивать – на склоне имеются места, напоминающие трамплины для прыжков на лыжах, и иногда в воздухе меня закручивает. Пару раз я падаю, но это

не так больно, как падать на лед в хафпайпе, и я чувствую себя неуязвимой.

Позднее, на склоне горы ниже хафпайпа, я замечаю утес и готовлюсь спрыгнуть с него, как с трамплина. Саския прыгает вслед за мной и приземляется гораздо дальше по склону. Проклятье.

– Давай повторим, – предлагаю я.

Но вместо того чтобы скатиться до причальной платформы подъемника, где он забирает тех, кто желает подняться на вершину, я отстегиваю сноуборд, подхватываю его под мышку и иду вверх пешком. Саския пыхтит у меня за спиной. Пытаясь привести дыхание в норму и судорожно хватая ртом воздух, я снова пристегиваю сноуборд. На этот раз я еду строго по прямой, чтобы уж точно приземлиться дальше ее. Она прыгает после меня и приземляется еще дальше. Я опять отстегиваю сноуборд, чтобы попытаться еще раз.

Мы поднимаемся все выше и выше. Это становится опасно. Таких длинных разгонов перед прыжком со склона я никогда не делала.

Еще один прыжок, приземление, от которого, как кажется, встряхивает все кости, – и Саския приземляется рядом со мной, чуть-чуть дальше по склону.

– Эй! – кричит кто-то сверху. Я поднимаю голову. С плато наверху нам машет Кертис. – Что вы там делаете? Труба сегодня просто сказочная.

Мы с Саскией смотрим друг на друга, мы обе потные и дышим с трудом.

– Пойдем? – спрашивает она.

К моему раздражению от вмешательства Кертиса примешивается чувство облегчения. Если бы не он, я не знаю, как далеко могло бы зайти наше соперничество.

И вообще остановилась бы одна из нас.

Глава 17

Наши дни

Я лежу и дрожу на своей узкой кровати. Простыни кажутся не просто холодными, а ледяными. Я накрылась двумя одеялами, но этого недостаточно. Мне нужно еще одно. Я видела целую стопку одеял в бельевой, но мне не хочется туда идти.

У меня в голове крутятся вопросы. Кто заманил нас сюда и с какой целью? Кто-то из моих друзей убил Саскию? Или Кертис прав? Она жива и здорова, и прямо сейчас прячется где-то в этом здании?

Я дюжину раз вылезала из кровати, чтобы проверить, заперта ли у меня дверь. Без телефона я понятия не имею, сколько сейчас времени, но такое ощущение, что я лежу здесь уже несколько часов. Мои последние часы сломались, когда я забыла их снять, прежде чем залезть в джакузи в спортзале, и я не стала покупать новые. В зале кругом висят часы, а в остальное время мне легче посмотреть на телефон.

Я не могу спать. Мне слишком холодно. Я кладу подушку себе на грудь, надеясь, что она хоть как-то поможет – все-таки еще один слой, но пользы от нее никакой. Придется набраться смелости и выйти в коридор за дополнительным одеялом. У меня в комнате кромешная тьма. Я на ощупь пытаюсь добраться до выключателя, чтобы включить свет. Вот он наконец. Затем я выхожу в темный коридор, где тоже включаю свет.

Коридор пуст. Я с облегчением выдыхаю. Я не знаю, что я ожидала увидеть. Сейчас глухая ночь. Надо побыстрее взять одеяло и вернуться в комнату. Я прохожу мимо комнаты Кертиса, добираюсь до бельевой, протягиваю руку к двери. И замираю на месте. Там кто-то есть. Женский голос. Хизер. И мужской. Но кто это?

Я прижимаю ухо к двери, но готова мгновенно броситься наутек, если услышу, что они выходят. Мужчина говорит слишком тихо, и я не могу понять, кто это. Навряд ли это Дейл, она бы поговорила с ним в их комнате. Значит, Brent или Кертис? Все-таки Brent? И они говорят про «Ледокол»?

Но это может быть и кто-то другой. Жюльен. Или какой-то псих, который собрал нас здесь по причине, о которой я могу только догадываться. Мое сердце судорожно бьется в груди. Мне хочется нырнуть в безопасность моей комнаты, но Хизер повышает голос, словно она расстроена. Он (кто бы он ни был) угрожает ей? Моя ладонь, которая лежит на двери, непроизвольно напрягается. Что бы я ни чувствовала по отношению к Хизер, она тоже женщина.

Я плотно прижимаю ухо к двери. Свет в коридоре гаснет. Проклятье!

Я моргаю в темноте, внезапно чья-то рука закрывает мне рот. Меня подхватывают сильные руки, поднимают и несут по коридору в том направлении, откуда я пришла. Я реагирую инстинктивно – отвожу назад правое плечо, направляю правый кулак под свою левую подмышку и с силой ударяю того, кто меня несет.

Мужчина издает звук, напоминающий хрюканье. Руки отпускают меня, но я потеряла равновесие. Меня качает, и я падаю вбок на него. Теперь я полностью дезориентирована. За нами со щелчком закрывается дверь. Я слезаю с мужчины, кем бы он ни был, и пытаюсь нащупать выключатель. Вот он!

Свет зажигается. На полу сидит Кертис и держится за грудь. Мы в его комнате.

– Что, черт побери, ты делаешь? – спрашиваю я шепотом.

Он не может говорить. Он пытается привести дыхание в норму, хватая ртом воздух.

Сердце продолжает судорожно колотиться у меня в груди. Боже, как он меня напугал!

Кертис смотрит на меня так, словно никак не может понять, как я могла так сильно ему врезать.

– Я думал, что ты собиралась открыть дверь, – хрипит он. – А я не хотел... чтобы они знали... что кто-то их видел.

– Я не собиралась, черт побери! Я пыталась определить, кто там с ней – ты или Brent. Или кто-то еще.

– Brent.

– Ты уверен?

– Я видел, как они туда заходили.

«Прекрати панику. Это не психопат. Бояться некого. Это только Brent».

Я пытаюсь отдышаться.

– Что они там делают? – спрашиваю я.

– Понятия не имею.

– У них роман?

– Понятия не имею. – На губах Кертиса появляется улыбка.

Я собираюсь вернуться к бельевой и попытаться подслушать, что они говорят, но слышится щелчок, и из щели под дверью в комнату Кертиса струится свет. Значит, они вышли в коридор. Кертис прикладывает палец к губам. Слышно, как закрываются двери.

– Они ушли, – говорю я.

Кертис с трудом поднимается на ноги. На нем термобелье – черный верх с длинными рукавами из специальной ткани, которая обтягивает его широкие плечи и будто прилипает к ним, и черные, тоже облегающие трусы до колен. На виске красное пятно, сейчас оно кажется очень заметным.

На мне тоже термобелье с длинными рукавами. Теперь шок прошел, и я снова дрожу. Я обнимаю себя руками.

Кертис снимает одеяло с кровати и вручает мне.

– Спасибо, – благодарю я и закутываюсь в одеяло.

Он стоит рядом, глаза его кажутся темными.

– Я не мог уснуть.

– Я тоже.

У него в комнате пахнет свежестырированным бельем. А может, так пахнет его термобелье.

Он потирает шею сзади, водит рукой вверх и вниз, при этом глядя на мой рот. Когда до него доходит, что он делает, он быстро убирает руку с шеи, снимает второе одеяло с кровати и накидывает себе на плечи.

– Что там у вас с Brentom?

У меня появляется надежда.

– Ничего. Мы не виделись десять лет.

Кертис опускается на матрас. Я устраиваюсь рядом с ним, но пытаюсь соблюдать дистанцию.

Как уже много раз в прошлом, я представляю, что могло бы быть, если бы я десять лет назад сделала другой выбор. Я вижу себя такой, какой была тогда: безбашенная Милла, смелая и отчаянная, в великолепной физической форме, сосредоточенная на своей цели.

Одна во всем мире, как, впрочем, и сейчас, только тогда меня это совершенно не волновало. Я этого даже не осознавала. У меня были надежды, я думала только о будущих соревнованиях и пьедесталах почета.

Молодой Кертис оказался совсем не ходяком, за которого я изначально его приняла, и оставался один большую часть зимы. Был сосредоточен на тренировках. Я видела его только с одной девушкой – Джасинтой Ли из Австрии, которая занималась хафпайпом, да и эти отношения не продлились долго.

Как бы могли сложиться наши с ним отношения? Подозреваю, что сезон закончился бы совсем по-другому. Тем не менее я в то время хотела не этого. Кертис – серьезный парень, и легкие, ни к чему не обязывающие отношения с ним были бы невозможны – я же видела его с Джасинтой. Невозможно было бы совмещать серьезные отношения с ним с серьезными тренировками. Я бы не смогла.

В любом случае что сделано, то сделано. А сейчас? Мы слишком напуганы прошлым, чтобы строить планы на будущее? Я останавливаю себя. О чем я думаю? Прошло десять лет. Я же теперь совсем его не знаю.

Он смотрит на мои волосы.

– Ты снова стала блондинкой?

– Что? О да.

Наверное, я напоминаю ему его сестру, точно так же, как и он напоминает мне о ней.

Я много размышляла о том, как на него повлияла эта потеря. Судя по его поведению, которое я уже наблюдала здесь, он определенно испытывает множество эмоций по этому поводу. Но скучает ли он по ней? Ноет ли его сердце каждый раз, когда он слышит ее имя? Или в глубине души это облегчение? Тяжелый груз, упавший с плеч? Его жизнь, должно быть, стала гораздо проще, когда она перестала болтаться рядом.

– Можно я тебя кое о чем спрошу? – смотрю я на него. – Почему ты прекратил участвовать в соревнованиях?

– Если бы продолжил, пришлось бы делать очень серьезную операцию на плече. – Он смотрит в сторону. – Но в первую очередь из-за мамы. Мне хотелось проводить побольше времени с ней. И ты же

знаешь, что в горах может случиться что угодно. Она не пережила бы, если бы потеряла еще и меня.

Я сглатываю и жалею, что вообще спросила его об этом.

– Твоим родителям, вероятно, было очень тяжело.

– Фактически это стало концом нашей семьи, – говорит он тихо. – Мама может говорить только об этом, думать только об этом. Отец много лет боролся за то, чтобы Саскию признали мертвой. Он считал, что это поможет маме жить дальше. Обычно для признания человека мертвым тот должен отсутствовать семь лет. Но мама не хотела этого. Она выступала в суде, настаивала, что ее дочь жива. В качестве доказательств приводила транзакции по кредитной карте. Все это тянулось до прошлого месяца. – У него срывается голос. – Мама тяжело это все переживает.

– Мне очень жаль.

– Она не уверена, что это был несчастный случай. Нет доказательств, что Саския в тот день вообще поднималась на гору.

– Но ее там видели Brent и Хизер.

– Они *сказали*, что видели ее. – Кертис внимательно смотрит на меня. – Десять лет назад я задал тебе один вопрос, и тогда мне показалось, что ты не была полностью честна со мной.

Я напрягаюсь.

– Я спрошу снова. – Его взгляд прожигает меня насквозь, и я прилагаю огромные усилия, чтобы не отвести глаза. – Ты знаешь, где моя сестра?

Все в порядке – он задал не тот вопрос.

– Нет.

– Как ты думаешь: она до сих пор жива?

– Прости, но думаю нет.

Я вижу, как у него слегка опускаются плечи, но он больше никак не демонстрирует свои эмоции.

– Как ты думаешь, что с ней случилось?

То, что он меня об этом спрашивает, – хороший знак, правда? Это означает, что моя догадка была не верна, и он не убивал ее.

Или он продолжает игру, чтобы сбить меня со следа?

– Я вижу три возможности, – говорю я, тщательно подбирая слова. – Несчастный случай, кто-то ее убил, или она совершила самоубийство.

Боль искажает его лицо.

– Но зачем ей это делать?!

Я сглатываю.

– Я не знаю. В любом случае я думаю, что она все еще там, подо льдом.

Кертис долго смотрит на меня, взгляд у него изучающий.

– Мне хочется думать, что я вижу тебя насквозь, Милла.

– Саския могла.

У него на губах появляется легкая улыбка.

– Правда?

– Но я не понимала ее и тебя.

Он улыбается шире.

– Эй, я же сказал, что вижу тебя насквозь. Я не говорил, что понимаю тебя.

Я думаю, что он говорит про то, как я выбрала Брента, а не его. К моему облегчению, он никогда не спрашивал, почему я это сделала, а я никогда не объясняла, потому что объяснения означали бы признание в моих истинных чувствах к нему.

И я до сих пор чувствую к нему то же самое. От его улыбки у меня появляется легкая дрожь внизу живота. Мне хочется сбросить одеяло и забраться верхом к нему на колени. Только я не знаю, что он чувствует ко мне.

В особенности теперь, когда над нами еще нависают секреты из «Ледокола».

Сейчас он кажется более спокойным, чем на протяжении всего вечера, так что, думаю, стоит спросить его. Он, должно быть, и так думал об этих карточках. Конечно, только если не сам их написал.

– Ты серьезно отнесся к этим «секретам» из «Ледокола»? – спрашиваю я.

Он пронзает меня взглядом.

– Кто-то определенно приложил немало усилий.

– Но кто?

– Боже, какая неудобная кровать. – Он берет подушку и подсовывает ее себе под спину. – Не знаю. Но знаю другое. Это сделал не тот, кто убил Саскию, если ее вообще кто-то убил.

Это разумное предположение. Навряд ли убийца хочет, чтобы мы копались в прошлом..

Кертис постукивает пальцами по матрасу.

– Но зачем кому-то это делать? Собрать нас здесь, фактически запирать и заставлять вспоминать ту зиму? Я пытаюсь это понять, – признается он.

– Чтобы призвать убийцу к ответу, чтобы справедливость восторжествовала. Зачем же еще?

Конечно, очевидный вывод состоит в том, что это дело рук Кертиса, как сказал Brent. Его семья отчаянно хочет узнать, что случилось с Саскией, к тому же у них имеются финансовые возможности для того, чтобы все это организовать.

– А как насчет шантажа? – спрашивает Кертис, поправляя подушку у себя за спиной. – Кто-то подозревает, что ее убил один из нас, и хочет попытаться вытащить из нас деньги.

– Ну... я об этом не подумала.

У меня дико замерзли ноги. Я подтягиваю колени к груди, чтобы закрыть одеялом ступни.

И понимаю, что Кертис следит за каждым моим движением своими голубыми глазами.

– Ты думаешь, что я все это устроила, – говорю я.

– Или Brent. – Он улыбается, чтобы смягчить выдвигаемое обвинение.

Я с ним в одной постели, о чем я фантазировала с той самой минуты, как приняла приглашение приехать сюда, но «Ледокол» все испортил. Какая уж тут романтика.

– По крайней мере, ты не думаешь, что я убила ее, – говорю я.

– Если ее на самом деле кто-то убил, то я считаю, что это сделали Дейл или Хизер. Или они оба вместе, – заявляет Кертис с суровым выражением лица.

Я легко толкаю его локтем в бок, чтобы обвинение, которое я собираюсь озвучить, воспринималось легко.

– А я вот думала, что это *ты* ее убил.

Если я ему это говорю, это означает, что я ему доверяю, не так ли? Надеюсь, что он не воспримет это в штыки.

Кертис издает сухой смешок. Ему совсем невесело.

– Это очень странная ночь, – заявляет он.

Я ему доверяю? Правда? Я не уверена.

Он больше не смеется. Он смотрит на свою левую руку и внезапно резко убирает ее с матраса – будто обжегся.

– Милла? – спрашивает он сдавленным голосом. – Ты сюда уже заходила?

– Что? Нет. Ну, когда мы тут все осматривали, я могла заглянуть и в эту комнату...

Он неотрывно смотрит на кровать – туда, где только что лежала его рука. Я понимаю, на что он смотрит. Озадаченно протягиваю руку.

– НЕТ! Не прикасайся!

Я убираю руку. На матрасе в верхней части, где лежала подушка, лежит длинная прядь светлых волос, очень аккуратно отрезанная. Цвет: платиновый блонд.

Меня словно окатывает ледяной водой. По телу пробегает дрожь. Кертис наклоняет голову, чтобы рассмотреть волосы – так низко, как только может, не касаясь их. Потом он поднимает голову и смотрит на меня затравленным взглядом.

– Это не мои, – говорю я дрожащим голосом. – Слишком светлые. Кто-то пытается свести его с ума?

Или он прав? Может, она на самом деле где-то здесь? Но если так, почему она не объявит о своем присутствии, в особенности брату, которого она так давно не видела? Сердце учащенно бьется в груди. Меня ужасает одна мысль о том, что я могу открыть дверь и увидеть стоящую за ней Саскию.

Я пытаюсь думать.

– Никто не знал, что ты выберешь именно эту комнату.

Или пряди волос лежат под всеми нашими подушками? Я сглатываю и отмечаю про себя, что должна буду проверить свою кровать, когда вернусь к себе в комнату.

Кертис продолжает с ужасом смотреть на волосы, они словно притягивают его.

– Ты выходил из комнаты? – спрашиваю я.

– Угу. Один раз. Нет, два. – Он с трудом произносит слова. – Я ходил вниз, чтобы проверить «пузырь». Да. Проверить, нет ли тут кого-нибудь. И потом, когда услышал голоса. Брента.

Он говорит бессвязно, непоследовательно. Он ведь еще заходил к Бренту, когда я была там, но он об этом забыл.

Если кто-то хочет, чтобы он сломался, пока у них неплохо получается.

Глава 18

Десять лет назад

Мы с Брентом сидим на ковре рядом друг с другом в его квартире. Всего в комнате семеро, мы все устроились перед телевизором, чтобы посмотреть новый DVD от Burton. Тут тесно, в камине трещит огонь, и мне очень жарко. Мы собрались встретить Новый год, но поскольку условия для катания сейчас идеальные и ожидаются еще снегопады, мы решили, что не станем устраивать никаких бурных празднований.

Все приветственно кричат, когда на экране появляется фамилия Брента. Звучит песня Young Forever в исполнении Джей-Зи^[24]. Потом появляется сам Брент и выполняет один из самых больших прыжков, которые я когда-либо видела. Никто из присутствующих, за исключением Кертиса, не знает про нас с Брентом, хотя Саския подозревает. Она спрашивала меня про него на днях – встречаемся ли мы. Я ответила, что нет. Не уверена почему, но я не хочу, чтобы она знала про наши совместные ночи. Да и вообще между нами с Брентом нет ничего серьезного, и нас нельзя назвать парой.

Я смотрю на нее и вижу, что она наблюдает за нами. Я отодвигаю ногу.

На диване друг рядом с другом сидят Кертис и Одетта и над чем-то смеются. Кажется, что они прекрасно ладят. Одетта вчера неудачно упала, и у нее к запястью привязан лед.

Раздается звонок. Дейл вскакивает с места.

– Я открою, – говорит он.

На нем сильно рваные джинсы ярко-пурпурного цвета. В сравнении с ними мои волосы, которые я на днях перекрасила в розовый цвет, кажутся бледными. Красила я их вечером у себя на кухне, и полотенце стало более розовым, чем мои волосы, но, по крайней мере, теперь никто не спутает меня с Саскией. Это случилось уже три раза и выводит меня из себя.

Дейл возвращается вместе с Хизер. Она морщит нос, глядя на его джинсы. На ней обтягивающее черное платье и сапоги выше колена на очень высоком каблуке. Вероятно, у нее только что закончилась смена. Брент провожает ее взглядом, Жюльен тоже. Кертис продолжает

смотреть телевизор. Очевидно, что чары Хизер на него не действуют. Я подвигаюсь поближе к огню, чтобы освободить на ковре место для Хизер и Дейла.

На экране Brent выполняет один прыжок за другим.

– Где это снимали? – спрашиваю я.

– В Новой Зеландии, – отвечает Brent. – В прошлом августе в сноупарке^[25]. Компания Burton оплатила нам с Кертисом билеты туда.

– Счастливики, – говорю я. – А некоторые из нас работали. А как так получилось, что ты соревнуешься в хафпайпе? У тебя так классно получаются прыжки. Ты мог бы выступать и в биг-эйр.

Brent не отвечает.

– Он хочет попасть на Олимпиаду^[26], – поясняет Кертис, помешивая угли кочергой.

Brent краснеет. Он на самом деле хочет.

Все смеются. Все, кроме меня. Биг-эйр не включен в программу Олимпийских игр. По крайней мере, пока. Даже хафпайп попал туда недавно – в нем соревновались только на последних Олимпиадах.

– Почему вы смеетесь? – спрашиваю я. – Это нормально. Разве не все хотят попасть на Олимпиаду?

– Я не хочу, – говорит Дейл.

– Почему нет?

Дейл фыркает.

– Сплошная коррупция. Я не хочу играть в их игры.

Я смотрю на Кертиса.

– А ты хочешь?

– Да, конечно, – кивает Кертис.

– Мы там уже были, – сообщает Саския.

– Что? – вылетает из меня.

– Как зрители, – поясняет Кертис. – В Нагано в 1998 году. Нас брали с собой родители.

– Вау! – восклицаю я. – Тогда хафпайп впервые был включен в программу. Наверное, это было потрясающе.

– Да, было классно, – говорит Кертис и подбрасывает еще одно полено в камин, что вызывает еще более сильное шипение и потрескивание, чем раньше.

Иногда мне удается поймать его взгляд, надеясь, что он посмотрит на меня так, как смотрел раньше, но безуспешно.

– Я смотрел те соревнования по телевизору, – рассказывает Brent. – Тогда я занимался скейтбордингом и сказал себе: «Я буду там через десять лет». Тогда я еще не знал, что Олимпийские игры проводятся раз в четыре года.

Дейл снова фыркает.

– Хочешь попасть на следующие?

Brent неловко улыбается. Значит, грядущие несколько лет для него так же важны, как и для меня. У меня самой есть мечта попасть на Олимпиаду, но перед тем, как ее озвучивать, мне нужно подняться повыше в британском рейтинге.

– А как туда попасть? – спрашиваю я.

– Нужно участвовать в этапах Кубка мира, который проходит под эгидой Международной федерации лыжного спорта, и набрать достаточное количество баллов, – поясняет Кертис.

– Чертова федерация, – ругается Дейл. – Да я в любой день предпочту Всемирные экстремальные игры Олимпийским.

На Всемирные экстремальные игры можно попасть только по приглашению. Это все, что я знаю. В прошлом году в них участвовал Кертис, а Дейл нет. Наверное, это его большая мозоль.

– Тихо! – Жюльен показывает на экран телевизора. На нем появляется его фамилия.

Но Дейл продолжает ругать Международную федерацию лыжного спорта.

Жюльен ищет пульт дистанционного управления, лицо перекошено, как от боли. Я прикусываю губу, чтобы не расхохотаться. И вижу, как Саския делает то же самое. Она встречается со мной взглядом, и я прикрываю ладонью рот.

Жюльен толкает Кертиса локтем в бок.

– Смотри!

Приглушенный звук вырывается у меня из-под ладони. Я наклоняю голову и выбегаю из комнаты. Саския выбегает вслед за мной, и мы стоим в крошечной кухне и хохочем, не в силах остановиться.

– Бедный Жюльен, – говорю я.

– Недоумок, – высказывает она свое мнение.

Мы снова смеемся. Я нахожу, что она начинает мне нравиться. И вот такой она мне нравится больше всего.

Она замечает, что на разделочной поверхности стоит пакетированное вино, и выливает содержимое своего бокала в цветочный горшок, где у Кертиса растет базилик.

– Вот оно что. Неудивительно, что вкус отвратительный, – говорит Саския и достает бутылку Kronenbourg из холодильника. – Будешь?

– Я предпочитаю водку, – отвечаю я. – Но давай. Новый год все-таки.

Мы сидим за кухонной стойкой с бутылками в руках, сидим довольно близко – я чувствую ее духи. Я в первый раз пью алкогольный напиток после Le Rocher Open.

В мойке навалены кастрюли и сковородки. Предполагалось, что мыть их будет Brent, но я подозреваю, что делать он этого не станет. Парни весь день убрали квартиру в Рождество после того, как Кертис приготовил индейку. Хизер отказывается здесь оставаться, потому что в квартире всегда жуткий бардак, поэтому Дейл ночует у нее.

Саския касается рукой моих волос.

– Мне нравится цвет, – говорит она.

– Спасибо. Я до сих пор испытываю шок каждый раз, когда смотрю на себя в зеркало.

Она наматывает на палец длинную розовую прядь.

– Может, я тоже покрашусь, – говорит она.

Я резко поворачиваюсь к ней. Она смеется, и я понимаю, что она шутила.

– Хочешь прийти ко мне во вторник вечером? У нас будет девичник, – приглашает она.

– Да, конечно.

– Я скину тебе адрес.

В кухню заходит Жюльен с пультом дистанционного управления в руке.

– Вы пропустили мое выступление.

– Правда? – невинно смотрит на него Саския.

Вблизи у него глаза, как у панды. Я никогда не видела, чтобы незагорелая часть смотрелась так уродливо, как у него. Нос и щеки загорелые, коричневые, а область вокруг глаз, которую закрывают очки, – белая и веснушчатая. Он ниже Саскии и значительно ниже

меня, на вид ему можно дать лет четырнадцать, хотя на самом деле ему двадцать два, если верить Бренту.

– Я перемотаю для тебя, – говорит Жюльен, стаскивает ее со стола и тащит назад в гостиную.

Саския бросает на меня взгляд через плечо, голубые глаза горят, задумывая какую-то проделку, и она крутит пальцем у виска.

Когда они уходят, на кухню проскальзывает Brent.

– На ночь останешься? – спрашивает он.

– Надеюсь, – отвечаю я. – Я сегодня выпила три банки «Смэша» и долго не смогу заснуть.

– Меня это устраивает, – глаза Brentа темнеют.

Вкус у этого «Смэша» дерьмовый, но в тот день он, похоже, здорово меня выручил, поэтому я обменяла у Brentа коробку с батончиками мюсли на ящик «Смэша» и выпила уже половину.

Он наклоняется, чтобы поцеловать меня, но звук позади нас заставляет нас отстраниться.

Саския смотрит на нас с любопытством и берет свою бутылку пива с разделочного стола.

– Забыла, – говорит она.

Я так до сих пор и не узнала, было ли у них что-то с Brentом. Как только дверь за ней закрывается, а я открываю рот, чтобы спросить у него, в кухню вливается Хизер.

Она достает из холодильника бутылку шампанского и выразительно смотрит на Brentа наивным взглядом.

– Мне ее подарил менеджер, – говорит Хизер. – Ты можешь ее открыть?

Мне хочется смеяться. На работе она, должно быть, каждый вечер открывает самые разные бутылки, а тут решила попросить Brentа. Она думает, что таким образом даст ему почувствовать себя мужиком или что-то в этом роде?

Я тяну руку за бутылкой. Я сама ее открою и испорчу ей развлечение. Только Brent реагирует быстрее, забирает у Хизер бутылку и ловко открывает ее над мойкой. Клянусь: мне кажется, что он стал немного выше, когда помог ей. Я смотрю, как он наблюдает за Хизер, пока она ищет бокалы. Нет, это не совсем ревность. Это скорее... любопытство? Хизер будит в нем что-то, что никогда не разбудит девушка типа меня. Я скорее умру, чем попрошу кого-то о

помощи, в особенности парня – ведь это знак слабости. Тем не менее вон Хизер преднамеренно показывает, какая она слабая, а в процессе еще и очаровывает Брента.

Пока в кухню не заходит Дейл, тогда чары рассеиваются.

Мы с Брентом возвращаемся на наши места на ковре. Саския и Жюльен устраиваются на диване рядом с Кертисом и Одеттой, которые увлечены разговором. Кертис увлечен ею? Я не вижу, чтобы они флиртовали, но моя встреча с Хизер только что показала мне, как мало я понимаю в мужчинах.

– Ты когда-нибудь пробовал хаакон-флип^[27]? – спрашивает Одетта.

– Нет, – отвечает Кертис. – А ты?

– Хаакон-флипы? – переспрашивает Жюльен. – Они же такие *простые*.

Одетта закатывает глаза, но ничего не комментирует.

– Я их все время делаю, – добавляет Жюльен.

Саския стягивает плед со спинки дивана и набрасывает на ноги себе и Жюльену. Кажется, Жюльен забывает, что собирался сказать. Слава богу!

Дейл раздает всем бокалы с шампанским.

– Кто-нибудь слышал прогноз погоды? – спрашивает он.

– Сегодня будет сильный снег, – отвечает Кертис.

– Супер, – говорит Дейл.

– О, это ерунда, – говорит Жюльен. – Если бы вы видели, что тут творилось прошлой зимой.

На этот раз все закатывают глаза. Кто-нибудь, заткните его!

Жюльен снова открывает рот. И закрывает. Саския сидит, прижавшись к нему, ее правая рука скрыта под пледом. Она же не... Или?

Я вижу, как движется ее рука.

Я догадалась правильно.

Прямо в центре комнаты. Ну и наглость! Остальные прилипли к телеэкрану, и никто, кроме меня, не обратил внимания на происходящее. Я не знаю, шокирована ли я или она произвела на меня большое впечатление. Удивляет или впечатляет? Однозначно: эта девица не знает чувства стыда.

Саския обводит взглядом комнату и встречается глазами со мной.
На ее губах появляется легкая улыбка.

Внутри у меня все переворачивается, только я не могу определить почему.

Глава 19

Наши дни

Когда я просыпаюсь в своей холодной, сырой комнате, я первым делом смотрю на задвижку, чтобы проверить, заперта ли дверь, затем я обвожу глазами комнату, проверяя, не появился ли кто-нибудь здесь. На всякий случай я вылезаю из кровати и проверяю ванную комнату. Я с трудом двигаюсь – конечности немеют от холода.

Я рада, что мне больше не придется здесь ночевать. Я натягиваю на себя все свитера, которые взяла с собой, сверху надеваю куртку и застегиваю молнию до самого верха, потом иду к окну.

Голубое небо, только что выпавший белый снег. Я чувствую знакомое возбуждение, несмотря на то что почти не спала и совершенно не выспалась. При дневном свете все выглядит не так мрачно. Независимо от того, найду я свой телефон или нет, я собираюсь сегодня выбраться отсюда. Если подъемник не работает, мы все равно справимся – съедем вниз на сноубордах. В любом случае я надеюсь, что у меня будет шанс прорезать этот паудер до того, как мы покинем это место. В коридоре спертый воздух. Пахнет древесным дымом, который так и не выветрился. Кертис в кухне, склоняется над кофе-машиной впечатляющего вида. На нем вчерашние темные джинсы и пурпурного цвета куртка производства его собственной фирмы «Спаркс», из коллекции «Хай-тек» с молниями где только можно и подкладкой из овечьей шерсти. Пятно на виске тоже стало пурпурным. Мне хочется сказать ему, чтобы приложил к нему лед, потому что синяк выглядит болезненным, но догадываюсь, что он предпочтет, чтобы ему о нем не напоминали.

– Который час? – спрашиваю я.

Кертис смотрит на часы.

– Двадцать минут восьмого.

– Так странно не знать сколько времени.

Кофе-машина издает писк. Кертис чертыхается.

– Она работает? – спрашиваю я.

– Я сейчас с ней разберусь.

– Персонал так и не появился?

– Нет.

Кертис нажимает еще какие-то кнопки. Машина снова пищит, а Кертис опять ругается.

– Ты рано встал. Ты вообще спал?

– Немного.

Я заглядываю ему через плечо.

– Кофейные зерна закончились, – говорю я.

– Откуда ты знаешь?

– Мозг включила, – отвечаю я, хотя скорее дело в том, что я успела поработать в половине всех кафе, имеющих в Шеффилде.

Кертис резко поворачивается, его лицо искажено злостью. Я не знала, что он так заведен, иначе не стала бы его дразнить. Я принимаюсь за поиски кофейных зерен. Я привыкла к общению с крупными, раздражительными мужчинам, как, впрочем, и с мужчинами с причудами, поэтому прекрасно знаю, что в такой ситуации надо помолчать.

Кертис всегда хотел все держать под контролем, поэтому понятно, что он тяжело воспринимает все происходящее. Запах духов и прядь волос у него в кровати на самом деле сильно его потрясли.

Или для его ярости имеется и более зловещая причина? Он убил свою сестру и боится, что это выяснится? И опять же, за всем этим вполне может стоять он – собрать нас здесь для того, чтобы разобраться с тайной исчезновения его сестры. Его прошлая симпатия ко мне превратилась в ненависть, и возможно, я только что видела, как маска слетела с его лица.

Я осматриваю шкафчик над мойкой.

– Прости, – тихо произносит Кертис. – Мне просто страшно хочется кофе.

Я достаю большую банку с кофейными зернами.

– Вот, нашла. Капучино пойдет?

– Я сам сделаю.

И он на самом деле пытается.

– Мне доводилось пользоваться такими машинами в прошлом.

– Я сам справлюсь.

Вероятно, мне стоило бы смириться и отступить, но я ненавижу отступать.

– Ты не знаешь как.

Он вопросительно приподнимает бровь, а я задерживаю дыхание, понимая, что, возможно, зашла слишком далеко. Не следовало так искушать судьбу. Мы смотрим друг на друга, настоящее противостояние. Наконец Кертис с неохотой отступает в сторону. Я специально не смотрю на него, открываю нужный отсек сверху, но мне никак не удается открыть банку с чертовыми кофейными зернами.

Ее у меня забирает Кертис и открывает.

– Сила мышц, – говорит он, с трудом скрывая улыбку.

Проклятье. Я поворачиваюсь к нему спиной, чтобы скрыть *свою* улыбку. Машина начинает работу, и кухня наполняется запахом свежемолотого кофе.

– А ты уже сегодня варила кофе? – интересуется Кертис.

– Нет. А почему ты спрашиваешь?

– Когда я сюда зашел, мне показалось, что я уловил запах кофе.

Я могу понять о чем он думает. Его сестра обожала кофе. Я вручаю ему капучино.

– Может, кто-то еще из наших его варил. Телефоны не видел?

– Нет. Послушай, не надо говорить остальным про волосы...

Он замолкает, когда в кухню, волоча ноги, заходит Brent. Волосы у него торчат во все стороны, на щеке след от подушки.

– Доброе утро!

Мне его обнять или как? Кажется, Brent тоже не знает, как себя вести. В конце концов мы все-таки обнимаемся, но объятия получаются неловкими и напряженными.

– Кофе? – спрашивает Кертис.

– Да, братишка.

Я поворачиваюсь к машине до того, как мы снова начнем о ней спорить.

Мы втроем сидим за стойкой и маленькими глотками молча пьем кофе. Боже, какое напряжение висит в воздухе! Кажется, даже Brent его чувствует. У него затравленный взгляд, я никогда в жизни не видела такого выражения его темных глаз. Хотя, как я догадываюсь, это вполне естественно после вчерашних событий.

Или Кертис прав? Brent в напряжении, потому что шантажирует Дейла и Хизер? Если так, то почему здесь находимся мы с Кертисом? Просто для массовой, для шоу, или Brent планирует и нас шантажировать?

Я ерзаю. В голову приходит одна вещь, о которой знает Brent, которой я совсем не горжусь. Но он же не будет об этом рассказывать, правда?

Я допиваю кофе и спрыгиваю с барного стула.

– Я собираюсь проверить «пузырь», – объявляю я.

– Я уже проверил, – сообщает Кертис.

Но я хочу посмотреть сама, и в любом случае мне нужно выйти на воздух. Я толкаю открывающуюся в обе стороны дверь и выхожу на мороз, потом спускаюсь по металлическим ступенькам.

Вид потрясающий, дух захватывает. Альпы тянутся вдаль, насколько хватает глаз. Белые вершины, зеленые долины. Маленькие оранжевые кабинки неподвижно висят на фоне безоблачного неба, часть скрыта скалами, оставшиеся видны на плато внизу. Отсюда деревня Ле-Роше не просматривается – она расположена низко в долине.

Я смотрю на будку оператора и дергаю дверь. Все еще заперта, но я этого ожидала. Я прижимаюсь лбом к стеклу, прикрываю глаза с двух сторон у висков руками и заглядываю в окно. Внутри находится сложный на вид пульт управления и различные мониторы. Я практически уверена, что даже если мы сломаем дверь и проникнем внутрь, мы не сможем запустить подъемник. Явно нужен какой-то ключ.

Не важно. Сами спустимся вниз. Пока не закончится снег – на сноубордах, дальше пешком. Идти придется долго, потому что снег заканчивается довольно высоко, но мы должны спуститься за полдня.

Я слышу шаги за спиной. Это Дейл. Выглядит как ведущий игрового шоу, пахнет дорогим средством после бритья и теперь явно читает GQ^[28], а не Whitelines. Он одет в модные джинсы и вязаный свитер угольного цвета – возможно, кашемировый, хотя капюшон куртки для сноубординга частично оторван. Результат вчерашней драки, как и оплывший подбитый глаз.

Дейл осматривается.

– Все еще заперто?

– Угу, – киваю я и пытаюсь его обойти, чтобы вернуться наверх.

Он хватается меня за правую руку.

– Это ты пригласила нас сюда, Милла?

– Нет.

Я пытаюсь вырвать руку, но он держит крепко.

– А почему моя жена говорит, что нас пригласила ты?

В этом месте какая-то особая атмосфера. Словно дикая местность этих гор и нас делает дикими. Или, может, все дело в том, что мы находимся вдали от остальной цивилизации. Нас некому здесь сдерживать.

– Я не знаю. Пусти меня.

Он не только не отпускает, но и хватает сильнее.

– Вначале ответь мне.

Сердце сильно колотится у меня в груди, но в подобных ситуациях нельзя демонстрировать свой страх.

– Я ведь могу тебе врезать, – говорю я.

Нападение – лучшая защита, по крайней мере, так считают мои отец с братом.

Дейл и глазом не моргнул.

– Думаю, у меня выйдет сильнее.

Мы принимаем боевые стойки, и я пытаюсь найти следы того Дейла, которого я помню – какую-нибудь татуировку, дырку в ушах или губе, ведь раньше он был весь в пирсинге. Но ничего нет. Словно тот Дейл никогда не существовал.

Глава 20

Десять лет назад

Саския не сняла спортивные брюки, в которых катается на сноуборде. Она снует по кухне, готовит сок. Мы с Одеттой стоим, прислонившись к разделочному столу. Никто из нас не хочет спиртного, так что, похоже, наш девичник пройдет спокойно. Меня это устраивает.

– Что ты там мешаешь? – спрашиваю я.

Саския поворачивается ко мне, ее глаза смеются.

– Свеклу, морковь, шпинат и лимон.

Она чувствует, как я нервничаю, когда вручает мне напитки? Подозреваю, что чувствует. Теперь она уже несколько раз приносила мне стаканчики с кофе на гору. Мой бюджет не позволяет покупать горячие напитки, так что ответной любезности я ей не оказывала, но, похоже, ее это совершенно не волнует. Может, она таким образом компенсирует то, что натворила перед соревнованиями Le Rocher Open.

Она добавляет бежевый порошок в блендер.

– И маку^[29], – поясняет она.

Я читаю, что написано на банке.

– Предполагается, что маку способствует восстановлению мышц, – говорит Саския. – Я про это растение узнала от Кертиса.

Я нюхаю порошок.

– На вкус тоже дерьмо?

Одетта опускает палец в банку. Она упала несколько дней назад, и у нее на запястье надет ортез.

– Не так и противно. Попробуй, – предлагает она мне.

Я пробую.

– Фу! Гадость!

Саския включает блендер.

– Ты не заметишь его вкуса в коктейле, – говорит она.

Одетта протягивает руку за другой банкой. Super Greens^[30].

– Добавь немного, – предлагает она Саскии.

– Нет, не буду. Я хочу, чтобы Милле понравился коктейль.

Саския разливает коричневую жидкость по стаканам, и мы направляемся к дивану.

Квартирка маленькая, но гораздо лучше, чем у меня. К тому же здесь пол из светлого дерева и цветные половики.

– Ты тоже здесь живешь? – спрашиваю я у Одетты.

Ее бледная кожа сегодня загорела на солнце.

– Нет, – говорит она. – У меня квартира над пунктом проката лыж.

– Здесь только мы с Хизер, – сообщает Саския.

– Хизер сегодня вечером работает? – спрашиваю я.

– Да, слава богу.

Саския наклоняется вперед, чтобы поставить пустой стакан на кофейный столик, свитер сзади задирается, обнажая худую спину. Она меня поражает. Такая маленькая, но при этом такая сильная.

На кофейном столике валяются журналы. Я просматриваю их, надеясь, что меня посетит озарение. Почему она такая? Французские журналы о моде лежат вперемешку с журналами о сноубординге и британскими низкопробными журналами о знаменитостях. Это все мне мало о чем говорит, да и в любом случае это могут быть журналы Хизер, по крайней мере, часть из них.

Я киваю на сноуборды, которые стоят у стены.

– Все твои?

– За исключением одного. Вот тот принадлежит Хизер. – Саския показывает пальцем.

– У тебя целых пять сноубордов!

Они не могут быть все от ее спонсора, два из них не фирмы Salomon. Средняя цена на сноуборд – около пятисот фунтов стерлингов, а у Саскии еще более дорогие модели.

Я поворачиваюсь к Одетте.

– А у тебя сколько?

– Три.

– А у *тебя*? – спрашивает у меня Саския.

– Один, – отвечаю я, жалея, что завела этот разговор. – Но больше мне и не нужно, потому что он магический.

Они смеются.

Я замечаю, как Саския наблюдает за мной, когда я допиваю сок. Может, очарование у нас двустороннее?

Она кладет голые ноги на кофейный столик. Ногти на ногах у нее сегодня покрашены серебристым лаком.

– У меня к тебе вопрос, Милла. Что лучше – сноубординг или секс?

Я ожидала чего-то подобного, у нас же в конце концов девичник. Мне нравится говорить о сноубординге с Одеттой, но я бы предпочла не обсуждать свой прогресс в присутствии Саскии, поэтому я счастлива, что она сменила тему.

– Зависит от того с кем, – отвечаю я.

В глазах Саскии загораются озорные огоньки.

– С Brentом.

– Я уже говорила тебе, что мы с ним не встречаемся, – отвечаю я.

Brent с Кертисом сегодня в Италии на соревнованиях. Я отмечаю про себя, что нужно будет ему сегодня позвонить, только попозже, и узнать, как они выступили.

Саския вопросительно приподнимает бровь.

– В любом случае мне нравится и то и другое.

– Да, одно в дневное время, другое в ночное, – улыбается Одетта.

– Ты такая скучная, – говорит ей Саския.

Сегодня она огрызается на Одетту. Создается впечатление, что она хотела бы видеть меня одну. Или я себе льщу? Три – неудачное число. Одна из нас, Одетта – серьезная девушка, Саския – веселая любительница развлечений, а я балансирую где-то посередине. Сегодня вечером я склоняюсь в сторону Саскии.

– А почему не то и другое вместе? – спрашивает Саския. – Например, можно найти тихое местечко на горе.

– Может, еще в «пузыре»? – предлагаю я.

Саския ухмыляется.

– Ты по собственному опыту знаешь, что там неплохо?

– Нет! – смеюсь я. – А теперь твоя очередь. Что лучше?

Мне страшно хочется услышать, что она скажет. Мужчины поворачивают головы, где бы она ни появилась, тем не менее она не демонстрирует интереса ни к кому из них, кроме, может, Жюльена, но я подозреваю, что она его терпит только ради советов по сноубордингу. Я предполагаю, что она, как и я, предпочитает сосредоточиться на тренировках.

– Да, – говорит она. – Ты права. Мне нужно и то и другое.

– С Жюльеном? – не отстаю я.

Она смеется и отводит взгляд.

Я уже собираюсь задать тот же вопрос Одетте, но звонят в дверь. И это чертов Жюльен.

Я смотрю, как Саския его приветствует – холодно целует в каждую щеку. Одетта хмурится.

– Сегодня у нас только девушки, – напоминает Одетта.

– Какая разница? – отмахивается Саския.

Можно было бы ожидать, что Жюльен и Одетта станут друзьями, раз они оба французы, но с ним всегда разговаривает только Саския. Сегодня вечером Одетта даже не целует его в щеку, а только кивает ему.

Жюльен говорит что-то на французском.

– Сегодня вечером мы говорим по-английски, – сообщает ему Саския.

– Вы видели, как я сегодня сделал инверт с двумя оборотами? – спрашивает он.

Какое-то время мы его слушаем. Это было бы интересно, если бы только его английский не был так плох. Я стараюсь вникнуть, но это сложно. Саския перебивает его и спрашивает Одетту о предстоящих соревнованиях в Швейцарии. Кажется, Жюльена совсем не беспокоит, что его рассказ не заинтересовал Саскию. Он не может отвести от нее глаз. словно она его муза или что-то в этом роде.

Я поворачиваюсь к Одетте.

– Я видела сегодня твои вращения на девятьсот градусов. Какая амплитуда!

Одетта машет пальцами.

– Не такая и большая. Я видела, как ты делала по два оборота с грэбом.

– Большую часть из них я смазала.

Мы занимаемся тем, что обычно делают женщины. Умалюем свои достижения.

Саския зевает. Она не восхваляет себя, как Жюльен, но также и не принижает. У нее нет в этом потребности. Она трет шею, поворачивает ее в одну сторону, потом в другую.

– Болит шея? – Жюльен вскакивает со своего места и оказывается позади дивана. Он отводит волосы Саскии в сторону и начинает

массировать ей плечи. Его сосредоточенное выражение лица напоминает мне морду кота моих родителей, когда он топчется на чьих-то коленях.

Я сдерживаю смешок и бросаю взгляд на Одетту, чтобы посмотреть, как она реагирует на происходящее. Она смотрит со странным выражением лица. Пока не замечает, что я наблюдаю за ней.

Тогда ее взгляд проясняется, и я не уверена, не привиделось ли мне.

На мгновение мне показалось, что я заметила ненависть в ее глазах.

Глава 21

Наши дни

Дейл еще сильнее сжимает мою руку. Некоторые парни не способны ударить девушку, например, Brent. Curtis, вероятно, может, если того потребует ситуация, но я не уверена. Глядя в холодные серо-зеленые глаза Дейла, я верю, что он может.

Внезапно я вспоминаю, как он набросился на Саскию в баре «Сияние» десять лет назад. Мои мысли бегут впереди меня. Они снова поругались, и после этого он убил ее? Может, это и произошло с ней? Если так, то мне сейчас угрожает настоящая опасность. Он думает, что я пригласила его сюда, чтобы поймать в капкан, поэтому будет вести себя как загнанный в угол зверь.

Проклятье. И я уже не могу использовать элемент неожиданности. Что мне делать? Дейл-ведущий игрового шоу меня пугает. Я хочу, чтобы вернулся Дейл-викинг.

«Лучшие борцы делают все, что только можно, чтобы избежать драки, Милла. Но если ты не можешь ее избежать, бей первой, и бей сильно».

Мой отец учил меня драться. Он крепкий и суровый мужчина. И умный при этом. Я могла бы врезать Дейлу левой рукой, а еще лучше, коленом по яйцам, и мне очень хочется это сделать. Но он ударит меня в ответ, и в результате пострадаем мы оба. Я сперва попробую другую тактику.

– Если ты меня сейчас не отпустишь, я расскажу твоей жене, как ты меня целовал.

Подло с моей стороны использовать это против него, именно я была инициатором того поцелуя. Но мне плевать. Я в ярости. Если это не сработает, я врежу ему коленом и пущусь наутек.

Он отпускает мою руку.

Раньше я очень уважала Дейла. Он был веселым парнем, с которым легко общаться, причем с уникальным стилем – в катании на сноуборде, в одежде и в жизни. Мне стоит рассказать ему про Хизер с Brentом? Про то, как они прошлой ночью вместе были в белье?

Нет. Вначале я должна выслушать версию Брента. Или, лучше, сосредоточиться на том, как отсюда выбраться. Я поднимаюсь по лестнице, стараясь привести дыхание в норму.

– Эй! – зовет меня Дейл.

Я оборачиваюсь.

– Прости.

«Ты серьезно? Ты меня хватаешь, а потом думаешь, что, если извинишься, я тут же обо всем забуду?»

Я не уверена, что он сожалеет о случившемся, но киваю и продолжаю путь наверх, и остаюсь в напряжении, пока не добираюсь до относительно безопасного места – кухни.

Там я застаю Хизер. Она вся такая модная, в обтягивающих узких белых джинсах и высоких сапогах, которые были на ней вчера. Она прищуривается, когда Дейл заходит практически сразу же вслед за мной.

«Нет, Хизер. Я его не целовала. Не в этот раз».

Дейл направляется прямо к ней и обнимает ее обеими руками – чтобы успокоить ее или застолбить, так сказать, монопольные права, или и то и другое. Я не могу точно сказать.

Я чувствую на себе взгляд Кертиса. Я выгляжу такой же взволнованной и возбужденной, какой я себя чувствую?

– Подъемник работает? – спрашивает Хизер.

– Нет, – отвечает Дейл.

– И у меня есть ощущение, что и не заработает, – добавляет Кертис.

Все головы поворачиваются к нему.

– Если кто-то приложил столько усилий, чтобы мы оказались здесь, так просто они нас не отпустят.

– Если бы только у нас остались телефоны, черт побери, – говорит Хизер.

– Именно поэтому их и забрали, не правда ли? – замечает Кертис. – Организаторы хотели, чтобы мы застряли здесь.

Меня пробирает дрожь. Что еще они для нас запланировали?

– У нас самолет завтра вечером, – сообщает Хизер. – Нам нужно в понедельник на работу. Что нам делать?

– Как насчет завтрака? – предлагает Кертис.

Хизер выражается непечатно.

– Значит, сами будем спускаться вниз, – продолжает Кертис. – Очень хорошо, что тот, кто все это спланировал, не догадался забрать наши сноуборды вместе с телефонами.

Дейл откашливается.

– У Хизер нет сноуборда, – сообщает он.

Проклятье. Я об этом не подумала.

Кертис с надеждой смотрит на нас с Brentom.

– Запасного нет?

Мы с Brentom качаем головами. Кертис смотрит на сапоги Хизер.

– Скажи: а ты какую-нибудь другую обувь с собой взяла? – спрашивает он.

– Да, – отвечает она.

– Это радует.

Она смущенно смотрит на мужа.

– Босоножки на ремешках. На высоком каблуке.

Кертис хватается за голову.

И это неудивительно. У нас проблема.

– Я тебе говорил, – Дейл смотрит на жену.

Хизер готова взорваться.

– Если бы я знала, что мы собираемся лазать по горам, черт побери, я бы вообще никуда не поехала!

Едва ли это можно назвать лазаньем по горам, уже собираюсь сказать я. Потом я вспоминаю верхнюю часть спуска, который нам предстоит. Это одна из многочисленных «черных» трасс^[31] на этом курорте – крайне сложная, только для опытных спортсменов. Она крутая, там много выходов породы. Если мы будем спускаться на сноубордах, то нашей самой большой проблемой будет отсутствие снега в некоторых местах – он лежит пятнами, и мы рискуем испортить наши сноуборды. Однако без сноуборда Хизер будет, *по сути*, вынуждена в некоторых местах заниматься скалолазанием.

Это плохо.

– Какой у тебя размер обуви, Хизер? – спрашиваю я.

– Пятый.

– У меня седьмой^[32]. Можешь обуть мои кроссовки от Converse, наденешь две пары носков.

Хизер кивает.

Я бросаю взгляд на Дейла. «Надеюсь, теперь ты чувствуешь себя виноватым за то, что угрожал мне?»

– А ты сама, Милла? – спрашивает Кертис.

– У меня есть ботинки для сноубординга.

Совершенно новые, которые я еще ни разу не надевала. Я морщусь при мысли о том, как могу натереть ноги.

Мы все (даже Дейл) смотрим на Кертиса в ожидании его решения. Он провел в горах практически всю свою жизнь, так что определенно Кертис – самый опытный из присутствующих.

Он качает головой.

– Мне это не нравится. Снег заледенел – здесь же все лето светило солнце. Даже в кроссовках у нее будут скользить ноги на протяжении всей трассы, пока не доберемся до конца снежного покрова.

– Можем привязать ее веревкой, – предлагаю я.

– В кладовке рядом с основным входом есть веревка, – сообщает Дейл.

Они с Кертисом, вероятно, до сих пор злятся друг на друга после вчерашнего, да и боль от ударов еще явно не прошла у обоих, но им удается забыть об этом перед лицом общих трудностей. Мы все сплотились, потому что одинаково хотим отсюда выбраться.

– Ты когда-нибудь занималась скалолазанием? Горным туризмом? Хотя бы хайкинг? – спрашивает Кертис у Хизер.

Она качает головой, лицо у нее бледное.

Кертис снова поворачивается к Дейлу.

– Здесь везде скалы. Если она соскользнет, то потянет за собой одного из нас. Сорвет с поверхности горы. Оставим этот вариант на крайний случай. Вначале нужно испробовать все другие.

– Какие, например? – спрашиваю я.

– Попасть в будку оператора. Если нам удастся запустить «пузырь», то мы на нем преодолеем половину пути вниз. Если не удастся, там может быть радиосвязь или какая-то тревожная кнопка. Нужно вообще посмотреть, что тут есть снаружи. Может, как-то можно подать сигнал из будки, где находится механизм подъемника.

– Это все мог устроить только полный псих, – говорит Хизер дрожащим голосом.

Кертис молчит несколько секунд, потом спрашивает:

– Кто-то видел или слышал что-нибудь, что может свидетельствовать о том, что здесь находимся не только мы пятеро?

Кертис обводит взглядом помещение, на мгновение встречается со мной взглядом, а я отмечаю про себя, как он сформулировал вопрос. Он не упомянул ни духи, ни прядь волос, но я думаю, что он имел в виду именно их.

Все остальные качают головами.

Кертис не предложил разделиться. Почему? Он мог бы съехать вниз вместе со мной и Brentом и оставить здесь Хизер с Дейлом до тех пор, пока служащие курорта не запустят подъемник. Его останавливает возможность присутствия здесь его сестры?

– Так, ешьте, потом примемся за работу, – объявляет Кертис. Он смотрит прямо на Дейла. – Если ни у кого нет идей получше.

Дейл прикладывает руку к голове, как бы отдавая салют, смотрит с иронией.

Кертис широкими шагами отправляется в кухню.

Хизер бросает взгляд на Brentа, а я снова задумываюсь о том, что происходило в бельевой.

Дейл говорит ей что-то на ухо, она кивает и трется щекой о его щеку. Может, их брак и неидеален, но Дейл продолжает ее поддерживать. Он рядом с ней. Каково это? Иметь рядом человека, который всегда тебя поддержит? Всегда прикроет? Я не знаю, потому что у меня такого никогда не было. По моему собственному выбору, но тем не менее. Иногда я задумываюсь, не многое ли я упускаю.

Я отворачиваюсь от них и насыпаю в миску гранулы Chocapic. Я не ела эти сухие завтраки с той зимы. Мы идем с мисками в ресторан, где перевернутые стулья валяются на полу, который все так же засыпан разбитым стеклом после вчерашней драки.

Воцаряется неловкое молчание, пока мы едим. Хизер пытается поймать взгляд Brentа.

«Не делай этого, Хизер, или Дейл увидит».

За окном ярко светит солнце, освещает ледник. Оно светит так ярко, что мне приходится прикрывать глаза. В нескольких сотнях метров вверх по склону находятся остатки разных трамплинов, предположительно приготовленных фирмой Burton – каждый август они организуют здесь летний лагерь.

Мне становится грустно. Если бы жизнь сложилась по-другому, мы бы сейчас находились на склоне и наслаждались – вместо того, чтобы сидеть здесь, в помещении и подозревать друг друга в ужасных вещах.

Я должна понять, что это совсем не встреча для ностальгических воспоминаний, на которую я надеялась.

А эти люди больше не мои друзья.

Глава 22

Десять лет назад

У меня по венам пульсирует адреналин. Сегодня день бэкфлипа. Ночью шел снег, и хафпайп еще не расчищали, так что мы поднимаемся на ледник, чтобы соорудить место для прыжков.

«Вы находитесь в высокогорной местности. Осторожно: расщелины, лавины! Вы идете дальше на свой страх и риск!» – текст на предупреждающих знаках повторяется на шести языках, но мы поднырнули под ограждения и пошли пешком по целине.

Свежевыпавший снег блестит на солнце. Время для меня идеальное: я получаю возможность попробовать новые трюки с мягким приземлением. Если у меня не получится бэкфлип при прыжке с трамплина, то я потом смогу перейти в хафпайп и попробовать мактвист.

Мы здесь сегодня всемером. Дейл с Кертисом работают складными лопатами – они принесли их сюда, привязав их ремнями к рюкзакам. Все остальные работают руками и сноубордами, сооружая импровизированный трамплин. Холод проникает под мои спортивные штаны, когда я сижу на корточках в снегу, держа сноуборд за крепления и катая его взад и вперед по месту будущего взлета.

Кертис распрямляет спину, его лицо покраснелось от усилий.

– Мне кажется, что хорошо получилось, – говорит он. – Все довольны?

Мы вместе с ним идем вверх, утопая по колени в снегу. Здесь разреженный воздух, в нем мало кислорода, и я хватаю его, словно роженица. Кертис тоже тяжело дышит, и мне от этого легче.

– Тебе нужно почаще ходить в спортзал, – говорю я.

– Заткнись. Вчера вечером я тебя там не видел.

– Я ходила на физиотерапию.

Меня опять беспокоит колено – с тех пор, как я прыгнула вниз со скалы за рукавичкой ребенка.

Я бросаю взгляд через плечо, чтобы проверить, не находится ли Саския в пределах слышимости. Она далеко позади с Одеттой и Жюльеном.

– Саския делает мактвист? Она ведь выполнила его в финале на чемпионате Великобритании?

– Да, – кивает Кертис.

– Но я пока не видела, чтобы она его здесь делала.

– Она неудачно упала в летнем лагере на Хинтертуксе^[33].

Потеряла сознание. После этого начала носить шлем.

– После этого она его пробовала делать?

– Если и пробовала, мне об этом неизвестно.

– Интересно.

Если сегодня у меня получится несколько бэкфлипов, это ее совсем не обрадует.

У меня глубоко проваливается одна нога. Кертис реагирует мгновенно и оттаскивает меня назад. Прямо там, где я шла, зияет трещина в голубом льде.

Мы осторожно заглядываем в нее. Трещина глубокая (такие называют бездонными) – тянется вниз настолько, насколько хватает глаз.

– Народ, тут большие расщелины, – кричит Кертис тем, кто находится ниже нас.

Я осматриваюсь вокруг – нет ли еще расщелин. Проблема в том, что большинство из них скрыты под тонким слоем снега – так называемыми снежными мостами, и не определить, где они находятся, пока на них не наступишь.

– Пошли дальше, – говорю я Кертису. – Ты можешь идти первым.

Он смеется и проверяет снег впереди хвостом своего сноуборда. Мы медленно продолжаем подниматься вверх. Наверху мы пристегиваем сноуборды, хватая ртами воздух.

Кертис надевает шлем. В нашей маленькой группе их носят он и Саския. Вероятно, и мне следовало бы, но они совсем недешевые, и я еще не планировала его покупать.

Я слышу, как Саския о чем-то спрашивает Жюльена по-французски, когда они подходят к нам. Одетта идет за ними и выглядит расстроенной и обозленной.

– Кто будет подопытным кроликом? – спрашивает Кертис.

– Я! – мгновенно отвечаю я. Я – самый слабый райдер в группе, и мне нужно им показать, что могу дотянуться до их уровня.

«Скачусь по прямой», – говорю я сама себе. Они все смотрят.

И я несусь вниз на скорости, потом влетаю во впадину, а оттуда уже взмываю вверх и отрываюсь от земли. Я взлетаю в воздух гораздо выше, чем ожидала, но не теряю присутствия духа и делаю грэб сноуборда за задний край, чтобы нужным образом выровнять хвост сноуборда. В результате я лечу по воздуху на доске, перпендикулярной направлению моего полета. Это метод-грэб. Если все сделаешь правильно, ты это почувствуешь. И я чувствую.

Сила тяжести тянет меня вниз. Я больше не держу доску. Падать вниз высоко, и я обязательно почувствую приземление. Четырехглавые мышцы сильнее всего ощущают соприкосновение с землей, вроде как принимая на себя вес моего тела. Но я не падаю, мне удается устоять и ехать дальше. Как я рада, что столько времени провела на тренажерах и накачала мышцы ног!

Сверху слышатся одобрителные крики. Когда я отстегиваю крепления, в полет отправляется Кертис, после него – Одетта. Они выполняют методы, и я, наблюдая за ними, вижу, как могу улучшить исполнение этого трюка. Я смотрю, где они приземляются – да там и метра не будет от места моего приземления! Ха!

Следующей прыгает Саския, потом Жюльен и Brent, и я улыбаюсь, потому что они все тоже выполняют методы. Дейл усложняет прыжок, выполняя вращение на сто восемьдесят градусов, потом отпускает руку и делает инди-грэб^[34] перед приземлением. Меня не удивляет, что его выбрали рекламировать Oakley^[35]. У него есть собственный стиль.

– Фи! Двойной грэб, – говорит Жюльен, ни к кому конкретно не обращаясь. – Мне они не нравятся.

Я иду назад рядом с Одеттой. Вчера вечером я ходила к ней в гости, и мы долго сидели и смотрели DVD с записями выступлений французских сноубордистов. Одетта ведет себя совсем по-другому, когда рядом нет Саскии – более расслабленно. Как я понимаю, и я сама тоже. Одетта не сказала мне, почему не пришла и Саския, а я не спросила, почувствовав, что они поругались. Мы обсуждали наши цели на эту зиму, соревнования, в которых мы планируем принять участие, трюки, которые мы надеемся научиться исполнять. Если бы она была из Великобритании, то я никогда не стала бы с ней делиться подобным. Но в любом случае она настолько сильнее меня в сноубординге, что это, как кажется, не имеет никакого значения.

Жюльен и Саския идут прямо за нами. Вероятно, Саския говорит по-французски лучше, чем Жюльен по-английски, потому что они снова беседуют на французском. Судя по тому, как он показывает ей на трамплин, он дает ей советы.

– Когда он говорит по-французски, он кажется таким же придурком, как когда говорит по-английски? – тихо спрашиваю я у Одетты.

Я ожидаю, что она рассмеется, но она даже не улыбается.

– Да, – отвечает она.

Похоже, он ей очень не нравится, но это объяснимо. Они оба – невероятные райдеры, при этом Жюльен использует любую возможность, чтобы рассказать людям, насколько он невероятный. Одетта же этого не делает и просто молча катается. Если бы Кертис не сказал, то я бы и не знала, что она на этой неделе заняла второе место на этапе Кубка мира в Варсе.

– Над чем ты сегодня работаешь? – спрашивает Одетта.

Я мнусь.

– Надеюсь попробовать бэкфлип, – наконец говорю я. Теперь пути назад нет.

– Впервые?

– Да. Я очень нервничаю.

Она сжимает мою руку пальцами в перчатке.

– Не волнуйся. У тебя получится!

Брент пристегивает крепления на самом верху.

– Пришло время бэкфлипа, – тихо говорю я. – Будут какие-нибудь последние указания? Что-то посоветуешь перед стартом?

– Только не приземляйся на голову, – ухмыляется Брент. – На багуте у тебя прекрасно получалось. Но ты должна полностью сосредоточиться на трюке. И ни в коем случае не менять решение! Начала вращение – доводи до конца, нельзя на середине решить, что ты не хочешь делать бэкфлип.

По его походке, которая кажется немного неуклюжей, по его легкой сутулости и низко посаженным штанам, никогда не догадаешься, что Брент – топовый спортсмен. Можно даже решить, что он неудачник – или просто лентяй. Но только до той минуты, как увидишь его на сноуборде.

Он взлетает с трамплина и делает вращение на семьсот двадцать градусов с большой амплитудой. Кажется, он не испытывает никакого страха. Я ему завидую. У меня ладони вспотели в перчатках. Саския опять о чем-то спрашивает Жюльена, пока они пристегивают крепления. Мне будет интересно увидеть ее выражение лица, если у меня получится то, что я задумала.

Кертис поднимается на ноги.

– Ты стартуешь? – спрашивает он меня.

– Нет, после тебя, – отвечаю я, потому что не совсем готова.

Кертис несется на скорости вниз и очень чисто исполняет бэкфлип. Все аплодируют и одобрительно кричат.

Теперь я на самом деле должна его сделать. Я несусь на доске вниз. Скорость очень важна – нужно достаточно времени в воздухе, чтобы успеть перевернуться. Как только нос моего сноуборда достигает конца взлетной полосы, я начинаю отклоняться назад.

Это чем-то напоминает американские горки – когда ты летишь вниз. Только там ты сидишь в кресле, крепко привязанная пристегнутыми ремнями, а здесь я понятия не имею, чем все закончится. Я вижу голубое, потом белое. Если я прямо сейчас упаду на землю, то точно сломаю себе шею. Затем я снова вижу голубое небо и заканчиваю полет с доской подо мной.

Крики и аплодисменты громче, чем достались Кертису.

Кертис уважительно кивает мне, когда я к нему присоединяюсь.

– Здорово!

Я пожимаю плечами, словно не сделала ничего особенного. Но внутри меня словно озаряет радость. Не знаю точно почему, но похвала от Кертиса значит для меня больше, чем от кого-то из других членов компании. У меня ощущение, что он – это мои брат и отец, слившиеся в единое целое. Если я смогла произвести на него впечатление, это подобно тому, что я совершила невозможное и произвела впечатление на них. Это глупо, я знаю, в особенности раз мои чувства к нему совсем не братские, но я буду ценить этот момент.

Саския взмывает с трамплина, и я не могу скрыть улыбку, когда она снова начинает вращение. Я подняла планку, и она не может до нее дотянуться.

Кертис видит мое лицо.

– Будь осторожна с моей сестрой.

– Что ты имеешь в виду? – удивленно спрашиваю я.

– Просто... будь осторожна.

– Ты просишь меня с ней деликатничать? Или поддаваться? – спрашиваю я. Лучше бы он этого не делал.

– Нет. Но она не любит проигрывать.

Я смеюсь.

– А кто-то любит?

Кертис открывает рот, словно собираясь что-то сказать. Но не говорит ничего и закрывает.

Это заставляет меня задуматься о том, что она еще сделала. Но мы теперь достигли взаимопонимания. Она не сделает ничего исподтишка.

– Не беспокойся, – говорю я. – Я тоже играю жестко.

Именно в эту минуту Жюльен вылетает с трамплина и закручивает какой-то странный оборот – словно по спирали. Вот это мне нравится во фристайле. Вот такой сноубординг мне нравится! Это не бег, не велосипедные гонки, когда выигрыш определяется сотой долей секунды и требуется фотофиниш для определения победителя. Наш спорт очень молод, и райдеры все время придумывают новые трюки – трюки, которые люди считали невозможными или просто не могли себе представить. Вы только подумайте о том, что сноубордисты будут творить через десять лет.

Брент хлопает меня по спине, когда я его догоняю.

– Молодец, Милла!

Сделав пять бэкфлипов, я чувствую себя очень довольной. Каждый раз, когда у меня получается приземление, я говорю себе, что главное вовремя остановиться. Затем я вижу выражение лица Саскии и заставляю себя сделать еще один.

Вот так я у нее и выиграю. Я не хочу побеждать, играя грязно, я хочу побеждать в результате тяжелых, напряженных тренировок, осваивая новые трюки один за другим. У меня есть у кого спросить совета – здесь рядом несколько настоящих мастеров. До чемпионата Великобритании остается три месяца. Он состоится в середине апреля. Я смогу!

Брент с Дейлом сидят на вершине и едят батончики мюсли. Мои батончики. Как хорошо, что они кому-то нравятся. У меня еще

двадцать коробок. Я ставлю сноуборд на снег и сама опускаюсь в снег рядом с Brentom, достаю батончик мюсли и вонзаю в него зубы.

Какая-то женщина резко охает у меня за спиной, я оборачиваюсь.

Рядом стоит Саския, прикрывая ладонью рот.

– Прости, Милла!

Меня охватывает страх, накрывает словно волной. Моего сноуборда нет там, где я его оставила.

Я поднимаюсь на ноги. Должно быть, он у меня за спиной. Или, может, несется вниз по склону, где в конце концов врежется в мягкий сугроб и остановится.

Но его нигде не видно.

– Это произошло случайно, – говорит Саския. – Я задела его носком ботинка.

Она показывает на дыру в снегу.

Я бросаюсь к месту, на которое она показывает. Мой драгоценный сноуборд едва различим в тридцати метрах внизу. Он свалился в узкую расщелину.

Я смотрю на Саскию и вижу намек на улыбку, которая быстро исчезает у нее с лица.

Вот вам и взаимопонимание. Может, это еще не дошло до нее, но эта выходка означает одно: война.

Глава 23

Наши дни

Брент стучит пальцем по окну будки оператора.

– Закаленное высокопрочное стекло, – говорит он.

Они с Кертисом одеты так, словно собрались кататься на сноуборде – перчатки, очки. Они совещаются, как лучше проникнуть внутрь.

Остальные, включая меня, держатся на некотором расстоянии. Как только у меня появится возможность, я собираюсь отсюда смыться и обыскать комнаты – может, найду наши телефоны, а может, и какую-то подсказку, которая поможет понять, кто все это устроил.

Ветер усилился. Маленькие оранжевые кабинки, которые мы называем «пузырями», со скрипом качаются взад и вперед. Я не особо надеюсь на то, что мужчины смогут запустить подъемник. В наши дни подъемники стали безопасными – все меры предосторожности соблюдаются, и явно должна быть защита от проникновения в будку оператора. Да и тот, кто собрал нас здесь, должен был догадаться, что мы попробуем в нее проникнуть.

Брент поднимает сноуборд.

– Давай для начала им попробуем, – предлагает он.

Дейл с Хизер отошли подальше, стоят в конце причальной платформы и говорят тихими голосами. Судя по тому, что до меня все-таки долетает, снова спорят. Дейл видит, что я смотрю на них, и заставляет Хизер замолчать.

– Я скоро вернусь. Мне нужно в туалет.

Я бегу вверх, а потом по коридору к комнате Дейла и Хизер.

Дейл привез с собой гораздо меньше вещей, чем Хизер, так что я начну с него. Я роюсь в его сумке для сноуборда. Спортивные брюки для катания, перчатки, очки, свитера приглушенных тонов и свободные штаны с большими карманами на штанинах. По большей части бренды его бывших спонсоров, и все вещи практически новые. Нижнее белье теперь от Calvin Klein. Тот Дейл, которого я знала, никогда не стал бы носить дизайнерские трусы-боксеры. И никогда не стал бы тратить на них деньги. Он бы откладывал деньги на

сноубординг. Пакет с замком зип-лок, в котором лежат шурупы и парочка инструментов для сноуборда. Ничего особенного. Телефонов нет.

Я проверяю под подушками и матрасами, ощупываю одеяла на всех четырех кроватях. Нужно действовать быстро. В шкафу ничего нет. Чемодан Хизер стоит открытым на полу. Масса одежды – по большей части черного цвета и дорогой на вид, все аккуратно сложено. Я давлю сверху на эту кучу, пытаюсь нащупать твердые края телефонов. Ничего.

В одном углу чемодана целая куча кружевного нижнего белья. Странно видеть белье другой женщины, и я не могу удержаться, чтобы не достать пару вещичек. Крошечные, прозрачные черные трусики-стринги и бюстгальтер из того же комплекта, полоски, из которых он состоит, едва ли прикрывают соски.

Я сую белье назад. Теперь ванная комната. В косметичке Хизер среди косметики я нахожу бледно-голубые таблетки в фольге. Мне хочется все получше рассмотреть в косметичке, но времени нет, так что я застегиваю молнию на косметичке и проверяю сумочку для туалетных принадлежностей Дейла. Проклятье – кто-то идет!

Я ныряю в душевую кабинку и задергиваю шторку, как раз когда со скрипом открывается дверь.

– Иди умой лицо, – слышится голос Дейла. – И возьми себя в руки.

Хизер плачет.

– Мы никогда отсюда не выберемся. Это ты во всем виноват. Не нужно было брать ее кредитную карту.

Чью кредитную карту? Мою? Они ходили в мою комнату?

– Говори тише, черт тебя побери! – рявкает Дейл. – Она ведь была ей больше не нужна. А для ее родителей пара тысяч – ничто. Они чертовски богатые.

О боже! Я думаю, что они говорят про Саскию. Значит, кредитной картой пользовался Дейл, а не Саския?

– Она была нам должна, – продолжает Дейл. – И я что-то не слышал твоих жалоб, когда мы тратили эти деньги.

Сдавленные рыдания.

– Если это всплывет, я лишусь лицензии. Я больше не смогу заниматься юридической практикой. Мы потеряем все!

– Только сейчас не надо устраивать мне истерик, – шипит Дейл. – Только попробуй чего-нибудь ляпнуть. Никто не знает. Нам все это сошло с рук, так почему ты так завелась-то сейчас?

– А может, не сошло? Может, мы поэтому здесь? – Хизер шмыгает носом. – Потому что кто-то подозревает нас.

– Кто? Ты Миллу имеешь в виду? – спрашивает Дейл.

– Или кто-то, кто притворялся ею. Тебе не следовало красть эту карту.

– Мы уберемся отсюда к концу дня. Вечером будем уже внизу. От тебя только требуется все это время держать рот на замке.

Хизер снова начинает плакать. У меня вызывает негодование отношение к ней Дейла. Как он с ней разговаривает? Никакой любви и нежности нет и в помине. Он разозлен и ожесточен. Кертис прав: Дейл изменился.

– Я принесу тебе твои таблетки, – говорит Дейл.

Я чувствую сквозняк, когда дверь в ванную открывается и кто-то заходит. Шторка дрожит. Я задерживаю дыхание. Моя рука до сих пор помнит силу пальцев Дейла – как он схватил меня и держал. Если он так на меня набросился там, что он сделает, если застанет меня здесь?

Я слышу, как открывается кран. Шторка снова дрожит. Он ушел?

Хизер снова шмыгает носом.

– Спасибо.

– Нам пора возвращаться, – говорит Дейл.

Я слышу стук закрывающейся двери, потом воцаряется тишина. Я вздыхаю с облегчением. Меня чуть не поймали.

Мозг судорожно работает, разные мысли крутятся в голове. Это означает, что Дейл с Хизер ее не убивали? Если бы убили они, то явно боялись бы, что именно это может выплыть наружу, а их беспокоит кредитная карта. Но я не могу исключать, что Саскию убил один из них, а второй об этом просто не знает.

Лучше продолжить поиски. У них в комнате я все осмотрела. Я выхожу на цыпочках в коридор. Здесь все тихо. К кому следующему – к Кертису или Бренту?

Я быстро миную три двери до комнаты Кертиса. Тут гораздо больше порядка, чем у меня. Я могла бы догадаться, что он застелет кровать. Здесь очень легко пахнет мускусом, возможно, дело в его

дезодоранте. Я хочу сделать то, что запланировала, как можно быстрее, потому что не хочу, чтобы он застал меня за этим занятием.

Бело-голубая сумка его фирмы «Спаркс Сноубординг» лежит на нижней кровати, молния частично расстегнута. Я расстегиваю ее полностью и открываю откидной верх. Мне кажется, что доски пола качаются подо мной, хотя возможно меня просто шатает. Мне приходится схватиться за кровать, чтобы не упасть.

На самом верху, поверх сложенной одежды лежит пропуск Саскии на подъемник.

Моя рука дрожит, когда я вынимаю его из сумки.

У него не должно быть этого пропуска.

Пропуск сканируют внизу перед тем, как ты заходишь в вагончик фуникулера, а потом еще раз перед тем, как сможешь зайти в «пузырь». Саския не смогла бы пройти мимо охранника с орлиным взглядом, который дежурит внизу у сканирующего устройства. Без пропуска на подъемник не попасть! Тем не менее Хизер и Brent говорили, что видели ее на леднике, а Кертис утверждал, что видел там ее вещи. Это действительно так, или все трое в сговоре?

Я вспоминаю все обвинения, которые выдвигал Кертис. Я вспоминаю духи, волосы, его вопросы о том, может ли она быть жива. Он делал это, чтобы скрыть факт ее убийства? То, что он убил ее? Я не хочу в это верить, но никакого другого объяснения я найти не могу.

Саския на фотографии выглядит так же великолепно, как выглядела тогда. Я помню ее именно такой. Ее потрясающие голубые глаза смотрят на меня так, словно она пытается мне что-то сказать.

Саския, где ты? И почему у Кертиса твой пропуск?

Глава 24

Десять лет назад

– Я ее ненавижу, – шепчу я на ухо Бренту.

Губы Саскии под неоновро-розовыми очками подергиваются, словно она знает, что я говорю о ней. Длинные светлые волосы, стянутые в хвост, обмотаны вокруг шеи и напоминают змею.

– Успокойся, – говорит Брент.

– Я любила эту доску.

Я думала, что я ей нравлюсь. Вот это больнее всего. Я вела себя глупо, позволив Саскии очаровать себя. Она пыталась со мной подружиться только для того, чтобы я утратила осторожность.

– Забудь про это, – повторяет Брент. – Ты на пике формы, на этих спусках ты это доказала. И дело в тебе, а не в сноуборде. Она не может забрать у тебя твой талант.

Мы сидим в самом низу хафпайпа, обедаем. Мой новый сноуборд абсолютно идентичен потерянному, но я продолжаю оплакивать старый. И каждый раз, бросая взгляд на Саскию, я заново переживаю ту минуту, когда поняла, что сноуборд потерян навсегда.

Сегодня опять солнечный день, Брент в бейсболке от Burton, надетой задом наперед. Он обнимает меня за плечи и притягивает к себе.

Я напрягаюсь. Брент выглядит просто потрясающе в этой бейсболке, но до сегодняшнего дня мы позволяли себе обниматься только за закрытыми дверьми, и о наших отношениях знал один Кертис.

А сегодня здесь все. Одетта с Саскией сидят поблизости, похоже, что снова подружились после недавней размолвки. Кертис болтает с девушкой из Австрии, которая с утра демонстрировала свое мастерство в биг-эйр. Жюльен стоит с тремя французскими лыжниками и кажется карликом на их фоне. Даже Хизер почтила нас своим присутствием. Она все утро грустит в самом низу хафпайпа с фотоаппаратом. Спонсор Дейла, одежду которого он рекламировал, отказался от его услуг – урезали бюджет, поэтому Дейлу требуются хорошие снимки, чтобы отправить потенциальным спонсорам.

Я жую свой багет и чувствую себя неловко.

Первой на нас обращает внимание Саския. Она приподнимает очки на шлем и наблюдает за нами, прищурившись.

Брент снимает бейсболку свободной рукой и надевает мне на голову – так, как ее положено носить.

– Ты мне нравишься, Милла. Обычно девушки сами навязываются мне. Такие приставучие, что не отделаться! А ты не такая. – Он изучающе смотрит на меня своими темными глазами, словно пытаюсь понять, что происходит. – Ты заставляешь *меня* липнуть к тебе, а это мне несвойственно.

Саския пихает Одетту локтем в бок, и они обе на меня смотрят. Почему мне так некомфортно? Мне нравится Брент. Мне нравится смотреть, как он тренируется в хафпайпе, как ракетой вылетает из трубы и зависает в воздухе, мне нравится смотреть на его прекрасно отработанные и выверенные трюки. Зная, что его невероятное тело позднее будет принадлежать мне.

И он очень милый парень. Сегодня утром он появился у меня на пороге со своей запасной доской, собираясь отдать ее мне. Мне не хотелось рассказывать ему, как вчера поздно вечером кто-то позвонил мне в звонок. Я открыла дверь и увидела, что новый Magic Pipemaster 157 стоит, прислоненный к стене. Тогда я предположила, что это подарок от него, но теперь я подозреваю Кертиса, хотя он и отрицает, что прислал мне новый сноуборд.

Тем не менее, несмотря на то как хорош Брент, я не готова к полноценным отношениям. Я заставляю себя улыбнуться и выскальзываю из его объятий. Мне придется поговорить с ним об этом, но не сейчас, не перед всеми.

– Я снова иду наверх, – объявляю я.

– Дерзай. – Брент улыбается, демонстрируя ямочки.

Хорошо, что он, похоже, не понимает, что что-то не так. Я вручаю ему назад его бейсболку, засовываю остатки багета в рюкзак и пью воду из бутылки. Я страшно хочу выпить еще один «Смэш», но я и так пью слишком много этого энергетика. Он обеспечивает прилив энергии на какое-то время, но это вредно для организма, и у меня теперь начались проблемы со сном.

Когда я опускаю бутылку, то не могу скрыть своего удивления. Я просто поражена! Саския в объятиях Кертиса прижимает лицо к его

груди. Она расстроена? Вчера на леднике он на нее разозлился и странно вел себя с ней с тех пор, но теперь он крепко прижимает ее к себе и что-то ей нашептывает. Я раньше никогда не видела между ними такой близости. Что он ей говорит?

Саския кивает и отрывается от брата. Она направляется ко мне, а я в это время внимательно рассматриваю ее лицо. Я не уверена, что она на самом деле расстроена. Она его просто дурит.

Саския подхватывает свой сноуборд.

– Я пойду наверх вместе с тобой, Милла.

Я пытаюсь успокоиться, говорю себе, что должна держать себя в руках, когда она идет рядом со мной к верху хафпайпа. Я должна просто выбросить ее из своих мыслей и направить всю свою злость на тренировочный процесс. Я отомщу ей, выиграв у нее на чемпионате Великобритании.

– Ты больше не злишься на меня из-за своего сноуборда? – спрашивает она. – Я же сказала тебе, что это вышло случайно.

Черта с два! Но я никак не могу это доказать.

Она касается моего локтя.

– Значит, ты теперь с Brentом, да? Я так и думала.

– А ты с Жюльеном? – отвечаю я вопросом на вопрос, слова звучат едко.

– Что «я с Жюльеном»?

– Вы теперь пара?

Она смеется.

– Нет, я просто его использую, точно так же, как ты используешь Brentа.

Ее стянутые в хвост волосы задевают меня по лицу.

– Что? – Ей всегда удается сказать то, что я меньше всего ожидаю услышать. – Я не использую Brentа.

Но она заставляет меня задуматься и задаться вопросом, так ли это.

Нет. Нам с Brentом хорошо вместе. Весело. С ним легко, и в этом нет ничего плохого или неправильного. Просто Саския нашла еще один способ мне досадить и пытается забраться мне под кожу.

У нее на губах появляется улыбка.

– Я видела, как ты смотришь на моего брата.

– Что?

Я оглядываюсь, чтобы проверить, нет ли кого-то в пределах слышимости.

Саския улыбается еще шире. Меня ужасает то, что она фактически видит меня насквозь. Как мне ее победить, если она способна читать мои мысли?

Глава 25

Наши дни

Саския улыбается мне с фотографии на пропуске на подъемник.

Что-то заставляет меня поднять голову – легкий сквознячок или едва слышимый звук, который улавливает только мое подсознание. В дверном проеме стоит Кертис.

Мне становится страшно, когда он приближается ко мне. Что он со мной сделает? Я ненавижу себя за свой страх, но когда Дейл схватил меня за руку, это заставило меня понять две вещи:

1. Как плохо я на самом деле знаю этих людей.
2. Обычные правила здесь не работают и на нас не распространяются.

Кертис останавливается сантиметрах в тридцати от меня. Наверное, он испытывает самые разнообразные эмоции – обиду из-за того, что я рылась в его вещах, чувство вины из-за того, что я нашла пропуск на подъемник, и панику из-за того, что я о нем знаю. Но по его выражению лица, как и всегда, ничего нельзя понять. Он молча забирает пропуск у меня из руки. Смотрит на него неотрывно. Переворачивает его. Поднимает глаза.

Шок. Это я вижу. И подозрительность.

– Где ты его взяла? – спрашивает Кертис.

– В твоей сумке.

Он моргает.

– Это ты его туда положила?

– Что?!

Я ожидала всего, чего угодно, но только не этого. Лобовая атака, мгновенная. Такая быстрая, что у него едва ли было время ее спланировать.

– Конечно, нет, – отвечаю я.

Кертис снова смотрит на пропуск, пытается его согнуть, потом смотрит на него, поворачивая к свету то под одним углом, то под

другим. Он даже его нюхает. Фото напечатано непосредственно на пластике. Он трет рукой лицо.

– Похоже, что его использовали – это ее настоящий пропуск, которым она пользовалась той зимой.

Его актерское мастерство просто поражает, если он на самом деле играет. Он очень убедителен.

Я забираю у него пропуск. У меня в руке сейчас один маленький кусочек пазла, но я понятия не имею, что он означает и как связан с исчезновением Саскии. По данным компьютера, Саския не использовала пропуск в день своего исчезновения. Тогда как Brent с Хизер могли видеть ее на леднике? Полиция решила, что в компьютерной системе курорта произошел какой-то сбой. Но теперь наличие пропуска это опровергает.

– Если бы она в тот день поднялась на гору, пропуск был бы при ней, – замечаю я.

Кертис стоит с плотно сжатыми челюстями.

– Я сейчас думаю о том же самом, – признается он. – Так где же он был все это время?

– Ты хочешь сказать, что не у тебя?

– Да, именно это я и говорю. Где именно ты его нашла?

– Поверх твоей одежды.

Он скрещивает руки на груди.

– Сегодня утром его там не было. Кто-то его подложил. После того, как я ушел из комнаты, и до моего возвращения сейчас. В этот период.

Я отмечаю, как он сформулировал последние фразы. Он пока не готов отбросить свои подозрения насчет меня.

– Это заняло бы, наверное, секунд пять? – высказывает предположение он.

– Но зачем?

– Шантаж, как я и говорил вчера вечером.

Я хочу ему верить, но не могу. Я не уверена.

Каменное выражение лица становится задумчивым.

– Но может, это подсказка. Кто-то хочет, чтобы я поискал ответы.

Я внутренне сжимаюсь. Есть одна вещь, которую я хотела бы сохранить в тайне.

– Можешь мне его отдать? – спрашивает Кертис.

Я в замешательстве. Потом я убираю пропуск в карман куртки.

– Прости. Но эта находка может значить очень многое. Я должна сообщить о ней остальным.

Он кивает, лицо у него непроницаемое.

Но он оскорблен моим недоверием.

– Я также обыскала комнату Дейла и Хизер, – сообщаю я, чтобы показать: ничего личного.

Кертис удивленно приподнимает брови.

– Да? И я тоже. А ты когда это сделала?

– Пять минут назад. – Про кредитную карту Саскии я скажу позднее. Я хочу, чтобы Brent находился рядом, когда я это сделаю, потому что Кертис явно сорвется. – А ты?

– Пока вы все завтракали.

– Это было рискованно. Нашел что-нибудь?

– Много лака для волос.

– Думаешь, что Дейл им теперь регулярно пользуется?

Кертис смеется, и атмосфера разряжается. До тех пор, пока он не объявляет:

– Твою комнату я тоже обыскал.

Меня пронзает боль, словно копьем. Теперь я знаю, что он чувствует.

– Справедливо, – говорю я.

Он достает из кармана серебряный браслет с аквамаринами и смотрит на меня.

– И что? – спрашиваю я и краснею.

– Это браслет Саскии.

– Я знаю. Она его мне подарила.

Он прищуривается.

– Когда?

Я заставляю себя смотреть ему прямо в глаза.

– Когда мы были подругами.

Он пожимает плечами и отдает мне браслет. Я не хочу его брать, если уж на то пошло, я изначально не хотела его брать, но я засовываю его в тот же карман, где лежит пропуск на подъемник. Я сброшу браслет в первую расщелину, которую увижу. Я привезла его на эту встречу только потому, что считала: он может стать приятным

напоминанием Кертису о сестре. Я думала вручить его ему, но момент упущен.

Мы идем по коридору.

– С будкой оператора что-нибудь получилось? – спрашиваю я.

– Внутри мы проникли, но завести подъемник не смогли. Ни одна кнопка на пульте управления не работает. Или электричество отключено, или кто-то вывел механизм из строя.

– Радиосвязи нет?

– Нет. Но видно, где находилась рация. Кто-то ее забрал.

Мы находим остальных в ресторане.

– Давайте обыщем все снаружи, – предлагает Дейл до того, как я успеваю упомянуть пропуск на подъемник.

Кертис кивает на сапоги Хизер на высоких каблуках.

– Кому-то придется остаться здесь с твоей женой.

Чтобы защитить Хизер или защитить остальных от того, что она может сделать, если ее оставить тут в одиночестве? Я склоняюсь ко второму варианту. Похоже, Хизер Кертису не нравится, я это заметила еще десять лет назад. Когда Хизер и его сестра жили вместе, девушки неоднократно ссорились, и Кертису несколько раз приходилось вмешиваться.

– Я буду рад остаться с ней, – заявляет Brent.

– Нет, ты, черт побери, с ней не останешься, – делает шаг вперед Дейл.

Я вижу, как Кертис пытается скрыть улыбку.

– Ты со своими чертовыми сапогами, – шипит Дейл.

Хизер дергается, как от удара.

Мне совсем не нравится, как Кертис и Дейл объединяются против Хизер. Дейл определенно хочет проверить территорию снаружи, но он точно не собирается оставлять свою жену наедине с Brentом.

– Если хотите, я тоже могу остаться, – предлагаю я. – А Кертис с Дейлом отправятся на поиски.

Если наши телефоны вообще можно найти, я верю, что Кертис их найдет. В любом случае я хочу еще раз поговорить с Хизер.

Дейл кивает с большой неохотой.

– Хорошо, – кивает Кертис. – Нам понадобится снаряжение. Ты взял с собой лавинный датчик и страховочный пояс?

– Датчик, но не пояс, – отвечает Дейл.

– Они есть в кладовке.

– А они нам нужны?

– Ты шутишь? – повышает голос Кертис. – Горноспасательная служба тут несколько месяцев не проводила никаких профилактических мероприятий для защиты от лавин. А тут полно неустойчивых снежных пластов. Идеальное место для лавины. Я уже не говорю про расщелины.

Ледники на самом деле наиболее опасны именно в это время года – масса расщелин и еще недостаточно снега, чтобы их прикрыть. В горнолыжный сезон персонал курорта засыпает снегом небольшие расщелины и огораживает веревками другие.

– Не горячись, – говорит Дейл.

Кертис снова поворачивается к нам.

– У меня есть для вас работа. Как раз все сделаете, пока нас не будет.

Кертис опускает руку в карман курки и достает целую горсть ключей, а потом начинает по одному выкладывать их на стол, словно фокусник, выполняющий номер.

Дейл хватается один из ключей.

– Этот от моего дома. Знаешь, это вообще-то просто непорядочно.

– Простите, – говорит Кертис, хотя, судя по тону, он и не думает извиняться. – Это было необходимо сделать. Нам нужно посмотреть, не подходят ли какие-то ключи к запертым дверям здесь.

– Когда ты их забрал? – спрашивает Дейл.

– Пока вы ели. Я не мог рисковать. Ведь кто-то мог спрятать ключи от этих дверей.

Дейл забирает ключ от своего дома и уходит.

Я вижу на столе ключи от моей квартиры и машины, и даже маленький ключик на отдельном брелоке от замка на цепочке, которой я привязываю велосипед. Кертису пришлось рыться во внутреннем кармане моего рюкзака, чтобы найти их среди моих тампонов, взятых на всякий случай, и презервативов, взятых с расчетом на то, что здесь будет он.

Ощущение напоминает удар в живот.

Я полчаса пытаюсь подобрать ключи к дверям и наконец сдаюсь.
– Кто-то хочет еще кофе? – спрашиваю я.

Брент с Хизер сидят рядом друг с другом в ресторане, когда я приношу чашки. Они замолкают при моем приближении – и это точно подсказывает мне, о чем они говорили. Я беру стул и присаживаюсь рядом. Брент запускает пальцы в волосы. Хизер постукивает пальцами с идеальным маникюром по столу. Так странно думать об этих двух людях вместе. Она – моя полная противоположность. Мы с ней как два полюса. Надеюсь, у нее хватит ума ничего не говорить Дейлу, или у Брента будут неприятности.

Мы потягиваем кофе маленькими глотками. Волосы Брента торчат в разные стороны – он столько раз запускал в них пальцы. Мне хочется запустить в них *свои* пальцы и пригладить их, но мне больше не суждено это сделать. И Брент больше не мой – и это совсем не тот парень, которого я помню. Из его глаз больше не лучится свет.

Я думаю о тех долгих месяцах после того, как я бросила сноубординг. Это был сплошной мрак. В моей жизни образовалась зияющая дыра. Я лишилась цели, чувствовала себя потерянной. Я больше не знала, кто я. Я только знала, что эту дыру нужно чем-то заполнить или хоть как-то заткнуть до того, как я вообще потеряю волю к жизни. Вначале я попыталась сделать это с помощью алкоголя, но по утрам чувствовала себя еще хуже.

Однажды вечером мой брат притащил меня в спортзал, и я постепенно выползла из тьмы. Иногда я тренируюсь так напряженно, что у меня темнеет в глазах, и тогда мне становится хорошо. Мне кажется, что если я еще намного напрягусь – побегу быстрее или подниму дополнительные пять килограммов – то, может быть, я снова почувствую себя счастливой.

В любом случае я понимаю, почему Брент стал прикладываться к бутылке, и я его не корю. Боже, как мне его не хватает! Того, старого Брента.

Я снова заставляю себя думать о нынешнем положении дел.

– Я могу тебя кое о чем спросить, Хизер?

Она смотрит на меня поверх ободка чашки.

– Про тот день, когда исчезла Саския. Зачем ты поднималась на гору?

Мне всегда казалось странным, что она тогда пошла туда.

– Я хотела посмотреть соревнования, – говорит Хизер, словно это само собой разумеющееся.

– Несмотря на то, что Дейл не принимал в них участия?

– Да. Почему бы мне их не посмотреть? С работы меня выгнали, делать мне было нечего.

Брент молча пьет свой кофе.

– Но соревнования-то проходили в хафпайпе, – не отстаю я. – Так зачем ты поднялась на ледник?

– Я увидела Брента в первом вагончике фуникулера. – Она бросает взгляд на него. – Мы разговорились.

– О чем?

– Я что, должна помнить? Там и Саския была. Но с ней я говорить не хотела. Когда мы добрались до промежуточной платформы, Брент сказал, что сейчас поедет в «пузыре» на ледник. Ему нужно было размяться, сделать пару пробных заездов, и я отправилась вместе с ним.

Что-то в ее рассказе мне не нравится, но я не могу определить, что именно. В свои выходные Хизер иногда приходила на промежуточную платформу, прогуливалась на том уровне в своей совершенно неподходящей обуви или загорала на открытой площадке с шезлонгами. Но я ни разу не видела ее на леднике. Для начала, она не была соответствующим образом одета. Кожаная курточка – это не то, что надевают в минус двадцать.

Брент допивает кофе и идет к барной стойке.

– Саския ехала в предыдущей кабинке, прямо перед нами, и мы начали спорить наверху, – продолжает Хизер.

– О чем?

– О драке в баре «Сияние». И она развернулась и куда-то пошла. Она была в ярости. Потом появился Кертис, он ее искал и жаловался, что из-за нее повредил плечо. – Хизер переводит взгляд на дверной проем, словно боится, что сейчас появится Кертис и услышит, как она о нем говорит. – Он был дико на нее зол. Я его в такой ярости никогда не видела.

Я киваю. Это совсем другая версия событий в сравнении с той, которую я десять лет назад слышала от Кертиса. И в ней Кертис предстает не в самом лучшем свете.

– Знаешь, что он сказал? – Хизер снова бросает взгляд на дверь и продолжает шепотом: – *«Когда я ее найду, я ее убью, черт побери»*.

Глава 26

Десять лет назад

В спортзале пахнет потом и дезодорантом. Сегодня вечером здесь много народа. Я вижу австриячку, с которой Кертис разговаривал у хафпайпа, и направляюсь к свободному тренажеру для жима ногами. Она на соседнем тренажере.

Вероятно, ее спонсором является Роху, потому что на всей ее одежде их логотип в форме сердечка. Я смотрю, какой вес она выжимает, – сто килограммов. Поэтому ставлю себе сто двадцать. Она улыбается мне, когда я усаживаюсь на тренажер.

Кертис подтягивается напротив нас, его футболка задирается при каждом подтягивании, обнажая живот и показывая, какие у него мышцы. Он прекращает подтягивания и усаживается на пустое кресло рядом с австриячкой.

– Вы знакомы с Джасинтой, Милла?

– Нет, – отвечаю я. – Приятно познакомиться!

– Ты сегодня классно каталась в трубе, – говорит она.

– И ты тоже.

Она гораздо лучший райдер, чем я. Когда я в следующий раз выйду в Интернет, я посмотрю информацию о ней. Я хочу знать, какое место она занимает в рейтинге.

– Мне нравятся твои волосы, – добавляет она.

Кертис сидит рядом, пока мы выполняем жимы ногами. Очевидно, что она ему нравится. И я понимаю почему. Она очень привлекательная внешне – бледная кожа, длинные ноги, напоминает молодую Николь Кидман. Мне очень не хочется это признавать, но она на самом деле кажется милой.

Когда она добавляет еще двадцать килограмм, я вскакиваю со своего места и добавляю еще пятьдесят. Мои четырехглавые мышцы будут очень сильно болеть, потому что я выжимаю вес, в три раза превышающий мой собственный. Пять жимов... шесть... Кертис вопросительно приподнимает бровь. Я думаю, он знает, что я делаю. Семь... восемь... девять... Мои ноги дрожат, но я умудряюсь выполнить десятый жим и делаю перерыв, чтобы вытереть лоб.

Саския делает приседания с медболом в другой части зала и наблюдает за нами в зеркало. Я вижу, что за ней в свою очередь наблюдает Жюльен, который работает на скамье для жима рядом с одним из здоровенных лыжников. Я видела их вместе сегодня днем.

– Я тебя сегодня снимал, – говорит Кертис Джасинте, когда она заканчивает жимы. Он иногда приносит видеокамеру к хафпайпу, и мы по очереди снимаем друг друга. – Сегодня вечером мы будем смотреть записи у меня в квартире. Приходи, если хочешь. А вообще приходи на ужин.

– Класс! – у нее загораются глаза.

Кертис поворачивается ко мне.

– Ты придешь, Милла?

Мне тяжело видеть, как он смотрит на Джасинту таким взглядом. Я не смогу это долго выдержать. Но мне нужно поговорить с Brentом, и в любом случае я хочу посмотреть записи.

– Да, конечно.

Brent зовет Кертиса, чтобы тот посмотрел, как он делает какие-то упражнения, Кертис встает, а я вижу, как мелькает его волосатое незагорелое бедро в спортивных шортах. Я снова начинаю жимы. Я уже жалею, что поставила такой вес – завтра я едва ли смогу ходить. Но Джасинта продолжает тренировку, и я не могу сдать до того, как она ее закончит.

* * *

Я только что приняла душ и вытягиваюсь в постели Brentа. Я люблю эти ощущения – когда у тебя горят мышцы после напряженной тренировки. Я чувствую усталость во всем теле. Этими жимами я выжала из себя всю энергию.

Дверь открывается, и возвращается Brent, полотенце обмотано у него вокруг пояса, а лицо все еще раскрасневшееся. Он еще не отошел от тренировки в зале. Я лежу на спине и наслаждаюсь зрелищем – как он вытирается. Теперь мне нужно каким-то образом завести разговор на тему наших отношений.

– А почему Дейла сегодня вечером не было в зале? – спрашиваю я. – И вчера не было.

– Он вчера поругался с Хизер.

– Из-за чего? – Я такая любопытная.

– Откуда мне знать? – смеется Brent.

– А она понимает, что мешает ему тренироваться? Сильно мешает? Что она вообще здесь делает? Я ее только один раз видела на сноуборде.

– Она год училась в Лионе в университете. Изучала право и французский. На каникулах устроилась на работу в бар «Сияние» и там познакомилась с Дейлом.

Я удивлена, что Brent это знает. Мне кажется, что он как-то по-особому нежно относится к Хизер.

– А что с учебой? – спрашиваю я.

– Думаю, что бросила.

– Они оба не думают о будущем и портят себе жизнь. Дальше-то что?

Brent пожимает плечами.

– В любом случае у нее выходной, и Дейл пригласил ее на ужин, – сообщает Brent. – Они придут позже.

Это дает мне прекрасную возможность.

– Именно поэтому я поклялась себе не заводить серьезных отношений этой зимой.

Brent странно смотрит на меня.

– Я обещала себе сосредоточиться на сноубординге и больше ни на чем.

Он вытирает волосы, пытаюсь переварить сказанное мной.

– Тебя это устраивает?

Наверное, несколько поздно вато об этом спрашивать. Мне следовало раньше поднять эту тему. Тем не менее большинство парней мечтают только о легком сексе без каких-либо обязательств. Я не должна чувствовать себя виноватой.

– Как хочешь, – говорит он, бросает полотенце в угол, натягивает трусы-боксеры и падает на кровать рядом со мной.

Я смотрю на него искоса. У него все еще мокрые волосы, слипшиеся тонкими прядями, напоминающими темные острые пики или зубцы. Его правда все устраивает? Думаю, да.

Он выдавливает две таблетки из блистера – это болеутоляющие, которые он принимает после перелома голени. Он запивает их водой из

бутылки, которая стоит на прикроватной тумбочке, и вытягивается на кровати.

Я провожу пальцем по его груди. От него пахнет мылом и чистым телом, кожа все еще горячая после тренировки. И мое тело еще не остыло. Я лежу, завернувшись в полотенце.

Брент касается моей щеки.

– У тебя глаза, как у панды.

– Я знаю, – улыбаюсь я. – Выгляжу смешно с этими следами от очков.

– Кстати, Кертис сказал мне, чтобы следил за Саскией.

– В смысле?

– Вы сейчас идете нога в ногу. И она, очевидно, хочет твоей крови.

Я вспоминаю слова Кертиса на леднике – «Она не любит проигрывать» – и меня пробивает дрожь. Мне становится не по себе.

– Я должна испугаться?

– Эй, я только передаю тебе то, что он сказал.

Я хотела бы просто посмеяться над этим предупреждением, но Кертис не относится к людям, которые станут безосновательно о чем-то волноваться. Я внимательно смотрю в лицо Бренту, и мне становится еще больше не по себе. Он серьезно отнесся к этому предупреждению.

– Скажи мне, почему она тебе не нравится? – прошу я.

Брент трет пальцами челюсть.

– Ты видишь, как она ведет себя с Жюльеном? Она точно так же вела себя со мной в прошлом сезоне. Ты помнишь, что мы вместе снимали квартиру с ней и Кертисом?

– Она с тобой флиртowała?

– Скорее, играла со мной. То такая милая, а в следующую минуту – настоящая сука. Но вначале она мне нравилась.

По крайней мере, я не единственная, кого Саскии удалось обмануть.

– Прошлой зимой она многократно пыталась схлестнуть нас с Кертисом, – продолжает Брент.

– Зачем ей это?

– Кто знает? Может, это ее заводит. Кертис знает ее натуру, но она – член семьи, так что он будет ее защищать и всегда будет на ее

стороне, что бы она ни сотворила. Мне потребовалась половина сезона, чтобы понять, какая она на самом деле. Бедняга Жюльен этого еще не понял. Она использует людей.

Мне становится стыдно, когда я вспоминаю недавнее обвинение Саскии. Я *использую* Брента?

– Ты не должна ей доверять, Милла.

– Что она еще может мне сделать?

– Не знаю. Но мы тренируемся в опасных условиях, так что ты должна все время быть начеку.

Но я теперь все время за ней слежу. Больше она ничего не сможет сделать. Что еще-то она может выкинуть?

– Так, а как мне у нее выиграть?

Брент качает головой.

– Ты никогда не успокоишься?

– Я серьезно спрашиваю.

– Ладно, что с тобой поделаешь? Или выучишь новые трюки, или увеличишь амплитуду и будешь делать то, что уже умеешь, более технично. Предпочтительно все это одновременно. – Он становится задумчивым. – Можешь попробовать освоить крипплер. Нет, лучше не надо.

Это флип. Я это знаю, но одно название^[36] изначально отбило у меня охоту его осваивать.

– Что это за трюк?

– Это что-то среднее между бэкфлипом и инвертом. Я тебе завтра покажу в хафпайпе. Но не знаю, стоит ли тебе пробовать. Если ошибешься – рухнешь лицом вниз.

– Круто. Я поищу видео в Интернете. Может, что-то есть на YouTube. А как мне увеличить амплитуду?

Брент приподнимает край моего полотенца и вырисовывает кончиком пальца зигзаг на моем бедре.

– Это твоя линия передвижения по хафпайпу, так? А вот это моя. – Он проводит еще одну линию с другими углами – у него гораздо больше размах. – Я въезжаю на стену где-то под углом сорок пять градусов, так?

– Так.

Я обращала на это внимание, но никогда раньше об этом серьезно не задумывалась.

– Я меньшее количество раз въезжаю на стену, но амплитуда у меня больше, и я еду на гораздо большей скорости перед вылетом из трубы.

– Поняла.

Значит, мои передвижения по трубе стоят мне большого количества скорости. Я вспоминаю, по какой линии передвигается Саския, и сравниваю со своей линией передвижения в хафпайпе. Ее линия круче? Посмотрю завтра.

Рука Брента так и остается на моем бедре. И ощущения от этого очень приятные. Мы встречаемся глазами. Я выбрасываю мысли о Саскии из головы.

– Как насчет зигзага чуть повыше?

* * *

Я приглаживаю волосы, когда мы с Brentом заходим в гостиную. Все остальные уже там, устроились перед камином близко друг к другу. В животе у меня все сжимается при виде Джасинты, сидящей на диване рядом с Кертисом.

– Мы только вас ждали, – говорит Кертис.

У меня к лицу приливает кровь. Brent ухмыляется.

– Пива хочешь, Милла? – спрашивает Brent.

– Да, давай, – отвечаю я.

– После такой тренировки? – смотрит на меня Кертис. – Нет, принеси ей «Супер-Маг».

– Что? – спрашиваю я.

– Напиток с магнием, – поясняет Кертис. – Помогает восстановлению мышц.

Я обычно в таких случаях отказываюсь из принципа, потому что терпеть не могу, когда мне говорят, что делать. Но похоже, что этот «Супер-Маг» пьет Джасинта, а моим бедным мышцам после такой работы на тренажере требуется любая помощь, которую я только могу им обеспечить, поэтому я с неохотой соглашаюсь, и Brent отправляется на кухню.

– Тебе тоже неплохо было бы его выпить, – кричит Кертис ему вслед.

– Да, папочка, – кричит ему в ответ Brent.

Я перелезаю через Жюльена и устраиваюсь на свободном куске ковра. Огонь трещит, летят искры. Я с трудом сдерживаю зевок. Прошлой ночью я несколько часов не могла заснуть. Тело было измождено, а мозг все еще работал после слишком большой дозы кофеина и никак не мог успокоиться. Я дала себе клятву больше не пить «Смэш», но я так устала сегодня во второй половине дня, что мне просто пришлось влить в себя очередную баночку. Может, принять снотворное? Это было бы лучше всего: прилив энергии днем, сон ночью.

Brent возвращается со стаканом в каждой руке и усаживается у меня за спиной, подтягивает меня к себе, получается, что я сижу у него между колен. Вот вам и ни к чему не обязывающие, легкие отношения. Дейл с Хизер сидят рядом в таких же позах. Хизер проверяет свой телефон, судя по выражению лица, ей скучно. На самом деле мне ее жалко. Если она училась на юриста, то она, наверное, на самом деле умная. Тем не менее она сидит в этой комнате со сноубордистами, от которых пахнет не лучшим образом.

– Все готовы? – спрашивает Кертис. Его ноутбук подключен к телевизору. Он одной рукой держит пульт дистанционного управления, а вторую кладет на спинку дивана, не прикасаясь к Джасинте. Пока.

Я делаю маленький глоток предложенного мне напитка. Brent ругает его, бормоча себе под нос, но на самом деле напиток оказывается не таким и плохим. Похож на лимонад без газа.

На первой записи Brent. Он выполняет свой фирменный биг-эйр. Он взлетает так высоко, что застаёт того, кто снимал, врасплох, потому что его голова не попадает в кадр. Я обращаю внимание на его линию движения, когда он едет по основанию хафпайпа. Чуть позже он падает, не успевая закончить оборот. Все одновременно морщатся.

– Жесткое падение, – замечает Дейл.

– Я пытался сделать лишний оборот. – Brent улыбается, но я видела синяк у него на бедре.

Запись продолжается. В кадре появляется Одетта, за ней Кертис. Я следующая и, как и всегда, расстраиваюсь и переживаю из-за того, как мало времени я нахожусь в воздухе в сравнении со всеми остальными. Я обращаю внимание на свою линию движения. Вот где собака зарыта. Но на завтра у меня есть цель.

Саския появляется в верхней части хафпайпа. Пока палец в перчатке не закрывает объектив, заслоняя вид. *Мой* палец. В первый раз снимая меня, Саския сделала то же самое.

Сейчас Саския сидит на краю дивана и поворачивает голову в мою сторону.

– Игра продолжается, – тихо говорю я.

Выражение лица Кертиса меняется, он хмурится, поэтому я утыкаюсь в свой стакан.

Палец пропадает с объектива, когда в хафпайпе оказывается Джасинта в розовой куртке от Роху. Мне очень не нравится, что она лучше меня.

Кертис наклоняется к Джасинте на диване и что-то шепчет ей на ухо. Она кивает и что-то шепчет ему в ответ. Внутри меня что-то переворачивается и сжимается. Он дает ей советы.

Я могу сказать, что она его хочет, судя по тому, как ее тело склоняется к нему. А также по тому, как она глядит на его рот, когда он говорит. Это невербальный язык тела. Я не могу на это смотреть. И не смотреть тоже не могу.

Кертис опускает руку себе на колено. Ее рука лежит рядом, и он зацепляет ее мизинец собственным. Я отворачиваюсь.

На экране в хафпайп каким-то образом заехал начинающий лыжник, очевидно, заблудился. Дейл выполняет вращение с большой амплитудой, опускается вниз, не видя места приземления, и чуть не падает ему на голову.

– Вали отсюда! – орет Дейл на экране, и все в комнате начинают хохотать.

Боже! Кертис и Джасинта целуются. Она отрывается от него с тихим смехом, потом наклоняется к нему, потому что хочет еще. Я ее не виню. Кертис улыбается во время поцелуя и касается ее щеки. Шепчет что-то ей на ухо. Она кивает. Они встают и идут наверх.

Я вижу, как Саския смотрит им вслед. Похоже, не я одна страдаю от ревности.

Глава 27

Наши дни

Брент идет за барную стойку, поднимает бутылки одну за другой и изучает этикетки.

«Пожалуйста, не начинай пить, Брент. Ты мне нужен трезвый и готовый к спуску вниз. А это будет и так сложно. Сейчас еще нет и двенадцати, а впереди у нас долгий день».

Я снова поворачиваюсь к Хизер. Она врала мне раньше. Сейчас тоже? Хотя ее рассказ похож на жуткую правду. Когда дело касалось сестры, эмоции у Кертиса всегда зашкаливали. Я несколько раз видела, как он выходил из себя, если вопросы были как-то связаны с Саскией. И он и в эти выходные уже терял контроль над собой.

– И что было дальше? – спрашиваю я.

– Мы не могли найти Саскию, а соревнования должны были вот-вот начаться. Так что Брент с Кертисом остались на леднике, а я поехала вниз в «пузыре».

Я слежу за языком ее тела, пытаюсь решить, верю я ей или нет. Она нервничает, дергается, переводит взгляд с меня на дверной проем, на Брента. Но это необязательно говорит о нечестности, может быть, она напугана.

Бойтся что Кертис выведал про нее что-то.

Бойтся той же участи, которая настигла Саскию.

В другой части ресторана Брент щедро наливает нечто в стакан. «Нет, Брент!» Он выпивает все, что налил, и идет к окну.

Хизер вертит в руках чайную ложку.

– После этого я никого из них не видела, – говорит она. – Соревнования должны были вот-вот начаться, я села в «пузырь» и поехала вниз, до промежуточной платформы, чтобы успеть к началу.

– Я не помню, чтобы видела тебя там, – говорю я.

– Я посмотрела немного, потом замерзла и пошла домой.

Она резко дергается, когда в ресторан заходят Кертис и Дейл. Щеки у них покраснелись, они сильно топают и оставляют после себя следы – снег отлетает от их ботинок.

– Что-нибудь нашли? – спрашиваю я.

Дейл качает головой.

– Пустая трата времени.

– Мы даже не стали вламываться в будку, где находится механизм подъемника, – сообщает Кертис. – В окно можно увидеть, что место, где обычно находится рация, пустое.

Дейл смотрит на Кертиса и при этом сжимает и разжимает кулаки.

– Кто-то ее забрал. Как и из будки оператора.

Определенно после времени, проведенного на улице, настроение у них не улучшилось.

Брент прижимается лбом к стеклу.

– Проклятье! – произносит он.

Мне нужно сказать Кертису про кредитную карту, но у меня перед глазами тут же возникают картины избиения Дейла. Он превратит его лицо в одно сплошное месиво, а если они серьезно изувечат друг друга, «Скорую» нам не вызвать. Мы будто висим над пропастью, одно неудачно выбранное слово – и мы все можем рухнуть вниз.

– Значит, мне придется идти пешком по горам? – дрожащим голосом спрашивает Хизер.

Дейл с силой пинает стул, и Хизер вздрагивает и сжимается.

– Наверное, что-то можно сделать, – заявляет Дейл. – Один раз я замкнул провода для запуска двигателя в автомобиле. Может, нам удастся сделать то же самое с одним из ратраков.

Кертис хмыкает.

– Давай попробуй. Даже если ты его заведешь, неужели ты серьезно думаешь, что сможешь на нем съехать по «черной» трассе?

Я вижу, как Хизер еще сильнее сжимается при мысли об этом.

Брент ходит взад и вперед у окна. Мой кот ходит точно так же, когда хочет, чтобы его выпустили на улицу.

Кертис смотрит на меня, и я понимаю, что он ждет, когда я скажу остальным про пропуск Саскии на подъемник. Проклятье. Но тогда они все набросятся на него. Это станет последней каплей.

Я касаюсь пальцем острых углов пропуска, который лежит у меня в кармане. Если я расскажу им, Дейл посчитает это убедительным доказательством того, что Кертис убил свою сестру. Хизер встанет на сторону мужа. Брент пока пытается сохранять нейтралитет, но я чувствую, что он на грани, а это сообщение как раз может стать

решающим для того, чтобы он склонился к одной из сторон. А я окажусь посередине.

Я обдумываю рассказ Кертиса. А если пропуск ему подбросили, как он и говорил? Чтобы мы сцепились друг с другом? Точно так же, как было после «Ледокола».

– Ты на *него* смотришь? – внезапно орет Дейл.

– Что? Н-нет, – лопочет и запинается Хизер.

Дейл хватает ее за плечи. Я делаю шаг к ним. Brent тоже начинает движение в нашем направлении.

Дейл вздергивает подбородок.

– Даже не думай об этом, – говорит Дейл Brentу.

– Я ни на кого не смотрела, – произносит Хизер тоненьким голоском.

– Успокойся, – говорю я Дейлу. Вот это собственник! Раньше он никогда так не заводился.

И Кертис с Brentом тоже. В этом помещении бурлят опасные потоки энергии. Может быть, на нас действительно влияет дикая местность?

Я вынимаю руку из кармана. Пока я не буду никому говорить про пропуск Саскии, потому что не могу рисковать. Ведь может начаться очередная драка. Нам нужно сохранять спокойствие и помогать друг другу, чтобы всем вместе спуститься отсюда вниз.

Кертис смотрит на часы.

– Нам нужно отправляться в путь, чтобы спуститься вниз до наступления темноты.

– Есть еще одна будка – на самом верху, – говорит Дейл. – Там может быть рация. Можно попробовать добраться до нее и...

– Сомневаюсь, – качает головой Кертис. – Раз они убрали рации здесь, то и там тоже явно ничего не оставили.

– Здесь забрали, а на ту могли махнуть рукой, – не отстаёт Дейл. – Ведь подъем туда не отнимет много времени.

– У нас нет лишнего времени, – рывкает Кертис. – Мы не знаем, сколько у нас уйдет на то, чтобы спустить твою жену по «черной» трассе.

Дейл гневно смотрит на Хизер. Таким взглядом можно убить.

Хизер смотрит себе под ноги. Сейчас трудно сказать, кого она боится больше – Кертиса или собственного мужа.

– Послушайте меня, – открываю рот я. – Если тебе, Хизер, будет легче спускаться на сноуборде, я отдам тебе свою доску, а сама пойду пешком.

Она не понимает, чем я готова пожертвовать и что это значит для меня. Я только что отказалась от возможности прокатиться на сноуборде, которая мне представилась впервые за десять лет. Но бедняжка выглядит так, словно ее сейчас вырвет на ботинки.

– Спасибо, Милла, – тихо говорит Дейл.

«Я делаю это не для тебя, урод. Я делаю это для нее».

Но Хизер обхватывает себя руками.

– Я не помню, как это делается, – признается она. – Я последний раз вставала на сноуборд десять лет назад. Да и тогда у меня не очень хорошо получалось.

Мы с мужчинами переглядываемся. Перспектива не радует – придется вести вниз нервную женщину, которая практически не умеет кататься на сноуборде, да еще и по «черной» трассе, на которой тут и там выступают скалы.

Кертис вздыхает.

– Кто пойдет вместе со мной к той будке? – спрашивает он.

* * *

Я вдыхаю холодный разреженный воздух. Мы на леднике. Альпы простираются внизу, напоминая острые белые зубы. На востоке Италия. В ста километрах севернее Монблан. У меня такое ощущение, будто я стою на вершине мира.

Боже, как мне этого не хватало! Яркая белизна. Знакомый вес сноуборда под мышкой. Другие женщины так носят свои сумки.

– Мы ненадолго, – говорит Дейл, глядя на Хизер.

Она кивает и поправляет шарф.

Дейл собирался остаться с ней, но она, вероятно, увидела выражение его лица, как ему хотелось подняться на самый верх. А ей, в свою очередь, наверняка хотелось избавиться от него.

– Иди, – сказала она ему. – Я понаблюдаю за вами снизу.

Я поражена, что она это предложила, но не жалею, потому что теперь Дейл опять выглядит как викинг. Одежда, очки, сноуборд

сыграли свою роль.

Брент тоже гораздо больше похож на того Брента, которого я знала. Он кивает на наполовину растаявшие трамплины и улыбается, на щеках появляются ямочки.

– Ты думаешь то же, что и я? – спрашивает он.

– Точно, – отвечает Дейл.

Несколько минут я буду притворяться, будто у нас все так, как было, и мы все еще друзья.

Кертис определенно сомневается, оставлять Хизер одну или нет, но не спорит. Как я предполагаю, он предпочтет, чтобы Дейл пошел вместе с ним, а не остался здесь с Хизер. Мало ли, что они натворят без присмотра.

– Будьте осторожны, смотрите, куда ступаете, – предупреждает Кертис. – Идем друг за другом вдоль линии движения подъемника.

– Понял, – говорит Дейл.

Мы тяжело поднимаемся вверх по склону. Киоск заперт, открытая площадка, где обычно выставляют шезлонги, пуста и покрыта поземкой. Небольшие пластиковые кресла свисают с каната кресельного подъемника и, поскрипывая, качаются на ветру.

– Как бы мне хотелось запустить подъемник, – говорит Дейл. – Чтобы не пришлось идти пешком.

В некоторых местах мы проваливаемся в снег по колени. Я иду вслед за Брентом и сильно запыхалась, но мне не хочется никому показывать, как мне тяжело. Перед Брентом идет Дейл. Он оглядывается через плечо, и я тоже оглядываюсь. Хизер все еще там, где мы ее оставили, сидит на снежном наносе рядом с главным входом.

Над нами маячат острые горные пики. Какая крутизна! Я содрогаюсь при мысли о том, что весь снег, которым покрыты эти горы, может сойти и обрушиться на нас. На нас на всех надеты страховочные пояса, все взяли с собой лавинные датчики. Я отдала свой датчик десять лет назад вместе со всем оснащением для сноубординга. Но мой брат каждый год ездит кататься на сноуборде, и, к счастью, я смогла у него позаимствовать. Хорошо, что мне пришла в голову мысль взять его с собой.

Я расстегиваю молнию на куртке, но только сверху, и смотрю на датчик, маленькую голубую коробочку, ремнями прикрепленную к груди. Я проверяю светится ли экран. Самое худшее, что может

случиться, – это оказаться погребенной под толщей снега и думать, включила ли ты этот чертов датчик или забыла.

– Какой красавец! – восклицает Брент, когда мы подходим к самому большому трамплину. Он поворачивает, чтобы пройти к нему.

– НЕТ! – кричит Кертис. – Это небезопасно. Идем след в след вдоль линии подъемника.

Брент фыркает, но поворачивает назад.

– Идеально подходит для бэкфлипа, – говорю я, когда Брент оказывается рядом со мной. – Попробуем на обратном пути.

Я ожидаю, что он рассмеется, но он серьезен.

– Ты уверена, что хочешь попробовать? – спрашивает он. – Если ты не каталась с...

– О, только не начинай!

Его гиперопека напоминает мне о том, почему я прекратила с ним отношения. На самом деле я пошутила насчет бэкфлипа, но теперь я собираюсь попробовать выполнить этот трюк.

Дейл поворачивается к нам.

– Ты всегда любила риск, да, Милла? Всегда играла на грани фола?

Меня что-то беспокоит в его тоне. Я смотрю на зеркальные линзы его очков. Мне хотелось бы сейчас видеть его глаза. Это была дань уважения – попытка возобновить нашу дружбу?

Или это была угроза?

Теперь, подумав, я считаю странным то, что он оставил Хизер одну. Как будто бы он *знает*, что с ней не может случиться ничего дурного.

Потому что именно они с Хизер организовали все это?

А если так, то что именно он собирается делать с нами?

Глава 28

Десять лет назад

Я внимательно наблюдаю за Саскией, которая въезжает в хафпайп.

– У нее до сих пор бо́льшая амплитуда, чем у меня, когда она начинает разгон для первого вылета?

– Трудно сказать, – отвечает Brent.

Я вздыхаю.

– Я должна это понимать как «да».

Мы с Brentом сидим в самом низу под хафпайпом и заканчиваем перекус. Вчера ночью было холодно и ясно, и труба не стала мягче. Brent сильно ударился коленом, а я потянула запястье. Мы оба сейчас прикладываем снег к пострадавшим частям тела.

До нас доносятся вскрики, кто-то сильно упал. Проклятье! Это Кертис. Он стряхивает снег с куртки и поднимается на ноги.

– Он пытается выполнить хаакон-флип, – поясняет Brent. – Он вчера отрабатывал его на батуте.

Джасинта ждет у низа подъемника. Кертис поправляет ремешок ее шлема, и они едут вверх вместе. Они практически неразлучны всю неделю. Я отворачиваюсь. Но если он должен с кем-то встречаться, хорошо, что это она. Она очень милая.

Саския тоже наблюдает за ними и совсем не выглядит счастливой. Она предпочитает, чтобы все внимание брата было сосредоточено на ней.

Одетта въезжает в хафпайп и высоко взмывает над краем. Это мактвист – с большой амплитудой. Я снова вздыхаю.

– Как мне с ней соревноваться?

– Она же не британка, – напоминает Brent. – И в чемпионате Великобритании участвовать не будет.

– Нет, слава богу.

– Так что не беспокойся. По крайней мере, пока.

– Я могу тренироваться по двенадцать месяцев в году и все равно не смогу так кататься. У меня слишком силен инстинкт самосохранения.

– Остынь, Милла. – Brent обнимает меня.

Я сталкиваю его руку.

– Ты не понимаешь. У тебя его вообще нет.

Brent хохочет, а мне хочется ему врезать.

Я наблюдаю за Одеттой, когда она заканчивает свой заезд. Лишь немногие женщины способны справиться со своим страхом, она – одна из них. Несмотря на все мои усилия, я не могу, просто не могу. Теперь у меня получаются небольшие мактвисты при хороших погодных условиях – но страх все равно не отпускает. Он сдерживает меня. Это так раздражает.

Единственное утешение – это такая же неспособность Саскии справиться со своим страхом. Она снова делает мактвист – к этому ее подтолкнули мои попытки. Но я не могу сказать, так ли она боится выполнять этот трюк, как и я, или меньше.

Я отправляю в рот горсть орехов. Я так напряженно тренируюсь, что нужно каким-то образом восстанавливать потраченные силы. Поэтому я целый день ем орехи, даже когда поднимаюсь на подъемнике. Снотворное помогает мне спать ночью, но утром мне требуется «Смэш», чтобы проснуться.

Кертис уже снова наверху. Я нервно наблюдаю за ним, подозревая, что он попробует сделать еще один хаакон-флип. Я понимаю, что мне трудно за ним наблюдать, как и за Brentом. Они иногда выполняют такие трюки! Делают обороты вниз головой, находясь опасно близко ко льду. Мне кажется, что они не смогут прекратить вращение вовремя, чтобы приземлиться на ноги.

Brent часто падает, потому что сильно рискует и выполняет трюки «на грани». Кертис падает редко, но если все-таки падает, то встает с видом Терминатора и повторяет трюк снова и снова, пока он у него не получится.

Сейчас он снова въезжает в хафпайп, разгоняется, вылетает, начинает вращение в воздухе – и снова падает.

Brent издает стон.

– Должно быть, больно ударился, – замечает он.

Кертис лежит на снегу, прижимая руку к плечу.

– Давай проверим, все ли у него в порядке, – предлагаю я.

Brent вгрызается зубами в батончик мюсли.

– Подожди.

И Кертис на самом деле поднимается и начинает скольжение боком вниз, проверяя при этом, может ли вращать плечом. Все еще продолжая его потирать, он направляется к подъемнику.

– Смотри, – говорит Brent. – Он сейчас снова попробует.

– Может, нам следует его остановить? Он же что-нибудь сломает!

Brent смеется.

– Хочу дать тебе совет, – говорит он. – Когда Кертис упадет, не приближайся к нему, даже не смотри на него, а то он может голову тебе откусить.

Точно так же, как и мой брат-регбист, когда проигрывает матч.

В хафпайп въезжает Жюльен. При первых двух вылетах он выполняет флипы с вращениями против часовой стрелки.

– Я думал, что Дейл ударит Жюльена, – заявляет мне Brent.

– Когда? Почему?

– Жюльен высказался по поводу ноус-грэбов Дейла – по его мнению, Дейл как-то не так захватывает носовую часть доски. И еще по поводу его куртки. На одном дыхании – одно замечание за другим. Этот парень не знает, когда нужно закрыть рот.

Я смеюсь, но резко обрываю смех, когда Кертис снова падает. Я не могу на это смотреть. Он выполняет флип надо льдом, ударяется о край хафпайпа при приземлении и падает. Мы слышим треск.

Когда становится ясно, что сам он не встанет, мы с Brentом спешим к нему. Кертис сжимает плечо, лицо искажает гримаса боли.

Brent отстегивает крепления сноуборда Кертиса, обнимает его за талию и поднимает.

– Пошли, братишка. Я тебя доведу до вагончика.

Я держусь позади, чувствуя, что Кертис не захочет, чтобы я видела его в таком состоянии. В любом случае видно, что Brent справится и без моей помощи.

К нам спешит Джасинта.

– Ты что, снова упал? Больно?

– Все в порядке, – цедит Кертис сквозь зубы. – Увидимся после тренировки.

Саския наблюдает с верха хафпайпа, судя по виду, ее не беспокоит состояние брата.

– Сейчас вернусь, – бросает Brent через плечо, и они вдвоем уходят.

Через десять минут возвращается один Brent.

– С ним все в порядке? – спрашиваю я.

– Прошлой зимой он пару раз выбивал плечо, – говорит Brent. – Думает, что снова его выбил, и его нужно вправлять.

Бедный Кертис. Интересно, как надолго ему придется прекратить тренировки?

Саския проезжает мимо нас, направляясь к подъемнику. Я бросаю на нее взгляд, ожидая, что она спросит про Кертиса, но она не останавливается. Наверное, видела все это миллион раз.

Мы с Brentом вместе направляемся к подъемнику. У меня запотели очки. Это неудивительно после стольких падений. Я роюсь в кармане. Проклятье.

– У тебя есть салфетка для протирания очков?

– Конечно.

Brent протягивает мне салфетку с логотипом Oakley.

Он опять катается в своей надетой задом наперед бейсболке. Когда мы доезжаем до самого верха, он опускает на глаза очки.

– Я покажу тебе крипплер.

– Не нужно, – говорю я.

Он хмурится, глядя вниз в хафпайп и будто оценивая его длину.

– Я серьезно. Я посмотрю этот трюк на YouTube, – говорю я. Не хочу видеть еще и как он падает.

– Я просто пытаюсь вспомнить, как его делать. Я давно его не выполнял.

Он несется на скорости по трубе, разгоняется на боковой стене, туда и обратно, и после второго прохода по вертикали вылетает из хафпайпа. Несколько часов назад я чувствовала его внутри себя, он смотрел на мое лицо сверху вниз с большей нежностью, чем мне хотелось бы. А теперь я вижу, как он зависает вниз головой, как его тело вращается по немислимой диагонали – и все это высоко надо льдом.

Я чувствую самые разные эмоции. Гордость. Зависть. Чувство вины – ведь он это делает ради меня. И страх.

В основном страх. Если он вовремя не выровняет сноуборд...

Он заканчивает оборот как раз вовремя – едва-едва успев. И я снова могу дышать.

Одетта тихо смеется, пристегивая рядом сноуборд.

– Крипплеры – это страшно, – говорит она.

Я и не знала, что она за мной наблюдает.

– Привет, Одетта, – здороваюсь я и краснею.

– Значит, ты с Brentом, да?

Я колеблюсь.

– Ничего серьезного.

– Он хорошо катается. А он может победить тебя в армрестлинге?

Мне удастся изобразить улыбку.

– По правде говоря, мы не пробовали устраивать с ним такие соревнования. Но да, я думаю, что он бы победил. – Я пытаюсь взять себя в руки. – Кстати, у тебя очень здорово получился мактвист.

– Спасибо.

Мне следовало бы спросить у нее, не пробовала ли она выполнять крипплер, но я все еще едва дышу. Я не планировала испытывать такие сильные чувства к кому-либо. Секс по дружбе, вот и все, что я хотела от Brentа.

Через несколько заездов я иду вдоль хафпайпа вверх вслед за Саскией. В этот момент в трубу въезжает Джасинта и выполняет вращение на семьсот двадцать градусов, высоко вылетая вверх. Как хорошо, что мне этой зимой не придется с ней соревноваться. А Саскии придется – на этапе Кубка мира на следующей неделе. Я могла бы заявиться, но после моего позорного выступления на Le Rocher Open я в этом году не собираюсь участвовать в международных соревнованиях, отложу их до следующего года. В этом году я хочу сосредоточиться на чемпионате Великобритании по сноубордингу.

Джасинта катается зигзагом по хафпайпу – взад и вперед. И на скорости поднимается на ближайшую ко мне стену. Судя по положению верхней части ее тела, она готовится еще раз высоко вылететь из трубы и выполнять вращения. Какой-то маленький черный предмет летит в трубу. Джасинта уворачивается от него – и взлетает в воздух в следующее мгновение. Из-за того, что ей пришлось изменить траекторию, вращение она выполняет неправильно – словно у нее смещается ось, и она возвращается на землю не вниз ногами, а параллельно плоской поверхности верха хафпайпа. Она ударяется бедром о край сооружения – и слышится ужасающий треск.

Джасинта кричит и соскальзывает на основание хафпайпа. Проклятье! Я съезжаю по стене вниз, сидя на попе, чтобы посмотреть,

как она. Саския присоединяется ко мне, и мы обе склоняемся над Джасинтой, но ей так больно, что она не может говорить. Я судорожно размахиваю руками, пытаюсь привлечь внимание людей внизу, и попросить о помощи.

А какая-то часть моего сознания прокручивает в голове увиденное. Что это была за черная штуковина? Я оглядываюсь в поисках этого предмета, но не вижу его. Но что бы это ни было, это было сброшено рукой Саскии.

Глава 29

Наши дни

Я тяжело иду по склону в направлении будки с лифтовым оборудованием, при этом неотрывно смотрю на куртку Дейла. Мои глаза словно приклеились к ней. Я надеюсь, что ошиблась насчет него. В любом случае он здесь один против троих, так что он может сделать?

Подъем занимает гораздо больше времени, чем я ожидала. Я забыла, как тяжело ходить по глубокому снегу. Кертис прокладывает путь, он вырвался вперед и уже почти добрался до будки. Я бросаю взгляд вниз на «Панораму». Хизер все еще там.

– Где ты катался прошлой зимой? – спрашивает Brent у Дейла.

– Нигде, – отвечает Дейл. – Мы с Хизер были слишком заняты, раскручивали нашу компанию.

– И как идут дела?

Дейл мнется несколько секунд, потом отвечает:

– Честно говоря, тяжело. Мы едва ли покрываем расходы.

Так, у Дейла явно не хватает денег. Кертис говорил про возможный шантаж. Это и есть цель нашей встречи с друзьями из прошлого? Дейл в отчаянии придумал план, чтобы выжать деньги из одного из нас? А если этот человек не может или не станет платить? Что тогда сделает Дейл?

Кертис доходит до будки и исчезает внутри. По крайней мере, дверь не заперта. Я резко дергаюсь, вспоминая, что подъем сюда был идеей Дейла. Я нервно наблюдаю за ним, надеюсь, что он ничего не выкинет.

Когда мы втроем добираемся до будки, Кертис уже выходит из нее. И выглядит он так, словно готов кого-нибудь убить. Он держит что-то в руке. Лист бумаги.

По центру листа написаны два слова. Написаны аккуратными большими буквами, тем же почерком, каким были написаны слова на карточках «Ледокола»: «ИГРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ».

Меня пробирает дрожь.

– Это... – лепечу я.

– Я знаю, – говорит Кертис.

– Что это? – спрашивает Brent.

– Мы с Саскией говорили это друг другу, – отвечаю я.

– Ой, прекратите, – морщится Дейл. – Вы серьезно? Ну не она же это устроила.

– Откуда ты знаешь? – Кертис делает шаг к нему.

Дейл поднимает руки.

– Это нелогично. Я знаю, что она твоя сестра, но успокойся на минуту и подумай. Где она пряталась все это время? – Он смотрит на Brentа в поисках поддержки. – И зачем ей издеваться над нами?

Кертис проталкивается мимо нас, поднимает очки на лоб и начинает осматривать склоны, словно ищет взглядом Саскию.

– Насколько я понимаю, рации там нет? – спрашивает Дейл.

Кертис не отвечает. Он прищуривается, глядя вдаль.

Дейл явно раздражен, у него изо рта вылетает звук, напоминающий шипение, и он направляется в будку.

Я поворачиваюсь к Brentу.

– Что ты думаешь? Есть ли хоть один шанс...

– Нет. Это не она.

Brent отвечает мгновенно, как и в прошлый раз, когда я говорила о такой возможности. И это заставляет меня задуматься. Почему он так уверен? Он не может знать наверняка. Если только он...

– Но тогда кто это? – Я наблюдаю за его лицом – за той частью, которую вижу под очками.

– Я уже говорил тебе, – отвечает он ничего не выражающим голосом. – Это наверняка Жюльен.

– Ты на самом деле так думаешь?

– А кто еще-то? Он с ума по ней сходил в ту зиму. Вероятно, считает, что ее убил один из нас, и хочет нас за это наказать.

– Но зачем было ждать десять лет?

Ответа у Brentа нет.

Мое внимание привлекает движение внизу на склоне. Что это? Я прикрываю глаза рукой от солнца. В «Панораме» не наблюдается никакого движения, здание погружено в тишину. Главный вход отсюда не виден – его закрывает самый большой трамплин, так что мы не видим и то место, где сидит Хизер. Мне показалось, что я заметила движущуюся фигуру, но больше я ее не вижу. Вероятно, это Хизер

куда-то пошла. Я поднимаю голову и смотрю на небо. Или это была тень от вон того облака?

Дейл выходит из будки с пустыми руками.

– Нам лучше вернуться назад.

Он смотрит вниз на склон и на здание. Может, он наконец понял, что было опасно оставлять там Хизер одну.

Брент смотрит на трамплины, явно уже планирует траекторию своего движения.

Возвращается Кертис. Он в последний раз смотрит на лист бумаги, потом засовывает его в карман.

– Пристегивайте крепления.

В окружающей нас тишине звуки щелчков, раздающиеся, когда мы пристегиваем сноуборды, звучат очень громко. Этот звук вызывает миллион воспоминаний, и я чувствую, как меня охватывает возбуждение. Я фиксирую крепления и впервые за десять лет чувствую себя живой. Хоть выкину все это дерьмо у себя из головы, по крайней мере, на минуту.

Кертис первым выезжает на самый верхний трамплин – и вскоре уже парит в воздухе.

Брент издает радостный возглас.

Меня пробирает легкая дрожь. Мне страшно, но это хороший страх. Некоторые люди выбирают наркотики, чтобы испытать это чувство, и возможно так даже безопаснее. Но я сама всегда предпочитала получать эти ощущения от спорта. Поехали! Мой сноуборд с шипением катится по льду, набирая скорость. Ветер бьет мне в лицо, раздувает штанины. То возбуждение, которое я получаю от занятий в спортзале, несравнимо с тем, что я испытываю сейчас.

Я добираюсь до конца взлетной полосы и взрываюсь в воздух. Знакомое ощущение – такое сладкое, когда в животе что-то падает вниз. Это происходит всегда, когда я парю в воздухе. Я хватаюсь за передний край сноуборда и выставляю вперед ведущую ногу. Инди. А потом я отпускаю сноуборд, чтобы мягко приземлиться.

– Полегче, Милла, – предупреждает меня Кертис, когда я подъезжаю к нему.

– В это мгновение я была счастлива, – говорю я. – Зачем нужно было его портить?

– Кроме нас, тут никого нет. Если что-то случится, мы ничего не сможем сделать.

Во мне бурлит адреналин.

– Я что-то не заметила, чтобы ты осторожничал.

– Я все еще регулярно катаюсь на сноуборде. А ты говорила, что не катаешься.

– Это как ездить на велосипеде.

– Боже, ты *так* похожа на мою сестру... Иногда, – добавляет он, вероятно, заметив выражение моего лица. – В любом случае не думай, что за тобой прилетит вертолет, если ты что-то сломаешь.

– Я понимаю это.

Кертис поднимает глаза на Дейла и Брента, которые склоняются над доской Брента, пытаясь что-то сделать с креплениями.

– Почему ты им ничего не сказала про пропуск на подъемник? – спрашивает Кертис очень тихим голосом.

– Не знаю.

Кертис смотрит на меня задумчиво и изучающе.

– А ты... – и тут у него отвисает челюсть.

Я поворачиваюсь и вижу, как Brent взмывает в воздух, переворачивается вниз головой, делает в этот момент грэб, а потом приземляется и резко тормозит, окатывая нас снегом. У него на лице широкая улыбка. Я даю ему пять. Наконец я вижу того Брента, которого я знала.

– Будь осторожен, – предупреждает его Кертис.

– Ты теперь будешь мне говорить, как кататься?

– Я тут единственный, кто понимает, что происходит? – орет Кертис, явно потерявший терпение. – Если что-то произойдет с одним из нас, то это повлияет на всех остальных.

Именно в эту минуту Дейл летит по воздуху, закручивая какой-то немислимый оборот. Кертис всплескивает руками и матерится.

Я его понимаю – здесь *на самом деле* опасно, но и когда мы находились в здании, опасность была не меньше – парни то и дело набрасывались друг на друга. Лучше выпустить пар на склоне перед тем, как мы начнем готовиться к долгому спуску вниз. Это займет каких-то пару минут.

Кертис продолжает что-то бормотать себе под нос и едет к следующему трамплину. И спокойно делает бэкфлип.

Хорошо. Это мой шанс снова превратиться в бесстрашного, безбашенного ребенка, которым я когда-то была. И это может быть мой последний шанс в жизни выполнить бэкфлип, потому что никто не знает, вернусь ли я еще когда-нибудь на снежные склоны. Brent поправляет очки рядом со мной. Я не предупреждаю его о том, что собираюсь попробовать, потому что ему это не понравится.

– Где Хизер? – кричит Дейл.

Я прикрываю глаза от солнца, напрягаю зрение. Ее нет там, где она сидела.

– Может, она замерзла и ушла в здание.

– ХИЗЕР! – орет Дейл, и его вопль эхом повторяется в долине. Он несется на сноуборде вниз, объезжая остальные трамплины.

Brent вздыхает.

– Лучше побыстрее спуститься туда, – говорит он.

Brent с Кертисом едут вслед за Дейлом.

Я смотрю на трамплин. Дейл уже у здания и отстегивает сноуборд. Я знаю, что мне лучше отказаться от выполнения бэкфлипа, но ведь это займет всего несколько лишних секунд. Вскоре я вернусь домой и буду жить, как раньше, а сейчас мне предоставляется шанс, который я не могу упустить.

Я несусь на скорости, полагаясь на мышечную память. Пусть она направляет мое тело и руководит моими движениями. Достигнув конца трамплина, я начинаю оборот назад, группируюсь, чтобы уж точно мое тело сделало сальто полностью. Возвращаясь на землю, я понимаю, что приземлюсь на след, оставленный моим сноубордом. В отчаянной попытке скорректировать приземление я наклоняюсь вперед. Нос моего сноуборда врезается в снег, происходит резкое торможение. Верхняя часть моего тела продолжает вращение, но ноги не двигаются – они замерли на одном месте, пристегнутые к сноуборду.

Дикая боль пронзает колено. Мгновение – это все, что чувствую. Я хватаюсь за колено. Когда я снова начинаю видеть окружающую местность, и мой взгляд фокусируется, Brent с Кертисом уже находятся рядом и смотрят на меня сверху вниз. Оба тяжело дышат.

– Что? – спрашивает Кертис.

Я судорожно хватаю воздух и выдыхаю слова:

– Думаю, наружная коллатеральная связка.

Я точно так же упала в предыдущий раз, когда ее порвала.

Кертис бросает взгляд на «Панораму». Дейла рядом со зданием нет. Вероятно, уже зашел внутрь.

– Идите, – говорю я. – Я вас догоню.

– Руку подать? – спрашивает Кертис.

Я качаю головой и сама принимаю вертикальное положение. Я осторожно пытаюсь перенести вес на травмированную ногу. Боль накатывает волнами. Я прикусываю губу, чтобы не взвыть от боли. Оба протягивают ко мне руки.

– Я справлюсь, – говорю я. – Идите.

– Почему ты никогда не позволяешь никому тебе помочь? – взрывается Кертис.

Они с Brentом спешат вниз к зданию.

Как раз то, что мне нужно – чтобы он лез ко мне в душу.

– А ты позволяешь? – кричу я ему вслед.

Я использую сноуборд в качестве костыля и хромаю вслед за ними. Каждый раз, когда я наступаю на поврежденную ногу, колено пронзает боль, будто впившееся жало.

«Не думай об этом. Постарайся отключиться. Раньше у тебя получалось», – говорю я сама себе.

К тому времени как я добираюсь до Кертиса и Brentа, они уже скинули большую часть снаряжения и сменили покрытые снегом ботинки для сноубординга на скейтерские кеды^[37]. Я ставлю свой сноуборд у стены рядом с остальными.

Из здания выбегает Дейл.

– Я не могу ее найти!

– Ты вашу комнату проверил? – спрашивает Кертис.

– Ее там нет. – Дейл явно в панике. – Кто-то из вас видел, как она заходила в здание? Она же могла провалиться в расщелину.

Мы переглядываемся. Золотое правило поведения на леднике – никогда не отстегивай свой сноуборд. Если ты на доске, твой вес распределяется по большей площади. Поверхность больше. Без сноуборда риск упасть в расщелину значительно увеличивается. Когда мы шли вверх, мы двигались вдоль линии подъемника, зная, что, по крайней мере, несколько месяцев назад персонал курорта не допускал около него появления расщелин – их сразу же засыпали. Но Хизер этого не знает. Более того, в отличие от нас всех, на ней нет страховочного пояса и лавинного датчика.

– Я собираюсь здесь все проверить, – объявляет Дейл и направляется к гаражам.

– Мы поищем внутри, – кричит ему вслед Кертис.

– Ты в состоянии идти, Милла? – спрашивает Brent.

– Угу.

Кертис смотрит, как я пытаюсь снять ботинки, но не произносит ни слова. Я вижу, что ему больно на меня смотреть.

– Не нужно меня ждать, – говорю я ему.

– Хорошо, – кивает Кертис. – Brent, проверь все наверху, а я посмотрю здесь внизу. Я уверен, что она где-то здесь.

– Я буду у себя в комнате, – кричу я им вслед, когда они уходят.

Я набираю пригоршню снега и прижимаю к колену. У двери валяется целая куча снаряжения. Я копаюсь в этой куче страховочных поясов, перчаток и очков в поисках собственной обуви. Наконец нахожу свою пару. Мои носки промокли, но я сжимаю зубы и хромаю в здание. Мне нужно лечь, задрав ногу.

Я заворачиваю в коридор, который ведет к нашим комнатам. Вероятно, Кертис только что был здесь, потому что везде горит свет. Я принохиваюсь, и у меня все сжимается внутри. Мне кажется, что я снова улавливаю запах духов Саскии.

Мои чувства обострены. Кто-то находится позади меня.

Я поворачиваюсь так быстро, как позволяет мое колено, но там никого нет. Мороз пробегает у меня по коже – будто рядом проплыло привидение. Я хромаю дальше. Осталось недалеко. Не могу дожидаться, когда наконец запру за собой дверь. Я слышу шорох за спиной, и он заставляет меня снова повернуться. Проклятье! Как больно-то! Я хватаюсь за колено. Но коридор пуст.

– Эй, кто тут? – кричу я.

Наверху слышен стук шагов. Наверняка их я и слышала. Там Brent. Это здание словно злой шутник, мне здесь мерещится то, чего нет.

Свет выключается. Полная темнота. Я ненавижу этот дурацкий таймер. Где чертов выключатель? Я все еще сжимаю пакет со льдом в одной руке, а второй шарю по стене. Лед тает, повсюду падают капли, от этого доски пола станут скользкими, а последнее, что мне сейчас нужно, – это снова упасть. Я медленно ползу вперед, продвигаясь на ощупь вдоль стены. Где-то же должен быть выключатель!

Я чувствую сквозняк позади себя. Где-то открылась дверь? Я поворачиваюсь, напрягаю глаза, чтобы рассмотреть хоть что-то во тьме.

– Эй, кто тут?

Кто-то находится в коридоре вместе со мной? Я опять ощупываю стену в поисках выключателя. Ура – вот и он!

Как только включается свет, что-то исчезает за углом. У меня перехватывает дыхание.

Я этого не видела. Я не могла это видеть.

Похоже, что там мелькнули волосы. Цвет: платиновый блонд.

Глава 30

Десять лет назад

«Как Джасинта?» – отправляю я СМС Кертису.

«Сломала бедренную кость. Ее перевезли в Гренобль».

«Мне очень жаль».

Бедная Джасинта. Сезон для нее закончился.

Я не могу заснуть полночи, ворочаюсь и думаю, рассказать или не рассказывать Кертису о роли его сестры в этой травме. Я почти уверена, что некая черная штучка – что бы это ни было – выпала из руки Саскии. Тем не менее я не могу в этом поклясться. Все произошло очень быстро. Эту вещь могло принести и ветром – и она просто пролетела мимо Саскии. А если *все-таки* она выпала из руки Саскии, то та могла уронить ее случайно. Моя интуиция подсказывает мне, что она уронила ее намеренно, но даже если и так, Саския, вероятно, просто хотела отвлечь Джасинту или заставить ее отказаться от выполнения намеченного трюка.

В любом случае если я скажу об этом Кертису, то ничего этим не добьюсь. Саския скажет, что это произошло случайно, а вред уже нанесен. Надо надеяться, что она усвоила урок.

На следующий день я не могу отделаться от мысли о несчастном случае с Джасинтой, когда катаюсь в хафпайпе. Каждый раз, собираясь выполнить трюк, я оглядываюсь по сторонам, чтобы посмотреть, где находится Саския, проверить, чтобы она ничего не бросила под ноги *мне*.

Так, сейчас она на подъемнике, значит, я в безопасности. Делаю глубокий вдох. Нужно сосредоточиться – вперед!

До чемпионата Великобритании остается десять недель, поэтому я временно отказываюсь от идеи освоить крипплер. Мне вчера было страшно смотреть, как Brent его выполнял. Вместо этого я пытаюсь увеличить амплитуду и съезжаю со все более и более высоких мест на стене. Конечно, Саския быстро понимает, что я делаю, и теперь повторяет мои маневры.

На этот раз я спускаюсь с двадцати метров и чуть не срываюсь по пути вниз. Потом я взлетаю вверх по противоположной стене и

вылетаю из хафпайпа гораздо выше, чем ожидала. Я, как сумасшедшая, машу руками, чтобы сохранить равновесие, и каким-то образом мне удастся приземлиться. Еще несколько заездов по трубе на высокой скорости – и во время последнего вылета мне удастся кое-как выполнить вращение. Я торможу, поражаясь, что все еще остаюсь на ногах.

Сверху скатывается Brent. Какой напор! Какая линия движения! Неудивительно, что он добился таких успехов. Я считаю вращения при его последнем вылете из трубы. Одно, два, три. Думаю, что он сделал три полных оборота. Но он вращается так быстро, что трудно определить.

– Ты сделал десять-восемьдесят? – спрашиваю я, когда он подъезжает к тому месту, где стою я.

– Да, – широко улыбается он. – Собирался три с половиной оборота, но... не важно.

– Получилось классно! А тебе не страшно?

– Только когда смотрю на тебя.

– Прекрати.

– Я говорю правду. Во время последнего заезда ты сильно рисковала. Остынь немного, а? Сбавь обороты.

– Что?! Ты – последний человек, от которого я ожидала это услышать.

– Прости. М-м, я собираюсь перекусить, если ты хочешь...

– Нет.

Он идет к своему рюкзаку.

Рядом со мной останавливается Одетта.

– С тобой все в порядке? – спрашивает она.

– Brent только что сказал мне, чтобы сбавила обороты, – выдыхаю я. – Вот ведь лицемер!

– Тяжело кататься с человеком, о котором беспокоишься. Но нужно разделять чувства и тренировки. Или... Ничего хорошего не получится. Чувства подобны якорю, они тебя удерживают.

Как она права! Как пойти на биг-эйр с якорем?

– Поедем вверх? – спрашивает Одетта.

– Нет. Ты поезжай. Мне нужно немного успокоиться.

Я хочу посмотреть заезд Саскии – с какой высоты она спускается.

– Хорошо, – кивает Одетта. – Держи за меня кулаки. Я хочу попробовать вращения вниз головой.

Вчера мы с Одеттой вместе ходили на батут. Она смотрела, как я выполняю трюки, а я смотрела, что делает она.

– Удачи! – кричу я, когда она отъезжает.

Дейл сидит на снежной насыпи и пьет «Смэш». Я сожалею, что вообще попробовала эту дрянь. Я смогла сократить его потребление до банки в день, и моя цель – вообще прекратить его пить. Если появляется привычка не спать, от нее очень трудно отделаться. Я думаю, что мне нужно более сильное снотворное.

Так, Саския начинает заезд. Я напрягаю зрение. Проклятье! Она все равно поднимается выше. Я смотрю в другую сторону, когда она проезжает мимо меня к подъемнику. Кертис едет прямо за ней. Что бы там ни случилось с его плечом, он не позволяет себе прекратить тренировки.

– Попробуй сделать тейл-грэб во время последнего оборота, – кричит Кертис Бренту, когда проезжает мимо. – Тогда зависнешь подольше.

По результатам прошлого года Кертис занял первую строку в британском рейтинге, а Brent – вторую. Но судя по тому, как Brent катается в этом сезоне, они вполне могут поменяться местами. Почему Кертис помогает ему? Но если Brent и считает это странным, он этого не показывает. Просто кивает в задумчивости, словно рисует у себя в сознании нужный образ, и вгрызается зубами в яблоко.

Я бросаюсь вслед за Кертисом и усаживаюсь на Т-образную перекладину бугельного подъемника рядом с ним. Я хочу узнать, какую игру он ведет.

– Я думала, что ты в больнице, – говорю я.

– Джасинта не хочет, чтобы я пропускал тренировки, – говорит Кертис.

– Как она?

– Не очень хорошо. Полетит домой, когда сможет сесть в самолет. Неудачный перелом.

– Это ужасно. А как твое плечо?

– Мне его посмотрели, пока я был в больнице. – Он криво улыбается. – Раз уж я там все равно оказался.

– И что тебе сказали?

– Все не так плохо.

Что по сути означает: болит сильно, но все-таки недостаточно, чтобы заставить его прекратить кататься.

Я киваю на Брента.

– Я могу тебя кое о чем спросить? Почему ты это делаешь?

– Что делаю? – не понимает Кертис.

– Помогаешь Бренту.

Молчание.

– У этого парня есть характер, – наконец говорит Кертис. – Он смелый и отчаянный.

– Да, но он же твой соперник.

Кертис пожимает плечами.

– Наверное, я так играю в эту игру.

– А Брент тебе помогает?

– Мы обсуждаем трюки. Да.

– Ты играешь очень отлично от того, как это делает твоя сестра.

«И от того, как играю я», – мысленно добавляю я.

Кертис плотно сжимает челюсти.

– Мне хочется думать, что это так.

Мои очки снова запотели. Я сжимаю перекладину, на которой сижу, бедрами, снимаю одну перчатку и роюсь в кармане в поисках салфетки для очков.

– У тебя есть чем протереть очки?

– На, возьми.

Кто-то бросил на пути движения подъемника солнечные очки – как раз там, где должен проехать мой сноуборд^[38]. А я в эти минуты, можно сказать, одноногая и безрукая. Я пытаюсь объехать очки, но сноуборд проскальзывает и готов утащить меня за собой.

Кертис хватает меня за талию.

– Я тебя держу.

Проклятье. Я притворяюсь, что он меня больше не привлекает как мужчина. Но чувства никуда не ушли. Стали только сильнее, чем раньше.

– Спасибо.

Я допустила ошибку, усевшись на подъемник вместе с ним. Мне нужно сосредоточиться. Мы почти доехали до вершины. Я медленно делаю глубокие вдохи, чтобы у меня в голове прояснилось.

– С тобой все в порядке? – спрашивает Кертис.

– Да, – улыбаюсь я. – Я пытаюсь переиграть твою сестру.

– Я заметил. – Он не улыбается.

– Давай я угадаю, что ты собираешься мне сказать. Тоже предложишь сбавить обороты?

– Кто сказал тебе, чтобы сбавила обороты?

– Brent.

– Нет. Продолжай. Только... будь предельно осмотрительной, когда рядом находится моя сестра. Хорошо?

Я неотрывно смотрю на него.

– Что ты имеешь в виду?

Кертис плотно сжимает губы, словно жалеет, что вообще что-то сказал.

Мне хотелось бы, чтобы он объяснил мне, что происходит. Я думаю о его прошлых предупреждениях. Как он говорил Brentу, чтобы следил за ней. Может, Саския в прошлом делала что-то более мрачное, чем простые проказы? Кто-то из-за нее пострадал?

Ну все. Я собираюсь поговорить с ней открыто.

Саския застегивает крепления на самом верху хафпайпа, и я направляюсь к ней.

– Мы можем поговорить?

– Конечно, – судя по тону, она удивлена.

Мы едва ли обменялись парой фраз после того, как она столкнула мой сноуборд в расщелину. Кертис поглядывает в нашу сторону, пристегивая крепления. Я оглядываюсь в поисках места, где никто не сможет нас подслушать.

– Может, проедемся на кресельном подъемнике? – предлагает она.

– Отлично, – соглашаюсь я.

– Куда вы собрались? – кричит Кертис, когда мы едем в противоположном направлении.

– Поедем на креслах! – кричу я в ответ.

Мы с Саскией съезжаем вниз по «красной» трассе. На склоне никого нет. Я съезжала по этому склону вместе с Саскией месяц назад, когда считала нас подругами. Мне очень не хочется это признавать, учитывая все, что она сделала, но мне не хватает заездов с ней.

Она выполняет вращение на сто восемьдесят градусов, подпрыгнув на холмике. Я заезжаю на него после нее и выполняю

полный оборот на триста шестьдесят градусов. Она видит это и выполняет такой же на боковой части склона. Я пытаюсь сделать вращение на пятьсот сорок градусов и падаю. Саския смеется.

Почему-то считается, что если ты женщина, то желание соперничать – не лучшая черта. Когда я нахожусь вместе с другими женщинами, даже Одеттой, я скрываю эту необходимость конкурировать. Однако, когда я рядом с Саскией, я выпускаю это желание наружу. Она не боится быть собой, и это заставляет и *меня* не бояться. В ее обществе, независимо от того, как она меня иногда злит, я чувствую, что становлюсь наиболее близка к истинной версии себя.

Если бы только мы могли быть подругами... Может, и могли бы, если бы занимались командным видом спорта, а не индивидуальным. Или мы все равно соревновались бы друг с другом, потому что мы такие по своей природе?

Мы добираемся до самого низа, откуда стартует кресельный подъемник, хватая ртами воздух. Очереди нет, так что мы сразу проходим через турникет. Я только что получила такое удовольствие, что хочу снова повторить этот спуск по трассе. Проклятье. Теперь мне нужно поговорить с ней про тот несчастный случай.

К нам подкатывается трехместное кресло. Сегодня с утра шел легкий снежок, и черные спинки сидений из ПВХ выглядят так, словно их побрызгали глазурью.

– Эй! – кричит кто-то.

Я оглядываюсь.

Кертис бежит по склону к нам.

– Подождите!

Саския тянет меня за руку.

– Пошли.

Я в замешательстве, но Саския тащит меня к креслу, мы запрыгиваем в него и начинаем подъем.

– Увидимся на вершине! – кричу я Кертису.

Саския не опустила предохранительную планку, поэтому я тянусь к ней.

– Подожди, – говорит она. – Я хочу снять куртку. Я вспотела.

Я не опускаю планку и откидываюсь назад на сиденье. День стоит теплый. Сейчас только начало февраля, а кажется, что уже наступила

весна. Саския обвязывает куртку вокруг талии и тоже откидывается на спинку кресла рядом со мной.

Кертис громко свистит с кресла, которое идет позади нас.

Я поворачиваюсь к нему.

– Что?

– Предохранительная планка!

– Он что, издевается? – бормочет себе под нос Саския.

Я опускаю планку, и она защелкивается с негромким лязгом. Я поворачиваюсь к Саскии. Надо с этим разобраться.

– Что ты вчера бросила в Джасинту?

К моему удивлению, она хохочет. Я в шоке.

– Ты об *этом* хотела поговорить?

Я изучающе смотрю на нее, надеясь, что эта реакция вызвана удивлением, а не тем, что для Джасинты сезон закончен.

Саския опускает руку в карман и достает черный кусочек ткани из микрофибры.

– Ты это имела в виду?

Я замечаю логотип в углу – белая молния Electric Eyewear.

– Это моя салфетка для очков, – говорю я.

– Я нашла ее в хафпайпе – там, где упала бедная Джасинта. Ты ее бросила прямо ей под ноги.

– *Ты* ее бросила! – говорю я.

Саския снова смеется.

– А зачем мне бросать *твою* салфетку для очков?

У меня отвисает челюсть. Из-за того, что она сделала, Джасинта сломала ногу. Но я не вижу даже намека на угрызения совести. Да она, кажется, счастлива, что добилась подобного результата.

– Я не могу поверить. Ты, вероятно...

Боже, я не могу выдавить из себя ни слова. И как, черт побери, она заполучила мою салфетку?

Саския бросает взгляд через плечо на брата в следующем кресле.

– Мое слово против твоего. Если будешь молчать, я тоже ничего не скажу. Как ты думаешь, кому он поверит?

Я уже видела, как Кертис относится к сестре и как ее защищает. Он может сколько угодно говорить мне, что рядом с ней нужно быть осторожной и осмотрительной, но если придется выбирать, то вполне

возможно, что он поверит ей, а не мне. Кровь – не водица, и все такое. И в конце концов это же на самом деле *моя* салфетка для очков.

Затем я думаю про СМС, которое отправила ему вчера. «Мне очень жаль». Он легко может его интерпретировать, как чувство вины. Моя дружба с Кертисом так много для меня значит. Даже если Саския опишет случившееся, как глупую шалость, я не уверена, что он когда-либо простит мне сломанную ногу его девушки.

Саския убирает салфетку назад в карман.

– Я оставлю ее у себя. Как доказательство.

Глава 31

Наши дни

Мое колено пульсирует. Я хромаю по коридору так быстро, как только могу. Смотри своим страхам в лицо – вот чему меня научил сноубординг. Я заворачиваю за угол, с ужасом думая о том, что там увижу.

Коридор пуст. Я вздыхаю с облегчением. Это была просто игра моего воображения.

Или угрызения совести.

Коридор разветвляется, и я поворачиваю налево.

– Хизер! – кричу я.

– Милла?

Голос Хизер звучит очень тихо, я едва его слышу. Я иду на звук, а потом, пройдя мимо двух дверей по коридору, толкаю третью. Хизер протискивается сквозь образовавшуюся щель и падает мне в объятия.

– Дверь... – Ее так трясет, что она едва может говорить.

– Все в порядке. Успокойся.

– Ее было никак не открыть.

– Она прекрасно открылась сейчас. Может, просто застряла. – Я толкаю дверь, чтобы открыть ее полностью. – Видишь?

Это раздевалка для персонала со шкафчиками для одежды и полочками для обуви, там есть душ и туалет. Я не помню, чтобы раньше видела эту раздевалку. Может, я просто не зажигала здесь свет.

Хизер обнимает себя руками, ее все еще трясет. На этот раз никакого притворства. Она на самом деле очень напугана.

– А зачем ты вообще сюда пошла? – спрашиваю я.

– Мне было нужно в туалет. – Она обводит взглядом коридор. – Я пошла в нашу комнату. А по пути назад я кого-то заметила.

– Кого?

– Не знаю. Но в коридоре вместе со мной кто-то был.

– Ты имеешь в виду Брента или Кертиса?

– Нет. Не один из нас.

Мое сердце начинает снова судорожно биться в груди. Я только что почти убедила себя, что мне все привиделось. Но если и Хизер

кого-то видела...

– Это был мужчина или женщина?

– Я не смогла хорошо рассмотреть. Я просто бросилась бежать и спряталась здесь.

Я принохиваюсь. Запах очень слабый, так что я не уверена, присутствует он в воздухе или мне это только кажется.

– Ты чувствуешь запах духов? – спрашиваю я у Хизер.

Она тоже принохивается.

– Нет. А почему ты спрашиваешь?

– Кертис думает, что нас тут могла собрать Саския, – поясняю я.

– Нет. – Хизер сжимается на глазах и опирается о стену. – Этого не может быть.

Она так побледнела, что мне даже кажется, что она вот-вот рухнет в обморок. Я хватаю ее за руку.

– Сделай несколько глубоких вдохов и выдохов.

– Но она же... – Ей явно трудно произнести это слово. – Умерла. Разве нет?

– По всей видимости.

Но больше я в этом не уверена.

Хизер ошарашенно молчит. Я не могу определить, боится ли она призраков в общем или одного совершенно определенного.

– Дейл очень беспокоится, – говорю я ей. – Ты бы лучше пошла к нему и сказала, что жива.

Хизер бросает взгляды в разные стороны.

– Ты пойдешь со мной?

– Без меня ты доберешься гораздо быстрее. – Я объясняю, что случилось с моим коленом. – Иди. Я приду, когда смогу.

Хизер с неохотой уходит.

Мое колено горит, и мне страшно хочется пить. Рядом с раковиной стоит стакан. Я хромаю к нему и дергаюсь, когда дверь захлопывается у меня за спиной. Стакан нужно помыть, поэтому я просто открываю кран с холодной водой, набираю воду в пригоршни и пью. Напор здесь еще хуже, чем у меня в душе. Из крана льется лишь тонкая струйка.

Выпив две пригоршни, я прислоняюсь к стене, собираясь с силами и морально настраиваясь перед тем, как начать хромать к себе в комнату.

Когда я уже поворачиваюсь, чтобы начать двигаться, слышится треск, дверь распахивается.

Я чуть взвизгиваю.

Кертис хватается меня за бедра.

– Это я.

У меня перехватывает дыхание. Шок – и его руки на моем теле.

– Я нашла Хизер.

– Я знаю. Я ее только что видел, – сообщает Кертис.

Я не отодвинулась от него, и он не отодвигается. На нем, как и на мне, надета куртка для катания на сноуборде, и застежки-липучки на наших воротниках так близко, что могут прилипнуть друг к другу. Я чувствую запах его кожи – пот и солнцезащитный крем.

– Как твое колено?

– Болит, – улыбаюсь я.

Он тоже улыбается.

– Но тебе обязательно было нужно это сделать?

– Ага.

– Жалеешь?

– Нет.

Он крепче обнимает меня и что-то внутри у меня сжимается.

– У меня в комнате есть шарнирный бандаж на колено, – сообщает Кертис. – Но я не представляю, что мы, черт побери, теперь будем делать, раз ты не можешь съехать вниз на сноуборде. Как ты меня злишь, Милла.

Однако сейчас по его виду совсем не скажешь, что он на меня злится. Больше нет. Его глаза тепло смотрят на меня, и такой теплоты в них не было со времени нашего прибытия сюда. И я вижу в них что-то еще.

Я заставляю его идти спиной вперед, пока он не прижимается ею к стене.

– Милла!

Я рада, что он все еще держит меня за бедра, потому что своим ногам я в эту минуту не доверяю.

– Что?

– Что ты делаешь?

– А на что это похоже?

У него на лице отражается желание напололам со смятением. Кертис сглатывает.

– Я кое-что не сказал тебе.

От ужаса у меня все скручивается в животе. Настроение испорчено. Я отступаю от него.

На ум приходит только одна вещь, которую он мог до сих пор от меня скрывать.

Он ее убил?

Пожалуйста, скажи мне, что я не права! Но что еще это может быть?

Мне всегда казалось, что у Кертиса более высокие моральные принципы, чем у кого-либо еще из моих знакомых. Если он убил Саскию, свою сестру, то что говорить о нас, обо всех остальных? Если я не могу доверять ему, я не могу доверять никому. Никогда не смогу.

Он делает шаг ко мне.

– Прости меня, Милла.

«Что он собирается со мной сделать?»

Я дергаю дверь, она не открывается. Глядя на него через плечо, я тяну ее сильнее. Проклятье! В отличие от дверей в комнаты, здесь нет задвижки. Вероятно, кто-то запер ее ключом.

– Ты запер дверь?

– Нет. Милла, послушай меня!

Я стараюсь успокоиться и подумать. Он не мог запереть ее, я бы увидела. Не отрывая от него взгляда, я стучу по двери.

– Прекрати, – говорит Кертис.

– Милла! Кертис! – слышится голос Хизер.

– Мы здесь! – Я колочу в дверь.

Она открывается со скрипом. В коридоре стоит Хизер и пытается отдышаться. Это она нас заперла?

– Быстрее! – говорит она. – Бренту плохо.

Глава 32

Десять лет назад

Я нажимаю на звонок квартиры Брента.

Дверь открывает Кертис. Рукава на его худи закатаны, он весь испачкан мукой.

– Brent уехал в Ризул^[39]. У него там завтра фотосессия для «Смэш». Он забыл тебе сказать.

– О-о. – Я делаю шаг назад от двери.

– Оставайся, – приглашает Кертис. – Я делаю пиццу.

– М-м. Хорошо.

Я следую за ним на кухню. Он идет скованно, чуть подволакивая левую ногу.

– Травма? – спрашиваю я.

– Ерунда. К этому времени я каждый сезон уже разваливаюсь на части.

– У Брента есть болеутоляющие. Я уверена...

– Я не верю в их пользу, – перебивает меня Кертис.

На разделочном столе лежит тесто, раскатанное аккуратными кружочками. Мне следовало бы догадаться, что Кертис готовит пиццу из того, что нашлось в квартире. Нос и щеки у него загорели во время заездов в солнечные дни. Сейчас он вспотел – в кухне жарко, волосы у него влажные. Я смотрю, как он очищает от зернышек красный перец, пальцы работают быстро и уверенно. Почему-то я знаю, что секс с ним будет совсем другим, не таким, как с Brentом. Интересно, а какие ощущения могут доставить эти пальцы, если коснутся моей кожи?

Кертис поднимает взгляд и застает меня врасплох. Он видит, что я его рассматриваю. Кровь приливает у меня к лицу. Он обладает какой-то сверхъестественной способностью читать мои мысли, как и его сестра. Я только надеюсь, что он не смог прочесть то, что я только что думала.

– Вина? Пива? – спрашивает Кертис, как и всегда, нейтральным тоном.

– Воды, – отвечаю я и сама беру стакан.

Кертис кивает на грибы.

– Можешь их порезать?

Я ищу нож.

– Сегодня днем на горе, когда ты погнался за нами с Саскией вниз по склону, ты выглядел испуганным.

Он переступает с ноги на ногу.

– Почему?

Кертис пожимает плечами

– Не знаю. Но может быть... Чемпионат Великобритании совсем близко. Может, лучше не ездить вместе с ней на подъемнике? На всякий случай.

Я издаю неуверенный смешок.

– Почему? Что еще, по твоему мнению, она может сделать?

Кертис смотрит на пиццы, ему явно очень некомфортно от того, что мы говорим на эту тему.

И тут я вспоминаю одну вещь.

– Предохранительная планка.

Кертис резко вскидывает голову. У меня по спине пробегает холодок.

– Ты думаешь, что она могла бы...

Когда проводишь столько времени на подъемниках, в частности кресельных, как мы, то не всегда утруждаешь себя опусканием предохранительной планки. Не так-то это и важно. Я никогда не падала с подъемников, такого даже близко не было. Сиденья откидываются назад, упасть практически невозможно.

Если только тебя не толкнут.

– Нет. Конечно, нет, – говорит Кертис.

Но он определенно это подумал. Или, по крайней мере, предполагал такую возможность.

Я тонко нарезаю грибы.

– Давай так. Я больше никогда не поеду на кресельном подъемнике вместе с твоей сестрой.

Мы молча режем продукты. Кертис прав? Она подсунула мне водку и столкнула мой сноуборд в расщелину, ее безрассудное поведение привело к перелому бедра у Джасинты. Но неужели она может зайти так далеко? Под трассой подъемника скалы. Если бы я свалилась, я могла бы разбиться насмерть.

Звонит мобильный Кертиса. Он смотрит на экран и хмурится.

– Привет. Когда? Нет, это получается прямо перед открытым чемпионатом США. Им придется прислать фотографа сюда.

Он отключает связь.

– Твой агент? – спрашиваю я.

– Да.

Кертис выглядит усталым.

– Тяжело быть знаменитым? – поддразниваю я.

Он выхватывает нож у меня из руки.

– Если ты их так собираешься резать, то мы вполне можем есть замороженную пиццу.

Я смотрю на грибы и не понимаю, что я сделала не так.

Кертис открывает холодильник, достает еще грибы и режет их на половинки, причем так быстро, что они подлетают вверх.

– Вот так. Видишь? В противном случае они расползутся. Месиво будет, а не грибы.

– Я предпочту разогреть замороженную пиццу, но не напрягаться.

– Поверь мне: оно того стоит. И еще нужен базилик.

Я просматриваю этикетки на маленьких баночках с сухими травами, которые стоят на столе. Так, вот он.

– Свежий! – говорит Кертис раздраженно.

Я отрываю листики от растения, которое растет в горшке, и режу их. Запах наполняет кухню.

– Прекрати! – орет Кертис.

– Теперь что я не так делаю?

– Никогда не режь базилик ножом. Это убивает аромат. Нужно разрывать руками.

Я с грохотом опускаю нож на стол.

«Если бы мы с тобой были парой, я бы предложила тебе заткнуться, толкнула к стене и поцеловала. Или пропустила бы этап со стеной и сразу потащила бы тебя наверх».

Его невероятная энергия, этот огонь, который в нем горит, выводит из себя в кухне, но я уверена, что в спальне пришелся бы очень кстати.

– Не смотри на меня так, Милла, – произносит Кертис так тихо, что я едва слышу эту фразу.

Я сглатываю.

– Прости.

Он поворачивается ко мне спиной.

– Я могу сдерживаться, но я не железный.

Я думаю, что это означает. Он чувствует то же самое, что и я? Мое тело напоминает сжатую пружину. Это напряжение нарастало весь сезон, до чемпионата Великобритании остается чуть больше двух месяцев, поэтому я уже на грани.

Кертис глубоко вдыхает, все еще стоя спиной ко мне, потом машет рукой в сторону гостиной.

– Лучше иди туда. Я сейчас закончу с пиццей.

Мои ноги сами несут меня к дивану. Он прав – я не должна на него так смотреть. Я не хочу причинять боль Бренту или Джасинте, как и Кертис. Им с Брентом удастся оставаться друзьями, несмотря на то что они занимают соседние строчки в рейтинге. Но если бы что-то сейчас произошло между мной и Кертисом, то их дружбе пришел бы конец.

Я отодвигаю в сторону мокрую одежду и усаживаюсь. Сегодня носки воняют особенно сильно. У батареи стоят три пары ботинок для сноубординга. Я беру с кофейного столика один из выпусков Whitelines. На обложке Кертис перепрыгивает бездонную расщелину – так кажется при взгляде на фотографию. Я перелистываю страницы, надеясь, что там напечатано интервью, но внезапно слышу голос Саскии.

– Что на ужин? – спрашивает она.

Прекрасно. Только ее-то мне и не хватало.

– Пицца, – отвечает Кертис.

– М-м, – произносит она.

Он ее пригласил, или она сама себя пригласила? Я не могу сказать.

Саския заходит в гостиную. Выражение ее лица меняется при виде меня, хотя она быстро берет себя в руки.

– Привет!

– Привет.

Мне следовало бы непринужденно поболтать с ней ни о чем, хотя бы для видимости, но из памяти всплывает картина: она сидит рядом со мной на кресельном подъемнике. А ее правая рука ныряет мне за спину.

Саския стягивает куртку, в которой катается на сноуборде, и бросает ее на диван, чуть не задев мои ноги. Шлем и перчатки летят следующими. Она распускает хвост, и волосы волнами падают ей на спину. Она на самом деле столкнула бы меня?

Тут мне в голову приходит одна мысль. Саския пойдет на пользу, если я буду нервничать рядом с ней. Не эту ли цель преследовал Кертис? Попытаться запугать главную соперницу своей сестры?

Саския достает тонкие перчатки из кармана спортивных штанов, кладет их на батарею и выходит из комнаты. Я слышу щелчок замка в туалете.

Ее пропуск на подъемник валяется на полу рядом с кофейным столиком. Вероятно, выпал из кармана. Я встаю с дивана. Пропуск уже на полпути в *мой* карман, когда какой-то звук в дверном проеме заставляет меня поднять голову.

Там стоит Кертис.

– Что ты делаешь? – тихо спрашивает он.

Я не отвечаю.

– Не надо, – говорит он еще тише.

Откуда он знает, что я собираюсь сделать? Неужели все мои мысли и намерения отражаются на лице?

– Что «не надо»?

– Ты прекрасно знаешь.

Мне очень не нравится, что он застиг меня за этим делом. Я бросаю взгляд на дверь туалета, проверяя, там ли еще Саския.

– Она заставила меня потерять полдня, когда столкнула мой сноуборд в расщелину. – И это не упоминая мою салфетку для очков, которую она украла, чтобы бросить под ноги несчастной Джасинте. – Почему бы мне не сравнить счет?

Кертис молчит.

– Ты ее няня? Она легко сможет его заменить. Просто предъявит удостоверение личности в кассе, где продают билеты на подъемник.

– Ты же знаешь, что она тебе отомстит. – В туалете сливают воду. Кертис сокращает расстояние между нами. – Отдай мне его.

Я отвожу руку назад вне пределов его досягаемости. Я вижу, как напрягается маленькая жилка у него на виске.

– Я не хочу с тобой ссориться из-за этого, Милла.

– Так и не лезь. Или помоги мне победить ее.

Он кривится.

– Не проси меня об этом. Она же член семьи.

Дверь в туалет открывается, Саския заходит в комнату и вопросительно приподнимает брови, когда видит нас вместе.

– Какая милая картина. Я вам не помешала?

Я бросаю пропуск на пол, выпустив его из руки у себя за спиной, и направляюсь к входной двери.

– На самом деле я не хочу есть.

Глава 33

Наши дни

Брент сидит под лестницей, которая ведет к банкетному залу, и потирает голову. Я опускаюсь рядом с ним на ступеньку.

– С тобой все в порядке?

– Бывало и хуже.

Кертис стоит, держа руку на выключателе, чтобы сразу же снова нажать на него, когда выключится свет.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Не знаю, – моргает Брент.

От него пахнет спиртным.

– Ты еще выпил?

– Нет, – хмурится он.

Я бросаю взгляд на Кертиса. Брент упал, потому что был пьян? Я вижу, что Кертис думает то же самое. С другой стороны, несколько минут назад Брент выполнил бэкфлип, так что он не так уж и сильно пьян.

– Он сидел здесь, когда я его нашла, – сообщает Хизер.

В ту зиму десять лет назад Брент на моих глазах несколько раз получал сотрясения, но обычно он очень быстро восстанавливался и снова начинал кататься. На этот раз все выглядит гораздо хуже. Взгляд несфокусированный и остекленелый, он оглядывается вокруг с таким видом, будто не понимает, что происходит.

– Тебя кто-то толкнул? – спрашиваю я.

– Не знаю, – отвечает Брент и хватается за лоб.

«Тебя столкнула Саския?»

Но это могли быть Хизер или Дейл. Даже Кертис. В конце концов, ведь это Кертис отправил Брента наверх. Он вполне мог толкнуть его до того, как нашел меня в раздевалке. Я снова бросаю взгляд на Кертиса, я еще не отошла от нашего последнего разговора. Он тоже смотрит на меня, с печалью во взгляде.

Брент самостоятельно поднимается на ноги, и его тут же ведет в сторону. Кертис подхватывает его.

– Так, полегче! Может, тебе следует снова присесть?

– Со мной все в порядке, – говорит Brent.

Но он неустойчиво стоит на ногах и хватается за поручень, чтобы не упасть.

Кертис остается рядом с ним, готовый опять подхватить его в любой момент. Кертис смотрит на часы и чертыхается.

– Сколько сейчас? – спрашиваю я.

– Почти два часа. Нам нужно решить, спускаемся мы или остаемся.

– Надеюсь, что спускаемся, – отвечаю я. – Я не хочу оставаться в этом месте еще на одну ночь.

– А твое колено? Я думал о том, чтобы нам с Brentом съехать вниз и заставить персонал запустить подъемник для вас. Но теперь... – Он смотрит на Brenta. – Может, спустимся с Дейлом.

Проклятье. Я не доверяю Дейлу и могу сказать, что и Кертис ему тоже не доверяет. А если подумать, где Дейл? Я смотрю по сторонам. Коридор пуст.

– Мне не нравится мысль о том, что придется оставить вас здесь, – продолжает Кертис. – Но какой у нас выбор?

В эту минуту я не уверена, кого из них я боюсь больше. Я не доверяю ни одному из них.

Хизер стоит немного в стороне, я вижу, как она напряжена.

– Мне кажется, что мы здесь не одни. Я видела кого-то в коридоре, – сообщает она Кертису. – Пока вы все были на леднике.

– Мне кажется, что я тоже кого-то видела. На долю секунды. Этот человек заворачивал за угол. – Я содрогаюсь, произнося это вслух. – И... Прости, Кертис, но мне показалось, что это твоя сестра. Я могу поклясться, что видела длинные светлые волосы. – После того, что Кертис сказал (или не сказал) мне в раздевалке, я не уверена, была ли это Саския или ее призрак. Или мое разыгравшееся воображение.

Кертис закрывает глаза.

– Проклятье, – выдыхает он.

– Кто бы это ни был, этот человек запер меня в раздевалке, – говорит Хизер.

Я вспоминаю, что и мне дверь не поддавалась. Может, там все-таки что-то не так с замком.

– Господи, как голова-то болит, – жалуется Brent.

– Сколько ты выпил? – спрашивает Кертис.

– Да почти ничего. Дело не в этом. Мне нужно умыть лицо холодной водой.

Слева находятся туалеты. Кертис помогает Бренту до них добраться.

Хизер идет дальше по коридору.

– Дейл! – кричит она. – Ты где? ДЕЙЛ!

– А ты его видела после того, как вышла из раздевалки? – спрашиваю я.

– Нет.

Она доходит до угла и останавливается там. Очевидно, ей совсем не хочется выпускать меня из поля зрения.

Кертис с Брентом выходят из туалета.

– Воды нет, – сообщает Кертис.

– Что? – переспрашиваю я.

– Давайте посмотрим в кухне, – предлагает Кертис.

Я уже морально готовлюсь к болезненному переходу, но он обнимает меня и смотрит так, что я не решаюсь возразить. Я не могу не вздрогнуть, когда он ко мне прикасается, сейчас это как-то странно.

Из крана на кухне вначале течет тонкая струйка, потом и она прекращается. Кертис открывает горячий кран, но и оттуда не капает ни капли.

– Вероятно, замерзли трубы, – высказываю предположение я. Это объясняет и плохой напор воды в раковине в раздевалке, где я чуть раньше пыталась пить.

– Как ты думаешь, сколько сейчас градусов на улице? – спрашивает Кертис.

– Где-то минус десять.

Кертис кивает.

– Это, конечно, холодно, но не настолько, чтобы вода замерзла в трубах.

Он прав. Это здание проектировали с расчетом на низкие температуры. Один раз, когда я здесь была, температура опустилась до минус тридцати. Было бы странно, если бы трубы замерзли сейчас, когда, строго говоря, зима еще не наступила.

– Кто-то отключил воду, – говорю я.

Игра продолжается.

Это устроила Саския? Судя по выражению лица Кертиса, он думает то же самое, хотя опять же это мог быть кто-то из нас. Или кто-то еще. Жюльен?

– Если кто-то из вас выйдет на улицу и наберет снега, я его растоплю, – говорю я.

– Я выйду, – предлагает Кертис и хватает сковородку.

– Как хорошо, что у нас есть электричество, – говорит Brent. Похоже, ему лучше.

Кертис резко останавливается.

– Кто-то взял с собой фонарик?

Мы втроем качаем головами.

– У меня с собой маленький, – сообщает Кертис. – Но если кто-то останется здесь, то нужно найти еще парочку. Прямо сейчас. Или хотя бы свечи.

В этом здании целые километры коридоров без окон. Я прикусываю губу, представляя, как же в них будет темно, если отключится подача электроэнергии.

Кертис отбрасывает сковородку в сторону и бежит по коридору. Brent трусцой направляется за ним.

– Эй, с тобой уже все в порядке? – кричу я вслед Brentу, но он уже далеко.

Хизер стоит в дверном проеме, скрестив руки на груди, словно хочет защититься таким образом.

– Ты видела здесь фонарики или свечи? – спрашиваю я.

– Не знаю, – отвечает она. – Я просто хочу выбраться отсюда.

В эти минуты я рада, что она находится рядом со мной. Я проверяю шкафчики в кухне, надеясь найти свечи, но безуспешно.

Почему всегда особенно хочется пить, когда нет воды? Я держу стакан под краном с холодной водой, но тонкая струйка прекращает течь до того, как стакан успевает наполниться хотя бы наполовину. Я выпиваю его до дна. Кто-то проходит мимо. Brent.

– Эй, если ты нормально держишься на ногах, принеси мне снега. Я умираю от жажды, – кричу я ему.

– Сейчас.

Он поднимает сковородку, которую бросил Кертис.

– Подожди!

Я достаю еще одну сковородку. Снег в основном состоит из воздуха, так что я не думаю, что из одной сковородки снега получится много воды.

Брент берет обе сковородки и уходит.

В кухню заходит Кертис с фонариком в одной руке и шарнирным бандажом на коленный сустав в другой.

– Это тебе. – Кертис протягивает мне наколенник.

– Спасибо.

– Тебе помочь?

– Сама справлюсь.

После того, что он сказал, я боюсь смотреть ему в глаза. Я поднимаю штанину (я все еще в штанах для катания на сноуборде) и аккуратно обматываю колено бандажом поверх термобелья.

– Нам нужно поговорить.

– Да, – отвечаю я, хотя не уверена, что хочу этого.

Кертис достает из кармана упаковку таблеток в фольге.

– Возьми.

Болеутоляющее. Дженерики, упаковка известной сети британских супермаркетов.

– Твои?

– Да.

Я украдкой (настолько, насколько сейчас это возможно) проверяю, не повреждена ли упаковка.

– Мне казалось, что ты не веришь в пользу болеутоляющих таблеток, – говорю я.

– Не верю.

И это показывает, какой он на самом деле. По крайней мере, каким я его считала. Это парень, который привозит обезболивающие таблетки на встречу старых друзей, хотя сам их не принимает. Он привез их, потому что беспокоится о других, более слабых, чем он сам, или просто потому, что посчитал необходимым быть готовым ко всему? Я не уверена.

Я выдавливаю пару таблеток и проглатываю, не запивая.

Кертис начинает открывать шкафчики.

– Что ты ищешь?

– Фонарик. Свечи. Что угодно.

– Я уже посмотрела.

– Я попробую поискать в ресторане, – объявляет Кертис и поспешно уходит.

Брент слишком долго набирает снег в сковородки. Наконец он возвращается, он сильно запыхался, но сковородки заполнены «с горкой».

– Что ты так долго? – спрашиваю я.

Он ставит сковородки на электроплиту.

– Я собирал его там, где никто не ходил.

Я беру пригоршню, чтобы приложить к колену, затем включаю электричество под сковородками на максимум.

– Как твоя голова?

Брент потирает ее.

– Все еще немного болит, но переживу.

Возвращается Кертис со свечами в небольших стеклянных подсвечниках и зажигалкой и сваливает все трофеи на стол.

– Класс, – говорю я.

– Фонарик нашел? – спрашивает Кертис у Брента.

– Нет, – отвечает Брент.

Кертис поворачивается к Хизер.

– Дейл брал с собой фонарик?

– Не знаю.

Похоже, Хизер теперь вообще ничего не знает.

– А где Дейл-то? – спрашиваю я.

– Он возвращался в здание после того, как что-то проверял снаружи? – интересуется Кертис.

– Я только что выходил на улицу и его не видел, – сообщает Брент.

– Я его не видела, – говорит Хизер. Теперь она в панике. Ее глаза бегают из угла в угол.

Кертис поворачивается к Бренту.

– Проверь их комнату и поищи его в здании, а я выйду на улицу и покричу. Будь осторожен.

Они возвращаются через несколько минут. Дейла в комнате нет.

– Я чуть голос не сорвал, но он не откликнулся, – сообщает Кертис. – Это странно. И время поджимает.

– А на нем был лавинный датчик? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает Кертис. – И это меня беспокоит. Он оставил его у двери вместе со страховочным поясом и сноубордом. Нам лучше пойти

его поискать. Оставайся здесь, Милла.

– Я пойду надену ботинки, – говорит Brent и быстро уходит.

Кертис кивает на свечи и зажигалку.

– Держи их при себе на тот случай, если выключится свет, – говорит он мне, потом бросает взгляд на Хизер, которая стоит, привалившись к стене и опустив плечи, и тащит меня в коридор. – И не поворачивайся к ней спиной, – шепчет он мне на ухо уже в коридоре.

– Что? – пораженно шепчу я.

– Хизер – маленькая, но с женщинами никогда нельзя быть ни в чем уверенным.

Я смотрю, как Кертис исчезает за поворотом коридора, и вспоминаю тот день, когда Хизер и Саския похоронили меня заживо.

Глава 34

Десять лет назад

Хизер опускает последний комок снега над моей головой. Везде вокруг на меня давит холодный снег, холод пробирается сквозь мембранную ткань моей куртки и штанов для сноубординга. Я моргаю, сюда проникает только сероватый, очень тусклый свет. Я медленно и глубоко дышу. Я надеюсь, что в реальности я никогда не окажусь в такой ситуации.

Я потеряла нескольких хороших друзей, которые погибли под лавинами. Прошлым летом лавина унесла Дорин Клаветт, которая занимала пятое место во французском рейтинге сноубордистов, выступающих в хафпайпе. Но тогда она просто каталась на склоне. И никто не бросился ее искать, потому что парень, с которым она вместе каталась, тоже оказался похоронен под слоем снега. Они именно так чувствовали себя в последние минуты жизни? Сколько времени они умирали? Нет, я не хочу это знать.

Я касаюсь льда кончиками пальцев. К этому времени меня уже должны искать девушки. Саския и Одетта должны поставить трансиверы в режим поиска, ходить по снежному покрову надо мной и принимать сигнал от датчика, который закреплен у меня на шее.

Хизер – последняя, кто может попасть в такое положение, очень маловероятно, что она когда-нибудь окажется похороненной под лавиной, но именно она меня закапывала. Думаю, что для нее это главное событие сезона. Мои похороны – гвоздь программы! Она дико заводится, когда мы с Дейлом разговариваем о сноубординге. Ей очень не нравится, что мы так хорошо ладим. В любом случае глубина снега сейчас здесь на леднике составляет десять метров, так что закопать меня было довольно легко.

Так... А мой лавинный датчик настроен на передачу сигнала? Я же с ним играла перед тем, как забраться сюда. Проклятье. Снег утрамбован вокруг меня так плотно, что у меня нет возможности проверить.

Меня охватывает паника. Я хочу отсюда выбраться. Где они?

Эта тренировочная спасательная операция была идеей Саскии. Сегодня везде белая мгла. Видимость слишком низкая, чтобы кататься в хафпайпе, так что мы поднялись на ледник, намереваясь оборудовать трамплин, но вскоре поняли, что мы и его не разглядим.

– Какой смысл носить лавинные датчики, если мы не знаем, как ими пользоваться, – объявила Саския. – Кто готов лечь в могилу? Милла?

– Нет, спасибо, – ответила я.

– Почему? Боишься?

Довольный блеск в ее глазах заставил меня открыть рот. Идиотка! Я заглотила наживку.

– Хорошо, я готова попробовать.

Смелая и безбашенная Милла опять решила себя показать. Зачем мне это было нужно?

Я думаю о предупреждениях Кертиса, и мне становится не по себе. Но Саския уже несколько недель держится от меня подальше – наверное, он ей что-то сказал. И что она сделает на виду у него и всех остальных?

Здесь очень холодно. Мои руки так замерзли, что я почти их не чувствую. Мне следовало надеть перчатки.

Сколько еще времени нужно Саскии и Одетте? Почему они так долго? Кертис находится внизу склона, засекает время по секундомеру – сколько кому потребуется. Естественно, мы превратили это в соревнование – девочки против мальчиков. Опять идея Саскии. Ну, девочки! Где вы?

Я ничего не слышу. Сколько еще времени я смогу дышать?

«Соберись!»

Следующим будут закапывать Брента. Он не станет паниковать. Он вообще ничего не боится. Я пытаюсь следить за дыханием, медленно вдыхаю воздух через нос. Если придется, я смогу пробить рукой слой снега и махать ею, чтобы за мной пришли и вытащили меня.

Свет. Из дыры у меня над головой. Я смеюсь с облегчением, когда там появляется лицо Саскии.

– Здесь никого нет, – говорит она.

Снег опускают на место.

Что она делает? Она же меня видела. Или нет?

Сейчас темнее, чем было раньше. Она навалила наверху больше снега? Мне становится страшно. В животе все сжимается. Что за игру она ведет?

– Эй! – кричу я.

Но я их не слышу, поэтому подозреваю, что они не слышат меня.

Я поднимаю руки и пытаюсь пробить снег наверху. Снег царапает кончики моих пальцев, кусочки льда летят мне в лицо. Я моргаю, пытаюсь как-то вытолкнуть их из глаз, они тают, холодная жидкость покрывает мои ресницы. Я снова бью снег, теперь кулаками, но он упакован слишком плотно. Мне кажется, или мне на самом деле трудно дышать?

Почему Одетта ничего не делает? Я хватаю ртом воздух.

«Стоп! Дыши медленно. Надо как можно дольше растянуть запас воздуха».

Кертис и Дейл не дадут этому долго продолжаться. Ведь не дадут? На самом деле дадут. Чем дольше, тем лучше. Их команде же надо победить, показать лучшее время. Brent не может мне помочь, он отправился в киоск перекусить. А Хизер вообще вспомнит, где меня закопала в этом тумане? Если и вспомнит, она не станет спешить мне на помощь.

Это была такая глупая идея. Мне совсем не нужно лежать здесь. Почему мы просто не закопали лавинный датчик? Все так делают. Я собираюсь с силами, собираю все свои силы в кулак и толкаюсь вперед, бью по снегу обеими руками. Снег падает мне на голову и в рот. Я кашляю, пытаюсь его выплюнуть. Теперь я на самом деле в панике.

Внезапно я все понимаю. И прихожу в ужас. Саския все это спланировала.

Глава 35

Наши дни

Ресторан оглядывают мертвые черные глаза оленя. Я не могу отделаться от ощущения, что он за мной наблюдает. Его светлый мех свалился, рога покрыты пылью. Единственные звуки – это ритмичное тиканье часов на каминной доске и треск языков пламени. Мне потребовалось десять минут, чтобы развести огонь в камине. Здесь все отсырело.

Хизер мечется по залу, как залетевшая в окно муха.

– Где он, черт побери?

Я тоже беспокоюсь. Дейл – не дурак, но мы находимся в опасной местности, где несчастные случаи – не редкость. Несчастья случаются и с самыми опытными из нас. Может, он где-то лежит, получив травму. Может, сошел пласт снега, и Дейл оказался похороненным под ним. Или он мог упасть в расщелину.

Если только это не какой-нибудь дьявольский план, придуманный им и Хизер. В таком случае Кертису и Бренту угрожает опасность. Или там Саския? В таком случае они все в опасности.

Я смотрю в окно. Небо серое, горные пики кажутся синими. Световой день почти закончился. Одно я могу сказать с уверенностью: сегодня мы отсюда не спустимся, и я с ужасом думаю о том, что придется провести еще одну ночь в этом здании.

Я протягиваю пальцы к огню, чтобы согреться, но не могу унять дрожь. Под наколенником, который мне принес Кертис, у меня примотан лед. Ибупрофен никак не помог унять боль. Помог бы алкоголь, но я хочу сохранять трезвую голову до возвращения мужчин.

– У меня голова трещит от этих часов. Как они меня достали! – говорит Хизер.

– А меня достал этот олень, – отвечаю ей я.

Сколько всего видели эти мертвые глаза? До того, как построили «Панораму», на этом месте стоял простой деревянный домик. В прошлые десятилетия в нем отдыхали альпинисты. Его можно увидеть на некоторых фотографиях, висящих на стене. Олень остался с тех времен? Он достаточно старый на вид.

Хизер роется в сложенных у камина дровах.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Если мы найдем телефоны, то сможем вызвать спасателей.

В дровах мы искали, по крайней мере, два раза, но я не напоминаю ей об этом.

Хизер издает рычание, хватает часы и запускает ими в стену. Они разбиваются о деревянные панели. Мелкие стеклышки падают на пол. Я и не знала, что у нее такой нрав.

Хотя это же шанс. В момент слабости, подобный этому, она скорее скажет правду.

– Ты же знаешь, что я не приглашала вас сюда, да?

Хизер кивает.

– Тогда кто?

Она покусывает губу.

– Понятия не имею.

– Я пытаюсь догадаться, кто устроил игру в «Ледокол», – доверительным тоном сообщаю я. – Мне нужно знать, вы с Brentom...

Она уже открывает рот, чтобы возмутиться.

– Просто если что-то было, нам нужно подумать, кому еще об этом известно, – перебиваю я.

Хизер бросает взгляд через плечо в коридор, затем поворачивает голову ко мне.

– Да. Я с ним переспала. Ты теперь счастлива?

– Понятно.

Я не стану спрашивать, случилось ли это, когда мы были с ним парой, хотя отчаянно хочу знать. Я не могу предъявлять никаких претензий, у меня не может быть никаких прав на Brenta. Я говорила ему, что не хочу серьезных отношений, и он до сих пор остается парнем с самыми слабыми собственническими инстинктами из всех, с кем я встречалась. Хотя про нас с Brentom нельзя сказать, что мы «встречались». С глазу на глаз мы бывали только в постели.

И один раз в очень темной парной, где было практически ничего не видно.

Но почему Хизер изменила Дейлу?

После того, как она в этом призналось, дамбу прорвало.

– Понимаешь, я думала, что Дейл мне изменил, – продолжает откровенничать Хизер. – С Саскией.

– Ты серьезно?

– Я пошла встретить его после занятий в спортзале, и они вышли вместе из того помещения, где стоял батут. У нее было очень довольное выражение лица, и она так улыбалась...

– Подожди, это было за день до чемпионата Великобритании? Я помню. Я сама была в зале, когда Саския попросила Дейла посмотреть, как она выполняет трюки, подсказать, что нужно изменить.

Дейл не горел желанием это делать, но Саскии удалось его подкупить – она сказала, что до конца сезона будет покупать ему выпивку. У нее был повод самодовольно улыбаться, так как она узнала, как делать крипплер.

– В общем, Дейл пошел переодеваться, – продолжает Хизер. – А я спросила у Саскии, чего она так ухмыляется. Она... прямо не сказала... но намекнула, что они с Дейлом только что занимались сексом там, в зале.

Было ли так на самом деле или Саския просто дразнила Хизер? Саския любила портить людям жизнь. Я склонна думать, что она все-таки не спала с Дейлом, но не хочу объяснять Хизер, почему я так думаю.

– Когда я спросила Дейла, он все отрицал, разозлился и ушел. Но...

Хизер смотрит на меня так, словно хочет, чтобы я ее успокоила.

– Если они и переспали, я об этом никогда не слышала, – говорю я.

Хизер снова бросает взгляд через плечо и говорит еще тише:

– Вот в этот вечер я и переспала с Brentом.

– А-а.

Значит, Brent мне не изменял, потому что я порвала с ним отношения в предыдущий день.

– Я пошла в квартиру, где жил Дейл, чтобы попробовать с ним поговорить, но Дейла там не было, только Brent. – Хизер пытается взять себя в руки и продолжает рассказ натянутым голосом. – Brent меня обнял, и я ему все выложила. Потом как-то так получилось, что я начала его целовать. Он спросил, уверена ли я, что хочу это сделать, потом отвел меня наверх.

По ее щеке скатывается слезинка.

Добряк Brent. Можно поплакаться ему в жилетку, а потом и переспать с ним. Идеальная месть. Это было очень рискованно – ведь Дейл мог вернуться в любую минуту, но Brent всегда любил ходить по грани, и я знала, что Хизер ему нравилась. Тем не менее я удивлена. Ведь они с Дейлом были друзьями. Думаю, он расстроился из-за нашего разрыва, и Хизер застала его в момент слабости.

– Кто еще знал об этом? – спрашиваю я.

– Саския. Больше никто.

Эти слова – будто удар молнии. Кертис думает, что за всем этим стоит его сестра. Сказанное Хизер прекрасно встраивается в эту версию.

– Все получилось очень неудачно, – продолжает Хизер. – Саския шла по улице, когда я уходила от Brentа. Она увидела, как он обнимает меня на пороге, ну и все поняла. Спросила меня прямо в лоб.

Это меня почему-то совсем не удивляет. Саския всегда очень быстро соображала.

– Я все отрицала, но, наверное, я была слишком возбуждена и взволнована, и поэтому мои слова звучали неубедительно. Она стала хохотать.

Я могу представить эту сцену. Бедная Хизер.

– Я тогда чуть ей не врезала. – Хизер и сейчас сжимает кулак. – «Не надо с ней пререкаться, – сказала я сама себе. – Просто уходи». В тот вечер была моя смена, так что я отправилась к себе на квартиру переодеваться.

– А что случилось в баре «Сияние»? – спрашиваю я. – Почему вы затеяли там драку?

Хизер вздыхает.

– Я случайно задела и опрокинула стакан, из которого пила Саския, а она решила, что я сделала это преднамеренно. Заявила, что расскажет всем о том, что я переспала с Brentом. Я ответила, что тогда расскажу всем, что она сама вначале переспала с Дейлом. Получилась мерзкая сцена.

– Так, наконец все проясняется, – медленно произношу я.

– Саския ответила, что она, конечно, не спала с Дейлом, – продолжает Хизер. – «Бедный Дейл! – сказала она. – Я прямо сейчас пойду к нему и расскажу про вас с Brentом». Она продолжала издеваться надо мной.

– И именно поэтому ты ей врезала?

– Да.

– А она рассказала Дейлу?

– Нет. Насколько мне известно.

– И ты сама ему ни в чем вчера не призналась?

Хизер опускает голову.

– Он со мной разведется.

– В самом деле? Из-за того, что случилось десять лет назад?

– Ты его не знаешь, – тихо произносит Хизер.

Но я уже заметила, какой Дейл собственник. Может, Хизер и права. Она его знает гораздо лучше меня.

– А Кертис знает?

– Если только Brent сам рассказал ему.

У меня в голове крутятся вопросы. Это все имело какое-то отношение к исчезновению Саскии? Я много раз гадала, почему Brent с Хизер в тот день оказались вместе на леднике. Истинная причина заключается в том, что они хотели поговорить с глазу на глаз? Туда долго подниматься, чтобы просто поговорить, но с другой стороны, «пузырь» – идеальное место, если не хочешь, чтобы тебя подслушали. Только Саския... Что она сделала? Появилась не вовремя? И использовала то, что знала, чтобы шантажировать Brentа? Чтобы он подсказал ей, как делать крипплер? Brent – хороший парень. Он был бы готов пропустить разминку на чемпионате Великобритании, чтобы защитить Хизер. Но что произошло после этого? Трагическая случайность?

Или что-то еще?

В любом случае я только что узнала две вещи.

1. Хизер может лгать – не только мне, но и своему мужу.

2. Brent с Хизер умеют держать язык за зубами. О чем еще они умалчивают?

Глава 36

Десять лет назад

Я зарыта в холодной, темной могиле, и я не оставляю попыток выбраться. По ощущениям кончиков моих пальцев, лед – это гранит. Я царапаю и скребу изо всех сил и, вероятно, сдираю при этом кожу. Мои пальцы онемели, но я этого не чувствую. Но в любом случае не продвигаюсь вперед.

Дыхание становится все более и более учащенным, стенки могилы надвигаются на меня и, похоже, сжимаются. Я не могу дышать. Я копаю в правильном направлении? Думай! Я стараюсь сосредоточиться, но здесь так темно, что я больше не уверена, с какой стороны верх.

Я чувствую горечь во рту. Я чувствую, как что-то горькое поднимается вверх по моему горлу. Меня сейчас стошнит. Я хватаю ртом воздух, но воздуха нет.

– Помогите! – кричу я.

Руки судорожно скребут у меня перед лицом. Я должна отсюда выбраться. Я не хочу так умереть.

Снег падает в мой открытый рот. Я кашляю и выплевываю его.

Лучик света, крошечный. Потом крошечная дырочка превращается в большую дыру, и на меня смотрит лицо Кертиса. Он кричит, и две пары рук начинают копать. Кертис и Дейл. Мне следовало бы им помочь, но меня так сильно трясет, что мои руки отказываются делать то, что я им приказываю.

Наконец раскопана достаточно большая дыра. Кертис наклоняется и вытаскивает меня. Я лежу на снегу и судорожно хватаю ртом воздух. Кертис расстегивает свою куртку и накрывает меня ею, как саваном. Я сбрасываю куртку. Я не могу допустить, чтобы что-то меня накрывало. Я хочу только дышать.

– С моим трансивером что-то не так, – звучит голос Саскии.

– Это с тобой что-то не так! – орет Кертис.

Я слышу, как Одетта что-то говорит спокойным тоном, но не могу разобрать слова.

Люди ходят взад и вперед – Одетта, Кертис, Дейл. Я делаю глубокие вдохи. Какое счастье! Вероятно, Brent все еще перекусывает у киоска.

– А как так получилось, что *ты* не смогла ее найти? – спрашивает Кертис.

– Саския хотела все сделать сама, – отвечает Одетта.

Мне следует подняться на ноги. Я не хочу, чтобы они видели меня в таком состоянии – такой слабой и уязвимой. Но мне кажется, что я не могу двигаться.

Кертис садится на корточки рядом со мной.

– Воды хочешь?

Он достает бутылку – свою бутылку – и подносит к моим губам. Я набираю полный рот воды, проглатываю и опять опускаю голову на снег.

Надо мной склоняется Одетта.

– Ты в порядке, Милла? – спрашивает она. – У Саскии не работает трансивер.

Я в это не верю, но вижу, что Одетта верит. Она такая – видит в людях только хорошее.

Кертис достает из кармана протеиновый батончик и срывает с него обертку.

– Съешь.

Я качаю головой. Я не могу. С неба падают снежинки и опускаются мне на лицо. Снова засыпают меня. Я содрогаюсь, я не хочу снова оказаться под толщей снега – и встаю на ноги. У меня темно в глазах, но я медленно переставляю ноги и глубоко дышу, пока у меня в голове не проясняется.

Мой рюкзак стоит рядом на снегу. Я поднимаю его и вешаю за спину.

– Я поеду вниз, – объявляю я.

– Подожди... – Кертис пытается меня остановить.

Но я хочу как можно быстрее убраться с ледника и оказаться от него подальше. И от Саскии, и от всех, кто видел, что произошло.

На мои очки падают снежинки, когда я еду в белой мгле. Я вижу сигнальные флажки разметки на этой трассе скоростного спуска. Это «черная» трасса. Я могу ориентироваться только по ним, чтобы спуститься вниз. И только благодаря им я понимаю, что двигаюсь. На

трассе никого нет. Никто, кроме нас, не вышел в такую погоду. Таких дураков больше нет.

Она могла бы меня убить. Но что мне делать? Что я *могу* сделать?

Мои ноги дрожат в два раза сильнее обычного, когда я добираюсь до промежуточной причальной платформы. Я собралась ехать вниз в вагончике фуникулера – отсюда и до самого низа, но когда я оказываюсь здесь, это решение представляется мне признанием полного провала. И что мне в любом случае делать внизу? Мерить шагами свою крошечную квартирку? Я на взводе. Может, если я еще покатаюсь, мне удастся немного успокоиться.

Я вслепую направляюсь к «пузырю». Очереди нет, и я ныряю в пустую кабинку.

Когда дверца уже начинает закрываться, внутрь запрыгивает Кертис. Он ставит свой сноуборд рядом с моим, сбрасывает рюкзак и опускается на скамейку напротив. Я кладу руки на колени, прилагая волевые усилия, чтобы унять дрожь. Я не хочу, чтобы он видел меня в таком состоянии.

– С тобой все в порядке?

– Да.

Я рада, что на мне зеркальные очки, и он не видит моих глаз. Я отворачиваюсь к окну.

– Она зашла слишком далеко.

Я снова поворачиваюсь к Кертису. Я поражена, что он наконец открыто высказался против нее.

Он смотрит на свои ботинки для сноубординга, челюсти плотно сжаты, тело напряжено. На какое-то мгновение жалость во мне пересиливает злость. Сколько раз на протяжении его жизни сестра втягивала его в неприятные ситуации? Она и в школе была такая? Я могу представить, какой она была тогда. Красивая Стерва, Королева Шестого Класса. Девочка, в которую были влюблены все мальчики и с которой хотели дружить все девочки, потому что боялись того, что она может им устроить, если они не захотят.

Что я могу сделать? Как я могу ей отомстить, кроме как выиграть у нее на чемпионате Великобритании?

– Так помоги мне ее победить, – говорю я.

Кертис поднимает на меня глаза.

– А почему ты так этого хочешь, Милла?

Что-то заставляет меня раскрыть душу – то ли недавняя близость смерти, то ли облегчение от того, что я выжила.

– Знаешь, какой день был самым счастливым в моей жизни?

– Прошлогодний чемпионат Великобритании?

– Нет. Я упала во время предпоследнего заезда и опозорилась. И я не выиграла. Нет, самым счастливым был спортивный праздник, когда я училась в школе. Мне тогда было двенадцать лет. Я выиграла забеги на четыреста метров, на восемьсот метров, пробежала последний этап в эстафете четыре по сто, и тоже выиграла. Все в один день, одна победа за другой. А я даже не была членом школьного клуба бега. Я просто хотела выиграть больше, чем остальные девочки.

Кертис вздыхает.

– Расскажи мне, как ты выполняешь заезд, от начала и до конца.

Я собираюсь с мыслями. Это, конечно, не лучшее время, но это, может быть, мой единственный шанс.

– Значит, разгоняюсь, первым делаю бэксайт-эйр, потом фронтсайт-инди...

Я перечисляю трюк за трюком. Это не тайна: он же каждый день видит меня в хафпайпе.

– Первое, что тебе нужно, – это исправить грэбы. Ты хватаешься за ботинок.

Я опускаю голову. Нужно выполнять грэб сноуборда, а не ботинка. Ботинка – это совсем не круто.

– Ты так делаешь, когда выполняешь вращение на полтора оборота, а иногда даже и на триста шестьдесят градусов.

Кертис раскладывает по полочкам мою технику, перечисляет полдюжины вещей, которые мне нужно исправить или усовершенствовать. Я слушаю и чувствую себя подавленной. Я жалею, что у меня нет с собой ручки, чтобы все это записать. Неудивительно, что Саския меня опережает. Brent с Дейлом давали мне какие-то советы, даже Одетта кое-что подсказывала, но никто никогда не разбирает мое катание в таких деталях. Это сильный удар по моему эго.

– Brent предложил мне попробовать крипплер, – говорю я, когда Кертис замолкает.

Кертис вопросительно приподнимает брови.

– Кто-то из женщин его когда-нибудь делал? – спрашивает он.

– Не на соревнованиях.

Он ненадолго задумывается. И хмурится.

– Нет. По крайней мере, пока нет. Вначале тебе нужно упасть.

– Что?!

– Ты очень боишься падений.

Он абсолютно прав. Я боюсь. После падений ломаются кости. Из-за падений сезоны заканчиваются досрочно. И даже спонсоры от тебя отказываются. Я это знаю по собственному опыту. Но мне едва ли поможет то, что Кертис на это указывает.

И мне *очень не нравится*, что он это заметил.

– Я не хочу ничего сломать, когда до чемпионата Великобритании остается так мало времени.

Всего две недели!

– Да, это так. Но твой страх тебя сдерживает. Найди большой трамплин, с которого можно приземлиться в глубокий снег, и заставь себя упасть. Это не так страшно, как ты думаешь. А после этого сможешь думать о криплерах.

Я неуверенно смотрю на него. Падать рискованно, даже если приземляешься в паудер. На чьей стороне он на самом деле? Он искренне пытается мне помочь, или братские чувства вновь одержали верх?

Глава 37

Наши дни

Хизер ходит взад и вперед перед окном в ресторане. Если бы я не травмировала колено, я бы тоже так делала.

– А что, если они не вернуться? – спрашивает Хизер.

– Они вернуться, – говорю я.

За окном теперь крошечная тьма. Где они и почему они не нашли Дейла? Я снова бросаю взгляд на стол, проверяю, там ли свечи и зажигалка на тот случай, если свет отключится. Но в глубине души мне страшно, как и Хизер. Кертис с Brentом могли упасть в расщелину. Мне следует отправиться на их поиски? А что, если тот человек, который играет с нами, как-то их ранил? Саския, Дейл или кто-то еще, кто стоит за всем этим? И этот кто-то ждет теперь, когда выйду я?

Я пытаюсь найти какую-то тему для разговора с Хизер.

– Так каково быть замужем? – спрашиваю я.

Хизер подходит ближе.

– Ну... меня устраивает.

Я киваю. А она отходит от темы и начинает рассказывать мне об их друзьях и родственниках, и о новом агентстве, но я понимаю, что самый честный ответ прозвучал вначале. Ее просто все устраивает.

Она содрогается и выдыхает воздух.

– Послушай, мне нужно принять таблетки. Они лежат в комнате. Ты сходишь со мной в нашу комнату?

– Конечно, – говорю я, но мгновенно настораживаюсь. Я вспоминаю предупреждение Кертиса: *не поворачивайся к ней спиной*. Она что-то планирует?

На мне все еще надеты куртка и штаны для сноубординга. Я засовываю зажигалку и свечку в подсвечнике в карман куртки и встаю. Мы зажигаем свет везде в коридоре – нажимаем на каждый выключатель, который попадает на пути.

– Сильно болит? – спрашивает Хизер, когда я хромаю рядом с ней.

– Угу.

Смысла врать нет. Я сжимаю зубы, чтобы не хватать воздух и не вскрикивать при каждом шаге.

Открывающаяся в обе стороны дверь закрывается за нами.

И свет гаснет.

Хизер издает писк. Я напрягаюсь, готовясь к тому, что на меня нападут – она или кто-то еще, и при этом роюсь в кармане в поисках свечки и зажигалки. Если кто-то зайдет через главный вход, я знаю, куда идти – дохромаю до своей комнаты и запрусь. А если кто-то начнет приближаться с другой стороны, я поверну налево, потом еще раз налево... и что потом?

Я слышу, как кто-то шлепает ладонью по стене. Надеюсь, что это Хизер.

– Я не могу найти выключатель, – сообщает она.

– Не утруждайся. Электричество отключено.

Я щелкаю зажигалкой и вижу бледное лицо Хизер. Моя рука сильно дрожит, когда я пытаюсь зажечь свечку.

«Прекрати панику, Милла. Это не поможет».

Наконец я зажигаю свечку. Я проверяю коридор – смотрю в одну сторону, потом в другую. Мы здесь только вдвоем.

– Давай быстро заберем твои таблетки и вернемся в ресторан, – говорю я. – Там светлее благодаря камину.

Мы добираемся до их с Дейлом комнаты.

– Они в ванной, – сообщает Хизер.

Я держу свечку перед собой и, хромя, захожу в ванную. Хизер роется в косметичке и достает блистер с таблетками. Потом она поднимает голову и орет в ужасе.

Я резко делаю шаг назад. Хизер показывает дрожащим пальцем на зеркало. На нем красной помадой написано одно слово: «ВИНОВНЫ».

Хизер смотрит на меня в ужасе.

Что это означает? Виновны Хизер и Дейл? Оба или все-таки кто-то один из них? И в чем? Хизер быстро и тяжело дышит, как и я. Тусклый свет свечи не позволяет тут все рассмотреть. Я отодвигаю шторку, чтобы заглянуть в душевую кабину, поднимаю свечку к углам помещения, чтобы посмотреть, что там. Никого и ничего.

Шкаф.

Я оглядываюсь в поисках какого-нибудь оружия, но ничего подходящего нет.

– Подержи, – говорю я и вручаю свечку Хизер.

Я ей не доверяю, но сейчас у меня нет выбора. Я хочу, чтобы у меня были свободны обе руки. Если в шкафу кто-то есть, я собираюсь вначале врезать, а потом задавать вопросы.

Хизер держится рядом, когда я приближаюсь к шкафу. Я резко распахиваю дверь. Пусто. Я забираю свечку у Хизер.

Хизер дрожащими руками выдавливает две таблетки из блистера и проглатывает их, потом встречается со мной взглядом.

– У меня бывают панические атаки, – поясняет она.

– Давай отсюда выбираться.

Я освещаю дорогу свечкой, и мы идем назад в ресторан по коридору. Значит, *виновны*. Может, в том, что украли кредитную карту Саскии? Или это часть плана, цель которого – шантаж. К тому времени, как мы добираемся до ресторана, меня трясет.

– Мне нужно что-нибудь съесть, – объявляю я и хромаю в кухню.

Хизер идет вслед за мной. Колено у меня пульсирует, и мне бы нужно лечь или хотя бы сесть и положить ногу повыше. Но Хизер не в состоянии ничего делать. Я зажигаю еще несколько свечей, чтобы видеть кухню, и осматриваю шкафчики в поисках чего-то съедобного, что не нужно готовить. Есть банка томатов и несколько банок с тунцом. Интересно. Я могу поклясться, что вчера еды тут было больше.

Я тру на терке сыр, при этом внимательно наблюдая за Хизер и дверным проемом. Я уязвима из-за своего колена. Я практически уверена, что с Хизер я справлюсь, но с ней *и* Дейлом?

Хизер бросается в коридор. Я следую за ней.

– Я что-то слышала, – шепчет она. – Только что. А ты слышала?

– Нет. – В коридоре темно и тихо. – Может, это трубы шумят.

– В здании еще кто-то есть.

Я бросаю взгляд через плечо на темный ресторан.

– Что это был за звук?

– Скрип. Будто закрылась дверь.

– Может, просто ветер, – говорю я, стараясь, чтобы слова звучали успокаивающе.

Мы возвращаемся в кухню. Вдали от огня у меня стучат зубы, но я все равно не убираю привязанный к колену лед. Мне нужно не дать

ему сильно распухнуть на тот случай, если мне придется выбираться отсюда пешком.

Где-то вдали слышится громкий звук – бам! Хизер резко вскрикивает и хватается меня за руку.

В коридоре слышны голоса – Кертис и Brent.

Хизер бросается им навстречу.

– Вы его нашли?

Ответ очевиден. Дейла с ними нет. Кертис с трудом встречается с ней глазами.

– Мне очень жаль, – говорит он, выключает фонарик, и мы все собираемся в освещенной свечами кухне.

Хизер в неверии переводит взгляд с Кертиса на Brentа.

– Но вы должны продолжать поиски, – говорит она.

– Это небезопасно, – отвечает Кертис. – Мне очень жаль, Хизер, на самом деле жаль. Но мы устали и легко можем допустить ошибку.

Они с Brentом выглядят убитыми. Я знаю, что они не сдались бы просто так. Brent снимает шапку и проводит рукой по мокрым волосам.

– Где, черт побери, телефон, когда он нужен? – бормочет Кертис себе под нос.

Хизер хватается фонарик.

– Хорошо, я сама пойду! – говорит она, в ее голос закрались истеричные нотки.

Я застегиваю молнию на куртке.

– Я пойду с ней, – объявляю я.

Ее нельзя отпускать одну ходить по льду в темноте. С моим коленом я далеко не уйду, но если бы я не стала выполнять тот бэкфлип, то Дейл не отделился бы от группы.

Кертис встает в дверном проеме и закрывает путь.

– Вы окажетесь в расщелине.

Хизер пытается оттолкнуть Кертиса с дороги.

– Мы не можем оставить его там!

– Моя нога только что провалилась в снежный мост, Хизер, – тихо говорит Brent. – Меня спас Кертис. Он схватил меня, но потом мы оба начали проваливаться. Это было очень страшно.

– Он может лежать в какой-то дыре в снегу, – добавляет Кертис. – Мы пойдем его завтра искать, как только рассветет.

Я бросаю взгляд на Брента, и он едва заметно качает головой. Я тоже считаю, что у Дейла нет шансов. Вероятно, здесь в это время года температура опускается до минус пятнадцати.

Я снова поворачиваюсь к Кертису. Он все еще думает, что Дейл с Хизер что-то задумали? Что Дейл спланировал свое исчезновение? Когда мы окажемся вдвоем, я спрошу его. Отчаяние Хизер кажется настоящим и очень убедительным. Она борется с Кертисом, стараясь прорваться наружу.

Брент подходит к ней, и она буквально падает ему в объятия. Он смотрит на меня через ее плечо, явно чувствуя себя неловко. Странно видеть, как он ее обнимает.

– Как твое колено? – спрашивает Кертис.

Я пожимаю плечами. Жаловаться нет смысла.

– У тебя есть спортивный тейп^[40]? – спрашиваю я.

– Есть. Но первые двадцать четыре часа я бы походил с бандажом и прикладывал лед.

– Я имела в виду для завтрашнего спуска.

На лице Кертиса появляется беспокойство.

– Это очень долгий путь, черт побери, для травмированного колена.

Он прислоняется к стене рядом со мной, и я вижу, как вздымается и опускается его грудь. Он выглядит совершенно измотанным.

Брент все еще пытается успокоить Хизер.

– Свет давно вырубился? – спрашивает Кертис.

– Минут двадцать назад, – отвечаю я. – А где отключается подача электроэнергии?

– Я как раз нашел это место, пока мы были на улице. Электрощит здесь снаружи – на наружной стене здания. Заперт на большой висячий замок.

Значит, одновременно с ними на улице находился кто-то еще – или один из них отключил электричество.

Хизер бьет Брента кулачками в грудь.

– Это ты виноват. Ты заставил нас приехать сюда.

– Нет. Я же говорил тебе вчера ночью, – произносит Брент, сильно понижая голос.

– Я тебе не верю, – заявляет Хизер.

– Погодите! – вмешиваюсь я. – А как Brent заставил вас сюда приехать?

Хизер гневно смотрит на Brentа, а потом с вызовом поворачивается ко мне.

– Он меня шантажировал.

Глава 38

Десять лет назад

Везде вокруг меня лед, он давит на меня, сжимает, моя грудная клетка сейчас треснет. Я не могу дышать. В отчаянии машу руками.

– Эй! Эй, ты что делаешь? – В мое сознание врывается голос Брента.

Я открываю глаза. Это не лед. Я лежу, закутавшись в стеганое одеяло. Безопасное, теплое стеганое одеяло Брента, которое он не стирал весь сезон. Я вдыхаю его запах, отдающий мускусом, и пытаюсь привести в норму дыхание.

– С тобой все в порядке?

– Кошмар приснился.

– Иди сюда.

Я прячу лицо у него на груди. Все было так реально. Не уверена, что смогу сегодня подняться на гору. Что Саския сделает следующее? Что она для меня придумает? Потому что если я продолжу делать то, что делаю, то следующий раз *обязательно* будет.

У меня такое ощущение, что я стою на перекрестье дорог. У меня два выбора: дистанцироваться от группы, не лезть на рожон и тренироваться самостоятельно, а также не появляться у Брента, когда там находится Саския. Или сражаться и давать сдачи. *Я не могу позволить ей победить.*

Но есть ли у меня силы для борьбы?

– Тебе лучше? – спрашивает Брент, я чувствую его губы и горячее дыхание у себя в волосах.

– Да.

Он вылезает из постели и раздвигает занавески. На его лице появляется радость.

– Выпало сантиметров тридцать свежего снега! Хочешь подняться на ледник, прокатиться по целине? Труба полностью погребена под снегом.

Я не могу не содрогнуться при слове «погребена».

Главную мощеную улицу в Ле-Роше очистили от снега, высокие сугробы возвышаются по обеим сторонам. Все вокруг покрыто толстым белым ковром. По несколько сантиметров снега лежит на верху дорожных знаков, по полметра – на крышах и балконах. Припаркованные машины почти не видны.

Брент, Кертис и я идем по середине дороги. Маленькая каменная церковь утопает в сугробах, которые образовались у ее стен, железный крест и кованая ограда покрыты толстым белым слоем. Владельцы магазинов используют газодинамические снегоочистители, чтобы расчистить территорию перед своими заведениями.

Сегодня первое апреля, но кажется, что холоднее, чем было в феврале. Я застегиваю куртку до подбородка. Недавно я ходила к врачу, чтобы он выписал мне более сильное снотворное. Таблетки на самом деле сильные, сегодня утром у меня немного кружится голова, и меня чуть покачивает.

– Мне нужно зайти в Sport 2000^[41], – говорит Брент. – У меня вчера хайбэк^[42] треснул.

Мы с Кертисом сидим на снежной насыпи перед магазином, ожидая, когда вернется Брент. Из расположенной неподалеку кондитерской пахнет шоколадом – ветер доносит до нас его запах. У меня текут слюнки.

– Как там Джасинта? – спрашиваю я. – Ты поддерживаешь с ней связь?

– Да. Звонил ей вчера вечером, – отвечает Кертис. – Гипс снимут через две недели, она начнет реабилитацию, будет готовиться к следующей зиме в Австрии.

– Отлично. Передавай ей привет от меня.

– Передам.

Мужчина бежит за женщиной по улице и бросает ей в спину снежок. Я смеюсь. Им по пятьдесят с лишним. В только что выпавшем снеге заключено какое-то волшебство – он словно пробуждает спящих в нас детей.

По долине разносится гул, идущий издалека, и я сразу же прекращаю смеяться. Это лыжный патруль палит из специальных пушек по склонам, чтобы вызвать лавины, под которыми, если этого не сделать, могут погибнуть люди. Сегодня им работы на весь день. Наверх никого не пустят, пока не будет уверенности, что это

безопасно. Я смотрю на склоны, покрытые толстым слоем снега. После вчерашнего мне кажется, что у меня сдали нервы, у меня нет того самообладания, которое было раньше. Я боюсь быть похороненной заживо.

Еще более громкий звук взрыва заставляет меня дернуться и поморщиться. Я ищу глазами поднимающееся облако снежной пыли, которое свидетельствовало бы о том, что сходит лавина.

– А почему ты выбрала хафпайп из всех видов спорта? – спрашивает Кертис. – Почему не бег? Или что-то еще?

Он понимает, что я сейчас чувствую? Я думаю, что вполне может.

– Вероятно, из-за Человека-паука.

– Из-за кого?! – ошарашенно переспрашивает Кертис.

– В детстве нас с братом поражало то, как Человек-паук цепляется за стены. Мы пытались повторить трюки – раскладывали матрас на полу у стены и взбегали на нее. Старались, как могли. А потом я попробовала кататься в хафпайпе. Стены в нем высотой с двухэтажный дом, и создается впечатление, что мы к ним прилипаем, ну, то есть... Ты сам знаешь.

Кертис хохочет. Наверное, он считает меня странной.

– А ты? Почему хафпайп? – спрашиваю я.

Он становится задумчивым.

– Если ты катаешься в сноупарке, то максимально можешь сделать четыре или пять прыжков. Биг-эйр – один прыжок. А в хафпайпе ты раз десять прокатываешься от одного края желоба к другому, и все это меньше, чем за минуту. Нигде больше не получишь такой адреналин. Обычно голова у меня все время занята. Я думаю про миллион различных вещей, а когда я нахожусь в хафпайпе, в голове нет мыслей. Я концентрируюсь, сосредотачиваюсь, будто я использую Силу^[43]. Это что-то совершенно нереальное. – Он замолкает. Улыбается. – Я больше ни с кем не мог бы вести этот разговор.

– И я тоже.

Он смотрит мне в глаза немного дольше, чем следовало бы. Я сияю.

Брент выходит из магазина, и Кертис сразу же поднимается на ноги. Он не разговаривает со мной так, когда рядом находится Брент. Я думаю, что просто из уважения одного мужчины к другому.

– Прощай, Люк, – говорю я очень тихо. – Да пребудет с тобой...

– Прекрати, – так же тихо произносит Кертис.

Иногда я думаю, что если бы в ту ночь на леднике я выбрала Кертиса, то к этому времени мы, вероятно, уже разругались бы в пух и прах и теперь даже не разговаривали бы друг с другом. Но отвергнув его, я в результате узнала его куда лучше, чем могла бы в противном случае. Так что в конце концов все к лучшему.

Хотя я все равно хочу его.

Мы садимся в вагончик фуникулера. Проклятье. Саския уже в нем вместе с Одеттой. Кертис кивает Одетте и направляется в дальний угол, не говоря ни слова своей сестре.

Но Brent идет прямо к ней.

– Почему ты такая сука?

«Нет, Brent. Не надо этого делать».

В вагончике воцаряется тишина. Я смотрю на них и ничего не могу поделать.

Brent поднимает руку, словно собирается схватить Саскию.

– Оставь Миллу в покое. Усекла?

Саския вопросительно приподнимает брови. Вид у нее такой, будто она едва сдерживает смех. Brent едва ли выглядит устрашающе.

Кертис начинает проталкиваться к ним.

– Не могу поверить, что ты мне когда-то нравилась. Ты просто испорченный, неуверенный в себе ребенок, и все вокруг знают это.

С этими словами Brent опускает руку и возвращается ко мне. Я вздыхаю с облегчением. Это была очень неловкая ситуация. Brent ненавидит выяснять отношения и вообще любые разборки, поэтому я поражена, что он сделал это ради меня.

– Спасибо, – шепчу я. – Но я и сама могу за себя постоять.

В другой части вагончика с лица Саскии сошла ухмылка. Brent смог до нее достучаться? Я думаю, что да. В конце концов она все-таки живой человек, несмотря на всю ее бравладу.

Одетта кладет руку ей на бедро и не торопится ее убирать.

«Ого! Они *вместе?*»

Саския бросает на меня быстрый взгляд, как будто может слышать, что я думаю. Ее глаза снова горят, а на губах появляется улыбка. Она знает, что я заметила.

У меня кружится голова.

«Друзья тебе не принадлежат», – всегда говорила мне мама, когда я была маленькой. Но мама ошибалась. Всегда присутствует иерархия преданности и верности. Я думала, что Одетта *моя* подруга, по крайней мере, в той же степени, что и подруга Саскии, но получается, что все время она принадлежала одной Саскии.

Теперь, когда я знаю, то задумываюсь, как не поняла этого раньше. Ведь было столько знаков! Их многозначительные улыбки друг другу. То, что они всегда сидят вместе. Я знала, что Саския проводит много времени в квартире Одетты, но я думала, что так она избегает остальных членов группы.

Почему они это скрывают? Потому что к ним обеим приковано внимание общественности, так как они известные спортсменки? Или они не хотят, чтобы их семьи об этом знали?

Я вспоминаю все разговоры с Одеттой про грэбы и флипы. Мне льстил интерес Одетты ко мне, но она, вероятно, передавала все, что я говорила, своей подруге. Я чувствую себя преданной.

Одетта виновато улыбается мне, но я не улыбаюсь в ответ.

Вагончик фуникулера останавливается у промежуточной платформы.

Когда я выхожу из вагончика, Саския уже ждет меня. Она наклоняется ко мне и шепчет мне в ухо:

– Не беспокойся. Я с ним еще поквитаюсь.

Брент, Кертис и я едем в «пузыре» на ледник, оставив Саскию и Одетту на промежуточной платформе. Я заставляю себя думать о сноубординге. Разговор с Кертисом напомнил мне о том, как я пришла в хафпайп. Я не знаю, какую цель преследовал Кертис. Он на самом деле хотел это узнать? Меня привлекло чувство, которое испытываешь, как бы приликая к стене и бросая вызов силе тяжести. Я хотела испытывать его снова и снова и не насытилась им до сих пор. Я не могу позволить Саскии испугать меня и лишиться этого.

Именно поэтому я должна продолжать борьбу. А для того, чтобы занять одно место в тройке лидеров, мне нужно вложить в борьбу все силы, все, что у меня есть.

Совет Кертиса о необходимости упасть вертится у меня в голове, пока мы сооружаем трамплин, потому что сегодня как раз идеальное время для падений. Преднамеренное падение противоречит всему, что

я когда-либо делала, но Кертис прав. Этот страх *на самом деле* меня сдерживает.

Я качусь вниз и лечу по воздуху как Супермен, а потом плюхаюсь на живот. У меня перехватывает дыхание, но все не так плохо, как я ожидала. Паудер мягкий, так что я будто рухнула на холодную подушку.

Брент мгновенно оказывается рядом со мной.

– С тобой все в порядке?

Я слабо смеюсь и снимаю засыпанные снегом очки.

– Да.

Кертис стоит на вершине склона и одобрительно кивает мне. Снова идет снег, большие влажные хлопья оседают у меня на щеках, их прикосновения напоминают поцелуи. Я встаю и снова иду наверх.

И заставляю себя снова упасть. И снова.

Бедняга Брент не понимает, что происходит.

– Я сказал попробовать только разок, – тихо произносит Кертис после того, как я падаю в четвертый раз.

– Я все равно еще боюсь, – отвечаю я ему. – И я буду падать до тех пор, пока не перестану бояться.

Глава 39

Наши дни

Я неотрывно смотрю на Хизер.

– Ты говорила, что получила приглашение от меня.

Она так рыдает, что едва ли может говорить.

– Первое было от тебя.

– Первое? – переспрашиваю я, ничего не понимая.

Ее тушь течет по щекам черными ручейками. Я протягиваю ей салфетку из стопки на кухонном столе.

Она сморкается в салфетку, прерывисто вздыхает.

– Мы получили приглашение от тебя, но мы не хотели снова ехать сюда, так что я ответила на тот же емейл, что у нас не получается. А через несколько дней я получила другое письмо. – Она все еще старается успокоиться и взять себя в руки. – От Brenta.

Brent хмурится и качает головой.

– Этого не может быть, – говорит он. – Я ничего не отправлял.

– Что в нем было написано? Можешь вспомнить? – спрашиваю я.

– «Приезжай, или я все расскажу», – говорит Хизер. – Больше ничего.

Brent обеспокоенно смотрит на нее. Да он в панике!

– Все нормально, – говорю я ему. – Я знаю, что ты с ней спал.

Голова Brenta дергается в мою сторону. У него раскрывается рот. Потом закрывается. И снова раскрывается.

– Да, я с ней переспал. Но ради всего святого, это было десять лет назад. Какое значение это имеет сейчас? – Он бросает взгляды на Кертиса и Хизер. – Но я ничего не знаю про этот емейл, клянусь.

И снова у меня в голове какая-то каша. Я запуталась! Все получили приглашения от меня, кроме меня самой. Мне пришло приглашение от Кертиса. Мы все приняли приглашения, за исключением Хизер. Когда она отказалась, она получила приглашение – или, скорее, угрозу – от Brenta. Brent за всем этим стоит? Он пригласил меня и Кертиса, сделав так, чтобы это выглядело, будто мы пригласили друг друга. Но зачем?

Я думаю, что мне следует верить Бренту, а не Хизер, но я не могу забыть его взгляд прошлой ночью, когда я пришла к нему в комнату.

– Ты можешь как-то объяснить это письмо? – спрашиваю я у него.

Брент запускает руку в волосы и бросает еще один взгляд на Хизер.

– Ну... кто-то знает, что мы... были вместе, и использовал это, чтобы заставить ее приехать сюда.

Мне хочется ему верить, но я просто не знаю, могу ли.

– Кто знал про вас двоих?

– Насколько мне известно, никто.

«Саския знала», – думаю я, но не произношу этого вслух. От боли у меня кружится голова. Я прислоняюсь к стене. Я смогу принять следующую таблетку ибупрофена только через несколько часов.

Хизер снова начинает плакать. Брент протягивает к ней руку. Она шлепает по ней.

– Это ты во всем виноват!

– Ну что ты. – Брент пытается ее успокоить.

Кертис прислоняется к стене рядом со мной, его голова отклонена назад, глаза закрыты. Я не могу сказать, он размышляет или просто очень устал.

У меня урчит в животе. Мне нужно что-нибудь съесть, а то рухну без сознания. Я собираю в кулак оставшиеся силы, расправляю плечи и раскладываю по тарелкам смесь из тунца с помидорами. Гордон Рамзи^[44] при виде этого лишился бы чувств – по виду это месиво напоминает собачий корм, но я не думаю, что кого-то из присутствующих это волнует.

Мы усаживаемся у камина, но настроение этим вечером очень сильно отличается от вчерашнего. Мы едим молча, склонившись над тарелками. Ветер усилился, рамы содрогаются от его порывов. Я представляю Дейла, как он находится где-то там. После того, как солнце садится, температура стремительно падает.

Хизер больше не рыдает в голос, а лишь тихо всхлипывает, ее плечи подрагивают. До еды она не дотронулась.

Кертис подтягивает к столу еще один стул.

– Положи ногу повыше.

Я пытаюсь, но боль стреляет в бедро. Я резко вскрикиваю и опускаю ногу назад на ковер.

Кертис наклоняется ко мне.

– Давай я, – предлагает он и осторожно поднимает мою ногу, не встречаясь со мной взглядом.

– Спасибо.

Я все еще чувствую себя странно, когда он касается меня. Мне хочется с ним поговорить, но я жду момента, когда Brent и Хизер не смогут нас услышать.

Сегодня вечером Brent пьет бренди. Он снова наливает себе большой стакан.

– Послушай... – обращается к нему Кертис.

– Не говори ничего, – перебивает его Brent, выпивает стакан залпом и наполняет его снова.

– Надо что-нибудь съесть, Хизер, – говорю я, но кажется, что она меня не слышит.

– Эй, а с часами-то что случилось? – спрашивает Кертис.

– Не спрашивай, – отвечаю я.

Он встает на колени и рукавом куртки отметаёт разбитое стекло к стене. Слева от камина из стены торчат два ржавых гвоздя, расстояние между ними около двух с половиной сантиметров. Я не помню, чтобы видела их вчера. Здесь что-то висело? Я напрягаю память, пытаюсь вспомнить. Может, фотографии? Кто-то их взял?

– Мы здесь из-за того, что ты сделал, – заявляет Хизер Brentу яростным шепотом.

Уголкем глаза я вижу, как Brent бросает взгляд на Кертиса и на меня, проверяя, слышали ли мы, что сказала Хизер. Кертис не слышал – он все еще занимается битым стеклом. Я притворяюсь, что тоже не слышала.

– Ш-ш, – шепчет Brent. – Осторожно!

Что, черт побери, Хизер не должна говорить?

Глава 40

Десять лет назад

Я делаю флип в воздухе и лечу к земле, не зная, где потолок, а где пол. Вниз... вниз... А батут вообще подо мной или нет? Я готовлюсь к худшему.

Я слышу, как рвется моя футболка – это меня за нее хватает Дейл и поворачивает головой вверх. Батут прогибается под нами, а потом выбрасывает нас обоих вверх. Татуированные руки Дейла поддерживают меня и ставят прямо, когда я теряю равновесие и шатаюсь. Мы вспотели, и он тоже разделся до футболки.

– У тебя все шло хорошо до грэба, – говорит Дейл.

Я пытаюсь отработать крипплер – и приземлиться на ноги. Мне еще предстоит много тренироваться, но это для меня шанс попасть в первую тройку в рейтинге. Ничего лучше я придумать не могу. Обычно меня пугает Brent, но сегодня он дает интервью журналу Snowboard UK, ведь через два дня начнется чемпионат Великобритании. Я уже была почти готова попросить Кертиса мне помочь, но занятия на батуте иногда невольно становятся излишне интимными... Я не уверена, что не сделаю чего-то, что делать не следует.

Я определенно приняла правильное решение. Дейлу приходится снова и снова меня ловить. Этот батут маловат для таких тренировок. Даже после флипов я с трудом не сваливаюсь с него – меня шатает при правильном приземлении.

– Что я делаю неправильно? – спрашиваю я.

Дейл утирает пол со лба.

– У тебя нарушается вращение, когда ты делаешь грэб. Хочешь, чтобы я еще раз продемонстрировал?

– Нет.

Он показал мне трюк уже дюжину раз – у него плавные и стильные движения по воздуху, смещенное вращение проходит гладко. Смотришь на него – и кажется, что все так просто. А я ведь еще даже без сноуборда, я выполняю грэб воображаемой доски. Я пристегну

сноуборд позднее, когда у меня будут получаться вращения без него. Если будут.

– Может, стоит попробовать пока без грэба, – предлагает Дейл.

– Хорошо.

– Подожди секундочку.

Дейл снимает футболку. Я стараюсь не смотреть. У него на плече большая этническая татуировка, а на мускулистой груди извиваются змеи. Если бы сейчас передо мной стоял Кертис с голой грудью, так близко, что я чувствовала бы исходящий от него жар... Да, хорошо, что его нет рядом.

Я жду, пока Дейл немного отодвинется назад на батуте. Потом я подпрыгиваю три раза, наращивая высоту. Если прыгать на этом батуте вдвоем, то можно столкнуться. Во время четвертого прыжка я высоко взмываю вверх, чтобы начать вращение. Опустившись головой вниз, я понимаю, что опять все сделала не так. Во время вращения, я задеваю Дейла рукой и слышу, как он крикает.

Он хватается меня, когда я уже опускаюсь вниз. Мои ступни ищут точку опоры.

– Прости, – выдыхаю я.

Он держит меня за талию и стоит неподвижно. Наши тела прижимаются друг к другу, у него влажная от пота грудь, она кажется мне каменной. Шире, чем грудь Brenta. Скорее, как у Кертиса.

– Я сильно тебя ударила? – спрашиваю я.

Его щека покраснела. Не думая, я касаюсь ее. Моя ладонь чувствует мягкую щетину. Его серо-зеленые глаза смотрят на мое лицо, зрачки расширены. Что-то вспыхивает внутри меня и, прежде чем я успеваю подумать, я целую его.

В первое мгновение он отвечает на мой поцелуй, впиваясь в мою нижнюю губу. Потом мы отрываемся друг от друга. Трудно сказать, кто отпрянул первым, но Дейл выглядит таким же шокированным, как и я.

– Прости, – говорю я. – Мне не следовало этого делать.

– Да, не следовало, – соглашается он.

Теперь я чувствую себя ужасно.

Однако он по-настоящему верный парень. Думаю, что большинство женщин придут в ужас, если кто-то внезапно их поцелует, но я практически уверена, что большинство мужчин не смогут устоять, независимо от того, в отношениях они или нет. Или,

может, я просто цинична. За всю жизнь серьезные отношения у меня были всего один раз – по крайней мере, я думала, что у меня серьезные отношения, пока я раньше времени не вернулась с чемпионата Великобритании с порванной связкой колена и не застала в квартире своего так называемого парня и одну из своих так называемых подруг.

Дейл потирает кольцо, вставленное у него в губу, словно пытается стереть поцелуй. Я практически уверена, что он ничего не скажет Хизер. Конечно, ей захочется меня убить, но Дейла ей захочется убить еще больше, и он, вероятно, это понимает.

Он смотрит на меня.

– Я больше не могу, – говорит он.

– Я понимаю.

Он слезает с батута.

Проклятье. Теперь меня больше некому страховать.

* * *

Я вращаюсь в воздухе и лечу вниз. На этот раз подо мной нет батута. Я врезаюсь в паудер, влетаю в нетронутый снег боком.

Боль пронзает грудь, у меня такое ощущение, словно в груди горит огонь. Мне кажется, что мои легкие и живот вылетели у меня изо рта. Я пытаюсь глотнуть воздуха, но ничего не получается.

Я начинаю паниковать, несмотря на то, что я сегодня уже несколько раз выполняла этот трюк. Никак не могу вздохнуть. *Боль...*

Наконец удается сделать вдох. Я мысленно проверяю части тела. Все в порядке. Все еще работают. Только головой я прилично ударилась. Но по крайней мере, приземление было мягким.

Брент смотрит на меня сверху вниз.

– Все. Хватит, – говорит он.

Мы с ним находимся на леднике, на дальней стороне, тут нам никто не мешает. Мы построили некое подобие трубы, четвертую часть обычного хафпайпа, чтобы я могла потренировать крипплер в глубоком снегу. Если бы я попробовала выполнить трюк в хафпайпе, то сейчас просто не встала бы.

Снег забрался мне в штаны, в спортивный бюстгальтер, вообще всюду. Я вытряхиваю его откуда могу.

– Не беспокойся обо мне. В следующий раз я все сделаю правильно.

– Прости. Я больше не могу смотреть, – говорит Brent.

– Спасибо большое. Я не думала, что все так плохо.

Во время приземления у меня слетели очки. Где они? Так, вот там. Я встаю, у меня слегка кружится голова. Пошатываясь, я иду за очками. Brent следует за мной.

– Милла, я серьезно говорю. Ты что-нибудь сломаешь. Надо остановиться.

– Именно ты предложил крипплеры.

– Да. Но мне очень жаль, что я это сделал.

Я вытираю очки.

– Еще одна попытка. Может, две.

– У тебя даже шлема нет.

– И это говорит парень, который катается в бейсболке после того, как два раза в этом месяце терял сознание.

Brent снимает бейсболку и проводит рукой по волосам.

– Я не могу тебе позволить так издеваться над собой.

– Это мой риск и мой выбор. Еще два часа до закрытия подъемника.

– Тебе нужно еще потренироваться на батуте.

– У меня нет времени на тренировки на батуте.

– Почему ты так упрямышуешь? Зачем ты рискуешь? Ты и так прекрасно катаешься.

– Да, но я хочу выиграть.

Brent качает головой.

– Победа – не главное в жизни. Есть много чего другого.

– Что например?

– Семья, друзья. Сама жизнь.

Я начинаю злиться.

– Моя семья – больная для меня тема. Я слишком жесткая и недостаточно женственная, по мнению моей мамы. Я слишком нежная и слишком женственная, по мнению моих отца и брата. Мои подруги в Англии даже не понимают, почему мне нравится сноубординг. Победить для меня сейчас важнее всего остального. Семьи и друзей. Но я недостаточно хороша для этого.

– Знаешь, что мне говорит мой отец? Сделай все, от тебя зависящее, – и это все, что ты можешь сделать.

– Знаешь, что мне говорит мой отец? Поднажми, Милла.

– Да пошел он к черту. Ты должна этим заниматься для себя, а не для кого-то еще. Если ты упадешь и расшибешься, страдать будешь ты. – Brent тянет ко мне руку, но я ее сбрасываю. – Сейчас ты на пике своей формы, так наслаждайся моментом. Через десять лет ты будешь вспоминать это время и думать о том, как было бы здорово, если бы ты еще могла все это делать.

– Ты не понимаешь? Это мой последний шанс. Если у меня сегодня здесь получится криплер, я могу завтра попробовать сделать его в трубе, а потом и на чемпионате Великобритании. Если не смогу, то всему конец. Мне придется бросить сноубординг и искать нормальную работу.

– Так ты собираешься продолжать попытки, пока не сломаешь шею?

Если я продолжу этот спор, то выйду из себя, и у меня могут сдаться нервы.

– Я тебе когда-нибудь говорила, чтобы ты был осторожнее?

Brent вздыхает.

– Я знаю, что не говорила. Прости, но я за тебя волнуюсь.

– А ты не волнуйся. Ладно? Это не было частью сделки.

Он молчит несколько секунд.

– Послушай, я не знаю, как назвать наши отношения. Но между нами *что-то* есть. Я беспокоюсь за тебя. Вот и все.

– Так давай закончим с этим. Чем бы это «что-то» ни было. Мы просто друзья. Теперь ты не должен мне помогать. Ты даже не должен смотреть. Мне просто нужно, чтобы ты задержался еще на десять минут на тот случай, если я неудачно упаду. Чтобы я не осталась тут лежать, когда никто не знает, где я.

– Так, объясни, пожалуйста, – говорит он тихим голосом, в котором слышны боль и обида. – Тырываешь со мной отношения из-за того, что я о тебе беспокоюсь?

Я раздраженно смотрю вверх на склон, на трамплин. Теперь во мне просыпается страх.

– Это едва ли можно назвать разрывом отношений. Это не были «отношения».

– Но я не могу прекратить беспокоиться о тебе, Милла. И я думал, что ты тоже волнуешься за меня и испытываешь ко мне какие-то чувства.

У меня нет на это времени.

– Что я делаю неправильно? Мне нужно набрать большую скорость?

Брент качает головой и пристегивает сноуборд.

– Брент! – кричу я.

Он уезжает.

Я иду вверх по склону. С ним или без него, но я должна это сделать. Я застегиваю крепления и оглядываюсь. Три человека едут по трассе для горнолыжного слалом, еще полдюжины поднимаются на подъемнике, но никто из них не смотрит в мою сторону, и они даже не находятся в пределах слышимости. Я подожду, пока они не приблизятся.

Я всегда гордилась тем, что мне никто не нужен, но теперь мне приходит в голову, что это не совсем так. Иногда, даже в индивидуальном виде спорта, таком, как сноубординг, кто-то все равно нужен.

До сих пор никто не смотрит в мою сторону. Я страшно хочу прыгнуть, но это очень рискованно. Что ж такое-то?! Я бросаюсь лицом в снег. И это случилось именно сегодня, из всех дней. Как я буду смотреть в глаза членам моей семьи, если не смогу занять место выше прошлогоднего? А если я еще и опущусь в рейтинге?

Я могу себе представить, что услышу:

– Я тебе говорила, Милла.

– Надо было поднапрячься.

Холод проникает сквозь мою куртку и штаны. Я скоро начну дрожать, если и дальше буду тут лежать.

У меня перед глазами стоят боль и обида на лице Брента, и это давит на меня дополнительным грузом. Я никогда ничего ему не обещала, так почему я чувствую себя такой виноватой?

Но уговоры не помогают. Мне придется с ним поговорить. Я ругаюсь про себя, когда пристегиваю сноуборд и еду вниз. Однако когда я добираюсь до хафпайпа, Брента нигде нет.

Приближается Одетта, целует меня в обе щеки.

– Ты сегодня не тренировалась?

У меня теперь к ней странное отношение – после того, как я узнала про ее отношения с Саскией.

– Я была на леднике, тренировала крипплеры.

– Круто! А ты можешь сделать этот трюк?

– Все к тому идет. – Я не хочу много болтать. Она ведь все передаст своей подруге. – Мы расстались с Brentом.

Одетта касается моей руки.

– Мне очень жаль.

– Вероятно, это к лучшему. Как ты говорила, он был моим якорем.

Она сочувственно смотрит на меня.

– В другом виде спорта, например, в лыжных гонках, все могло бы быть по-другому. Но в хафпайпе очень высоки шансы получить травму.

– Но кажется, у вас с Саскией все получается, – вылетает у меня, прежде чем успеваю закрыть рот.

– На самом деле я очень боюсь за нее, – признается Одетта и начинает оглядываться в поисках Саскии.

И вот она – поднимается на подъемнике.

– Почему вы скрываете ваши отношения? – спрашиваю я.

– Она не хочет, чтобы кто-то знал.

– Понятно. – Я чувствую, что это печалит Одетту. – Эй, а Brent тут появлялся?

– Да, выполнил один заезд, упал и ударился коленом. Поехал вниз несколько минут назад.

– Что? – Меня охватывает паника. – С ним все в порядке?

– Он дошел до вагончика фуникулера. Я думаю, что все не так плохо.

Но сможет ли он принять участие в соревнованиях? «Смэш» в этом году – главный спонсор чемпионата Великобритании по сноубордингу, а Brent – их главная звезда, рекламные щиты с его фотографиями – как он зависает в воздухе – расставлены по всему курорту. Brent ведет себя так, будто все это не имеет для него значения, но я знаю, что это на него давит.

Я резко дергаюсь, вспоминая угрозу Саскии. Она же говорила про Brentа. «Я с ним еще поквитаюсь». Неужели это случилось? Он упал из-за нее? Мне страшно хочется спросить у Одетты, не было ли

Саскии рядом с Brentом, когда он упал, но я не решаюсь. Я пойду к Brentу и сама спрошу у него.

Саския поднимается наверх и бросает взгляд в мою сторону. Поклясться я в этом не могу, но мне кажется, что смотрит она с торжествующим злорадством.

Глава 41

Наши дни

Это место меня достало. Brent сидит рядом с Хизер в освещенном свечами ресторане – или успокаивает ее, или пытается не дать ей сказать то, чем не хочет делиться с остальными. Я пытаюсь догадаться, что же это может быть. В голове проносятся разные мысли.

Об ужасных вещах.

Куда худших, чем случайная измена.

Чем занимался Brent, пока мы с Хизер и Кертисом находились в раздевалке для персонала? Он на самом деле ударился головой? Он подозрительно быстро пришел в себя. И он очень долго заполнял сковородки снегом. Мог ли он там, на улице что-то сделать с Дейлом, а потом столкнуть его в расщелину?

Огонь в камине затухает. Кертис встает, чтобы подбросить дров. А если подумать, то и Кертис надолго исчезал, предположительно, он искал фонарики, но Дейла едва ли можно назвать его любимчиком. Я знаю, что у Кертиса взрывной характер, но ненавидит ли он Дейла достаточно сильно, чтобы убить?

А могли ли Кертис и Brent сделать это вместе?

Черные глаза оленя впиваются в меня, пронзают до глубины души. Я перевожу взгляд на два пустых гвоздя рядом с оленьей головой. Что там висело? Это имеет значение? Я не знаю.

Я больше ничего не знаю. У меня слишком сильно болит колено, чтобы я могла нормально соображать. Я пытаюсь вспомнить, сколько времени заняло восстановление в прошлый раз. Сколько времени понадобилось, чтобы я снова могла нормально наступать на ногу? Но все зависит от серьезности травмы. И от того, порвала ли я одну наружную коллатеральную связку или и другие тоже.

Снова зажигается свет.

– Так, уже что-то, – говорю я.

Кертис фыркает.

– Да, но сколько времени он будет гореть?

– Вот именно, – говорю я. По крайней мере, теперь я знаю, что свет выключали не он и не Brent.

– Кто-то с нами играет, – заявляет Кертис.

Но кто? Дейл?

– И я думаю, что это моя сестра.

Кертис с мрачным видом смотрит на дверной проем, словно она может там появиться.

Я восстанавливаю в памяти то, что он сказал мне сегодня днем в раздевалке. Если он убил ее, почему он, как кажется, так уверен, что это она? Я смотрю на других, чтобы увидеть, как они реагируют на его слова.

Хизер встает.

– Я иду спать, – объявляет она.

Не думаю, что она слышала Кертиса. Или, может, она так шокирована исчезновением Дейла, что больше не в состоянии ни на что реагировать и о чем-то думать. Глаза у нее покраснели от слез. Я не могу представить, как ей сейчас тяжело. Конечно, если только это не какой-то тайный план, разработанный ею и Дейлом.

Я поднимаю один из подсвечников.

– Возьми свечку на тот случай, если электричество снова отключится. У тебя осталась зажигалка?

Она хлопает себя по карманам.

– Да.

Теперь она неуверенно смотрит в сторону коридора.

– Я пойду с тобой, – объявляю я и внутренне сжимаюсь перед тем, как встать.

Но Brent встает раньше.

– Я ее провожу.

Перед тем, как уйти, он прихватывает бутылку бренди.

Кертис сжимает ладонями голову с двух сторон.

– Я схожу с ума, думая, что моя сестра где-то здесь?

Я выглядываю в коридор, проверяя, ушла ли Хизер. Кертис подпрыгнет до потолка, когда я скажу ему то, что собираюсь, да и Хизер сейчас забот хватает.

– Что ты знаешь про транзакции по кредитной карте? Сколько денег было потрачено?

– Около трех тысяч.

– Во Франции или Великобритании?

– Во Франции и других частях континентальной Европы. В магазинах и ресторанах. Мама с папой не знали, что делать. Она это или кто-то еще? Они дали ей эту карту на случай непредвиденных обстоятельств. Ее спонсоры платили мало – гроши в сравнении с тем, что платили мне. А ты же знаешь, какая она. У нее дорогой вкус.

Я обращаю внимание на время, которое он использует. *У нее дорогой вкус.* Кертис на самом деле думает, что его сестра до сих пор жива. Наверное, я неправильно его поняла. Он ее не убивал. Но что еще он скрывает от меня?

Кертис вздыхает.

– В конце концов отец закрыл карту. Мои родители из-за этого чуть не развелись. Мама несколько недель с ним после этого не разговаривала.

– А как-то можно было отследить траты? Ведь есть же камеры видеонаблюдения. Они должны быть в магазинах и ресторанах, – говорю я.

– Полиция делала все, что могла. В ресторанах никаких камер не оказалось. В некоторых магазинах они были, но записи оказались нечеткими. Это мог быть кто угодно.

Я делаю глубокий вдох.

– Тебе не понравится то, что я сейчас скажу. Это была не Саския. Это был Дейл.

Кертис пораженно смотрит на меня. Я пересказываю ему разговор, который подслушала.

Очень хорошо, что Дейла и Хизер сейчас нет. Кертис в ярости, я просто чувствую исходящие от него волны гнева. Он прилагает огромные усилия, чтобы не сорваться, но я вижу, как сжимаются его челюсти, как пульсирует маленькая жилка, а нога бешено отстукивает ритм на деревянном полу.

– Хотя это странно, – продолжаю я. – Ведь для использования карты нужно знать ПИН-код.

Кертис горько смеется.

– Саския записала его на самоклеющемся листочке, который держала вместе с картой. Оставляла карту с этим стикером на кухонном столе. Я ее неоднократно ругал за это, но когда я приходил в следующий раз, то опять видел ту же картину. Иногда она не понимала

элементарных вещей. Это были не ее деньги, поэтому она и не беспокоилась.

Кертис замолкает на мгновение, затем продолжает.

– Значит, Дейл украл ее кредитную карту. Но это не объясняет, почему мы уловили запах ее духов. Или откуда появился локон ее волос, или ее пропуск на подъемник.

– Что ты хочешь сказать? Что она просто решила изменить жизнь и исчезла?

– Может быть.

– Она была счастлива?

«Будь осторожна», – предупреждаю я сама себя. Тут нужно действовать мягко.

– Понятия не имею, – Кертис выглядит задумчивым.

– Ваша семья знала про них с Одеттой?

– Что?!

Проклятье. Он не знает. Ее брат. Хотя почему-то меня это не удивляет. Саския была такой многогранной. Я никогда не знала, какая она настоящая. Может, этого не знал и Кертис.

– Одетта и Саския, – говорю я. – Они были парой.

– Нет. Не может быть. – Кертис хмурится.

– Можешь мне поверить.

Он быстро мигает.

– Я знал, что Одетта предпочитает женщин, но...

– Откуда ты это знал?

Он мнется.

– В самом начале сезона я пригласил ее поужинать, и она сказала мне об этом.

Я откладываю это в памяти, чтобы потом переварить.

– Значит, ты утверждаешь, что моя сестра...

– Не мне навешивать на нее ярлыки, но они с Одеттой совершенно точно были парой.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

Кертис неотрывно смотрит в огонь.

– Как бы отреагировала твоя семья? – спрашиваю я.

Никакого ответа.

– Кертис?

Его лицо искажает гримаса.

– Она мне ничего не говорила.

– Твоя семья не смогла бы принять то, что она встречается с женщиной?

– М-м-м. Смогла бы. Приняли бы. Проклятье, как я мог не знать?

Без часов кажется, что в здании царит полная тишина.

– Значит, ты думаешь, что она по доброй воле исчезла на десять лет? – продолжаю задавать вопросы я. – А затем вернулась, чтобы... сделать что?

Он отворачивается и смотрит в черноту за стеклом.

– Вот это-то меня и беспокоит.

Мне становится не по себе.

– Если ей хотелось устроить нам какую-нибудь гадость, зачем ждать целые десять лет? – спрашиваю я.

– Я никогда не понимал половину того, что она делала.

У меня в голове снова звучит голос Саскии: «Я с ним еще поквитаюсь».

Я так и не выяснила, из-за нее Brent упал перед чемпионатом Великобритании или нет. Он сказал, что причиной было ослабшее крепление. Он ненадолго снимал сноуборд, чтобы перекусить, и я предполагаю, что Саския ослабила крепление. В этом и заключалась проблема – она была такая умная и хитрая, что было невозможно поймать ее за руку.

Кертис поднимается на ноги.

– Я полностью вымотан, а у тебя болит нога. Сейчас мы больше ничего не можем сделать. – Он опускает руку в карман куртки за фонариком. – Пусть будет у тебя. Я провожу тебя до твоей комнаты.

Я встаю, и мой взгляд снова опускается на пустые гвоздики на стене. И я внезапно вспоминаю, что на них лежало.

Старый топор-ледоруб.

Глава 42

Десять лет назад

Сегодня часы у меня в голове тикают особенно громко. Время идет неумолимо. Сегодня последний тренировочный день перед чемпионатом Великобритании. Но я не готова.

Каждый раз, оказываясь у верха хафпайпа, я думаю о том, чтобы попробовать криплер, но что-то меня останавливает. Я пытаюсь говорить себе, что это здравый смысл. Если я получу травму сегодня, я не смогу соревноваться завтра, мои спонсоры найдут более успешную спортсменку и будут поддерживать ее.

Однако в глубине души я знаю, что это страх.

В хафпайпе столпотворение. Всю неделю сюда прибывали британские сноубордисты – кто-то прилетел на самолете, кто-то приехал на машине. Они прибывали сюда из всех мест, где тренировались этой зимой, и сегодня они все здесь, показывают свое мастерство. Две девушки, с которыми я познакомилась на прошлогоднем чемпионате Великобритании, подходят поздороваться. Прибыла и Клер Доннахью, занимающая первую позицию в британском рейтинге. Brent выполняет высокие вылеты, на травмированном колене бандаж. Кажется, что у Кертиса наконец получается хаакон-флип. Дейл повредил запястье и рано ушел со склона, чтобы показаться физиотерапевту.

Но я лишь смутно осознаю все это. Вчера две из моих попыток, когда я тренировала криплер, почти увенчались успехом. Мне кажется, что теперь я знаю, какие ошибки допустила. Стоит попробовать? Или не стоит? Я могу попробовать всего один разочек...

Так, а что происходит? Оператор подъемника тянет веревку, перекрывая доступ в хафпайп. Уже четыре часа. Проклятье. Я слишком долго думала про криплер и не сосредоточилась на остальной части заезда. Словно в тумане, я бреду к тому месту, где оставила рюкзак.

Кертис болтает с Нейтом Фармером, который в прошлом году занял третье место на чемпионате Великобритании после него самого и Brenta.

– Я слышал, что ты освоил новые трюки, – говорит Нейт.

Кертис изображает удивление.

– Правда?

Я обращаю внимание, что он не отвечает ни «да», ни «нет». Нейт улыбается.

– Наверное, завтра мы все увидим.

– Слишком скользко для многих трюков, – пожимает плечами Кертис.

Я прекрасно знаю, что никакой лед и никакие погодные условия его не остановят.

Приближается Одетта, ее короткие волосы спрятаны под шлемом от Rosignol.

– Как прошел твой день? – спрашивает она у меня.

– Неплохо. – Я заставляю себя улыбнуться. – Все еще не развалилась на части.

Одетта прилагает массу усилий, любезно общаясь со мной, после того, как Саския закопала меня две недели назад.

Я чувствую, что она собирается спросить о моих планах – ее интересует, какие трюки я собираюсь выполнять. Но я киваю в сторону Кертиса и Брента.

– Кто из них, по твоему мнению, выигрывает завтра?

Я смотрела их заезды сегодня. На их основе сложно предсказать результат.

– Зависит от того, на что в первую очередь будут обращать внимание судьи, – отвечает Одетта. – Если они предпочитают хорошую технику при выполнении трюков, то Кертис. Если хотят амплитуду, то, возможно, Brent.

Саския подходит, чтобы взять свой рюкзак. Выглядит очень довольной. И у нее для этого есть основания. Она выигрывает у меня завтра, только если не смажет заезд каким-то образом. А она не смажет. Она стабильно все делает правильно – почти как ее брат, черт ее подери. Я думала, что если очень захочу, то смогу ее победить. Но она хочет победить так же сильно, как и я, и у нее еще есть фора в десять лет.

Последние две недели она держалась от меня подальше. Предполагаю, что Кертис с ней поговорил. С другой стороны, она может просто ждать подходящего момента.

– Готова к чемпионату? – спрашивает она у Одетты.

– Да, наверное, – отвечает Одетта.

У меня в голове начинает звенеть тревожный звонок.

– Но она же не принимает участия в соревнованиях, – говорю я.

– Еще как принимает, – заявляет Саския.

Мне кажется, что я получила удар под дых.

– Но она же не британка.

– Мне нужны очки, – поясняет Одетта.

– Что? – Я неотрывно смотрю на нее.

– Это небольшие соревнования с очень маленьким призовым фондом, – поясняет Одетта. – Но в них могут участвовать представители других стран. Мы никак не влияем на британский рейтинг, но получаем очки, которые начисляет Международная федерация лыжного спорта. В этом году я пропустила несколько соревнований после того, как повредила запястье, поэтому мне нужны очки.

Если мне и раньше уже было дурно, теперь я чувствую, что меня вот-вот стошнит. А я-то хотела попасть в первую тройку. Это плохо. На самом деле плохо.

Результат на бумаге никак не повлияет на британский рейтинг, потому что Одетта не британка, но ее участие повлияет на рейтинг у меня в голове, а что еще важнее, за соревнованиями будут наблюдать потенциальные спонсоры. И что они увидят?

Саския улыбается совсем не радостно, и я понимаю, что и ей участие Одетты не улучшает настроение. Она не рада этому, как и я. А как давно она это знает?

Я беру свой сноуборд ничего не чувствующей рукой и вместе с нашей маленькой группой готовлюсь выполнить ежедневный ритуал: нестись вниз к курорту. Для парней это просто безобидное развлечение, но для нас, девушек, это всегда соревнование. Всегда побеждает Одетта, и это неудивительно, но у нас с Саскией практически одинаковая скорость. Я должна благодарить Стефана, с которым встречалась в прошлом году, за свои скоростные качества, а Саския, насколько я понимаю, должна благодарить брата.

Неофициальной линией старта является верх трассы скоростного спуска. Мы с Саскией занимаем позиции на старте.

Мне нужно нанести ответный удар. Или это, или поджать хвост и отправляться домой плакать.

– Ты видела, как я сегодня выполнила крипплер? – весело спрашиваю я.

Этот вопрос мгновенно убирает улыбку с лица Саскии. Она переглядывается с Одеттой, затем в неверии снова поворачивается ко мне.

Брент рядом пристегивает крепления. Он практически не сказал мне ни слова после вчерашнего разрыва, но тут после секундного замешательства он поворачивается ко мне, и мы с ним ударяем кулаком о кулак.

– Да, Милла, у тебя наконец получилось!

Когда наши перчатки соприкасаются, я молча смотрю на него с благодарностью.

Саския неотрывно смотрит на меня. Это, конечно, дутая победа, но другую мне не одержать.

Она хлопает Кертиса по плечу.

– Подстрахуешь меня сегодня на батуте? – спрашивает она милым голосочком.

Кертис смотрит на нее, потом на меня и Одетту.

– Нет. Попроси кого-нибудь из своих подруг. Или у тебя их нет?

Саския опускает очки, выражение лица у нее кислое. Она определенно хочет попробовать крипплер, но не хочет, чтобы это видел кто-то из конкуренток. А Одетта теперь входит в список конкуренток.

Хм. Если я смогу еще усилить давление и заставить ее поверить в то, что я завтра собираюсь выполнить крипплер, может, она рискнет сделать то, что делать не следует.

– Все готовы? – кричит Кертис. – Поехали!

Это «черная» трасса. Я направляю свой сноуборд по прямой, перенося вес на переднюю ногу. Мы несемся вниз: Брент и Кертис, потом я, Саския и Одетта. Мои штаны надуваются, ветер шумит в ушах. Парни, как и всегда, уезжают вперед, сразу за ними мчится Одетта. Пока мы с Саскией едем наравне. Мои усталые мышцы протестующе ноют, когда я объезжаю упавшего лыжника.

Трасса заворачивает направо. Кертис мощно выполняет широкий разворот, Брент несется прямо, а в самом низу прыгает с маленькой

скалы, как и всегда. Просто потому, что он Brent. Я ненавижу прыгать со скал и обычно следую за другими по трассе. Но сегодня я чувствую азарт. Хотя, скорее, это отчаяние. На трассе много отдыхающих, так что, если я проеду по паудеру, может получиться быстрее. Я немного притормаживаю на спуске и заворачиваю к скале.

До того, как я успею передумать, я взрываю в воздух, а потом падаю вниз. Сосущее чувство падения в животе такое острое, а удар при приземлении получается такой сильный, что выворачивает колени, и я чуть не перелетаю через нос своего сноуборда. Ноги горят огнем, я отклоняюсь назад, но мне все-таки удается удержаться на них.

Brent исчезает среди елей впереди. Я несусь за ним. Деревья покрыты густыми белыми шапками. В их тени воздух холоднее, пахнет хвоей. Снег отливает какими-то оттенками пурпурного и доходит мне до колен. Сноубордисты мечтают о таких условиях, но я слишком сосредоточена на гонке, чтобы ими наслаждаться.

Деревья растут гуще, я еду быстро, и мне приходится думать только о том, как в них не врезаться. Ветки царапают мне щеки, снег падает мне на голову и на плечи. Сейчас я в любую минуту должна увидеть трассу. Вот она!

Я напрягаю зрение, чтобы увидеть белую куртку Саскии. Проклятье – она уже почти у поворота. Трасса тут сужается, с одной стороны выход породы, а с другой – глубокий обрыв. Мы с Саскией окажемся в узком проезде одновременно, как только я прилечу сверху.

Саския бросает взгляд в сторону и видит меня. Я не уступлю. Придется ей.

Только она не собирается этого делать. Я же вижу. Вся сила удара придется на мой сноуборд, а поскольку я лечу на нее сверху, ее сноуборд должен соскользнуть с трассы.

Мы сближаемся, и я готовлюсь к столкновению. Но как раз перед тем, как столкнутся наши сноуборды, кто-то с силой дергает меня назад за ворот куртки.

Какого... Мой сноуборд виляет подо мной, и я падаю в снег. Рядом возникает еще одна фигура.

Конечно, это Кертис. Как он вообще оказался позади меня?

Он срывает очки. У него ярко-красные щеки, и я знаю, что покраснелся он не от мороза.

Я тоже чувствую, как у меня горит лицо – от гнева и стыда в равной степени. У меня дрожат руки. Я бы ее толкнула. На самом деле толкнула бы.

Кертис выпрямляется. Это движение вызывает гримасу боли у него на лице, он касается своего плеча. О боже! Из-за меня оно разболелось сильнее?

– Зачем, Милла? Зачем тебе это было надо?

Я могла бы ему рассказать, как Джейк побеждал меня во всех видах спорта, во всех играх, в которые мы когда-либо играли, а потом, еще не окончив школу, стал звездой регби. После этого отец прекратил меня замечать. Все его внимание теперь было направлено только на Джейка. Мне нужно им показать, что у меня хоть что-нибудь получается.

Но это не оправдание.

Кертис качает головой.

– Ты ничуть не лучше ее.

Я ничего не могу ему ответить, потому что знаю, что он прав.

А что самое худшее? Саския превращается в точку вдаль, где пересекает финишную черту. Она снова у меня выиграла.

Глава 43

Наши дни

Кертис придерживает меня за талию, а я хромаю, выходя из ресторана.

Представляя ржавое лезвие того топора-ледоруба.

Я хочу рассказать об этом Кертису, но что, если это он его взял?

– Подожди здесь, – говорит он и заходит в кухню.

Он открывает ящик и шокированно смотрит на меня.

– Ножи. Все исчезли.

– Что? – Я хромаю к ящику, чтобы посмотреть. – Проклятье. Они тут были, когда я готовила ужин.

Кертис с силой шлепает ладонью по разделочному столу. Я подпрыгиваю от этого звука. Значит, кто-то забрал топор и все ножи. Мы остались совершенно безоружными.

Мне в голову приходит жуткая мысль.

– Надеюсь, они не забрали также и наше сноубордическое снаряжение.

– Дельная мысль.

Мы спешим по коридору. Пока свет горит, но я готова к тому, что он может выключиться в любую минуту. Наконец мы добираемся до главного входа. Я испытываю облегчение при виде наших вещей. Все на месте. Я расковыряю по карманам перчатки, очки, страховочный пояс и лавинный датчик, связываю ботинки и вешаю эту связку себе на шею.

Кертис связывает свои ботинки и ботинки Брента и поднимает обе доски.

– Ты справишься? – спрашивает он.

– Справлюсь.

Я поднимаю свой сноуборд. И в этот момент мой взгляд падает на сноуборд Дейла, который стоит, прислоненный к стене. И именно тогда до меня доходит страшная правда.

Кертис тоже смотрит на него.

– Мы больше его никогда не увидим, да? – спрашиваю я, мой голос дрожит.

Кертис плотно сжимает губы.

– Не знаю, – наконец говорит он.

Мы молча, с хмурыми лицами идем к нашим комнатам. Когда добираемся до моей, я ставлю сноуборд на пол и осторожно толкаю дверь. Я снова раздражаюсь из-за того, что двери можно запереть только изнутри. Сюда мог зайти кто угодно. И до сих пор может оставаться в комнате.

– Подожди. – Кертис заходит первым, проверяет шкаф и ванную. – Никого.

– Спасибо, – смущенно благодарю я.

Кертис какое-то время изучающе смотрит на меня, потом, вероятно, понимает, как я напугана, и его взгляд смягчается.

– Завтра утром первым делом мы отсюда выберемся. Стучи в стену, если что-нибудь понадобится.

Я запираю за ним дверь. Все чувства обострены. Я оглядываюсь, но кажется, что все лежит на тех же местах, как когда я отсюда уходила.

«Расслабься, Милла. Никто не сможет сюда зайти».

Но дверь можно пробить пропавшим ледорубом. Хотя, по крайней мере, я услышу, если кто-то начнет ломать дверь. И что тогда? Кричать? Звать на помощь?

А если никто не придет?

Я бросаю взгляд на маленькое оконце. При самом худшем варианте развития событий, я, вероятно, смогу разбить стекло, если стукну по нему чем-то тяжелым, и сбегу. Каким-то образом. Подтягивая сзади травмированную ногу. Но достаточно ли оно большое? Я раздвигаю занавески. И с трудом сдерживаю крик.

На запотевшем стекле написано: «Я ПО ТЕБЕ СКУЧАЮ».

У меня по коже бегут мурашки. Это не она. Это не может быть она.

Я смотрю на послание. Оно написано большими печатными буквами, как секреты в «Ледоколе» и как «Виновны» на зеркале у Хизер. Brent не так давно проходил по коридору. Он мог это написать. Я надеюсь, что это он. Мне нужно знать наверняка. Я сжимаю всю волю в кулак, чтобы снова выйти из комнаты, открываю дверь и оглядываю коридор.

Brent открывает свою дверь, держа в руке бутылку бренди.

– Ты написал у меня на окне? – спрашиваю я.

Брент моргает.

– Ты о чем?

Я возвращаюсь в комнату, хромая на каждом шагу, Брент заходит за мной, дверь за нами захлопывается.

– Кто-то написал «Я по тебе скучаю».

– Это не я.

У меня перехватывает дыхание. Это не может быть Саския. Она не стала бы по мне скучать.

Не после того, что я сделала.

Брент неотрывно смотрит на меня.

– Ты думаешь, что это Саския, – говорит он.

– Я не знаю.

– А ты по ней скучаешь? – спрашивает он, при этом выражение его лица становится жестким.

Чувство вины накатывает на меня, как волна.

– Брент...

Я прекрасно понимаю, о чем он говорит.

Он делает еще один глоток бренди.

– Спокойной ночи, Милла.

Мы не обнимаемся, теперь у нас совсем другие отношения. Я просто хромаю, чтобы запереть за ним дверь. Наши отношения испорчены без возможности восстановления. И я тому виной. И я сломала его.

Вернувшись в комнату, я стираю надпись с окна. Кто-то – или сама Саския, или кто-то еще – перемещается по зданию как призрак. Задвижка на двери больше не кажется мне достаточной преградой. Я ищу хоть что-нибудь, чтобы сделать запор более надежным. На всякий случай. Самым лучшим вариантом оказывается тюбик с солнцезащитным кремом, и мне удается его пропихнуть под дверь, чтобы ее заблокировать.

Я лежу на холодной, узкой кровати, и у меня в голове звучит голос Брента: «Тырываешь со мной отношения из-за того, что я о тебе беспокоюсь?»

Он милый парень – а тогда, десять лет назад, его едва ли можно было назвать взрослым – и он не сделал ничего плохого. Саския была права: я его использовала. Сноубординг что-то со мной делает.

Превращает меня в демона, которого больше никто не интересуется. Это снова произошло сегодня днем на леднике. Меня больше интересовало, как сделать бэкфлип, чем поиски Хизер.

Я смотрю в темноту и думаю про Стефана.

«Дело не в армрестлинге. Дело в тебе, Милла. Ты должна победить в любом споре, черт тебя побери. Даже в любом разговоре последнее слово должно оставаться за тобой».

Я думаю о Винни, тренере по боевым искусствам, с которым мы познакомились в спортзале и расстались несколько месяцев назад. «Я устал пытаться держаться с тобой наравне, Милла».

Значит, дело не в сноубординге? Дело во мне.

И снова голос Брента: «Победа – не главное в жизни».

Но не для меня. Когда я чего-то хочу, я прилагаю все усилия, чтобы это получить, независимо от того, какие могут быть последствия. Дружба в этот процесс не вписывается, и чувства других людей меня мало волнуют. И хотя как раз такой подход к делу и нужен для того, чтобы достичь вершин в спорте, это создает проблемы во всех других областях жизни.

Именно поэтому у меня нет настоящих друзей. Именно поэтому заканчиваются все мои отношения. Пришло время за это платить. Я совершенно одна.

Перед моими глазами проплывает лицо Одетты. Я еще глубже погружаюсь в черноту. Кертис сказал, что она до сих пор в инвалидном кресле и едва может двигать руками. Но в наши дни технологии так сильно рванули вперед. Она может сама себя обслуживать?

Я не могу поверить, что Кертис связывался с ней, а я нет. Вот какая я подруга. Одетта сказала, что больше никогда в жизни не хочет меня видеть, но это было сразу же после несчастного случая. У нее было много времени, чтобы смириться со случившимся, и ее отношение ко всему могло измениться.

Я должна попробовать еще раз. Это мой долг перед ней.

Только я не знаю, хватит ли у меня сил смотреть ей в глаза после того, что я сделала.

Голос Кертиса звучит у меня в голове: «Ты ничуть не лучше ее».

Я сворачиваюсь калачиком. Боль пронзает ногу, но я это заслужила. Я надеялась, что эта встреча даст мне шанс восстановить какие-то отношения, но я так сильно напортачила, что это невозможно.

Брент до сих пор страдает из-за нашего разрыва, Кертис подозревает меня в чем-то ужасном – и я на самом деле сделала кое-что ужасное. Мы с Хизер настолько разные, что близость между нами невозможна.

Если говорить о Дейле, то моя эгоистичная настойчивость, мое упрямство и желание попробовать сделать бэкфлип задержали остальных. Они могли раньше отправиться на поиски Хизер. Так что я вполне могла стать причиной смерти Дейла.

Я прижимаю костяшки пальцев к глазницам. Я не могу думать о том, как он там, на улице. Я не стану сейчас плакать. Я смогу себе это позволить только после того, как выберусь отсюда и окажусь в безопасности.

Моя тайна сжирает меня изнутри. Пора во всем признаться. Я сбрасываю одеяла и снова хромаю в коридор. Я стучу в дверь Кертиса.

Шаги, звук отодвигаемой задвижки, и дверь распаивается. Кертис стоит на пороге в черной термофутболке с длинными рукавами и термокальсонах. Я заставляю себя встретиться с ним взглядом. «Скажи ему». Я открываю рот, но не могу подобрать слова.

Кертис долго смотрит на меня – одновременно и грустно, и устало. И немного с любопытством. В коридоре очень холодно. Я обнимаю себя руками. Он отступает от двери и делает приглашающий жест рукой, кивая на кровать.

Это не то, что я ожидала, но ноги принимают решение за меня. Я хромаю по деревянному полу и устраиваюсь на узкой кровати. Я чувствую щекой одеяло – мягкое и гладкое, а матрас все еще сохраняет тепло тела Кертиса.

Он включает свет в ванной, выключает свет в комнате и залезает в постель вместе со мной.

Глава 44

Десять лет назад

Бар «Сияние» забит до предела. Мигают разноцветные лампочки, грохочет музыка, кругом звучит смех. Британцы заполнили все. Я проталкиваюсь к бару сквозь куртки всех цветов радуги. Я не хотела никуда идти, но если бы не пошла, это выглядело бы так, словно я признала свое поражение. О, проклятье! Кертис сидит у барной стойки и уже заметил меня.

Я с неохотой присоединяюсь к нему.

– Как твое плечо?

– Могло быть хуже.

Он простил меня за то, что было раньше? Я не могу сказать, потому что он смотрит на что-то поверх моей головы. Я поворачиваюсь. Конечно, там его сестра.

На ней блестящий серебристый топ, она сидит в кабинке вместе с Одеттой. Жюльен пытается вытащить их на танцпол. Судя по выражению лица Одетты, ей хочется ему врезать. Но Саския смеется – поддразнивает и флиртует с ним. Она всю зиму так вела себя с ним. Я нервничаю, глядя на это, потому что однажды он не выдержит и взорвется. Возможно, Кертис думает то же самое, потому что он очень напряжен и готов в любой момент сорваться с места и вмешаться.

– Что ты думаешь о Жюльене? – спрашиваю я.

– Без комментариев, – отвечает Кертис. Я смеюсь.

Хизер заканчивает обслуживание клиента. Я машу ей рукой, но она этого не замечает и теперь обслуживает кого-то еще.

В другой части зала Саския убедила Жюльена присесть с ними. Как она с ним играет! Кажется, не прилагая никаких усилий.

– Знаешь, многое в твоей сестре меня восхищает, – с неохотой говорю я.

Кертис смотрит на меня настороженно.

– Что например?

– Ее совершенно не волнует, кто и что про нее думает.

– А это хорошо?

– Женщины болезненно относятся к тому, что люди о них думают. Я знаю, что меня это волнует, и мне это в себе очень не нравится, но я ничего не могу поделать. А твоей сестре плевать.

– Я не сказал бы, что это хорошо.

– Это мужская черта.

– Правда? – Он хмурится.

– Да. Парней это мало волнует. Вы сосредотачиваетесь на том, что хотите. Но когда такой же оказывается девушка, людям это не нравится. Ее за это критикуют. Это сексизм, но так устроен мир.

Кертис напрягается, это видно по руке, которая лежит на барной стойке. Я смотрю через головы людей и вижу, что Жюльен снова встал. Он выглядит возбужденным, но Саския мило улыбается, и он, как кажется, успокаивается.

Кертис снова поворачивается ко мне.

– Ты знаешь, что у нее ни разу не было серьезных отношений?

– Ни с кем?

– Она никогда не приводила домой ни одного парня, чтобы познакомить с родителями.

Потому что она встречается с женщинами? Он знает? Конечно, должен знать. Он же ее брат. Но это не мое дело. Не мне говорить ему об этом.

– А у вас суровые родители?

– Нет. Совсем нет.

– Скольких девушек ты им представлял?

Кертис считает на пальцах до десяти, но не останавливается. Во мне закипает ревность, пока он не улыбается.

– Я шучу. Трех.

– А как тебе жилось с ней, пока вы росли?

– Почему ты задаешь все эти вопросы?

Я пожимаю плечами.

– Просто любопытно.

Он потирает челюсть, ему явно не хочется отвечать. А меня в очередной раз поражает его братская верность и преданность. Я уже собираюсь сказать: «Забудь!», но он начинает говорить до того, как я успеваю это произнести.

– Это был настоящий кошмар. – Кертис улыбается, чтобы слова звучали не так ужасно. – Может, я и старше, но очень рано понял, что с

ней лучше не связываться.

– И?

– Мы с приятелем один раз спрятали ее вещи. Мы все тогда плавали в бассейне. Нам с приятелем было лет по семнадцать, и это он предложил так над ней подшутить. Я знал, что мы напрашиваемся на неприятности, но ничего не сказал. В общем, ей пришлось возвращаться домой через весь город в одном купальнике.

Я улыбаюсь, представляя эту картину.

– Сколько ей тогда было? Пятнадцать? Да, в таком возрасте это очень неприятно.

– В любом случае она мне отомстила. Это отличительная черта моей сестры. Она мстит всегда.

– И что она сделала?

– Ничего явного. Но вдруг все в школе начали шептаться у меня за спиной. И никто не согласился пойти со мной на школьный бал, который проводится после окончания учебного года. – Он смеется. – Такого раньше никогда не случалось.

Я тоже смеюсь, представляя симпатичного молодого Кертиса – такого, каким он был в старших классах средней школы. Я представляю его озадаченным – он в одиночестве стоит в школьном коридоре.

– Я только в середине лета выяснил, в чем дело. Она распространила слух, что я предпочитаю садо-мазо.

На этот раз я смеюсь громче.

– И это правда?

Он приподнимает бровь. Я обрываю смех, кровь приливает у меня к лицу, и меня всю словно окатывает горячей волной, хотя я уверена, что Кертис просто прикалывается.

Кертис с трудом сдерживает улыбку.

– В общем, мы заключили перемирие, и с тех пор мы, можно сказать, друг друга не трогали.

Вероятно, потому что Саскии просто удобно, когда старший брат находится рядом, а то и бежит за ней, подчищая оставленное ею дерьмо. Но я не говорю этого вслух. Есть четкая граница того, что позволено говорить посторонним, и я не хочу ее пересекать.

– Эй! – Кертис машет рукой, привлекая внимание Хизер.

– Что вам принести? – Хизер сегодня кажется расстроенной, а глаза у нее опухли. Она плакала?

– «Оранжевую»^[45] и... – Кертис смотрит на меня.

– То же самое.

Наверное, Кертис задумывается, почему я ничего не заказываю Бренту. Или, может, Брент уже рассказал ему о случившемся. Они говорят о таких вещах? Я бросаю взгляд на Брента, который стоит в группе парней, которых я не знаю, и чувствую горечь потери. Она напоминает удар ножом в сердце. Я потеряла друга.

– На самом деле принеси мне две бутылки, – говорю я.

Кертис кладет на барную стойку десять евро.

– Нет... – Я терпеть не могу, когда парни покупают мне напитки. Я достаю кошелек, но уже поздно. Хизер забрала банкноту, а у меня нет сил спорить. – Спасибо.

Кертис берет свою бутылку «Оранжевые» и вроде собирается уходить.

– Подожди, – останавливаю его я. – Мне нужен твой совет насчет завтрашнего дня. Мне поостеречься или рискнуть?

Он в замешательстве. Я перешла черту, спрашивая его совета перед самыми соревнованиями?

– Брент сказал, что ты тренировала крипплер, – наконец говорит Кертис. – А ты приземлилась нормально хоть один раз?

Я проверяю еще раз, нет ли Саскии и Одетты в пределах слышимости.

– Нет. Но пару раз у меня почти получилось.

Кертис сжимает губы.

– Когда начинаются заезды у женщин?

– В десять утра.

– Хафпайп будет жестким, как гвозди.

Я опускаю плечи. Он прав. Снег еще не успеет размякнуть.

Он внимательно смотрит на меня.

– Почему ты так сильно этого хочешь, Милла?

– Я же уже объясняла тебе. Я люблю выигрывать. Ты из всех людей должен это понимать.

– Я думаю, что ты хочешь этого больше, чем я.

– Мой брат – звезда регби. – У меня перехватывает дыхание. – Я хочу показать людям, что я тоже талантлива.

– У тебя на самом деле есть талант. – Его голос смягчается. – И тебе не нужны соревнования для доказательства этого.

Я прикусываю губу, чтобы не расплакаться.

– Знаешь, с кем я соревнуюсь, когда участвую в соревнованиях? – спрашивает Кертис.

– С Brentом?

– Нет. С собой.

– Что?

– Я пытаюсь сделать все наилучшим образом – как только могу. И пусть все остальные идут куда подальше. Да, я пытаюсь их победить, но я никак не могу контролировать то, что они делают. Я не могу ими управлять. Но я могу управлять собой. Забудь о моей сестре. Забудь о своем брате. Соревнуйся с собой и для себя.

Я вижу логику в его словах, и этот метод определенно срабатывает в его случае, но ему не пришлось всю жизнь играть в догонялки. Он родился первым. А мне не было уготовано такой роскоши. Я тяжело сглатываю.

– Ты не поймешь. Ты – старший.

И в этот момент мне в голову ударяет мысль. Кертис стал известным сноубордистом примерно в то время, когда мой брат прославился, как игрок в регби. И именно по этой причине Саския стала такой, какая она есть? Я сочувствую ей. Мне очень не хочется это признавать, но мы с ней очень похожи.

Кертис снова напрягается. В другой части зала Жюльен стоит весь красный.

– Мне нужно вмешаться, – заявляет Кертис и спешит к столику, за которым сидит его сестра.

Я беру «Оранжевую».

– Это все чушь собачья, – говорит голос мне в ухо.

Я резко дергаюсь, поворачиваюсь и вижу Дейла, который оказывается рядом со мной у барной стойки. Он впервые заговорил со мной после нашего поцелуя.

– Не поняла, – вопросительно смотрю на него я.

Дейл кивает на удаляющегося Кертиса.

– Кертис Спаркс – один из самых амбициозных людей на земле. Он обожает состязания и соперничество. И еще он любит манипулировать людьми. Не верь ни единому его слову.

Глава 45

Наши дни

Мы с Кертисом лежим лицом к лицу на его узкой кровати. Ткань его термофутболки кажется очень мягкой, когда я касаюсь ее руками. Простыни пропахли им, и мне от этого так хорошо, что хочется плакать.

«Скажи ему». Но я могу только смотреть на него.

Судя по тому, как напряжены его челюсти, я чувствую, что он тоже ведет какую-то внутреннюю борьбу с собой.

– Чего ты хочешь? – спрашивает он тихим и мягким голосом.

Я так нервничаю, что меня всю трясет. Когда я не отвечаю, он поднимает ладонь к моему лицу, словно не может сдержаться, и проводит пальцем по моей нижней губе.

– Ты за этим сюда пришла?

У меня сжимается горло. Я не знаю, из-за чего – из-за его напряженного, пронзительного взгляда или из-за того, что я так давно его хочу. Или из-за того, что он столько раз меня поддерживал, независимо от того, хотела я этого или нет. Но я не смогу говорить, даже если попробую. Вероятно, мое поведение ставит Кертиса в тупик. Он никогда раньше не видел, чтобы я не могла найти слов.

– Хочешь, чтобы я тебя поцеловал? – шепчет Кертис.

Мое горло сжимается еще сильнее.

Его лицо приближается к моему, теперь оно так близко, что его дыхание согревает мои губы. И я не могу думать ни о чем, кроме поцелуя с ним. Мои губы раскрываются. Я готова.

Но он не сокращает расстояние.

– Я не буду тебя целовать, пока не узнаю, что ты хочешь этого.

Я обнимаю его за шею и подтягиваю к себе его голову. Он перекатывает меня назад на спину, я прижимаюсь ею к матрасу, а он по-настоящему целует меня – сильно и глубоко. От него пахнет зубной пастой, а от его кожи пахнет древесным дымом. Его пальцы сплетаются с моими, он поднимает мои руки к голове, кладет их по обе стороны моей головы, а поверх них – свои ладони. Прижимает меня к матрасу.

Я знала, что так и будет. Он берет ситуацию под контроль, как и всегда.

Его щетина царапает мне лицо, это восхитительный контраст с жаром его мягких губ. Меня еще никогда не целовали с такой страстью. Может, я не единственная, кто хотел этого целые десять лет.

Я могла бы очень сильно влюбиться в этого парня. Но не здесь, не сейчас, не тогда, когда все это происходит вокруг нас, и пока тайна висит на мне тяжелым грузом. Это пугает. Мне хочется бежать из этой комнаты.

Кертис отрывается от меня, чтобы глотнуть воздуха, его глаза очень внимательно на меня смотрят, напоминая мне, что он может читать меня как раскрытую книгу. Я моргаю, глядя на него.

– С тобой все в порядке?

– Да.

– Скажи мне, если хочешь, чтобы я остановился.

Он ждет мгновение. Я молчу. Тогда он опускает голову и целует меня гораздо нежнее – мой лоб, щеки, подбородок. Он целует меня всюду – только не в губы. А я не могу сдерживаться, потому что очень сильно его хочу. Он целует мою челюсть, спускаясь к шее, и все еще удерживает меня, прижимая к матрасу. Это меня безумно заводит.

Когда его губы возвращаются к моим, я открываю рот, чтобы впустить его язык, но он меня дразнит, его язык опускается мне в рот только на долю секунды, потом Кертис заменяет его на кончик пальца. Я хотела, чтобы он утратил самообладание, но это я теряю самообладание, я ерзаю под ним и пытаюсь высвободить руки, потому что мне нужно больше.

Наконец он уступает и целует меня по-настоящему. Я вдыхаю воздух через нос, и у меня создается такое впечатление, что мы находимся под водой. Судя по тому, как Кертис дышит, наконец и он начинает терять самообладание.

Он не стал бы меня так целовать, если бы знал, что я сделала с его сестрой.

Мне нужно сказать ему это до того, как мы зайдем дальше. Но он меня возненавидит.

И мне так хорошо с ним.

Когда мне наконец удается высвободить руку, я пытаюсь стянуть с него термофутболку. Он прерывает поцелуй, садится на меня верхом и

стягивает ее через голову. Я смотрю на его торс в тусклом свете. Тут совсем нет дико накачанных, непропорциональных мышц бодибилдеров, которых я вижу в спортзале. У него сильные, функциональные мышцы атлета. Даже сейчас, десять лет спустя.

Он глядит на меня, осматривающую его тело, сверху вниз, и его это забавляет.

Я провожу пальцами по его упругой, гладкой коже, по бугоркам и впадинкам. И шрамам. Он красив.

– Можно? – Кертис протягивает руку к низу моей термофутболки.

– Да.

Он снимает ее. Мои соски твердеют на холоде (воздух здесь холодный), а когда Кертис касается их кончиками пальцев, они твердеют еще сильнее. Внезапно он убирает руку и распрямляет спину, сидя надо мной, его плечи поднимаются и опускаются.

Что случилось?

– Мне нужно кое-что сказать тебе, Милла. – Его бедра сжимают мои бока. – Я уже пытался сказать тебе это в раздевалке.

О, проклятье! Я думаю, что знаю, что он собирается мне сказать. Но какой смысл? Если все, что он говорил раньше, не было ложью. Что она жива и находится где-то здесь – он же говорил, что так думает. Он спрашивал, кто, по моему мнению, ее убил. Он говорил мне, что пропуск на подъемник ему подбросили. У меня все сжимается внутри. Вероятно, он сам забрал этот пропуск у нее из кармана в качестве сувенира на память, что, конечно, не совсем нормально.

Его голубые глаза смотрят на меня сверху вниз, смотрят с опасением и вроде бы предчувствуя недоброе.

– До того, как я тебе это скажу, я хочу, чтобы ты знала: мне очень жаль, что я это сделал.

Так он может говорить только об одном деле. Ничего другого он не может иметь в виду. У меня в голове мелькают образы. Его большие руки сжимаются на горле его сестры. Или он убивает ее одним из больших кухонных ножей. Или толкает ее с высокого обрыва. Или...

Кертис бросает взгляд через плечо на дверь.

– Только не говори им, ладно?

У него какой-то дикий взгляд. Что он собирается со мной сделать после своего признания? Он расправится со мной так же, как расправился с ней? Там, на льду?

Я сталкиваю его с себя. Боль пронзает мое колено, когда я стараюсь выбраться из-под него, а потом хромаю к двери, все еще с голой грудью.

Кертис идет за мной, а потом не дает открыть дверь.

– Милла!

– Выпусти меня.

– Пожалуйста.

Я слышу отчаяние у него в голосе. Его сестра умела находить самые болезненные точки у нас у всех. И ей нравилось доводить людей до крайности, смотреть, как человек срывается, просто ради забавы, чтобы посмотреть, что произойдет. После двадцати лет такой жизни он вполне мог не выдержать, и это понятно.

Я поворачиваюсь к нему лицом.

– Ты не обязан мне ничего говорить.

У меня дрожит голос. Если все случившееся всплывет наружу, он получит пожизненное. Лучше мне не знать.

– Должен. Мне следовало раньше тебе это сказать. – Он сглатывает. – Ты меня возненавидишь, но я надеюсь, что у меня все-таки есть шанс – и ты поймешь. Ладно...

Он делает глубокий вдох.

Мне хочется закрыть ладонью его рот. После того, как он мне это скажет, мне придется сообщить об этом в правоохранительные органы.

Не так ли?

Глава 46

Десять лет назад

Я смотрю, как Кертис проталкивается сквозь толпу, собравшуюся в баре «Сияние», чтобы добраться до Жюльена. У меня все смешалось в голове, я запуталась и до сих пор не знаю, что мне делать завтра.

Дейл прав? Могу ли я верить чему-то из того, что сказал Кертис, или он все это время был на стороне своей сестры?

Дейл все еще пытается привлечь внимание Хизер. Обычно ему не приходится ждать, когда ему здесь принесут напитки, но сегодня вечером кажется, что Хизер его игнорирует. Вероятно, они снова поругались. Надеюсь, она не узнала, что я его поцеловала. Это последнее, что нам всем нужно.

Я беру две бутылки «Оранжевые» и несу через зал Brentу. Я не уверена, что он теперь возьмет у меня напиток.

– Я хотела пожелать тебе удачи завтра.

Брент берет бутылку и грустно улыбается.

– И тебе удачи, Милла.

– Спасибо. Мне она потребуется.

– Знаешь, я никогда не хотел тебя сдерживать.

– Я знаю.

Я пью «Оранжевую» маленькими глотками. В ней много сахара, и мне следовало бы пить сок, но наша маленькая компания этой зимой пристрастилась к этому напитку.

Но нас доносится голос Кертиса, который звучит громче, чем музыка.

– Она не заинтересована, понял? – говорит он Жюльену. Потом Кертис переходит на французский, предположительно повторяет слова и на родном языке Жюльена, чтобы до того уж точно дошло.

– Значит, тебе придется соревноваться с Одеттой? – спрашивает Брент.

Я издаю стон.

– Не напоминай мне об этом.

– Не волнуйся по этому поводу. Ее выступление никак не повлияет на британский рейтинг.

– Оно повлияет на то, что увидят зрители. – Я меняю тему: – Кертис иногда дает тебе советы по сноубордingu. Ты ему веришь?

– Да, а почему ты спрашиваешь? – мгновенно реагирует Brent.

– Просто... А ты не считаешь странным то, что он тебе помогает? Ведь может оказаться так, что он помогает тебе выиграть у себя. Ты не думаешь, что он может преднамеренно тебе посоветовать... – Я пытаюсь подобрать нужные слова.

– Ты имеешь в виду: преднамеренно дать мне неправильный совет? Нет. Он не такой.

– Но он такой серьезный соперник.

В другой части зала Жюльен исчез, а Кертис разговаривает с двумя парнями, которых я не знаю.

– Тебе нужно кое-что понять, – говорит Brent. – Кертис знает массу людей и кажется очень дружелюбным парнем, но вокруг него воздвигнуты стены в километр высотой. Есть внутренний круг, а все, кто в этот круг не входит, являются потенциальными противниками или соперниками. Но если тыходишь в его внутренний круг, то этот парень за тебя убьет.

– Понятно, – медленно произношу я.

– Но это доверие нужно заслужить.

– А ты заслужил?

– Да, – кивает Brent. – Хотя потребовалось немало времени.

– А Дейл входит во внутренний круг?

– Нет. Дейл его бесит.

– Да, я заметила. – Две сильные личности, борющиеся за доминирование. – А я? Я вхожу во внутренний круг?

Brent отводит взгляд и смотрит куда-то в сторону.

– Сложно сказать, – говорит он.

Другими словами: нет. Ответ болезненный, но это правда. Я могла на короткое время попасть во внутренний круг после того, как Саския меня закопала, но сегодняшней заезд лишил меня всех шансов.

Я потягиваю напиток маленькими глотками, раздумывая, кто входит в *мой* внутренний круг. Мой брат превращает мою жизнь в ад, когда у него возникает такое желание, и у меня есть претензии к обоим родителям. Мы с Brentом какое-то время были близки, но наши отношения закончились. Какое-то время Одетта казалась мне близким человеком, но теперь близости между нами нет и быть не может.

Сноубординг дистанцировал меня от подруг, оставшихся дома. Это исключительно моя вина, потому что всегда, когда мне приходилось выбирать между ними и сноубордингом, я выбирала спорт, а не дни рождения (я даже не ходила на празднования совершеннолетия), помолвки и другие мероприятия.

Значит, никого нет. У меня нет внутреннего круга

Везде вокруг меня смеются и болтают группы друзей. Как так получилось? Как я до этого дошла? Я одна и совсем без друзей вечером перед самыми важными соревнованиями в моей карьере.

Брент слегка толкает меня локтем.

– Хочешь, чтобы я зашел за тобой утром? Можем вместе поехать наверх.

– Да, отлично!

Искра надежды. Может, все еще образуется. И мы с Брентом останемся друзьями.

Хизер суетится, бегают по залу. Сейчас она убирает пустые стаканы в кабинке, где устроилась Саския. Хизер сбивает наполовину выпитую Саскией бутылку «Оранжевые». Саския что-то говорит, и Хизер распрямляется. Она явно в ярости. Саския тоже поднимается на ноги, ее серебристый топ сияет. Они о чем-то спорят, Хизер злится все больше и больше, хотя мне с моего места из-за музыки не слышно ни слова.

Одетта шокированно смотрит на Саскию, потом тоже встает. Она кричит на Саскию на французском, а потом выбегает из бара.

Что, ради всего святого, сказала Хизер?

Саския склоняется поближе к Хизер и говорит ей что-то на ухо. Хизер дает ей пощечину.

– Сука! – орет Хизер так громко, что я ее слышу.

Саския бьет Хизер по лицу так сильно, что та отшатывается, и чуть не падает.

Я не успеваю глазом моргнуть, как вижу Дейла, несущегося через зал от барной стойки. Он толкает Саскию сзади. Она задевает стул, и они оба падают в кабинку, Дейл сверху.

Кертис вскакивает с места, чтобы стащить Дейла с Саскии. Толпа расступается, увидев, как они сцепились друг с другом. Музыка смолкает, в баре воцаряется тишина.

– Следи за своей сестрой! Ее на поводке надо держать, – орет Дейл.

– Она не собака, – отвечает Кертис.

– Насчет этого не уверен, – заявляет Дейл.

Кулак Кертиса летит к цели так быстро, что я не успеваю заметить, как он поднял руку. Дейла шатает, он хватается за челюсть, потом бросается вперед. Дейл направляет удар на Кертиса, то тот уклоняется, и удар Дейла приходится по касательной, едва задевая ухо.

К ним бросаются трое крупных вышибал. Двое хватают Кертиса за руки и заламывают их за спину под диким углом. Кертис издает стон, его лицо становится белым. Проклятье! Его больное плечо...

Дейл снова пытается врезать Кертису, а когда между ними встает третий вышибала, Дейл наносит ему удар вместо Кертиса. Словно из ниоткуда появляются другие сотрудники службы безопасности, возглавляемые мужчиной в костюме. То есть он идет последним, но очевидно, что он у них главный, и он что-то рывкает на французском.

Вышибалы тащат Дейла и Кертиса к черному ходу. Дейл как-то странно держит одну руку. Он, вероятно, очень сильно ее ударил, потому что даже не пытается сопротивляться.

Хизер обеспокоенно смотрит в направлении Дейла, но мужчина в костюме манит ее к себе.

– Что, черт побери, это было? – спрашивает Brent.

– Понятия не имею, – отвечаю я. – И я абсолютно трезвая.

– Надо посмотреть, куда они их поведут. – Brent тоже направляется к черному ходу.

За столом остается одна Саския. Она снова держит себя в руках, снова невозмутима. Она ловит мой взгляд и пожимает плечами, словно случившееся ее не касается и не волнует.

Я проталкиваюсь сквозь толпу к запасному выходу вслед за Brentом, но один из вышибал преграждает мне путь. Мне придется выйти через главный вход.

Мужчина в костюме разговаривает с Хизер. Явно отчитывает ее, потому что она стоит, повесив голову.

Саския хватается меня за руку, когда я прохожу мимо.

– С ними все будет в порядке. Сядь.

– Ты думаешь? – спрашиваю я.

– Они большие мальчики.

Все вышибалы возвращаются в зал. Кертис, Брент и Дейл уже, вероятно, дошли до середины улицы.

Саския кивает на сиденье рядом с собой:

– Присядь.

Я в замешательстве. Что ей нужно теперь? Саския – последний человек, с которым мне хотелось бы проводить время, но, возможно, это мой шанс, и такой возможности мне больше не представится. Я все еще не составила план своего выступления на чемпионате Великобритании. Если я пойму, как сильно она собирается завтра рисковать, то я смогу оценить степень необходимого риска, на который мне придется пойти.

Я с неохотой устраиваюсь рядом с ней.

– Знаешь, почему они меня отсюда не вышвырнули? – спрашивает она.

– И почему же?

Она кивает на самого крупного вышибалу, который оглядывает зал, скрестив руки на груди над широким ремнем.

– Они надеются на продолжение. На настоящую женскую драку. На срывание одежды друг с друга и все в таком роде.

Хизер идет к выходу, надев кожаную куртку, выглядит сильно расстроенной.

– Я думаю, что ее уволили, – говорю я.

– Так ей и надо, глупой корове, – отвечает Саския.

Я оглядываюсь вокруг. Никого из нашей компании в зале нет. Остались только она и я.

Глава 47

Наши дни

– Это сделал я, – признается Кертис. – Это я пригласил всех сюда.

И снова доски пола шатаются у меня под ногами, только на этот раз создается ощущение, что лед под зданием треснул, и все оно сейчас свалится в образовавшуюся расщелину.

Мне нужно отсюда выбраться. Боль опять пронзает мое колено, когда я поворачиваюсь к двери, но это ничто в сравнении с болью, которая разрывает меня изнутри.

– Мама так и не смогла смириться с исчезновением Саскии, – быстро продолжает Кертис. – У нее уже было три нервных срыва.

Я отпираю дверь. Я голая, начиная от талии и выше, но мне плевать.

– В тот день, когда Саскию официально признали умершей, мама попыталась покончить жизнь самоубийством.

Я кладу руку на ручку двери и замираю. Я в замешательстве. Это произошло всего две недели назад. Неудивительно, что Кертис на взводе.

– Это была последняя возможность. Последняя попытка выяснить правду. Потому что мама не оставит свои попытки.

Я медленно поворачиваюсь.

Кертис выглядит почти таким же сломленным, как десять лет назад, когда отряд горноспасательной службы прекратил поиски его сестры.

– Если бы мы нашли труп, то это дало бы маме возможность закрыть крышку гроба – во всех смыслах. Мы могли бы... – У него срыгается голос. – Похоронить ее. Или, по крайней мере, узнать, что с ней случилось. Хуже всего – неизвестность. Мама представляет самые жуткие вещи – ее кто-то похитил или что-то в этом роде, хотя, вероятно, просто произошел несчастный случай. Я подумал, что, возможно, мне удастся ее хоть немного успокоить. Но я никогда не планировал *это*.

Я ищу свою термофутболку, но не вижу ее, поэтому скрещиваю руки на груди.

– А что ты планировал?

– Весело провести выходные. Это был шанс вспомнить прошлое и поговорить о том, как кто из нас жил эти десять лет. – Он снимает с кровати одеяло и завертывает меня в него. – Вот так будет лучше, а то замерзнешь.

Кертис обнимает меня, когда завертывает в одеяло. Ткань кажется гладкой и холодной, когда касается моей груди.

– Я планировал вас всех напоить и посмотреть, не удастся ли получить ответы хоть на какие-то вопросы. Или, может, даже подсказку. Причину. Что угодно. Я еще тогда, десять лет назад чувствовал, что ты не все мне рассказала, и я подумал, что по прошествии такого количества времени ты вполне можешь быть готова поговорить о случившемся. – Он потирает свои голые бицепсы. – Может, я что-то узнал бы, может и нет, но я, по крайней мере, предпринял попытку. Хочешь сесть?

Я качаю головой. Сколько же он мне врал! Меня тошнит.

Он сам завертывается в одеяло и усаживается на кровати, скрестив ноги по-турецки.

– «Ледокол»? – спрашиваю я.

– Не имеет ко мне никакого отношения. – Вероятно, Кертис видит скептическое выражение моего лица, потому что быстро добавляет: – На самом деле. Понятия не имею, откуда взялся тот ящик. У меня был совсем другой план. Не такой хитрый и изощренный.

– Телефоны взял ты?

– Нет. Я разослал приглашения и заплатил за размещение. Это все. Клянусь.

У меня болит колено. Я устраиваюсь на краешке кровати, подальше от Кертиса.

– Но зачем было собирать нас именно здесь?

– Вначале я думал про Великобританию – собраться в каком-то баре в Лондоне или еще где-то, но потом вспомнил о том, как все закончилось десять лет назад. Я не знал, захотят ли члены нашей группы снова видеть друг друга. Я решил, что если приглашу вас сюда, то вы не сможете устоять.

– Скорее: не сможем так просто встать и уйти.

– Я это не планировал. То есть я знал, что мы здесь будем единственными гостями, но я думал, что будет и обслуживающий

персонал.

– А почему ты подписался моим именем?

– Несколько лет назад я пару раз отправлял письма Бренту, но он ни разу не ответил. А когда мама... Я должен был что-то предпринять. Да, я знаю, что так делать не следовало, но я был в отчаянии. Я подумал, что если придет письмо от тебя, то Брент вполне может приехать. И Дейл уж точно не поехал бы, если бы думал, что приглашаю я. В любом случае и на приглашение от тебя Хизер ответила отрицательно.

– И тогда ты решил ее шантажировать. «Приезжай, или я все расскажу».

– Да, – говорит он и отворачивается.

– Откуда ты узнал про Брента и Хизер? Брент сказал, что никто не знает.

– Я их слышал. Я решил вздремнуть перед тем, как в тот день идти в бар «Сияние». Узнать голос Хизер было несложно.

– Вот, значит, как. – Мне нужно забыть про свою обиду и сосредоточиться. Нужно разобраться с этой загадкой! – С кем ты разговаривал на курорте, когда бронировал размещение?

– С неким типом по имени Ромен. Директор куда-то уехал. Я вообще не был уверен, что нас сюда пустят в это время года – погода же очень непредсказуемая. Но я все равно позвонил, объяснил, что хочу, а они потом сами перезвонили и сказали, во сколько мне это обойдется.

– Лично ты с кем-нибудь встречался?

– Нет. Решал все вопросы по телефону и электронной почте. Здание администрации курорта было закрыто, когда я вчера проходил мимо него. Но Ромен меня об этом предупреждал. Он сказал, что к нашему приезду все подготовят. Но когда мы вышли из «пузыря», и никого не оказалось на платформе, я почувствовал, что что-то не так.

– Так почему ты ничего не сказал?

Кертис выглядит сконфуженным.

– Это бы не позволило мне добиться цели. Я же не просто так собрал вас всех здесь. Я решил, что подыграю, пока не разберусь, что происходит. В любом случае игра в «Ледокол» в некотором роде была мне на руку.

– Как ты объяснишь все, что происходило, начиная со вчерашнего дня?

Кертис бросает взгляд на дверь и говорит гораздо тише:

– Кто-то вмешался и ведет игру по своим правилам.

– Кто-то с курорта?

Как только я произношу это вслух, я понимаю, в чем тут проблема. «Ледокол». Тот, кто написал те «секреты» на карточках, не был посторонним человеком. Но каким образом...

– Подумай, – прерывает поток моих размышлений Кертис. – В этой местности живут бедные люди. Промышленности нет, работа в основном сезонная. Директора на месте нет. В это время года просто не может быть много штатных сотрудников. Можно легко подкупить одного из них. Предполагаю, что и платить много не пришлось. Насколько им известно, мы тут только на выходные. Вполне можно отключить подъемник и немного поиграть с нами.

Я дергаюсь от его слов. Почему он это сказал?

Я хочу ему верить и изучающе смотрю на его лицо.

– Оставить здесь людей без возможности спуститься вниз? Они потеряют работу.

– Если это сотрудник, который работает по временному контракту, то и потеряет он немного. Может, ему сказали, что мы позвоним, когда захотим спуститься, или что мы сами съедем вниз со склона. Кто знает-то? – Кертис хмурится. – Но это все как раз в стиле моей сестры.

Боль в его глазах кажется искренней.

– Но зачем ей это делать?

Я немного съеживаюсь, спрашивая это, потому что сама знаю, по крайней мере, одну причину.

– Не уверен. – Кертис мгновение смотрит в затененный угол, потом его взгляд снова возвращается ко мне. – В любом случае мне очень жаль.

Я не знаю, куда девать глаза. Если во всех остальных случаях он и говорил правду, то все равно он врал мне про приглашения.

Но по крайней мере, он наконец мне во всем признался. Он смелее, чем я. В некотором смысле я могу понять, почему он так поступил – его семья всегда для него много значила. И я даже понимаю, почему он подозревает меня. Он становился свидетелем

моих самых неприглядных поступков. И он прав: он многого не знает о последних часах жизни Саскии.

– А зачем ты сейчас мне это рассказал? – спрашиваю я.

– Я ждал, пока не буду знать точно.

– Что я не убивала ее?

– Да.

– А теперь ты знаешь? Ну, это уже что-то.

Кертис молчит. Я смотрю на него.

– Ты *до сих пор* меня подозреваешь. Тем не менее так меня целуешь?

Он пожимает плечами, в его глазах грусть.

– Ты мне нравишься, Милла. Всегда нравилась. А если вспомнить, что она творила, как она пыталась тебя... Я много думал об этом на протяжении всех этих лет и решил, что если это ты... то, вероятно, это был несчастный случай или самооборона. А если так, то я могу с этим жить.

Он внимательно смотрит мне в лицо. Сейчас самое подходящее время открыть ему правду. Но раздается стук в дверь.

Кертис выражается непечатно.

– Лучше открой, – говорю я.

Он слезает с кровати и приоткрывает дверь – только щелочку.

– Я слышал шум.

Проклятье. Это голос Брента.

– И Милла не открывает дверь.

– Э-э-э... – Кертис бросает взгляд через плечо на меня.

Я подтягиваю одеяло до подбородка.

– Все в порядке. Открывай дверь.

Кертис широко распахивает ее. Brent вздрагивает, когда видит меня здесь. Я снова причинила ему боль.

– Я ничего не слышал, – заявляет Кертис.

– И я не слышала, – говорю я.

Brent маячит в дверном проеме, ему явно не по себе.

– Похоже было на стук захлопывающейся двери. И Хизер нет в ее комнате.

Мы с Кертисом переглядываемся. Сердце снова начинается судорожно биться у меня в груди. Только закончилась одна драма, как началась другая.

– Заходи, – приглашает Кертис.

Брент заходит, волоча ноги, и я чувствую алкогольные пары. Он выпил целую бутылку бренди? По запаху похоже.

Кертис запирает за ним дверь и надевает худи через голову.

– Милла, хочешь одеться? – спрашивает он меня и бросает мою термофутболку и два своих свитера.

– Мне выйти, пока ты одеваешься? – напряженным голосом спрашивает Брент.

– Нет, – отвечаю я. Он не увидит ничего нового. Наверное, они оба об этом думают, но я благодарна им за то, что ни один из них не говорит этого вслух.

Мое травмированное колено окоченело. Я очень осторожно опускаю ногу на пол. Брент поворачивается ко мне спиной, чтобы я могла одеться. Вещи Кертиса, конечно, мне велики, но, по крайней мере, они теплые.

– Можешь поворачиваться, – объявляю я.

Брент проводит рукой по волосам.

– Так что мы будем делать? – спрашивает он.

– Наверное, поищем Хизер, – осторожно отвечает Кертис.

Брент кивает.

Я вижу, что он готов следовать за Кертисом, и легко отдает ему бразды правления. Брент напуган.

И это пугает меня. Сильно.

– Может, нам следует как-то вооружиться? – снова подает голос Брент.

У меня перехватывает дыхание. Кертис замирает на месте.

– Какое оружие ты имеешь в виду?

Я обращаю внимание на то, как Кертис смотрит на Брента. Это явно проверка – как быстро он ответит? Может, он уже вооружился.

– На улице масса палок и лопат, – говорит Брент.

И ледорубов.

Брент смотрит мне прямо в глаза своими темными глазами.

– И ледорубов, – добавляет он.

Боже! Я представляю, как туманная фигура стоит за одной из многочисленных закрытых дверей, занеся топор.

Я уже открываю рот, чтобы сообщить им о пропаже ледоруба из ресторана. Но Брент продолжает неотрывно смотреть на меня. Это *он*

взял топор? А ножи? Я не представляю, так это или нет, но если взял он, то пусть лучше думает, что мы об этом не знаем.

– У тебя в комнате что-то есть? – спрашивает Кертис.

– Отвертка, – отвечает Брент.

– Сходи за ней.

Брент исчезает. Как только дверь за ним закрывается, Кертис склоняется ко мне поближе:

– Ты ему доверяешь?

Я колеблюсь. Я знаю каждый сантиметр тела Брента, но знаю ли я *его*? В особенности теперь, десять лет спустя? Я не могу забыть тот его взгляд прошлым вечером.

– А ты?

– Не уверен, – отвечает Кертис, роясь в своем рюкзаке.

– Ты помнишь тот древний топор-ледоруб, выставленный в ресторане?

– Да. И что?

– Он исчез.

Кертис резко поднимает голову.

– Когда?

– Я заметила только во время ужина.

Теперь мне не по себе из-за того, что я не упомянула об этом раньше.

Кертис ругается себе под нос и достает большую отвертку с пластиковой ручкой пурпурного цвета. Именно ее я у него брала десять лет назад.

– Возьми, – протягивает он ее мне.

– А ты?

– *Возьми!*

Я беру.

– Послушай, если там все-таки моя сестра, держись от нее подальше, ладно? Позволь мне самому с ней разобраться.

Это напоминает кошмарный сон. Сама мысль о том, что она воскресла из мертвых и придумала этот хитрый план, приводит в ужас. Решила... что именно она решила сделать?

Кертис обеспокоенно смотрит на дверь.

– Бренту уже следовало бы вернуться. Ты доверяешь мне, Милла?

– Я... – Я не знаю. – Мне нужно время, чтобы переварить все то, что ты мне сказал.

– С этой минуты я буду абсолютно честен. Но тебе нужно мне доверять. После того, как мы выйдем из этой двери...

В коридоре слышится крик. Пронзительный женский визг.

Я распахиваю дверь и выскакиваю наружу, травмированное колено подкашивается, но мне удается устоять на ногах. Я вижу Хизер, размахивающую пропавшим топором.

Значит, это она все это устроила. Она и Дейл.

Брент стоит в коридоре в нескольких метрах от нее с поднятыми руками и держит отвертку в одной руке. Он на чьей стороне?

Хизер поворачивается к нам и замахивается топором теперь уже на меня. Может, топор и старый, но им все равно можно нанести серьезные увечья. Я поднимаю отвертку. Ледоруб против отвертки. Мне даже не хочется думать о своих шансах.

Кертис стоит где-то у меня за спиной, и вооружен он только своими голыми руками.

Почему Хизер это делает? Где Дейл? У кого все ножи? Мне хочется оглянуться и осмотреть коридор, но я не смею отвести глаз от Хизер. Я надеюсь, что можно доверять Кертису и он прикроет меня со спины.

Взгляд Хизер упирается в кончик моей отвертки.

– Не подходи!

Ее костяшки пальцев побелели – так сильно она сжимает топор. Я чувствую, что если сделаю хоть одно движение, то она нанесет удар.

Свет выключается.

Глава 48

Десять лет назад

Лицо Саскии мелькает у меня перед глазами в темноте, освещаемое то зеленым, то оранжевым светом, когда мы танцуем на сцене в баре «Сияние».

Снова включили ту песню в исполнении The Killers. Я столько раз уже слышала ее этой зимой. Мигающие огни отражаются от серебристого топа Саскии. Все парни в баре смотрят на нее, хотя кажется, что она этого не осознает. Или ей просто плевать?

Кажется, что мы с ней играем в игру «Последний герой», кто раньше «сойдет с дистанции». Пока мы с ней наравне. Я не пила спиртного, но думаю, что и она тоже. Я определенно не собираюсь заставлять ее выпиться так, чтобы это повлияло на ее завтрашнее выступление, но, может, я смогу ее вымотать. Вчера я сама рано легла спать, а работа в трех местах научила меня прекрасно функционировать всего после нескольких часов сна. Надеюсь, что Саския не такая выносливая.

Но она все равно у меня выиграет.

Мы танцуем, пока звучит музыка. Вышибалы провожают нас к выходу. Оказавшись на улице, мы с Саскией переглядываемся.

Кажется, что в воздухе между нами трещат искры. Завтра мы с ней будем главными соперницами друг у друга. Сегодня вечером я уже предпринимала попытки выяснить, какие трюки она собирается завтра выполнять и оценить шансы, но у меня ничего не получилось. Я не думаю, что она или я сможем занять первое и второе места. Вероятно, выиграет Одетта, второе место займет Клер Доннахью. Клер сегодня такое вытворяла в хафпайпе... А вечером в баре я ее не видела. Наверное, осталась в номере, умная девочка. В любом случае я смогу занять третье место, только если Саския провалит заезд или мне каким-то чудом удастся исполнить крипплер. И приехали еще девушки с серьезными заявками на призовые места. Я видела, как они сегодня тренировались. Я сомневаюсь, что буду хотя бы четвертой. Моя единственная надежда – это попробовать крипплер. Или, по крайней мере, заставить Саскию думать, что я собираюсь это сделать.

Мы приближаемся к дому, в котором живет Саския. Кто-то стоит перед ним, склоняется над почтовым ящиком. Жюльен. Что он делает? При виде нас он выпрямляется. Он что-то держит в руках. Маркер. Он что-то написал на французском поперх ее фамилии на ящике.

– Что это значит? – спрашиваю я у Саскии.

– Фригидная сука, – отвечает она.

Жюльен ухмыляется. Я иду к нему широкими шагами и с силой ударяю ему кулаком в живот. Он падает. Наконец я вижу пользу от того, что у меня есть старший брат. Мы с Джейком все время дрались, и я очень рано усвоила: если я хочу ему врезать, делать это нужно быстро и со всей силы, чтобы потом успеть добежать до мамы, пока он очухивается.

Саския смотрит на меня по-новому.

– Зачем ты это сделала? Я же тебе даже не нравлюсь.

Я и сама не уверена.

– Я сегодня – единственная, кто не дрался. Чувствовала себя обделенной.

Она хохочет. Жюльен так пока и не поднялся.

Саския достает ключи от двери. Проклятье. Предполагалось, что я ее вымотаю. Я вспоминаю, что Дейл сегодня вечером говорил про Кертиса. «Он любит манипулировать людьми». У меня это никогда не получалось, но тут у меня два варианта: попробовать или отправиться домой плакать. Чего Саския меньше всего ожидает сейчас? Поскольку мы так похожи, логика подсказывает: то, что удивило бы меня, удивит и ее.

Дружба.

– Я только что поняла, что ты ведь ни разу не видела мою квартиру, – говорю я. – Хочешь взглянуть?

Она поворачивается ко мне, смотрит подозрительно.

– Мне, вероятно, следует поспать.

– Боишься завтрашнего дня?

Подобное сработало в моем случае, срабатывает и с ней. Она встряхивает головой и протягивает мне локоть. Я беру ее под руку, и мы идем дальше по улице. Я бросаю взгляд через плечо, чтобы проверить, не идет ли за нами Жюльен. Но он все еще лежит на земле и сопит.

Вокруг нас неслышно кружат снежинки. Саския поднимает голову и смотрит на небо.

– Я думаю, что снег усилится.

– Надеюсь, они приведут в порядок трубу.

– Должны.

Мы обе поскользываемся, хотя я в кроссовках Nike, а она в модных ботиночках, отделанных мехом. Под ногами у нас лед, который кажется черным. Мы хихикаем и прижимаемся друг к другу, чтобы удержать равновесие.

– Только этого мне не хватало, – говорит она. – Сломать лодыжку перед чемпионатом Великобритании.

Очевидно, что мы обе сейчас можем думать только о чемпионате.

– Я надеюсь, что завтра снега не будет, – говорю я. – Не хочется мне пробовать криплер в белой мгле.

Я не умею врать – мне всегда говорил об этом мой брат, но Саския резко поворачивается ко мне, и я чувствую ее неуверенность.

Я направляю ее в нужную сторону.

– Вот мы и пришли.

Я вставляю ключ в замок и открываю дверь в свою квартиру. Мне боязно.

Она делает шаг внутрь.

– О-о...

Я смеюсь.

– Я точно так же отреагировала, когда впервые ее увидела.

Шестнадцать квадратных метров, двуспальная откидная кровать. Кухонька состоит из крошечного холодильника и старой электроплиты с двумя конфорками. Она находится в углу у двери, а в ванную можно попасть только, если дверца холодильника закрыта. Но это все, что я смогла найти, когда захотела снять квартиру. Сезон тогда уже начался.

Мы сидим на кровати, потому что я, уходя, забыла ее поднять. До сих пор пахнет горелым рисом – я сожгла его вчера вечером, когда готовила ужин.

Саския смотрит на меня, словно раздумывает, почему я пригласила ее в эту дыру.

Что бы мне такое сказать? У меня никогда не получалось дружить с девочками. Но я подозреваю, что и у Саскии тоже. Нам проще состязаться друг с другом, чем быть любезными и милыми.

Я вижу у нее на запястье серебряный браслет с аквамаринами. Я видела его на ней уже несколько раз.

– Мне нравится твой браслет.

Она смотрит на него без всякого выражения.

– Мне его подарила Одетта. Можешь взять его себе.

– Нет, не нужно.

– Он твой, – Саския снимает браслет. – Мне он больше не нравится.

Я чувствую, что говорит она не только про браслет. Я смотрю, как она кладет его на мою прикроватную тумбочку, и ничего не могу с этим поделать.

Ее глаза загораются, когда она замечает одну из футболок Brenta от Burton, скомканную на подушке. Саския поворачивается ко мне с шаловливой улыбкой.

– Скажи мне: он хорош в постели?

– А Одетта? – мгновенно парирую я, потому что не собираюсь ничего говорить ей про Brenta. Мне не следовало бы и про Одетту спрашивать, и если бы в комнате находился кто-то еще, я не стала бы этого делать.

У Саскии горят глаза.

– А ты, Милла? Как ты в постели?

Я вся напряжена. Нервы натянуты. Мы опять играем в игру «Кто лучше?», точно так же, как на горе, где каждая из нас стремится быть первой.

Саския протягивает руку, касается моих волос и внимательно смотрит на меня. Ей нужно понять – она меня обескуражила, или я готова и дальше играть в эту игру. Или она бросает мне вызов? Я не могу определить.

– Я серьезно, – продолжает она. – Потому что мой брат хотел бы это знать.

У нее в голосе слышится зависть, будто страсть ее брата – это единственное, за что она не может со мной конкурировать. Но упоминание ею Кертиса действует на меня как удар. Следующий ее вопрос будет о моих чувствах к нему. Мне нужно быстро прекращать эту игру, до того, как я что-то выдам. Нужно нанести ей еще один решительный удар, чтобы выбить ее из равновесия.

– Может быть, – отвечаю я и касаюсь рукой ее челюсти.

Я ожидаю, что Саския отпрянет, но она этого не делает.

– Покажи мне, – шепчет Саския.

Так, она меня переиграла.

Но я не могу ей это показать. Есть только один шаг, который логически может быть следующим, больше я ничего придумать не могу. Я наклоняюсь к ней и целую. Я чувствую, как она удивлена. Вначале она слегка дергается, но потом отвечает на поцелуй.

Я лечу по воздуху, и у меня под ногами пустота. Ощущения такие же, как когда не считаешь прыжок. В животе все точно так же переворачивается. Я думала, что Саския отпрянет. Вместо этого она поднимает игру на совершенно новый уровень.

Я никогда раньше не целовалась с девушкой. Не так. Губы у нее гораздо мягче, чем у Брента, да и целуется она совсем по-другому. Но она же с Одеттой. Она должна будет прекратить это до меня.

Хотя разве она когда-нибудь от чего-нибудь отказывалась?

Сквозь ресницы я вижу ее голубые глаза, такие же, как у ее брата, и эти глаза изучают меня. Я толкаю ее на кровать и целую сильнее. Она расстегивает мою куртку, я расстегиваю ее куртку и снимаю с нее свитер через голову.

Она смеется и раздевает меня до бюстгалтера.

– Давай теперь ты. – Она показывает на молнию на своем топе.

Моя рука дрожит, когда я ее расстегиваю. Саския проводит тонкими пальцами по моему голому животу. Она точно знает, как и где ласкать меня, а я, к моему полнейшему удивлению, знаю, как касаться ее – по крайней мере, она реагирует на мои прикосновения. А как насчет Одетты? Я чувствую себя виноватой, но чувства вины недостаточно, чтобы заставить меня остановиться.

Я говорю себе, что делаю это ради того, чтобы победить в состязании – и нашем личном, том, которое сейчас мы ведем с ней, и завтра, в публичном. Я говорю себе, что делаю это потому, что глаза, которые смотрят на меня, могли бы быть глазами Кертиса.

А правда может оказаться проще. Всю зиму я была странно ею очарована, и вот я нахожусь рядом с ней, гораздо ближе, чем я могла когда-либо представить. Это кажется безумным после всего, что она сделала, но в это мгновение, как я думаю, я ее люблю. Совсем немного.

Глава 49

Наши дни

В холодном коридоре стоит крошечная тьма. Все мои органы чувств напряжены – я пытаюсь уловить движение воздуха, которое должно предшествовать взмаху топора.

– Не двигайтесь! – визжит Хизер.

Я отступаю назад от звука ее голоса, подняв руки, чтобы защитить голову. Хотя не уверена, как руки могут защитить от топора.

Что-то шелестит у меня за спиной. Я отпрыгиваю в сторону, но тут же колено пронзает боль.

– Опустит топор, – звучит голос Кертиса. Как у него получается говорить так спокойно?

Отступая назад, я врезаюсь в него, и он хватается меня за руку, чтобы забрать отвертку. Я отдаю ее ему. Наверное, это означает, что я ему все-таки доверяю.

Он обходит меня и движется к Хизер. Что он собирается с ней сделать?

– Зачем ты пригласил меня сюда? – кричит Хизер. – Что ты от меня хочешь?

Я слышу отчаяние у нее в голосе. Я ошупью иду вперед, пока не дотрагиваюсь до плеча Кертиса. Я не хочу, чтобы она как-то пострадала.

– Кертис, это не она.

– Милла, – предупредительно произносит Кертис.

Я прохожу мимо него, слегка отталкивая его, надеясь, что все поняла правильно.

– Нет, Милла, – говорит Кертис.

Я не обращаю на него внимания.

– Хизер? – Я слышу, что говорю дрожащим голосом. – Brent слышал шум, а тебя не было в твоей комнате.

Молчание.

– Brent? – Я опять говорю дрожащим голосом.

– Я здесь. – Голос звучит откуда-то издали. – Я нашел два выключателя, но они не работают. Электричество снова вырубилось.

Какие-то руки хватают меня за плечи, я снова подпрыгиваю.

– Где фонарик? – шепчет Кертис мне на ухо.

– У меня в комнате. На полу у кровати.

– Я схожу за ним. – Он отдает мне отвертку. – Не двигайся с места.

Я чувствую дуновение воздуха у себя за спиной, когда он уходит.

– Хизер, ты нас пугаешь, – говорю я.

Никакого ответа.

– Кертис пошел за фонариком, – продолжаю я.

Несколько секунд, которые кажутся очень долгими, слышится только наше дыхание.

Я снова чувствую дуновение ветра за спиной, потом в коридоре появляется луч света. Кертис стоит в дверях моей комнаты с фонариком. Хизер съеживается у стены, сильно сжимая пальцами топор. Brent стоит дальше по коридору.

Я делаю шаг вперед, протягиваю руку и заметно дрожу.

– Хизер!

Топор выскользывает у нее из рук и падает на пол. Она опускается рядом с ним и громко рыдает.

Brent опускает плечи и хватается за грудь.

– Ты меня дико напугала, Хизер, – говорит он.

Мне следовало бы присесть на корточки рядом с ней, но я не могу наклониться. Я могу только сжать ее плечи своими дрожащими руками.

– Иди ко мне. – Brent поднимает ее на ноги и крепко прижимает к себе.

– Я нашла... – Хизер пытается что-то сообщить между рыданиями.

– Что? – спрашиваю я.

Она громко хватается ртом воздух.

– Комнату.

Хизер показывает пальцем куда-то дальше по коридору.

– Что за комната?

Но она так сильно плачет, что не может говорить. Я беспомощно смотрю на Brentа.

– А ты можешь нам ее показать? – спрашивает Brent.

Хизер давится рыданиями, но кивает. Brent поднимает топор. И вручает Хизер свою отвертку. Кертис напрягается, но молчит. Хизер ведет нас по коридору. За ней идет Кертис, освещая дорогу. Потом хромаю я, сжимая зубы от боли. Шествие замыкает Brent.

Наши тени пляшут на стене. Четыре фигуры. Одна с топором.

Я надеюсь, что батареек в фонарике хватит надолго. Хизер поворачивает налево, проходит мимо раздевалки, в которой я обнаружила ее днем, и останавливается у следующей двери.

Я могла бы поклясться, что раньше эта дверь была заперта. Когда Хизер толкает дверь, а Кертис освещает помещение фонариком, я точно знаю, что раньше его не видела.

– Проклятье, – вырывается у Кертиса.

Глава 50

Десять лет назад

Я просыпаюсь от громкого стука в дверь моей квартиры. Саския шевелится в постели рядом со мной. У нее голая грудь, вероятно, она полностью обнажена, как и я.

– Милла?

О, проклятье. Это голос Брента. Я вылетаю из кровати и ищу одежду.

Я ожидаю, что Саския придет в такой же ужас, как и я, застигнутая в такой ситуации, но она даже не шевелится. Я хватаю с пола свой свитер и натягиваю его через голову.

– Оденься!

– Зачем? – Ее глаза блестят.

– Потому что я так хочу.

Она лежит на кровати и улыбается той улыбкой, которую я много раз видела этой зимой.

– Милла! – кричит Brent. – Открывай! Я писать хочу.

Саския с трудом сдерживает смех.

– Минутку!

Я бросаю Саскии ее бюстгальтер и трусы, а сама поспешно застегиваю джинсы.

Брент трясет ручку двери.

– Давай быстрее!

Саския так и не пошевелилась и лежит на кровати. Я признаю поражение и открываю дверь. Brent пришел со сноубордом и в полном снаряжении. Он бросает сноуборд и рюкзак на пол, уже собирается пройти в ванную и замирает при виде ее.

Она лежит по центру кровати, ее голая грудь не закрыта одеялом. Машет изящной ручкой.

– Привет, Brent.

Brent поворачивается ко мне. Он так сильно поражен, что не может вымолвить ни слова. Потом он еще раз смотрит на Саскию и исчезает в ванной.

– Оденься. Пожалуйста, – говорю я.

Она вытягивает руки над головой и зевает.

– Через минутку.

Слышно, как сливается вода в туалете, потом вода начинает литься из кранов. Саския ждет, пока Brent не появится из ванной, тогда снова потягивается и вылезает из кровати. Абсолютно голая.

Бедный Brent не знает, куда смотреть. Саския берет черный кружевной лифчик и такие же трусики и надевает их, устраивая из этого шоу. Я вижу, как Brent наблюдает за ней и ничего не может с собой поделать, и не виню его. Она на самом деле потрясающе выглядит. У нее нет модельной худобы, но она, конечно, стройнее меня, при этом у нее сильное, отлично накачанное тело. У нее гладкая загорелая кожа. Наверное, это автозагар. Мои руки и ноги много месяцев не видели солнца.

Brent заставляет себя посмотреть на меня и говорит натянутым голосом:

– Мы же собирались вместе размяться.

Он смотрит на меня так, как смотрят на незнакомого человека.

Глава 51

Наши дни

Комната освещается янтарным светом, исходящим от фонарика Кертиса. В центре стоит длинный стол, по обеим сторонам по полдюжины мониторов.

– Пост управления, – говорит Кертис.

И снова этот запах. Духи. Я смотрю на Кертиса и вижу, что он тоже его уловил. Он бледнеет и хватается за стену, чтобы не упасть.

У дальней от входа стены лежит матрас. С подушкой и парой одеял. Мое сердце начинает учащенно биться. Здесь кто-то спал. Но кто? Я бросаю взгляд в сторону дверного проема. Вероятно, Brent думает то же самое, потому что сейчас проверяет коридор – смотрит в одну и другую сторону. Может, он и пьян, но хорошо держится.

Кертис смотрит на матрас, и взгляд у него затравленный.

Я поворачиваюсь к Хизер.

– Как ты нашла эту комнату?

– Я же уже говорила: я услышала шум. – Она сдерживает очередное рыдание. – Я подумала, что это мог быть Дейл, поэтому отправилась посмотреть.

– И эта дверь была незаперта? Я имею в виду: открыта настежь?

Она кивает.

– Когда ты взяла топор?

– Сегодня днем, когда вы пытались разобраться с механизмом подъемника. Я боялась. – Она встречается со мной взглядом, и я чувствую, что она имеет в виду: она боялась Кертиса. – Я решила отнести его в свою комнату – вдруг понадобится.

– Ножи тоже ты забрала? – спрашивает Кертис.

– Какие ножи? – переспрашивает Хизер.

Мы с Кертисом переглядываемся. Значит, ножи до сих пор неизвестно где.

Моему колену не нравится, когда я его сгибаю. Так что я осторожно наклоняюсь, чтобы пощупать матрас.

– Холодный, – объявляю я. Уже облегчение.

– Может, здесь иногда ночует кто-то из персонала, – высказывает предположение Brent.

Не знаю, пытается ли он убедить нас или себя. На самом деле люди, работающие на курорте, могут оставаться здесь на ночь время от времени, например, парни из горноспасательной службы. Сам по себе этот матрас не доказывает, что Саския или кто-то еще сейчас находится в здании.

– Но кто отпер дверь? – спрашиваю я. Кто-то определенно это сделал, а если это была не Саския и не кто-то неизвестный нам, то это означает, что это сделал один из нас. Даже Дейл.

Под столом находится бар-холодильник. Brent открывает его, и мы заглядываем внутрь. Молоко, сыр, ветчина. Несколько готовых обедов. На столе сверху стоит микроволновка. Пластиковый пакет из Carrefour^[46] стоит рядом с ней, в нем лежат крупа, хлеб и фрукты. Рядом – миска, тарелка и столовые приборы.

У меня холодок пробегает по коже.

– Соседняя дверь, – шепчу я. – Раздевалка. Ты не думаешь...

Кертис словно выходит из транса. Он делает шаг в коридор. Мы осторожно выходим за ним. Он направляет фонарик на ручку соседней двери, но не двигается, словно боится до нее дотронуться. Я тоже боюсь. Там кто-то есть?

Там Саския?

Brent нажимает на ручку двери, все еще крепко держа топор. Дверь открывается, и Кертис проводит фонариком по стенам. В раздевалке пусто, а экзотический запах ванили гораздо слабее, чем днем. Я уже собираюсь зайти внутрь за остальными, когда вспоминаю, что дверь днем заклинило. Я не хочу рисковать, поэтому остаюсь в дверном проеме, придерживая дверь.

Мы возвращаемся на пост управления. Brent идет вдоль ряда мониторов, по очереди двигает каждую мышку, но экраны остаются темными.

– Нет электричества.

Мысли судорожно проносятся у меня в голове. Кто-то специально отпер эту комнату, потому что хотел, чтобы мы ее нашли? Или это произошло случайно?

– Хизер говорила, что слышала шум, – снова открываю рот я. – Может, кто-то здесь ходил, Хизер помешала этому человеку, и ему

пришлось поспешно уйти.

– И они отключили питание, что бы мы не могли воспользоваться компьютерами, – заканчивает мою мысль Brent. – Может быть.

– Так где они сейчас? – спрашиваю я

– Здесь много других помещений, в которых можно спря... –

Kurtis резко замолкает. – А это что?

Тихая музыка. Откуда она доносится?

Kurtis поворачивается к Brentу.

– Дай мне топор.

Brent колеблется лишь секунду. Потом отдает.

Kurtis вылетает из помещения. Мы втроем остаемся в темноте, и у нас нет выбора, кроме как бежать вслед за ним. За углом музыка кажется громче. Боже, да я знаю эту песню. Ее очень любила Саския. Это сингл рок-группы The Killers под названием Somebody Told Me. Хизер резко вдыхает. Она тоже узнала эту мелодию.

Мы добегаем до лестницы, которая ведет в банкетный зал, и я снова чувствую запах духов. Внутри меня нарастает страх. Музыка звучит сверху.

Kurtis несется вверх, перепрыгивая через две ступеньки, Brent бежит сразу за ним. У меня пересохло в горле, и я с трудом поднимаюсь вслед за Хизер. Что мы найдем? Это на самом деле Саския? А если да, что именно собирается с ней сделать Kurtis? Он влетает в запасной выход наверху, и дверь захлопывается у него за спиной. Мы снова оказываемся в полной темноте, но Brent пинает дверь и придерживает, пока мы с Хизер не добираемся до площадки второго этажа.

Музыка в банкетном зале играет оглушительно громко, запах духов чувствуется сильнее, чем раньше. Kurtis стоит перед маленьким столиком и направляет на него фонарик. В его свете мы видим портативную магнитола. Она работает на батарейках, по всей видимости, потому что в сеть она не включена.

Я озираюсь в помещении, всматриваюсь в затененные углы. В банкетном зале, кроме нас, никого нет.

Хизер закрывает уши руками.

– Выключите это! – орет она.

Kurtis поднимает топор.

– Нет! – кричу я.

Кертис смотрит на меня, лицо его в свете фонарика кажется демоническим. Я хромаю к столику и нажимаю на «Стоп». Музыка обрывается. Я открываю крышку магнитолы и извлекаю компакт-диск, надеясь, что мы сможем что-то по нему узнать, но на нем нет никаких надписей или пометок. Я опускаю его назад в магнитолу, чтобы проверить, есть ли на нем что-то еще, но нет, записана только одна эта песня.

Я уже много лет не видела таких магнитол. Их еще продают? Я вспоминаю о том, что у нас нет запасных батареек, открываю отсек для батареек и проверяю, какие используются в магнитоле. Но они слишком большие для фонарика.

Кертис отгалкивает Хизер и Брента и выходит из банкетного зала. Мы следуем за ним, идем по коридору. Он открывает все двери, мимо которых проходит – туалеты, кладовку с уборочным инвентарем, пока не добирается до двери, которая не открывается.

– Подержи. – Кертис вручает мне фонарик.

До того как до меня доходит, что он собирается сделать, он хватается топор двумя руками и бьет по двери. Приходится ударить с полдюжины раз, прежде чем получается достаточно большая дыра – такая, в которую можно заглянуть. Кертис выхватывает у меня фонарик и направляет луч внутрь. Матерится и опять вручает фонарик мне. Луч слабеет с каждой минутой, но я не решаюсь обратить внимание Кертиса на это.

Плечи Кертиса вздымаются и опускаются, пот блестит на лбу. Я уже протягиваю руку, чтобы коснуться его, но решаю, что лучше этого не делать. Он дергает ручку следующей двери, которая тоже оказывается заперта, и начинает рубить ее топором. Мы втроем отступаем назад, пока он пробивает дыру и в этой двери, а потом еще и в следующей.

Фонарик вот-вот погаснет. У меня болит нога, и я так устала, что готова заснуть стоя. А если я устала... Кертис чуть не падает, снова замахиваясь топором, и попадает не по двери, а по косяку.

Я осторожно касаюсь его плеча.

– Достаточно.

У него опускаются плечи, он прижимается лбом к деревянной панели. Топор падает у него из руки на пол.

– Послушай меня, – говорю я. – Всей ночи не хватит, чтобы пробить все запертые двери в этом здании. Сейчас мы ничего не можем сделать, только запереться в наших комнатах и немного поспать. Завтра выберемся отсюда, как только рассветет.

Не говоря ни слова, Кертис идет назад по темному коридору и вниз по лестнице. Brent поднимает топор до того, как я успеваю это сделать. Я хромаю вслед за Кертисом, освещая дорогу.

Когда Кертис добирается до своей комнаты, он распахивает дверь и смотрит на меня.

– Ты ночуешь здесь, Милла.

Это не вопрос. Я хромаю в его комнату. А потом поворачиваюсь и смотрю на Хизер.

– Не думаю, что Хизер можно сейчас оставить одну.

– Я останусь с ней, – объявляет Brent.

Я бросаю взгляд на Кертиса. А если ночью появится Дейл и застанет их вместе?

Или Brent точно знает, что Дейл не появится? Я смотрю на топор, который продолжает сжимать Brent.

– Хорошо, – говорит Кертис, запирает за нами дверь и стоит у нее, прижавшись спиной к деревянной панели. Я вижу чувство вины, раздражение и муку у него в глазах. Этот груз висит у него на плечах: он винит себя за то, что мы все оказались здесь. В особенности за то, что заставил *меня* приехать. Я хочу протянуть к нему руки и снять с него хотя бы часть груза, но вижу, как сильно у него сжаты челюсти, и это заставляет меня сдерживать порыв. Я дам ему время остыть.

Проходит несколько минут. Наконец он поднимает глаза.

– Где ты хочешь спать? – Он показывает рукой на дальнюю кровать. – Там? Или со мной?

Внешний мир за пределами этой комнаты больше не существует. Есть только он и я. Боль от его предательства медленно возвращается, но мне легко дается ответ:

– С тобой.

Кертис несколько секунд рассматривает узкие кровати, затем снимает с них матрасы и раскладывает на деревянном полу. Положенные рядом, они занимают всю ширину комнаты.

Он опять смотрит на меня.

– Наверное, нам следует немного поспать.

Я делаю шаг к нему.

– Ты говоришь мне, чтобы не трогала тебя?

Впервые за всю ночь у него на лице появляется намек на улыбку.

– Может быть.

– К этому времени ты должен был бы уже уяснить, что я не подчиняюсь твоим приказам.

Улыбка снова появляется у него на лице.

– О, я знаю. – Он забирает фонарик у меня из руки и кладет его в угол, на пол, все еще не выключая. – Ложись.

Я снимаю куртку для катания на сноуборде и опускаюсь на матрас.

Кертис тоже снимает куртку и опускается рядом со мной, натягивает на нас одеяла, потом выключает фонарик.

– Будем экономить энергию батареек.

Я тянусь в темноте к его лицу и касаюсь его.

– Милла.

– Что?

– Ты не хочешь меня такого, – произносит он хриплым голосом, в котором слышится боль.

Я ощупью пробираюсь по его телу вниз, пока не нахожу его ладони, одну за другой, потом поднимаю его руки над головой, прижимая его спиной к матрасу, как он сам раньше прижимал меня. Я делаю это, чтобы спровоцировать его, потому что это единственный очевидный способ сейчас до него достучаться. Кертис – не тот человек, который при обычных обстоятельствах позволит пригвоздить себя к полу. Я только надеюсь, что смогу справиться с его реакцией.

– Я предупреждаю тебя, Милла!

Я не обращаю внимания на его слова, и пока одной рукой я сжимаю его ладони, другая проскальзывает вниз по его груди к талии, забирается под слои его одежды и наконец добирается до гладкой кожи его живота.

Кертис громко дышит в темноте. Несколько долгих секунд он никак не реагирует. Наконец, как я и надеялась, он высвобождает руки и переворачивает меня на спину.

– Поцелуй меня, – шепчу я.

Молчание.

– В голове полная путаница, – наконец говорит он.

– Я знаю. И в моей тоже. – Я провожу по его губам кончиком пальца. – Но все равно поцелуй меня.

Глава 52

Десять лет назад

Мягкие губы Саскии слегка касаются моих. Я ловлю полный ужаса взгляд Брента через ее плечо и отшатываюсь от нее.

– Спасибо за прошлую ночь, – говорит Саския.

– Я не понял. Вы что, вместе? – спрашивает Brent.

– Нет, – отвечаю я.

– Да, – отвечает Саския.

Brent подхватывает свой сноуборд.

– Увидимся на горе, Милла.

– Подожди! – кричу я.

Но он уходит, не оглядываясь назад.

– Упс! – ухмыляется Саския.

Прошлой ночью я любила ее, но сейчас я снова ее ненавижу. В любом случае было бы плохо, что Brent нас застал в таком виде, но из-за нее все получилось в миллион раз хуже. Она специально так себя вела – и знает, чего добилась.

Мне нужно стереть это самодовольное выражение с ее лица.

– Я расскажу Одетте обо всем, что ты делала со мной прошлой ночью.

Я наблюдаю за ней, надеясь увидеть какую-то реакцию, но вижу только любопытство. Саския раздумывает о том, что прошлая ночь значила для меня, или о том, хватит ли у меня смелости, чтобы сообщить о случившемся Одетте?

Нет, тут не только это.

Она *хочет*, чтобы я рассказала обо всем Одетте.

Предпочтительно прямо перед чемпионатом Великобритании, чтобы выбить ее из игры и дать шанс самой Саскии выиграть или хотя бы выступить лучше Одетты. На мгновение мне приходится ухватиться за стену. Прошлая ночь для нее ничего не значила. Она играла со мной, как играет со всеми остальными.

– Хизер и Жюльен правы, – говорю я. – Ты просто эгоистичная сука, которая не думает ни о ком, кроме себя.

Саския продолжает ухмыляться и влезает в джинсы.

Я поворачиваюсь к ней спиной. Хизер и Дейл; Кертис и Brent Джасинта. Она принесла боль нам всем. Я не могу позволить, чтобы это сошло ей с рук. Только ведь сойдет. Она всегда как-то выкручивается.

Плохо осознавая, что я делаю, я варю кофе. Саския продолжает одеваться у меня за спиной. Мне не следовало бы это делать, но я сделаю.

Я протягиваю ей кофе и жду, пока она не выпьет чашку до дна.

– Надеюсь, что ты сломаешь себе шею, – говорю я.

Улыбка застывает у нее на лице. Что-то мелькает в ее голубых глазах. Она застегивает молнию на куртке и выходит за дверь.

Мне наконец удалось ее задеть? Поколебать ее уверенность? Я не знаю. Даже после нашей интимной близости я не уверена, что способна понять ее.

* * *

Мое сердце продолжает сильно колотиться в груди, когда я захожу в вагончик фуникулера. Мне не следовало этого делать. Не перед такими крупными соревнованиями. Я зашла слишком далеко.

О, проклятье! Одетта – последний человек, которого я хотела бы сейчас видеть. Я сжимаюсь, когда она подходит ко мне и целует в обе щеки. Она чувствует на мне запах своей подруги?

– Ты видела Саскию? – спрашивает Одетта.

Я сглатываю и отвечаю:

– Нет.

– Мы собирались вместе позавтракать.

Одетта выглядит обеспокоенной, и я вспоминаю, как она вчера вечером вылетела из бара «Сияние». Я до сих пор не знаю, из-за чего они поругались.

Я смотрю через ее голову на очередь желающих сесть в вагончик фуникулера. Саския где-то среди этих людей? Что бы ни случилось, мне нужно добраться до Саскии раньше Одетты и сказать ей, что я не имела в виду то, что сказала утром. Одетта не должна узнать о нашей совместной ночи. Она будет в отчаянии.

– Ты сильно нервничаешь, – замечает Одетта.

У меня горят щеки. Кажется, что ее серые глаза всегда замечают то, на что никто другой не обращает внимания.

Она подводит меня к окну.

– Больше ничего не говори. Смотри на горы, сосредоточься на какой-то одной точке. Я всегда так делаю перед соревнованиями.

Я вчера ошиблась. Одетта не такая, как Саския. Я вижу, что ей неловко из-за того, что она влезла в британские соревнования. Все так, как она сказала: она делает это только потому, что ей нужны очки.

Мы выходим на промежуточной причальной платформе и идем по плато к хафпайпу. Саскии там нет, как нет и никого другого из нашей компании, и это странно. Мы регистрируемся и получаем номера. Британские флаги развеваются наверху рядом с французскими.

– Давай разминаться, – говорит Одетта.

Я не могу сосредоточиться. Где все? Они же пропускают разминку. Если Brent опоздает, у него будут большие проблемы со спонсором. Здесь куча девушек-промоутеров «Смэш» – все в ярко-оранжевых куртках. Они раздают банки с напитком всем желающим. Одетта то и дело посматривает на часы на будке, в которой находится механизм подъемника, и я вижу, что она в таком же недоумении, как и я.

Как раз перед тем, как должны объявить первый заезд, на самом верху хафпайпа появляется Кертис. Он на сноуборде – вероятно, съехал с ледника. Мы с Одеттой спешим к нему.

– Где остальные? – спрашиваю я.

Кертис оглядывается.

– Разве Brentа нет?

– Нет.

Кертис выглядит обеспокоенным.

– Он был на леднике. Сказал, что сейчас подойдет. С ним была Хизер.

– Хизер? – переспрашиваю я.

– А Саския тоже там? – спрашивает Одетта.

– Наверное, – Кертис отворачивается. – Но я ее не видел.

Меня снова охватывает чувство вины. Есть только одна причина, которая могла бы заставить Саскию отправиться наверх, на ледник – попробовать сделать крипплер над паудером. Отчаянная попытка в последние минуты перед соревнованиями из-за моей вчерашней лжи.

А как так получилось, что Brent отправился вместе с ней? Она каким-то образом смогла его уговорить, чтобы подстраховал ее и посмотрел, как у нее получается? Ей удалось как-то его подкупить, как раньше Дейла? Но я уверена, что после сегодняшнего утра Brent не станет ей помогать, даже если она ему заплатит. Если только он не решит помочь ей, чтобы отомстить мне. Но ведь Brent не такой, правда?

А почему Хизер поднялась на ледник? Она же никогда этого не делает.

– А Дейл? – спрашиваю я.

– Он в больнице, – сообщает Кертис.

– Что?

– Во время вчерашней драки он сломал руку. По словам Хизер, перелом неудачный, и сегодня утром он ждет какого-то специалиста, который должен его осмотреть.

– Это ужасно.

И это означает конец сезона для Дейла и вполне вероятно, что и конец некоторых, а то и всех контрактов со спонсорами.

– Brent Бакши, срочно зарегистрируйтесь и получите номер, – объявляет комментатор.

Я оглядываюсь. Толпа внизу замолкает и тоже начинает оглядываться. Где же он, черт побери?

– Мы также ждем Кертиса Спаркса и Дейла Хана.

Я толкаю Кертиса локтем в бок.

– Иди зарегистрируйся.

Кажется, Кертис меня не слышит. Он смотрит вдаль. Отсюда мне не видно часы, поэтому я оглядываюсь в поисках человека, у которого можно было бы спросить, сколько сейчас времени. Я вижу Клер Доннахью, на сноуборд и шлем которой наклеены стикеры Casio.

– Ты знаешь, который час? – спрашиваю я у нее.

Она приподнимает манжету перчатки, под которой я вижу серебряные Baby-G^[47].

– Половина десятого.

– Спасибо.

Полчаса до моего заезда. Я снова поворачиваюсь к Кертису.

– Ты собираешься участвовать?

Он расстегивает молнию на куртке сверху и запускает руку под куртку, чтобы потрогать плечо. Он морщится и отправляется к стойке регистрации.

Он возвращается без номера.

– Ты участвуешь? – снова спрашиваю я.

– Нет.

Я пораженно смотрю на него.

– Это вчерашние вышибалы?

– Они завершили дело, но все давно к этому шло.

На меня снова волной накатывает чувство вины, когда я вспоминаю, как он вчера остановил меня во время спуска со склона.

– Боже, мне так жаль.

– Это не конец света.

Но, судя по его выражению лица, это как раз он и *есть*.

Его сестра определенно что-то натворила, потому что он в полном смятении. Кертис поднимает голову и смотрит на ледник. На склон находит тень, когда над нами проплывают облака, и гора на какое-то время становится лиловой у меня перед глазами. Что именно там произошло?

Глава 53

Наши дни

Я хлопаю рукой по матрасу рядом. Кертиса там нет. Колено пронзает острая боль, когда я пытаюсь сесть. Я с трудом сдерживаю крик.

– Доброе утро.

Кертис стоит у окна. Слава богу.

Но он выглядит обеспокоенным.

– Тучи идут.

– Будет снег?

– Думаю, что настоящая буря.

Я встаю, и меня тут же шатает, я теряю равновесие.

В мгновение ока Кертис оказывается рядом со мной и успевает меня поддержать.

– Как ты?

– Нормально.

Он прикладывает губы к моему уху.

– Если бы мы находились в каком-то другом месте, а не здесь, то я бы до сих пор лежал с тобой в постели.

Сейчас он очень нежно целует меня, но прошлой ночью его поцелуи были совсем не такими. Все клеточки моего тела помнят, как его тело давило на меня.

Он с сожалением отрывается от меня.

– Как твое колено?

Я закатываю штанину термосин, чтобы посмотреть.

– Боже!

Колено стало в полтора раза шире.

– Согнуть можешь?

Я очень осторожно пытаюсь это сделать. Проклятье, как больно-то!

– Дай мне ибупрофен. Ой, осталось только две таблетки. А еще есть?

– Нет, – печально качает он головой. – Прости.

– Может, у Брента есть.

Кертис удивленно приподнимает брови. Да, Brent не тот человек, который будет возить с собой аптечку. Я принимаю оставшиеся таблетки. Они дадут небольшое облегчение, но и оно закончится через шесть часов.

Кертис уже оделся, как для катания на сноуборде.

Я хромаю к окну. Кертис прав. Тучи выглядят угрожающе.

– Мне нужно взять вещи в моей комнате.

– Я пойду с тобой, – объявляет Кертис.

Держа отвертку в одной руке, он отпирает дверь, и мы выходим в коридор. Моя комната выглядит точно так же, как в последний раз, когда я сюда заходила. Я надеваю куртку и штаны для катания поверх термобелья. И также носки для сноубордических ботинок, стараясь не смотреть на мои мозоли. В животе урчит.

– Страшно хочется кофе, – говорю я.

– Электричество опять дали.

– Правда?

Кертис щелкает выключателем, чтобы показать мне: свет есть.

– Но почему...

– Или им самим оно нужно, или они с нами играют.

Мы переглядываемся. Его сестра любила играть с людьми.

Мне требуется вся моя сила воли, чтобы постоянно не думать о боли в колене. Я стараюсь сосредоточиться на другом.

– Так какой у нас план?

Вот что мне нравится в Кертисе: я знаю, что у него точно есть план.

– Идем искать Дейла, но быстро. Потому что если он провел ночь на улице...

– Все понятно.

– Потом выясняем, можешь ли ты спуститься со склона. Если нет, разделяемся. Двое едут вниз, а двое остаются ждать здесь, пока запустят подъемник.

С этой идеей связана очевидная проблема. Ехать вниз придется Кертису и Brentу, а нам с Хизер придется остаться. Но мы ведь до сих пор не уверены, имеют ли они с Дейлом отношение к организации всего этого.

– Или я могу поехать вниз один, – предлагает Кертис.

– Нет. Ни в коем случае.

По такой местности можно ездить только с напарником, потому что тут подстерегают все виды угроз. Расщелины, лавины, скалы. Снежный покров не сплошной, а кусками, иногда из него торчат острые камни, а если налетит буря, Кертис вообще не сможет видеть дорогу. Плюс ко всему мы не знаем, кто может подстергать его там. Если он попадает в беду, то об этом никто из нас не узнает.

Я надеваю коленный бандаж поверх спортивных штанов.

– Я смогу спуститься.

– Но по крайней мере, поисками займемся мы с Brentом.

– Нет, я пойду с тобой.

– Хорошо, – кажется, Кертис чувствует облегчение. – Но нам нужно трогаться в путь поскорее, чтобы буря не застала нас на полпути.

Я опускаю свои несчастные ноги в сноубордические ботинки, как можно меньше сгибая больное колено. Стельки внутри влажные и ледяные – вчера вечером ботинки следовало поставить к огню. Но, по крайней мере, из-за холода я не думаю о мозолях. Я закрепляю страховочный пояс и надеваю на лоб очки. Лавинный датчик все еще лежит у меня в кармане куртки.

Кертис уже в коридоре, стучит в дверь Хизер.

– Эй, это мы.

Дверь открывает Brent, его волосы торчат во все стороны, под глазами темные круги.

– Ты хоть сколько-то поспал? – спрашивает Кертис.

Brent корчит гримасу.

– Давай скажем так: если бы у меня был «Смэш», я бы выпил баночку.

– Разве они не разорились несколько лет назад? – спрашиваю я.

– Разорились, – кивает Brent. – Им следовало улучшить вкус.

– Как Хизер? – спрашивает Кертис.

Brent широко распахивает дверь. Они сделали с матрасами то же самое, что и Кертис – положили их рядом на полу. Хизер лежит, свернувшись калачиком, на ближайшем к двери. Ее лицо залито слезами и его искажает мука, она обнимает себя руками поверх одеяла. Brent положил матрасы таким образом, чтобы он мог ее обнимать? Я тронута, тем не менее не удивлена. Brent на самом деле очень милый

парень. И возможно, он испытывает к ней более сильные чувства, чем ее муж, по крайней мере, в нем точно больше нежности.

Хизер открывает глаза. И снова их закрывает, когда видит, что это только мы. Она отворачивается, чтобы смотреть в другую сторону.

Кертис жестом приглашает Брента выйти в коридор.

– Она вообще спала?

– Нет, – Brent говорит гораздо тише. – Она в жутком состоянии. – Он трет глаза. – Так какие у нас планы?

– Приближается буря. Быстро поищем Дейла и убираемся отсюда. – Кертис бросает взгляд на меня. – Если Милла считает, что ее колено выдержит.

– Выдержит, – заявляю я.

Брент смотрит на меня с сомнением.

– Путь долгий, – задумчиво произносит он. – А что делать с Хизер?

Мы с Кертисом переглядываемся. Проклятье. Мы снова возвращаемся к тому, с чего начали. Но наверное, теперь она сможет воспользоваться сноубордом Дейла, хотя это и будет нелегко.

Брент проверяет, работает ли выключатель.

– Электричество дали. Как насчет того, чтобы посмотреть, что там с компьютерами?

– Явно потребуется пароль, – заявляет Кертис.

– Но попробовать-то стоит, – не отступает Brent. – Если мне удастся войти в систему, я пошлю сообщение на курорт, и они запустят подъемник.

– Рискованно идти туда одному, – вмешиваюсь я. – Нам нужно держаться вместе. И Хизер здесь одну нельзя оставлять.

– Я возьму ее с собой. И топор, – добавляет Brent.

– Хорошо, – кивает Кертис. – Мы вас найдем. Но будь осторожен, ладно?

Мы с Кертисом подхватываем наши сноуборды. Он держит сноуборд в одной руке, а отвертку в другой и помогает мне двигаться по коридору.

– Нам нужно что-то съесть, – заявляет Кертис и заводит меня в ресторан. – Сядь. Что ты хочешь?

Я уже хочу возразить, но лишь устало вздыхаю. Я провела на ногах не больше пяти минут, но мне кажется, что колено раздуло еще

сильнее, а мне нужны силы и энергия для того, чтобы преодолеть долгий спуск.

– Принеси что-нибудь, чем можно быстро закусить.

Олень все так же злобно смотрит в ресторан. Я не могу этого вынести. Я хромаю к камину, надеясь, что голова не прикручена болтами. Когда я подхожу ближе, я вижу, что у оленя разные глаза. Один блестящий темно-коричневый, а второй черный, словно глаз, который был вставлен изначально, сломался, и его заменили на то, что было под рукой, но неудачно. Я берусь за деревянную планку с обеих сторон. Отлично: она двигается. Из-за нее вылезает что-то черное, змеится. Провод. Примерно на уровне левого оленьего глаза.

И снова мне кажется, что у меня под ногами качаются доски пола. Я смотрю в черный глаз. Это именно то, что я думаю?

Глава 54

Десять лет назад

Одетта сжимает и разжимает пальцы в спортивных перчатках цвета лайма.

– Она всю зиму тренировалась, готовилась к этим соревнованиям. Так где же она?

Одетта так расстроена из-за отсутствия Саскии, что трудно поверить в результат последнего заезда. Она получила девять и четыре!^[48] Она продолжает так смотреть на меня, будто чувствует, что я знаю больше, чем говорю. Она не должна узнать, что я сделала.

Я не могу поверить в то, что Саския так и не появилась. Сегодня утром я зашла слишком далеко. Я размышляю о том, в каком она была состоянии, когда ушла из моей квартиры. Кертис сидит на снежной насыпи сбоку. Одетта снова идет к нему, чтобы начать задавать вопросы.

Брент тоже не появился. Почему? Пожалуйста, пусть это будет не из-за меня. Я смотрю мужские полуфиналы, но на самом деле ничего не вижу. Одетта спешит назад, качая головой.

– А сейчас девушки собираются наверху хафпайпа у разгонной рампы для участия в финале! – Голос комментатора звучит так, словно он выпил на завтрак несколько банок «Смэша» – или он обучался своему ремеслу во время конных забегов.

– Клер Доннахью выступает в красном, Одетта Голин в зеленом, Милла Андерсон в голубом...

Я не знаю, как попала в финал. Я все делаю на автопилоте.

– Ты собираешься делать крипплер? – спрашивает Одетта.

Четыре другие девушки смотрят в мою сторону.

– Вероятно, – отвечаю я.

Одетта оглядывает склон, она даже сейчас пытается найти глазами Саскию.

– Она должна была участвовать! Ты что-то знаешь, Милла? Если знаешь, пожалуйста, скажи мне.

Могу ли я надеяться, что Брент и Саския будут держать язык за зубами? Брент – может быть. В Саскии я совсем не уверена. Может,

мне, по крайней мере, следует сказать Одетте, что я видела ее сегодня утром. Потому что если это станет известно позднее, то будет выглядеть подозрительно.

– Вчера вечером... – открываю рот я.

– Одетта Голин! – надрывается комментатор.

О, проклятье! Как она неудачно выбрала время. А может, как раз удачно, потому что мне не пришлось отвечать.

– Что? – спрашивает Одетта.

– Я тебе потом расскажу.

– Что расскажешь?

Теперь она выглядит обеспокоенной. Мне не следовало ничего говорить.

– Иди.

Она неохотно поворачивается и проверяет крепления. Качает головой, словно пытается ее прояснить. И въезжает в хафпайп.

– Мощный тэйл-грэб! – кричит комментатор после ее первого вылета. – И чистое приземление!

Одетта на скорости несется к противоположной стене, взмывает в воздух и выполняет флип, переворачиваясь вниз головой.

Но не успевает его докрутить. И ударяется о край хафпайпа. Лицом.

Я резко вскрикиваю, такой же крик вылетает из глоток большинства зрителей, но это еще не самое худшее. Самое худшее впереди. Ее тело все еще остается над головой – стоит прямо, как свечка. И начинает наклоняться не в ту сторону.

На это даже больно смотреть. Я понимаю, что должно сейчас произойти, но ничего не могу сделать, только оставаться на месте. Я сжимаю пальцы в кулаки, когда ее бледная шея отклоняется назад под невозможным углом. А потом ее тело опрокидывается и соскальзывает по стене на основание хафпайпа.

– Ооох! Ужасное падение Одетты Голин! – орет комментатор.

Глава 55

Наши дни

Кертис заходит в ресторан, держа по банану в каждой руке.

– Это подойдет? – спрашивает он.

Я прижимаю палец к губам. Он смотрит на оленью голову и хмурится. Я молча показываю ему, как тонкий кабель проходит по стене между деревянных панелей, потом над каминной полкой, а оттуда к розетке над плинтусом.

– Это камера? – спрашиваю я шепотом. Наверное, глупо сейчас шептать, но я почему-то чувствую, что это необходимо. Если кто-то за нами наблюдает, то они уже видели, как я приподнимала голову и провод.

– Вероятно.

– Со звуком?

– Вполне может быть.

Кертис берется за деревянную планку, явно испытывая искушение сорвать ее со стены, хотя в конце концов оставляет ее висеть там, где висела, и тянет меня к двери.

Я склоняюсь поближе к нему.

– Обычная камера видеонаблюдения ведь не была бы так спрятана, да?

– Нет, не была бы.

– Как ты считаешь: а еще есть?

Он закрывает глаза.

– Могут быть везде, где угодно. По всему зданию. За нами могут следить с помощью ноутбука, телефона, еще какой-то техники.

– Но зачем?

– Пока у меня нет ответа на этот вопрос. Но я догадываюсь, почему они снова включили подачу электричества. Вероятно, работа аккумулятора рассчитана только на несколько часов. – Кертис подхватывает свой сноуборд. – Пошли. Чем быстрее закончим поиски, тем быстрее сможем убраться отсюда.

– А Брента не следует предупредить?

Кертис прикусывает губу.

– Он должен знать. – Даже если Кертис не доверяет Бренту, я сама доверяю. Наверное.

Кертис вручает мне бананы.

– Жди здесь. Я сейчас вернусь.

Он бежит трусцой по коридору со сноубордом под мышкой. Я продолжаю путь по коридору, мимо шкафчиков для лыж к главному входу. По пути я очищаю бананы. Мне хочется посмотреть, что с погодой с этой стороны здания.

Стеклянная панель снаружи покрыта инеем. Я опускаю сноуборд на пол и достаю перчатки из кармана.

Ко мне бежит Кертис.

– Я же велел тебе меня подождать! Почему ты никогда меня не слушаешь?

– Я знала, что ты меня догонишь, – отвечаю я.

Он покраснелся.

– Я пытаюсь сделать все возможное, чтобы мы отсюда выбрались целыми и невредимыми. Но мне нужно знать, что ты будешь делать то, что я скажу.

– Ты скажешь «прыгай», и я должна буду прыгнуть? Ты это имеешь в виду?

Сейчас не время и не место для этого разговора, но я не могу сдержаться.

Я вижу, как сжимается его челюсть.

– Да. Иногда.

– А если я тебе скажу «прыгай», ты прыгнешь?

Судя по выражению его лица, ему никогда не приходило в голову, что так могут вести себя оба партнера.

– Ладно, твоя взяла, – говорит он более мягким голосом.

Я сую ему второй банан.

– Я тебе поверю, когда увижу, как ты это делаешь, – говорю я.

Мы впиваемся зубами в бананы, наблюдая друг за другом. Когда я доедаю банан, я бросаю шкурку на верх ряда шкафчиков, вытираю руки о свои спортивные штаны и целую Кертиса в щеку. Он ловит мои руки и целует меня по-настоящему. Мы отделяемся друг от друга и смущенно смотрим друг на друга. Наша первая ссора.

Мы надеваем лавинные датчики и перчатки. Лавинный датчик Дейла валяется на полу рядом с его оранжевыми очками от Oakley. Я

стараюсь на них не смотреть.

Кертис держит отвертку в руке наготове и толкает дверь. Сильный порыв ледяного ветра толкает нас назад, словно не хочет, чтобы мы выходили из здания. Мы наклоняем головы и выходим наружу.

Перед нами простирается огромный ледник Дьябль. Мы с Кертисом – два цветных пятна на фоне черно-белого пейзажа. Я чувствую себя незащищенной. Судя по тому, как Кертис сжимает отвертку, он чувствует себя точно так же.

От наших сноубордов нет никакого толку при движении по ровной поверхности, поэтому мы оставляем их у стены так, чтобы мы могли их видеть.

– Давай быстро сделаем круг, – предлагает Кертис. Из рта у него вылетает пар. – Держись рядом со мной.

Снег хрустит под ногами, когда я хромаю вверх по склону позади него. Воздух здесь особенно холодный. Я надеваю капюшон и опускаю подбородок, чтобы прикрыть его воротником. Поиски кажутся бессмысленными. Если бедный Дейл провел здесь всю ночь, то замерз уже несколько часов назад. Он должен быть мертв.

– Ветер усилился, – кричит Кертис, когда налетает очередной порыв и буквально отбрасывает нас в сторону.

Облака висят низко, солнце напоминает горящий белый шар, который пытается прорваться сквозь тучи. Бесполезно. Солнце проиграло это сражение – темные тучи надвигаются с востока. Скоро пойдет снег: я чувствую влагу на щеках.

Мы проходим мимо гаражей, в которых стоят ратраки, и дергаем каждую дверь по очереди, но все они заперты. И сараи тоже. Мои чувства обостряются. Дейл где-то здесь? И кто-то еще? Я бросаю взгляд через плечо, но никого нет.

Колено пульсирует. Ветер сдувает верхний слой снега, кружит его у нас на пути, и от этого мы плохо видим куда идем и на что наступаем.

Кертис замедляет шаг.

– Ты что-то замолчал, – замечаю я.

Он останавливается. Поворачивается.

– Почему ты пришла ко мне прошлой ночью, а не десять лет назад?

О боже. Но он имеет право спросить. Я пытаюсь подобрать слова.

– У меня были к тебе чувства тогда, но они...

Проклятье! Как это тяжело сказать вслух.

– Я знал, что ты ко мне что-то чувствуешь, – говорит он. – И я тоже был к тебе равнодушен.

Я делаю глубокий вдох.

– Я не хотела, чтобы отношения с тобой наложили отпечаток на мои тренировки, на то, чего я хотела добиться.

Он переваривает услышанное.

– Понятно, – кивает он.

– А ты хотел бы?

Он отвечает не сразу. Единственный звук, который я слышу, – это завывания ветра.

– Не знаю, – наконец признается Кертис. – И мне не представился шанс это выяснить.

Я чувствую ком в горле.

– А сейчас? – спрашивает Кертис. – Теперь ты можешь впустить меня в свою жизнь?

Я сглатываю.

– Надеюсь. А ты меня?

Он приподнимает очки и смотрит на меня таким взглядом, что у меня ноги подкашиваются.

– Да.

Если бы не было так холодно, я бы покраснела. Я не могу сдержать улыбку, и он тоже.

Кертис опускает очки.

– Давай лучше поскорее с этим закончим, – говорит он хриплым голосом.

Мы идем вверх по склону. Мне следует рассказать ему про нас с Саскией, но что именно я могу ему сказать? Как все это началось? Это была извращенная попытка нанести ей удар, из которой ничего не получилось. Мне придется объяснять, что, по крайней мере, для меня эта попытка превратилась в нечто другое. Я много думала об этом на протяжении всех этих лет и до сих пор пытаюсь понять, что же тогда произошло.

Я никогда раньше не встречала никого похожего на Саскию и, вероятно, никогда больше не встречу. Да, с ней многое было не так, но в ней также было и много черт, достойных восхищения. Сила

характера, смелость. Ей не требовалось, чтобы ее любили, она не стремилась нравиться и поэтому нравилась мне. Может, даже я ее любила. Каким-то образом.

Именно поэтому я оказалась с ней в постели? Или все-таки дело только в физическом влечении? Спортсмены любят проверять, на что способно собственное тело, узнавать новые ощущения. Если ощущения понравились, мы продолжаем это делать. А мне было хорошо с ней. Я могу рассказать это ее брату?

– Расщелины. – Голос Кертиса резко возвращает меня в настоящее.

Мы продолжаем путь очень осторожно. Темные вершины скал смотрят на нас сверху вниз, словно знают что-то, чего не знаем мы. Я сжимаюсь и морально готовлюсь к тому, что мы можем найти, и заглядываю в первую ледяную бездну. Ничего. Я с облегчением выдыхаю и слышу, как Кертис делает то же самое.

Мы направляемся назад вниз по склону и теперь идем направо, вдоль скал к «черной» трассе, которая спускается вниз в долину. Я сомневаюсь, что Дейл зашел бы так далеко, но Кертис показывает на еще одну расщелину впереди. Ветер с такой силой ударяет по мне, что я теряю равновесие.

Кертис идет все медленнее, когда приближается к расщелине. И резко останавливается.

У меня все сжимается внутри.

«Нет. Пожалуйста, нет!»

Глава 56

Десять лет назад

Одетта лежит на основании хафпайпа. Люди бегут к ней. Я неотрывно смотрю на нее и мысленно прошу пошевелиться.

– Милла Андерсон выступает следующей, – объявляет комментатор, но гораздо тише, чем раньше. – Но соревнования приостанавливаются, пока мы не поймем, что с Одеттой.

Я хочу спуститься вниз к ней, но меня вызовут на старт, как только все люди покинут хафпайп.

Кто-то из организаторов что-то говорит в рацию, и вскоре я вижу, как двое мужчин на лыжах спешат к хафпайпу от промежуточной причальной платформы и тянут за собой большие сани. Их официально называют санитарной повозкой, но есть и другое название – кровавый фургон. Я наблюдаю за тем, как осматривают Одетту. Это все – моя вина. Если бы я по глупости не открыла рот, Одетта никогда не упала бы. Я отвлекла ее в тот момент, когда ей нужно было сосредоточиться.

Мужчины пристегивают ее ремнями к носилкам, готовясь загрузить на сани. У меня к горлу подступает тошнота. Если бы я не провела ночь с ее подругой, она не упала бы. Я должна пойти к ней. Я съезжаю вниз по центру хафпайпа.

У нее из носа идет кровь. Я предполагаю, что она его сломала. Мужчины заняты, поэтому я снимаю перчатку, ищу в кармане салфетку и прижимаю ее к лицу Одетты, чтобы остановить кровотечение.

У Одетты дрожат ресницы, потом она открывает свои серые глаза.

– Я не могу двигаться.

В ее голосе слышится паника. И говорит она странно – слова произносит так, словно у нее вата во рту.

– Тебе больно? – спрашиваю я.

– Нет. Я вообще ничего не чувствую. Не могу пошевелить ногами.

– Не беспокойся. Они пристегнуты ремнями.

Я делаю шаг назад, чтобы ей на шею могли надеть специальный воротник. Мне нужно возвращаться наверх, но Одетта не отпускает

мой взгляд, она цепляется за меня глазами так, словно я – то единственное, что не даст ей упасть в пропасть.

Мужчины ей что-то говорят, но кажется, что она их не слышит.

– Я не могу пошевелить руками.

– Они тоже привязаны ремнями, – говорю я. – Просто расслабься.

Мужчины переговариваются по рации.

Ресницы Одетты дрожат, словно крылья попавшей в силки птицы.

– Мои пальцы. Они тоже привязаны?

Я смотрю на ее тело. Ее руки, одетые в зеленые перчатки, неподвижно лежат с обеих сторон.

Свободные от ремней.

Глава 57

Наши дни

Там, в глубине, во льду лежит Дейл. Он лежит на спине, лицо у него серое, глаза закрыты. Он неподвижен, как мраморная статуя.

Кертис ругается себе под нос.

До Дейла, вероятно, метров двадцать. Он умер сразу же или ему пришлось там лежать с ушибами и переломами после падения с такой высоты, а его криков о помощи никто не слышал? И он медленно замерз до смерти? Узнать невозможно.

У Кертиса опускаются плечи.

– Нам следовало его найти, – говорит он.

Я касаюсь его рукава. Даже если бы они с Brentom нашли Дейла вчера вечером, и он каким-то чудом выжил после этого падения, они не смогли бы его отсюда вытащить. Я не знаю способа, которым это можно было бы сделать.

– Вы сделали все что могли.

Кертис хватается руками за голову.

– У нас были разногласия, но... Боже.

Я медленно выдыхаю и поворачиваюсь к зданию.

– Нам нужно сообщить Хизер.

«Как я ей скажу? Она же полностью расклеится».

– Милла, – резко произносит Кертис. – Не двигайся.

Я замираю, уже подняв ногу для того, чтобы сделать шаг.

– Что?

– Стой, где стоишь.

Мое сердце судорожно бьется в груди. Я медленно поворачиваю голову.

Кертис сидит на корточках на снегу рядом с расщелиной, в одной руке у него отвертка, в другой кусок чего-то тонкого и белого.

– Что это такое? – спрашиваю я.

– Полистирол.

Он отбрасывает кусок, который держал в руках, в сторону, запускает руку в снег и достает еще один с неровными краями.

Волосы встают дыбом у меня на затылке. Я моргаю, пытаюсь понять, в чем тут дело. Есть только одно объяснение, которое приходит на ум, и я не хочу его принимать.

Кертис озвучивает его:

– Это ловушка. Кто-то положил кусок полистирола над расщелиной и еще сверху насыпал тонкий слой снега.

Меня бросает в дрожь.

– Искусственный снежный мост, – доходит до меня. – Если кто-то на него наступит, то провалится вниз.

Смерть Дейла не была случайной.

– Как раз между этим местом и трассой спуска, – говорит Кертис с мрачным видом. – Кто-то не хотел, чтобы мы спустились вниз...

Все происходит так быстро, что я не успеваю среагировать. Снег вокруг Кертиса словно раскрывается, и он проваливается по колено. Он бросается всем корпусом вбок и пытается за что-то ухватиться руками.

Я делаю шаг к нему.

– Нет! – выдыхает он. – Стой там!

И я остаюсь стоять, где стою, беспомощно глядя, как он выкарабкивается из дыры. Он осторожно встает на ноги.

– Проклятье, я потерял отвертку.

Наше единственное оружие теперь валяется внизу в расщелине, превратившись в далекую яркую точку. Но все равно лучше она, чем Кертис. Он очень медленно продвигается ко мне, с опаской ставя ноги на грунт.

Он все еще тяжело дышит, когда добирается до меня.

– Обратно пойдем по нашим следам. Следуй за мной шаг в шаг. Здесь могут быть еще ловушки.

– Погоди, – говорю я. – Давай я пойду первой. Я же легче.

– Делай, что говорю, – рывкает он.

Я вспоминаю, как мы сегодня спорили. Хорошо, пойду за ним. Так я смогу схватить его за куртку, если он начнет падать. Я крепче затягиваю бандаж на колене, так что я готова принять на себя вес Кертиса – насколько я вообще могу быть к этому готова.

Мы еле тащимся. Я проверяю ногой грунт каждый раз перед тем, как опустить на него вес тела, ожидая, что снег может провалиться подо мной в любую минуту.

– Кто, черт побери, мог это сделать? – бормочет Кертис.

– Теперь наконец мы можем перестать подозревать Хизер?

– Не знаю. Что-то происходит между нею и Brentом.

Мне вспоминается одна деталь.

– Вчера вечером в ресторане Хизер что-то сказала, а Brent цыкнул на нее, словно не хотел, чтобы мы это слышали, – с неохотой сообщаю я.

Кертис резко поворачивает голову.

– Я это пропустил. Но я заметил, как они переглядываются. Звучит дико, но может так быть, что они любовники? И захотели избавиться от Дейла?

– Нет, – отвечаю я, не желая признавать, что вчера вечером мне приходила в голову точно такая же мысль. – Они переспали один раз десять лет назад.

– Они вполне могли тайно встречаться после возвращения в Англию. Или могли просто случайно столкнуться в любой день, может, даже после того, как Хизер вышла замуж. И стали встречаться. Может, она боялась того, что сделал бы Дейл, если бы она ушла от него к Brentу. Дейл резкий парень и сильный физически.

«Был», – думаю я, но не произношу этого вслух.

– Я не утверждаю, что «Ледокол» организовали Brent с Хизер, – продолжает Кертис. – Но они могли решить, что у них появился шанс устроить Дейлу несчастный случай.

– Не верю. Brent не стал бы такое делать.

– Может, это была идея Хизер.

– Но устроить такую ловушку... Это безумие.

И предположение Кертиса тоже на грани безумия. Я вспоминаю, как он вчера чуть не сломался, когда мы уловили запах духов его сестры. Он пытается держать себя в руках, но сейчас он находится в диком напряжении.

Затем я вспоминаю, как Дейл угрожал мне вчера утром. Как быстро он мог перейти к физическому насилию. И неизвестно, где был Brent вчера во второй половине дня – примерно в то время, когда исчез Дейл. Все возможно.

– Проклятье, – бормочет себе под нос Кертис.

– В чем дело?

– Топор у них.

Мы продолжаем медленно продвигаться к зданию.

– Если я прав, то мы должны притвориться, будто ничего про это не знаем, или поставим себя в опасное положение. – Кертис начинает говорить гораздо тише по мере приближения к зданию. – Если же я ошибся, то они должны знать, что мы нашли.

– И что ты предлагаешь?

– Нам нужно устроить проверку Brentу.

– Каким образом?

Кертис смотрит назад в сторону ловушки.

– Я могу придумать только одно – отправить его сюда и посмотреть, что он будет делать. Пойдет он сюда или не пойдет? Сразу станет ясно, знает он про ловушку или нет.

– Это очень рискованно.

– Мы должны все выяснить.

Я смотрю на Кертиса в смятении. Я столько раз обижала Brentа, а эта проверка причинит ему еще больше боли.

Кертис показывает на небо. Уже идет снег – падают крошечные снежинки, которые едва ли можно увидеть на фоне белых склонов. Тучи стали темнее по сравнению с предыдущим разом, когда я поднимала голову. Погода здесь очень быстро меняется.

– И нужно сделать это прямо сейчас, – объявляет Кертис. – Потому что приближается буря.

Глава 58

Десять лет назад

Все спортсмены знают о рисках в выбранном ими виде спорта. Мы принимаем меры предосторожности, какие только возможно, а риски заталкиваем в дальние уголки сознания и стараемся о них больше не думать. Если думать о рисках, это повлияет на твоё выступление.

Но когда я вижу Одетту на узкой больничной койке в окружении аппаратуры, вижу трубки и провода, змеями извивающиеся во все стороны из-под одеяла, я понимаю, чем для нас может закончиться сноубординг в хафпайпе.

Фактически за долю секунды сильное и здоровое тело было сломано и оказалось не способно выполнять даже основные функции. Руки и ноги, несмотря на прекрасно развитые, крепкие мышцы, больше не могут двигаться.

Я спускалась вместе с ней в вагончике фуникулера. Мне не позволили забраться в карету «Скорой помощи», поэтому я прыгнула в свою машину и поехала за «Скорой» вниз в долину. Я рада, что снялась с соревнований, иначе рядом с Одеттой никого бы не было. Её братья сейчас находятся на соревнованиях по лыжным гонкам в Австрии, и сотрудники больницы пока не смогли с ними связаться. Её родители уже едут сюда из другого района Франции, но обещают сильные снегопады во всех частях Альп, и это отсрочит их прибытие.

Я смотрю сверху вниз на её неподвижное тело. Её несчастный нос сильно раздуло, он превратился в бесформенную массу, создается впечатление, что ей подбили оба глаза, и синяки становятся все темнее. Но больше всего меня волнуют другие травмы, те, которые я не вижу.

Врачи считают, что она сломала шею.

И только одна мысль крутится у меня в голове: «Это я во всем виновата».

Когда я выхожу из больницы, на улице уже темно и идет сильный снег. Вот вам и весна. Я медленно еду назад в Ле-Роше, дорога идет вверх, да еще здесь резкие повороты. На полпути колеса начинают так сильно скользить, что мне приходится приткнуться к обочине и прикрепить цепи противоскольжения.

Когда я наконец добираюсь до своей квартиры, замерзшая и промокшая, я беру в руку мобильный телефон, который лежит на столе, и вижу десять пропущенных вызовов от Кертиса. Деньги на телефоне закончились, поэтому я снова застегиваю куртку и спешу на улицу. Автомобили на главной улице встали из-за снегоуборочной машины. Двигатели ревут, «дворники» непрерывно работают.

В отдалении я вижу одинокую фигуру, которая направляется в другую сторону. Эту походку я узнаю где угодно.

– Brent! – кричу я.

Он не оглядывается. Он меня не услышал? Или дело в том, что он не хочет со мной разговаривать? Я не могу сказать. Я иду дальше по улице, надеясь, что Кертис еще не спит.

Он резко распахивает дверь, он запыхался. Выражение его лица меняется при виде меня – оно вытягивается.

– Ты видела мою сестру?

– Нет.

– Где ты была?

– В больнице с Одеттой.

У меня промокли ноги. Я сбиваю снег с ботинок и иду вслед за Кертисом в квартиру.

– Как она? – спрашивает Кертис.

Я опять чувствую ком в горле.

– Плохо, – отвечаю я.

Он на мгновение закрывает глаза.

– Как я предполагаю, Саския в больнице не появлялась?

– Нет.

Кертис выражается непечатно.

– Я думаю, что с ней что-то случилось.

– Ты звонил ей на мобильный?

Хотя мало шансов поймать ее по мобильному: как и я, Саския редко берет с собой телефон на склон.

– Не отвечает, – сообщает Кертис.

– Значит, она не появилась на чемпионате Великобритании после того, как я уехала с Одеттой?

– Нет.

На меня накатывает чувство вины. Сегодня утром мне хотелось сделать ей больно. «Надеюсь, что ты сломаешь себе шею». А теперь, похоже, мое желание сбылось. Мне не следовало делать то, что я сделала.

Кертис смотрит на меня с любопытством.

– Что? Ты знаешь, где она?

– Нет.

– Когда ты видела ее в последний раз?

У меня горят щеки.

– Сегодня рано утром. Она ночевала у меня в квартире.

– Да?

Я вижу, как он удивлен.

– Мы последними ушли из бара «Сияние». – Я очень тщательно подбираю слова, потому что мне не хочется врать. – Для разнообразия мы не ругались и все шло очень хорошо. Мы шли вместе по улице и увидели Жюльена перед ее домом. Он что-то написал на ее почтовом ящике.

– Это он написал? – Кертис мрачнеет.

– Да. В общем, я пригласила ее к себе, и в конце концов она осталась ночевать. Она ушла около восьми утра.

– Если Жюльен с ней что-то сделал... – Кертис опять выражается непечатно и тянет руку к куртке. – Я собираюсь нанести ему визит.

Я хватаю его за руку.

– Это не самая лучшая мысль, – говорю я. Я же вижу, что Кертис сейчас в ярости.

Он прищуривается.

– Я серьезно, – продолжаю я. – Еще в тюрьму сядешь за нанесение телесных повреждений. Лучше позвони в полицию.

– Хорошо.

Он вырывает у меня руку и достает телефон.

Я жду, сидя на диване. Он говорит по-французски, поэтому я ничего не понимаю, но, судя по тону голоса, он спорит.

Он опять выражается и отключает связь.

– Они сказали мне, что нужно подождать два дня.

– А другие ее видели? – спрашиваю я.

– Каждый раз, когда я звоню Дейлу или Хизер, Дейл долго и громко возмущается и заявляет мне, что Саския сломала жизнь ему и Хизер, а после этого бросает трубку. С Brentом вообще происходит что-то странное.

– А почему он не появился на соревнованиях?

– Говорит, что вывихнул лодыжку.

Судя по виду, Кертиса одолевают сомнения, как и меня. В этом сезоне Brent получил сотрясение мозга, его долго беспокоила расколотая голень^[49], а потом было еще много мелких травм, и ничто из этого не могло удержать его от катания. Кроме того, он совершенно нормально шел, когда я видела его несколько минут назад.

Так что могло помешать ему принять участие в соревнованиях?

Столько месяцев тренировок! Я и подумать не могла, что все закончится таким образом. Что из всей нашей компании только одна Одетта начнет заезд в финале – и с таким результатом.

Кертис мерит шагами комнату.

– А ты звонил в горноспасательную службу? – спрашиваю я.

– Да, но тогда уже почти совсем стемнело, – отвечает он. – Они связались с администрацией курорта, и выяснилось, что там что-то не так с ее пропуском на подъемник. В компьютере нет данных о том, что она поднималась на гору.

– Но ты же ее видел!

– Ее видели Brent и Хизер. Я видел только ее вещи.

Кертис отводит взгляд в сторону, и я понимаю, что он о чем-то умалчивает.

Он ходит взад и вперед по комнате.

– Что мне делать? Я не хочу, чтобы люди рисковали жизнью, занимаясь ее поисками в темноте, если ее там вообще нет. – Кертис вздыхает и качает головой. – Может, она просто куда-то отправилась. Взбесилась, обиделась – и рванула. С моей сестрой никогда не знаешь точно, чего ждать и что она выкинет.

Глава 59

Наши дни

Кертис хватается за ручку главного входа в «Панораму».

– Подожди, – говорю я. – Я не хочу это делать. Я верю Бренту.

– А я нет, – заявляет Кертис. – Он сейчас не тот парень, которого мы знали десять лет назад. Мы были друзьями, а сейчас он мне даже в глаза не может смотреть.

Я не хочу признаваться в своих собственных сомнениях.

– Но ведь могут быть и другие ловушки. А что, если ты ошибся, и он умрет? – спрашиваю я.

– А если я не ошибся?

Какое-то движение за стеклянной вставкой в двери привлекает мое внимание. Я стираю иней со стекла и вижу Хизер в коридоре.

С топором-ледорубом.

Я быстро приседаю, чтобы меня было не видно за стеклом, и тащу Кертиса вслед за собой. О-о, мое колено! Я хватаюсь за него, сжимая зубы.

– Что? – спрашивает Кертис.

– Я только что видела Хизер с топором.

Кертис немного приподнимает голову, чтобы посмотреть.

– Ты уверена?

Я осторожно заглядываю в окно. Образ стоит у меня перед глазами, но сейчас в коридоре никого нет. У меня появляются сомнения. Я на самом деле ее видела, или я просто схожу с ума в этом месте?

– Уверена.

– Значит, вот как мы поступим. Я осторожно проберусь в здание и посмотрю, что происходит. Ты ждешь здесь. Если увидишь, что по коридору идут Хизер или Брент, ныряешь вон сюда. – Он показывает на боковую стену, где нет окон. – Надо надеяться, что они тебя не заметят.

– Нет, я иду с тобой, – объявляю я.

– Хватит спорить!

– Я – не твоя ответственность. Вчера вечером мне удалось успокоить Хизер, просто поговорив с ней. Надо надеяться, что я смогу сделать это снова.

Кертис что-то бормочет себе под нос, но открывает дверь. Я начинаю стягивать перчатки.

– Нет. Не снимай их, – шепчет Кертис.

Он прав. Я сглатываю, представляя, как за нами по снегу гонится сумасшедшая женщина с топором. Наши сноуборды стоят у двери, прислоненные к стене. Я бросаю взгляд на свой, отмечая про себя, что если придется убегать, то его будет нужно обязательно прихватить с собой. С моим коленом далеко не убежишь, но на сноуборде у меня есть шанс. Если мне каким-то образом удастся преодолеть ровный участок и не попасть в ловушку – или ловушки. Мне нужно будет каким-то образом добраться до склона.

После этого все зависит от роли Brenta в этом деле. Я не могла обогнать Brenta на сноуборде десять лет назад, и, конечно, я не смогу этого сделать сейчас.

Мы на цыпочках идем по коридору. Я слышу голоса.

– Я думаю, что они в комнате с мониторами, – шепотом произносит Кертис. – Я сейчас сделаю круг и подойду с другой стороны. Они этого не ожидают. Только не лезь вперед, хорошо?

Я киваю, хотя совсем не собираюсь выполнять его указания. Кертис идет по правому ответвлению коридора. Я медленно продвигаюсь вперед вдоль шкафчиков для лыж.

– Мы должны найти Дейла. – Хизер не говорит, а визжит. – Почему ты его не ищешь?

– Я же объяснял тебе: его сейчас ищут Кертис и Милла, – отвечает Brent.

– Я тебе не верю. Тебе плевать на Дейла. Я думаю, что ты с ним что-то сделал.

– Боже, Хизер! Опустит топор. Ты меня пугаешь.

– Готова поспорить: они спустились вниз. – Она начинает орать еще громче. – Вы собираетесь оставить Дейла здесь.

Brent продолжает говорить спокойным ровным голосом, нисколько его не повышая.

– Никто не собирается его бросать. Клянусь тебе: Кертис и Милла его ищут, и никуда они не спустились. Я пойду сейчас и помогу им

искать Дейла. Ты этого хочешь?

Кто-то выходит в коридор. Я толкаю ближайшую дверь справа. Слава богу, она не заперта. Я ныряю в комнату так быстро, как позволяет мое колено. Это кладовка, в которой хранятся веревки и страховочные пояса. Я выглядываю в щель.

Брент с Хизер направляются в эту сторону. Брент идет первым, Хизер сразу за ним с топором. Я приоткрываю дверь еще на пару сантиметров. У Брента при виде меня округляются глаза. Он слегка машет рукой, показывая, чтобы я скрылась назад, а потом бросает нервный взгляд через плечо на Хизер. Я скрываюсь за дверью, пока Хизер не пройдет мимо, и снова выглядываю, чтобы посмотреть, куда они двинутся по коридору.

Брент открывает главный вход, и в коридор со свистом влетает ветер.

– Я их не вижу, – объявляет Хизер, размахивая топором. У нее непредсказуемые движения, как будто она сама не знает, что сделает, пока не сделает этого.

Брент отступает назад. Я задерживаю дыхание. Я боюсь за него.

– Они могут быть за гаражами, – высказывает предположение он.

Хизер выходит на улицу. Как она пойдет на своих высоких каблуках?

– Тебе нужно надеть шарф и перчатки, – говорит Брент. – Сейчас я сбегаю и принесу их тебе.

Хизер не спорит. Брент закрывает за ней дверь и бежит трусцой по коридору по направлению ко мне.

– Она не понимает, что происходит, – говорит Брент. – Утратила связь с реальностью. Ты слышала, что она несла?

К нам бежит Кертис.

– Все в порядке, – кричу я ему.

Он добегает до нас, тяжело дыша, и я ввожу его в курс дела.

– Она думает, что я что-то сотворил с Дейлом, – сообщает Брент. – Что мне делать? Для нее небезопасно оставаться там одной.

Я смотрю прямо в глаза Кертису. Брент на нашей стороне. Мы должны рассказать ему про ловушки. Кертис в замешательстве.

– Дейл мертв, – наконец объявляет он.

– Что? – у Брента широко раскрываются глаза. – Как он умер?

– Упал в расщелину.

Кертис внимательно смотрит на лицо Брента. Он явно все еще в нем не уверен.

– Проклятье, – говорит Брент.

Я проверяю коридор, чтобы удостовериться, что Хизер не вернулась.

– А что с компьютерами? – спрашиваю я. – Что-нибудь получилось?

На лице у Брента появляется беспокойство.

– Нет. Но вам нужно кое-что увидеть.

Он еще раз бросает взгляд на главный вход, словно не зная, чем заняться в первую очередь, затем ведет нас на пост управления.

Он кивает на мониторы. Я задерживаю дыхание. Я ожидала, что на подавляющее большинство экранов будут выводиться виды с горы – то, что попадает в объективы развешанных на улице камер. Но склоны можно увидеть только на двух мониторах. На остальных – изображение внутренних помещений в этом здании. Банкетный зал, кухня. И спальни.

Я смотрю на скомканные простыни на кровати Кертиса, и мне становится не по себе.

– Это твоя комната.

– Я знаю, – говорит Кертис с ничего не выражающим лицом.

Они видели, как мы... Свет был выключен, но, может, там каким-то образом пристроены приборы ночного видения? Я заставляю себя об этом не думать.

– Кто это все устроил?

– Понятия не имею, – отвечает Брент.

Я вспоминаю, что он до сих пор не знает, что нас пригласил Кертис, и на меня опять накатывает чувство вины.

– Может ли это быть кто-то, кроме моей сестры? – спрашивает Кертис. Его голос звучит устало.

– Я думаю, что за всем этим стоит Жюльен, – высказывает свое мнение Брент.

Я задумываюсь об этом на секунду. Когда я в последний раз видела Жюльена с Саскией, он был в ярости. Он злился на нее за то, что она его отвергла, и я просто не могу придумать причину, которая привела бы к такому повороту на сто восемьдесят градусов. Кертис открывает рот, чтобы что-то сказать.

Я замечаю кровь на запястье у Брента.

– Вот черт! У тебя рука кровоточит, – говорю я.

Вероятно, Хизер случайно задела его, дико размахивая топором во все стороны.

Брент опускает взгляд вниз. И начинает заваливаться на бок.

Кертис подхватывает его как раз вовремя.

– Он теряет сознание при виде крови. Но ненадолго. – Кертис усаживает Брента на стул. – Давай просыпайся.

У Кертиса меняется выражение лица. Я понимаю, куда он смотрит. На экранах Хизер. Идет прямо к расщелине.

Я бросаюсь к двери. Боль пронзает мое колено.

– Подожди! – резко кричит Кертис.

Что-то движется в нижнем левом углу экрана. Еще одна фигура в светлой одежде, которая почти сливается со снегом. Я замираю на месте.

– Кто это, черт побери? – орет Кертис.

Брент приходит в сознание. Поднимает голову.

Фигура движется спиной к нам, на ней куртка с поднятым капюшоном. Непонятно, мужчина это или женщина, но он или она маленького роста – лишь немного выше Хизер. Хизер съеживается, топор выскальзывает у нее из руки. Они о чем-то говорят, и, судя по тому, что мы видим, спорят возбужденно и эмоционально, потом Хизер отступает, пытаясь прикрыться руками.

Неизвестный нам человек поднимает руку, показывая Хизер, куда идти.

Боже! Как раз там находится ловушка. И Хизер о ней явно ничего не знает, потому что идет в том направлении, которое ей указали.

«Нет, Хизер! Ни шага больше!»

Я с тревогой поворачиваюсь к Кертису.

– Мы должны остановить ее.

– Не успеем, – отвечает он уныло и мрачно, когда Хизер делает еще один шаг.

– СТОЙ! – кричу я, но, конечно, она меня не слышит.

Еще один шаг. И Хизер проваливается в снег.

Все. Вот так просто.

Я моргаю, я едва ли могу это осознать.

Брент поднимается на ноги.

– Нет, – Кертис хватает его.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает Brent, пытаюсь вырваться и прорваться к двери. – Мы должны ей помочь.

– Мне очень жаль, – говорит Кертис. – Но у нее не было шансов выжить после такого падения.

Brent опять пытается вырваться.

– Отпусти меня, черт тебя побери. Мы не можем сидеть здесь и ничего не делать.

Падение Хизер опять прокручивается у меня в голове, словно перемотку заело, и одни и те же кадры повторяются снова и снова. Кертис с Brentом дерутся. Я сжимаю кулаки, дышу неровно, хватаю ртом воздух. Хотя Кертис прав. Мы видели глубину той расщелины. Сейчас нам нужно прекратить думать о несчастной Хизер и сосредоточиться на том положении, в котором мы оказались, или мы последуем за ней.

– Кто *это*? – спрашивает Кертис, глядя на экран поверх головы Brentа.

– Ублюдок Жюльен, – говорит Brent, голос которого звучит приглушенно, потому что он уткнулся лицом в плечо Кертиса. – Должен быть он.

– Жюльен мертв, – сообщает Кертис, не сводя глаз с экрана. – Он погиб в автомобильной аварии в прошлом году. Я читал об этом в...

Он издает сдавленный крик.

Я смотрю на экран и понимаю почему. Фигура в капюшоне поворачивается к нам.

Чтобы показать развивающиеся волосы. Цвет: платиновый блонд.

Глава 60

Десять лет назад

Прошло четыре дня после несчастного случая с Одеттой. Мне ничуть не легче смотреть на все эти трубки и провода, выходящие из ее тела, но я приезжаю в больницу каждый день, чтобы ее навестить. Это самое меньшее, что я могу сделать. Она попала сюда из-за меня. Если бы не я, то Саския участвовала бы в соревнованиях, а Одетта не упала бы.

Она так пока и не может двигать ни руками, ни ногами. Она сломала шейный позвонок С2. Самый худший вариант повреждения позвоночника. Врачи ждут результаты томографии, чтобы узнать, насколько серьезно поврежден спинной мозг.

Я глажу ее по тыльной стороне ладони, хотя знаю, что она ничего не чувствует.

– Где Саския? – спрашивает она. Это первое, что она всегда спрашивает у меня.

– Мне очень жаль, но я не знаю, – отвечаю я.

Горноспасательная служба прекратила поиски сегодня днем, но я не могу сказать об этом Одетте. Исчезновением Саскии теперь занимается полиция.

– Кертис сказал, что сюда прилетят их родители, – говорит Одетта.

– О, он приходил тебя навестить? Да, они приехали вчера и присоединились к поискам.

Я встретила с ними сегодня днем, когда заходила к Кертису, чтобы узнать новости. Мне хотелось бы познакомиться с ними при других обстоятельствах.

К кровати Одетты подходит врач. Судя по его мрачному выражению лица и по тому, как он держит перед собой доску-планшет с зажимом для бумаг, словно пытаюсь закрыться им от нас, как щитом, я чувствую, что новости безрадостные.

Врач что-то говорит Одетте на французском. Parents. Он спрашивает, где ее родители. Они пошли в столовую перекусить. Я

предполагаю, что именно это Одетта и говорит ему, потому что он собирается выйти из палаты. Он подождет возвращения ее родителей.

Одетта кричит, и он останавливается в дверном проеме. Она хочет узнать новости. Я тоже хотела бы, если бы лежала на ее месте. Отчаянно хотела бы.

Врач возвращается к ее постели.

– Мне выйти? – спрашиваю я.

Одетта бросает взгляд в мою сторону.

– Нет. Останься.

Врач смотрит на свой планшет с бумагами, словно пытается хоть как-то отсрочить неизбежное. Наконец он начинает говорить очень тихим и серьезным голосом.

И лицо Одетты меняется точно так же, как сегодня днем менялось выражение лица у Кертиса и его родителей. Врач хлопает Одетту по руке и говорит что-то еще.

Одно-единственное слово срывается с губ Одетты. Потом она их плотно сжимает и закрывает глаза. Врач кивает и идет мимо меня к двери.

Губы Одетты дрожат так, словно какой-то ужасный звук пытается вырваться из ее горла. По распухшей синей щеке скатывается слезинка. Я стою рядом, не представляя, что сказать. Нет смысла спрашивать, все ли с ней в порядке, потому что ясно: не в порядке.

– Уйди, – произносит она сквозь стиснутые зубы.

– Хорошо. Я приду завтра.

– НЕТ. Не приходи больше.

– Что ты говоришь?

Одетта снова закрывает глаза.

Я бегу по коридору за врачом.

– Что вы только что ей сказали?

Врач оборачивается и мнетя. Его определенно ставит в тупик дилемма, которую я собой представляю. Если он переведет на английский прогноз, который я только что слышала, это будет нарушением врачебной тайны?

Его отвлекает писк пейджера. Он бросает взгляд на него.

– Простите, – говорит он на английском и добавляет уже на бегу: – Со временем у нее могут восстановиться некоторые функции верхних конечностей, но она больше никогда не сможет ходить.

Глава 61

Наши дни

– Проклятье! – Кертис опускается на пол в комнате с мониторами. – Твою мать!

– Это не твоя сестра, – заявляет Brent.

Предостерегающий звоночек звенит у меня в голове. Откуда он может это знать?

Кертис побледнел, он неотрывно смотрит на фигуру на экране.

– Десять лет, черт побери! Как она могла с нами так поступить? С мамой?

– Послушай, братишка, – напряженным голосом говорит Brent. – Кто бы это ни был, это не Саския.

Почему он так в этом уверен?

– Она ни разу даже не попыталась связаться с нами, – бормочет Кертис. – Где она была все это время?

– Ты не слушаешь! – орет Brent. – Говорю тебе: это не Саския!

Отчаяние в его голосе заставляет нас молча уставиться на него. В комнате воцаряется тишина. Ужасающее предчувствие словно стискивает мне грудь, и каким-то образом я догадываюсь, что сейчас скажет Brent. Я прочитала это у него в глазах две ночи назад.

И он говорит это:

– Потому что я убил ее.

Голова Кертиса резко дергается, и он переводит взгляд с Brentа на экран.

– Что? Нет. Это она.

Я смотрю на экран. Женщина определенно похожа на Саскию. Но все-таки...

Brent опускается на колени рядом с Кертисом.

– Мне очень жаль, братишка, – произносит он надтреснутым голосом.

Кертис смотрит то на Brentа, то на экран. Я могу понять, в каком он сейчас смятении. Одна его часть пытается переварить то, что только что сказал Brent. Другая его часть хочет верить, что на улице сейчас

находится его сестра, живая и здоровая, хотя он в ужасе от того, что она натворила.

И что это означает. Исчезнуть на десять лет, а потом вернуться, чтобы сотворить все это с нами, могла только психопатка.

Но ведь Саския и на самом деле ненормальная?

Брент склоняет голову.

– Мне так... Прости. – Он сглатывает.

Фигура на экране делает шаг вперед и исчезает из вида. Она идет к нам. Я хочу все услышать, но она – кто бы она ни была – может появиться здесь в любую минуту.

– Нам нужно идти, – говорю я.

Но куда?

Съехать вниз. Это лучший вариант. И надеяться, что мы сделаем это быстрее ее. Боль опять пронзает мое колено и напоминает мне о том, что воплотить эту идею в жизнь будет проблематично. Я дергаю Кертиса за рукав.

– Мне нужен спортивный тейп, про который ты говорил. Сейчас.

Кертис не двигается с места, и я не знаю, слышал ли он меня вообще.

– Рассказывай, – говорит он Бренту.

Брент смотрит на Кертиса, в его глазах боль и мука. Голос дрожит, руки тоже дрожат.

– Утром перед соревнованиями я пришел в квартиру Миллы. И застал ее в постели вместе с твоей сестрой.

Кертис поворачивается ко мне. Он шокирован.

О боже. Он все-таки узнал об этом и, вероятно, самым худшим образом из возможных.

– Я шел по улице, словно в тумане, – продолжает Брент. – Саския догнала меня через несколько кварталов. Она смеялась. Знаете, что она сказала? – Он делает глубокий вдох, продолжая дрожать. – «Милла была удовлетворена впервые за всю зиму».

– Это неправда, – говорю я.

Я прекрасно могу представить, как Саския это сказала. Она поклялась поквитаться с Брентом за то, что он унизил ее в вагончике фуникулера, и тут она получила прекрасную возможность. Страдания Брента могли ее только позабавить. И она была готова поглубже

запустить коготки, посмотреть, не удастся ли принести ему еще больше боли.

– «Как тебе ощущения? Тебя бросили ради девушки», – продолжает пересказывать Brent, сжимая кулаки.

– Ничего подобного я не делала! – протестую я.

Но сейчас не время с этим разбираться. Мы не можем себе это позволить. Я выглядываю в коридор. Никого. Я закрываю дверь, но не могу ее запереть. Проклятье.

– Дело не в том, что ты променяла меня на девушку, – объясняет Brent. – А на нее. После всего того, что она с тобой сделала. После того, что она устраивала всем нам. Ты очень много для меня значила, а ты вместо меня выбрала своего злейшего врага. Что я должен был почувствовать? А она все злорадствовала. – Brent смотрит на свои руки так, словно они принадлежат другому человеку. – В следующее мгновение я толкнул ее.

Он больше не может говорить. Сует кулак себе в рот.

И тут до меня доходит. Широкие плечи Brentа теперь постоянно опущены. И вызвано это не тем, что он носит кирпичи.

Несколько секунд единственный звук, который мы слышим, – это сдавленные рыдания Brentа, пока он пытается взять себя в руки.

– Я не хотел, чтобы она пострадала. То есть хотел. Но я не собирался ее убивать. Было скользко. Она поскользнулась и упала на спину, ударившись головой о мостовую.

Он снова сует руку в рот и сильно кусает. Закрывает глаза.

У меня все скручивается внутри. Но в то же время я понимаю, почему он ее толкнул. Бывали случаи, когда мне самой хотелось ее толкнуть. Она пробуждала во всех нас ярость и желание выплеснуть ее физически.

Brent открывает глаза. И смотрит на Кертиса.

– Скажи что-нибудь.

Но Кертис просто сидит на месте, словно не может полностью переварить услышанное.

Я прикладываю ухо к двери. Та женщина идет сюда?

Brent раскачивается из стороны в сторону, наблюдая за Кертисом полными ужаса глазами. Ему трудно говорить, он будто выдавливает из себя каждое слово.

– Она не шевелилась. Я запаниковал. Было всего восемь утра, подъемники должны были открыться только через полчаса. На улице никого. Телефон с собой я не взял, но мы находились как раз перед их с Хизер домом, так что я затащил ее внутрь. Она дышала. Я сказал Хизер, чтобы вызвала «Скорую». – Он замолкает. Переводит взгляд с Кертиса на меня. – Хизер сказала, что меня посадят в тюрьму.

Кертис плотно сжимает челюсти, неотрывно смотрит на Брента.

– Мы... спорили об этом. – Brent сглатывает. – Хизер не спала после драки в баре «Сияние», а Дейл все еще оставался в больнице. Мы сильно поругались. Я вышел из комнаты, чтобы остыть, а когда вернулся, Хизер склонялась над ней. – Он снова замолкает и сглатывает. – И прижимала подушку к ее лицу.

Я хватаюсь рукой за стену. Значит, они сделали это вдвоем. Хизер и Brent.

– Я схватился за подушку. Спросил Хизер, что она, черт побери, делает. Хизер ответила: «Она – чудовище! Посмотри, как она обращается с нами!»

Brent смотрит куда-то перед собой, взгляд у него не сфокусирован. Он как будто снова переживает тот ужас, свидетелем которого стал. Потом он продолжает слабым дрожащим голосом:

– Если она и была жива, тогда она точно умерла.

Brent опускает голову. Мы с Кертисом ждем.

Наконец Brent продолжает свой рассказ.

– Нам нужно было от нее избавиться. Я мог придумать только один способ – поднять ее на ледник и найти расщелину. Вы помните ее большую сумку для сноубордов?

Я слышу, как Кертис громко вдыхает.

Я помню ее голубую сумку на колесиках от Salomon. Как будто видела ее вчера. Саския иногда приходила вместе с ней на гору, когда ей требовалось взять с собой не один сноуборд. Люди часто поднимались вверх с сумками, в особенности во время соревнований. Полезно иметь запасной сноуборд на тот случай, если повредишь основной. Мы обычно спокойно оставляли свои вещи в разных местах на горе, и у меня ни разу ничего не украли.

– Мы закинули ее в эту сумку, – говорит Brent.

Сдавленный крик вылетает из груди у Кертиса.

– Она была на колесиках, но все равно мне было тяжело ее тащить, – продолжает Brent. – И мне требовалась помощь, чтобы открывать двери, да еще ведь были и мои вещи, поэтому я заставил Хизер пойти со мной. В «пузыре» Хизер чуть не лишилась чувств. Ей показалось, что сумка двигается.

Еще один сдавленный крик вылетает из груди у Кертиса. Он наклоняется вниз, обхватив голову руками.

Слова льются из Brentа потоком, словно он хочет успеть все рассказать, пока полностью не сломался.

– С нами в «пузыре» ехал какой-то лыжник. Я сказал Хизер, чтобы заткнулась, и что ей это померещилось. Наконец мы добрались до ледника. Там почти никого не было. Все были в хафпайпе, готовились к соревнованиям, так что мы оттащили сумку в тихое место. Я собирался ее открыть и проверить, жива ли Саския, но до того, как я это успел сделать, я увидел, как бежишь ты, Кертис. Ты как раз ее искал.

Кертис стонет и снова хватается за голову. Его пальцы в перчатках так сильно сжимают волосы, что я удивляюсь, как он их еще не вырвал. Он упоминал, что видел вещи сестры. Наверное, он сейчас думает о том, как близок он был к тому, чтобы ее найти.

И о том, что у него был шанс ее спасти.

– Мы не хотели, чтобы ты видел ее сумку, так что побежали тебе навстречу. – Brent запинается. – Ты был страшно зол.

Пока все совпадает с тем, что мне рассказала Хизер. Возможно, она все-таки говорила правду. «Когда я ее найду, я ее убью, черт побери». Неужели Кертис на самом деле это сказал?

– Хизер запаниковала, – продолжает Brent. – И сказала тебе, что минуту назад Саския вошла в здание, и мы отправились вместе с тобой, притворяясь, будто помогаем тебе ее искать. Мы оставили сумку на леднике всего на десять минут. Клянусь тебе! Но когда я вернулся за ней, ее там не оказалось.

Brent опускает плечи и как-то весь сжимается, словно из него ушла жизнь.

У меня ком стоит в горле, при этом я чувствую сильнейшее волнение. Саския жива или нет? Может, она все еще была жива, но без сознания, когда они везли ее на подъемнике. А когда они добрались до верха, она медленно пришла в себя. Я рисую картинку у себя в

сознании: Саския расстегивает молнию, вылезает из сумки и скрывается... Вот только где?

– Это я, – сдавленно произносит Кертис.

– Что ты? – не понимаю я.

– Это я сделал. Я убил ее.

Я ошарашенно смотрю на него. Мне очень хочется, чтобы это было неправдой. Кертис убирает руки, закрывавшие его лицо.

– Тот вечер в баре «Сияние». Она же была ходячей катастрофой. Она разрушила и испортила все, что могла. Мы с Дейлом не смогли участвовать в соревнованиях. Одетта была дико расстроена. А ты, Милла, была готова сломать себе шею, только бы победить ее. Это было уже слишком. Я хотел заставить ее помучиться, как она мучила всех нас.

Я неотрывно смотрю на него, стараясь понять, как тот мужчина, с которым я провела прошлую ночь, мог...

– Но как? – слова застревают у меня в горле.

– Вначале я отправился к хафпайпу, но она еще не зарегистрировалась. Тогда я решил, что поймаю ее, когда она будет выходить из вагончика фуникулера. Я заставлю ее понять, что она наделала. Когда я добрался до причальной платформы, то увидел ее сумку для сноубордов уже в одном из «пузырей». Так что я побежал по склону на ледник, хотел догнать Саскию, а увидел Брента и Хизер. Мы разделились, чтобы осмотреть здание, а я вышел на площадку с шезлонгами и заметил ее сумку на снегу. Я пошел к сумке, но Саскию так и не увидел. Сумка стояла у самой расщелины. – Он встречается со мной взглядом. – Я смог придумать только одну вещь, чтобы с ней поквитаться. Я вспомнил, что она сделала с твоим сноубордом. – Кертис зажмуривается. – И я столкнул сумку в расщелину.

О боже.

– Если бы я знал, что она в сумке...

Кертис замолкает. Он сидит неподвижно и молча, словно его парализовало из-за того, что он сделал.

Я бросаю взгляд на Брента.

– Она была уже мертва, – говорю я.

Брент понимает мой намек.

– Да, она была уже мертва, братишка. Совершенно определенно. Я не видел, чтобы сумка двигалась. У Хизер была истерика.

Но я слышу сомнение в наших голосах. Кертис сидит, прижимая костяшки пальцев к глазам. Он никогда себе этого не простит.

Но если Саския свалилась в расщелину, кто устроил все это? Может, ей каким-то образом удалось выскользнуть из сумки и спрятаться где-то поблизости? И она видела, как Кертис пнул сумку и сбросил ее в расщелину? А она сама ускользнула прочь, мечтая о мести...

Дверь бьет меня в спину и отбрасывает на Кертиса. Боль пронзает колено, такое впечатление, что оно горит огнем. Я смотрю через плечо и замираю.

В дверном проеме стоит девушка со светлыми волосами.

Глава 62

Наши дни

Это она. Встала из могилы и пришла мстить.

Я делаю глубокий вдох, пока мой мозг обрабатывает то, что видят глаза. Лицо. Черты лица.

Это не Саския.

Это Одетта.

У нее в руках оружие – какая-то винтовка, – которую она направляет на нас. Я понимаю, что, вероятно, она целилась ею и в Хизер, а не показывала что-то рукой.

– Оставайтесь на своих местах, – произносит Одетта ледяным тоном. И взгляд у нее тоже ледяной.

Боже, мне становится не по себе, когда я вижу ее с волосами такого цвета. Раньше они у нее были светло-каштановыми, а теперь она перекрасилась в платиновую блондинку. Цвет такой же, какой был у Саскии, но он совсем не подходит к бледной землистой коже Одетты. Выглядит странно.

– Но твоя травма, – говорю я слабым голосом. – Врачи же говорили, что ты никогда больше не сможешь ходить.

Я бросаю взгляд на Брента и Кертиса, чтобы посмотреть, удивлены ли они так же, как и я.

– Врачи обычно предупреждают о худшем варианте развития событий, – отвечает Brent. – И они не всегда знают наверняка. Шея и позвоночник иногда ведут себя очень странно.

Винтовка поворачивается в его сторону, заставляя замолчать.

– Я провела год на больничной койке перед тем, как смогла двигать руками. – Маленькие капельки слюны вылетают изо рта у Одетты. – Два года с ортезами на ногах. Еще пять лет реабилитации. Ничего веселого в этом не было.

Бrent отступает в угол. Мы с Кертисом так и остаемся на полу.

Внезапно у меня опять возникают сомнения насчет Кертиса.

– Если не ошибаюсь, Кертис же недавно связывался с тобой через FaceTime, – говорю я. – Похоже, он не знал, что ты восстановилась.

– Ха! Что он видел? Ремни. Наушники. Кресло. Это было легко.

Как и Brent, я отшатываюсь от оружия, но Кертис не двигается. Он сейчас будто не с нами. Он еще не вернулся из тьмы.

Одетта в белой камуфляжной куртке и таких же штанах. Она была и на леднике, наблюдала за нами? Только мы ее не видели.

– А как ты смогла все это сделать? – спрашиваю я.

Она взмахивает рукой.

– Теперь здесь работают мои братья, управляют подъемниками, так что все было просто. Они сделают для меня все что угодно. И только мы знаем, что вы здесь.

Я вспоминаю: сотрудник в самом низу, там, где садятся в вагончики. Именно поэтому он и показался мне знакомым. Я встречалась с ее братьями в больнице, пусть и видела их мельком. Вероятно, второй брат управляет «пузырями». Его я даже не заметила.

– Но зачем ты все это устроила? – спрашиваю я.

– Вы убили ее! Я догадалась, что это был один из вас. Но не предполагала, что трое. – Одетта слегка наклоняет голову и смотрит на ледник. – А потом *он* еще и обокрал ее!

Она не опускает винтовку, которая так и остается нацеленной на нас. Но запускает руку в карман и достает телефон.

– Я все слышала. Все записала.

Она нажимает на какие-то кнопки, и я слышу голос Brenta: «Я не хотел, чтобы она пострадала. То есть хотел...»

Одетта снова на что-то нажимает, и запись обрывается.

– Во всех комнатах установлены микрофоны. Везде есть детекторы звука – запись включается, когда они улавливают какой-то шум.

Одетта душит духами Саскии и использует лиловую подводку для глаз, она словно попыталась превратиться в свою умершую подругу. А это серьезно пахнет нездоровой психикой. И от этого мурашки бегут по коже. У нее даже взгляд стал похожим на взгляд Саскии – что-то такое я вижу в ее глазах. Или это просто ненависть?

– Пока я лежала в больнице, я все время корила себя. Зачем Саскии было подниматься на ледник перед соревнованиями? Я думала, что она пошла туда из-за меня. Я расстроила ее в баре «Сияние» – я зло с ней разговаривала, и, как я считала, она пошла туда, чтобы пойти на глупый риск. Она была такая хрупкая и ранимая. Может, вы это не видели, а я знала.

Одетта так уверенно и легко держит оружие, что мне страшно. Я не двигаюсь с места. Напрягаюсь при каждом ее движении, я боюсь, что она на нас набросится. Но она этого не делает. Она даже не приближается к нам – не хочет рисковать. Ведь мы же вполне можем попытаться вырвать винтовку у нее из рук.

– Наконец меня выписали из больницы. И первым, что я увидела, когда вернулась домой, был пропуск Саскии на подъемник, который лежал на прикроватной тумбочке. Вероятно, она его там забыла, когда была у меня перед тем, как отправиться в бар «Сияние». А она не могла подняться на гору без пропуска. В Ле-Роше очень строгие правила. Так если она не поднималась на гору, как она могла исчезнуть? Это ненормально. Я сказала себе: я думаю, что кто-то виноват в ее исчезновении.

Я сжимаю пальцы Кертиса в перчатке, но он не реагирует, словно превратился в камень. Вздымание и опускание его груди при вдохе и выдохе единственный знак того, что он еще жив.

– Я отнесла пропуск в полицию, – Одетта повышает голос. – Они сказали, что его недостаточно, чтобы что-то доказать. Я так разозлилась! Я спросила себя: кто мог хотеть причинить ей боль? Я составила список.

Брент в углу переносит вес тела на другую ногу, но снова замирает, когда Одетта переводит на него винтовку.

– Я решила, что в ее исчезновении *виноват* кто-то из вас, – это слово вылетает из Одетты, как шипение змеи. – Но что я могла поделать? Доказательств у меня не было. Так что я направила всю свою злость на реабилитацию. Мои братья бросили лыжные гонки, чтобы жить вместе со мной. Ведь мне требовалась помощь. Найти работу в этой долине непросто, и им удалось устроиться только на подъемники. Так что жизнь продолжалась.

Она переводит винтовку на Кертиса.

– Пока не позвонил ты. В ноябре здесь остается всего несколько сотрудников. Ты разговаривал с моим братом Роменом, потому что директор в отъезде. Брат сразу же перезвонил мне. В то утро я смотрела новости в Интернете. Саскию официально признали мертвой, а ты хотел это отпраздновать!

В ее глазах горит злость.

Кертис моргает.

– Нет. Я... – Он замолкает.

– Это было неправильно, – продолжает Одетта. – Так что я придумала план.

– «Ледокол»? – спрашиваю я.

Винтовка поворачивается в моем направлении.

– Я хотела... как это сказать по-английски? *Semer la pagaille*^[50]. Спровоцировать вас. Заставить вас думать о Саскии и только о Саскии, пока вы не сломаетесь и не признаетесь в том, что вы сделали. Я украла ваши телефоны, положила волосы под подушку, разбрызгивала духи. Я оставляла послания у вас на окнах и зеркалах. Но все оказалось труднее, чем я ожидала. Мне пришлось импровизировать.

– Отключение света, музыка, – вспоминаю я. – Дверь в раздевалку, которую можно открыть только снаружи.

Одетта кивает.

– И ты ударила Брента, – говорю я.

– Я толкнула его, – поправляет она меня. – Я оказалась у него за спиной на лестнице и уронила ключи. Я думала, что он это услышал. Мне требовалось исчезнуть до того, как он меня увидит.

– А ловушка в снегу?

Одетта впервые выглядит немного смущенно.

– Я должна была удостовериться, что вы не сможете уйти, пока я не узнаю правду.

– Но в расщелину мог провалиться любой из нас.

Она снова смотрит на нас дерзко и с вызовом.

– Как оказалось, это не имеет значения, потому что среди вас нет невиновных.

– Дейл случайно в нее попал? – спрашиваю я, хотя и не уверена, что хочу это знать.

Одетта колеблется.

– Я его окликнула, – наконец сообщает она. – Он удивился при виде меня. Очень удивился. Но я сказала ему, что Хизер свалилась в расщелину, и он пошел посмотреть. – Глаза Одетты горят. – Я любила Саскию, а он воровал у нее. И Хизер воровала. Я нацелила на нее винтовку. Я хотела, чтобы она сказала мне в лицо, что тратила деньги Саскии. Вместо этого она сказала мне гораздо больше. Про то утро. Про подушку... – Боль искажает ее лицо, потом возвращается злость. – Я обещала себе, что разделаюсь с любимым, от кого пострадала Саския.

Она пострадала из-за Дейла и Хизер. – Одетта ненадолго замолкает, смотрит на каждого из нас по очереди, чтобы убедиться, внимательно ли мы ее слушаем. – А Жюльен оскорбил ее.

У меня все опускается внутри.

– Автомобильная авария? Ее подстроила ты?

У нее на губах появляется легкая улыбка, потом быстро исчезает.

Я бросаю взгляд на Кертиса, но кажется, что он почти не слушает Одетту.

Она переводит винтовку на меня.

– И ты, Милла. Ты была моей любимицей. Мне не хотелось вовлекать тебя во все это. Я была почти уверена, что не ты убила Саскию. Мне не хватало тебя все эти годы.

Я вспоминаю послание на окне в своей комнате, и теперь оно имеет смысл.

– Я ошиблась насчет тебя, – прищуривается Одетта. – Она пострадала не из-за тебя, но ты заставила страдать *меня*.

– Я знаю, – говорю я. – Прости. Крипплер.

– Что?

– На чемпионате Великобритании. Ты ведь упала из-за этого. Ты попыталась его выполнить, потому что я сказала тебе, что собираюсь его делать.

Одетта хмурится.

– Я выполняла хаакон-флип. Он всегда входил в мое выступление.

– Но я же отвлекла тебя перед заездом.

Она смотрит на меня так, словно понятия не имеет, о чем я говорю.

– Я не виню тебя за чемпионат Великобритании. Я виню тебя за Саскию. Она была моей, и ты это знала. Ты... – Она пытается подобрать слово. – ...осквернила все, что было между нами.

Я пытаюсь переварить услышанное. Все эти годы я винула себя в ее неудачном падении. Тем не менее я не могу не признавать свою роль в трагической цепи событий. Если бы я не переспала с Саскией, Brent не толкнул бы ее, она участвовала бы в чемпионате Великобритании, а Одетта вполне могла бы и не упасть после флипа.

Выражение лица Одетты становится более жестким.

– Я думала, что Саския переспала с Дейлом. Хизер сказала это в баре «Сияние». Именно поэтому она сама переспала с Brentом.

Я представляю лицо Одетты – когда она в тот вечер выбежала из бара. Значит, секрет из «Ледокола» относился к Дейлу. Я прокручиваю в уме другие секреты. Одетта знала, что Хизер спала с Brentом. Последние два – «Я знаю, где Саския» и «Смерть Саскии – моих рук дело» – были просто попыткой вытянуть из нас информацию. Это были предположения Одетты, ведь и у меня имелись такие же, и мы обе понимали, что тот, кто это сделал, вероятнее всего, действовал не один.

– Но я ошиблась, – продолжает Одетта, тыкая винтовкой в мою сторону. – Саския не спала с Дейлом. Она переспала с тобой. Мы с тобой были подругами. Как ты могла так поступить?

Ее ярость разгорается с новой силой. Проклятье. Она ведь только что узнала об этом, несколько минут назад прослушав признания Brentа.

Что это за винтовка? Я ничего не понимаю в оружии. Пневматическая? Для охоты на животных?

Она понимает, на что я смотрю.

– Я теперь занимаюсь биатлоном, – сообщает Одетта. – Знаешь, что это? Лыжные гонки со стрельбой по мишеням. Мы должны попасть в пять мишеней диаметром сорок миллиметров, с пятидесяти метров. – Она снова улыбается. – Я уже два года тайно тренируюсь вместе с братьями. Это моя цель, мой *raison d'être*^[51].

Я понимаю, почему она все делала втайне. После ее ужасного падения и травм французская пресса не давала бы ей покоя. На кон поставлена ее честь. Она не хотела, чтобы мир видел, как она борется за возвращение к нормальной жизни. Я бы вела себя точно так же.

– Моя спина не выдержит сильных нагрузок и еще одно падение. Да и в любом случае я уже по возрасту не подхожу для сноубординга. Но пик у биатлонисток наступает в тридцать два года.

А ей как раз тридцать два, ведь она на год младше меня.

Она улыбается шире.

– Я очень точно стреляю. Я надеюсь попасть в олимпийскую сборную Франции.

Я смотрю на нее. Это невероятное восстановление после такой серьезной, разделяющей жизнь на до и после травмы. Но я помню, как она напряженно тренировалась и как шла к своей цели, когда

профессионально занималась сноубордингом. Если кто-то и смог бы снова вернуться в спорт после такого, то только она.

– Так что теперь? – спрашивает из угла Brent ничего не выражающим голосом.

Одетта изучающе смотрит на наши лица, словно что-то прикидывает. Наконец она, как кажется, принимает решение. А судя по тому, как она плотно сжимает губы, оно ей неприятно. Она указывает винтовкой на дверь.

– Выходите.

Никто из нас не двигается. Она направляет винтовку на мое колено. На мое здоровое колено. И только мысль о травме и этой ноги заставляет меня встать. Если что-то случится со второй ногой, я отсюда не выберусь.

Кертис сидит, ни на что не реагируя, словно в ступоре. Brent подхватывает его под мышки и поднимает на ноги. Одетта пятится в коридор, потом отходит подальше в сторону. Мы выходим, один за другим. Я замечаю, что она слегка подтягивает одну ногу – левую. Это единственное заметное последствие ее травмы.

Она указывает на главный вход.

– Идите.

Я бросаю взгляд на Кертиса и Brentа. Стоит ли нам попробовать скрутить эту сумасшедшую? Но даже один выстрел смертельно опасен, а сколько выстрелов Одетта успеет сделать, пока мы успеем до нее добраться? В биатлоне она должна была научиться сохранять спокойствие в любой ситуации. Слишком большой риск для нас.

Brent идет первым.

– Куда она нас ведет? – шепчу я.

– Молчать! – рявкает Одетта.

Я смотрю сквозь стеклянную вставку в двери – за ней все белым бело. Я пытаюсь поймать взгляд Кертиса, но он ушел в себя, все еще пытается осознать, что сделал с Саскией, а я не хочу, чтобы он из-за меня получил пулю. В любом случае у нас больше шансов сбежать от Одетты на улице, чем здесь, в здании. Здесь мы в ловушке.

– Снимайте куртки, – приказывает Одетта.

Это умный ход. Чем сильнее мы замерзнем, тем более сговорчивыми будем. Я вынимаю руки в перчатках из рукавов, и

куртка падает на пол. Я надеюсь, что Одетта не прикажет мне также снять очки и перчатки.

Брент собирается взять свои сноубордические ботинки.

– Нет, – говорит Одетта. – Иди так.

Я мысленно чертыхаюсь – на нем сильно поношенные ботинки от ДС, где в одном месте у носка проглядывает палец. Он толкает дверь, и внутрь влетают снежинки. Я опускаю очки на глаза и выхожу вслед за ним. Теперь идет сильный снег. Ветер кружит снежинки, туча опустилась ниже, вокруг белая мгла. Я даже не вижу скалы. О том, где они, можно судить только по канатному ограждению, которое местами тоже уже занесено снегом.

Это может сработать в нашу пользу. Если Одетта не будет нас видеть, то у нее не получится и пристрелить нас.

У наружной стены здания стоят длинные узкие лыжи и палки. Одетта тянется к ним, не спуская с нас глаз. Мы стоим, почти прижавшись друг к другу, пока она пристегивает крепления. Зубы у меня уже стучат. Я бросаю взгляд на Кертиса и Брента. Нам стоит попробовать сбежать? Но куда? И как далеко я смогу убежать со своим коленом?

Кертис смотрит в белую мглу. Мне нужно, чтобы он вернулся в реальность. Я хватаю его за локоть, но он не реагирует. На нем очки и перчатки, как и на мне.

На бедном Бренте нет ни того ни другого. Он надевает на голову капюшон и засовывает руки в карманы джинсов. Его черное худи от Burton выделяется на белом фоне, наверное, здесь его можно увидеть за километр. Точно так же выделяется пурпурная толстовка с начесом Кертиса. Да и я тоже видна отовсюду в худи цвета морской волны.

Одетта показывает на ледник.

– Идите.

Мы идем, глядя в затылок друг другу, Брент впереди. Он прикрывает лицо рукой от падающего снега. Я иду за Брентом, следом Кертис. Я постоянно оглядываюсь в поисках других ловушек. Хотя я их, конечно, не увижу. Я хромаю, да еще и мы все проваливаемся по колено в снег, поэтому движемся медленно. При каждом шаге мою ногу пронзает боль.

Я оглядываюсь назад на Одетту. Она катится на лыжах, и когда она передвигается на них, не заметно никакой скованности, которую я

видела раньше. Движения кажутся легкими, плавными и естественными, как будто лыжи являются продолжением ее ног.

– Куда ты нас ведешь? – спрашиваю я.

Она только смеется. Если она хочет нас убить, почему просто не пристрелит?

О боже! Я думаю, что знаю ответ. Если нас найдут с пулями в телах, то ведь можно определить, из какого оружия стреляли, и эти пули могут вывести на нее. А если нас найдут в какой-нибудь расщелине, то это будет выглядеть как еще один несчастный случай.

Я обнимаю себя руками. Ветер пронизывает мой худи насквозь. Я снова бросаю взгляд через плечо. Одетта осторожничает – держится от нас на расстоянии. Нам следовало бы бороться, но один вид винтовки приводит меня в ужас. Может, она и не хочет стрелять в нас, но выстрелит, если потребуется, а если она на самом деле стреляет так хорошо, как говорила, ей не нужно к нам приближаться.

С каждым шагом я все меньше и меньше верю в происходящее. Каждый шаг приближает меня к могиле. Почему я не пытаюсь бороться за жизнь? Но, с другой стороны, что я могу сделать? У меня есть выбор быть застреленной в спину, если я брошусь бежать, и замерзнуть в расщелине, если не побегу... Говорят, что когда очень сильно замерзаешь, то перестаешь чувствовать холод. Снова чувствуешь тепло. И мы там будем вместе.

Ветер постоянно ревет у нас в ушах. Теперь Одетта нас не услышит. Brent идет прямо передо мной. Я хватаю его за рукав.

– Она ведет нас к расщелине, – шепчу я.

Brent задумывается на мгновение, затем улыбается грустной улыбкой и вдруг кричит через плечо:

– Я могу тебе показать, где лежит Саския.

В какую игру он играет? Ледник движется со скоростью примерно сто метров в год. Я это знаю, потому что специально интересовалась.

– Ты считаешь меня дурой? – кричит ему Одетта. – Десять лет прошло. Там больше нет расщелины.

Но я слышу сомнение у нее в голосе.

– А ты откуда знаешь? – орет Brent.

– Что ты делаешь? – шепчу я.

Он не обращает на меня внимания и показывает пальцем на склон.

– Это вон там.

– Заткнись! – орет Одетта.

– Место ее последнего упокоения, – не унимается Brent. – Разве ты не хочешь на него взглянуть?

Одетта останавливается и задумывается.

– Хорошо. Покажи мне.

Мы меняем направление. Теперь мы идем вверх, туда, где мы вчера строили трамплин.

Я все еще не знаю, что планирует Brent, но сильно нервничаю.

Brent сжимает мою руку и говорит очень тихо:

– Я попытаюсь удрать и увести ее от вас. Ей нужен я. Я все это начал. У вас обоих на ногах спортивные ботинки. Бегите назад к зданию и хватайте сноуборды.

– Нет, Brent.

Он сжимает мои пальцы в перчатке.

– Я быстро бегая. Она меня не увидит.

Только побежит он не в том направлении, в котором нужно, а вверх на ледник, на котором масса расщелин, и еще и в обуви на скользкой подошве. А для того, чтобы спуститься вниз, ему придется прокрасться мимо Одетты.

– Пожалуйста, не делай этого, – говорю я.

Но он смотрит вверх на склон, готовясь к забегу.

Я могла бы последовать за ним. Но это означает бросить Кертиса.

– Я даю тебе шанс, Милла. Не упusti его. – Brent выпускает мою руку.

И я позволяю ему это сделать.

Глава 63

Наши дни

Я притворяюсь, будто подвернула ногу, и падаю в снег. Вылетающий у меня из горла стон совсем не притворный. Мое несчастное колено. Мне кажется, я повредила его еще больше.

– Поднимайся, – резким тоном приказывает Одетта.

Я вижу через плечо, как она направляет на меня винтовку. Brent дает мне шанс, а я отвечаю ему тем же. Ответная любезность – несколько драгоценных секунд.

Небольшая фора.

– Немедленно! – орет Одетта.

Наш план срывается. Она не замечает, как исчезает Brent. Я представляю, как он бежит сквозь белую мглу, его длинные шаги.

– Не думаю, что смогу подняться, – говорю я.

– Я прострелю тебе колено.

Я держусь за ногу, желая, чтобы он убежал как можно дальше.

– Я больше не могу идти. Мне больно.

Еще пара секунд. Это все, что я могу ему дать.

– Эй! – Одетта понимает, что Brent исчез.

Я задерживаю дыхание, пока она принимает решение. Она застрелит нас, потом побежит за ним?

– Не двигайтесь!

Одетта просовывает руки в ремни винтовки, и та оказывается у нее за спиной. Похоже, Brent догадался правильно. Его она хочет убить больше всего, поэтому не может позволить ему уйти. Или, может, все гораздо проще. Она понимает, что я со своим травмированным коленом далеко не убегу, так что она вначале расправится с Brentом, а потом вернется за мной и Кертисом.

Она хватает в руки длинные лыжные палки и бросается вверх по склону, руки и ноги у нее работают очень слаженно. Ее быстрое ускорение приводит меня в ужас. Она уже исчезла в тумане. Мне плохо. У Brentа нет шансов.

Я стараюсь отключить слух, чтобы не услышать звук выстрела, который определенно последует. Кертис тупо смотрит в белую мглу.

У меня в голове звучат последние слова Брента: «Не упусти его». Я хватаю Кертиса за руку.

– Кертис! Бежим!

Никакого ответа. Я встряхиваю его.

– Кертис, ты мне нужен.

Он медленно поворачивает голову. Я вижу, какие усилия ему приходится прилагать, чтобы вернуться в реальность.

– Нам нужны наши сноуборды, – говорю я.

– А ты можешь ехать? – спрашивает Кертис.

– Мне придется.

Он хватается меня за руку, и мы спешим вниз по склону. Я сжимаю губы, пытаюсь не думать о боли. В любую секунду может прозвучать выстрел. Я увеличиваю скорость.

Сквозь туман проступают темные очертания «Панорамы».

– Жди здесь, – приказывает Кертис. – Я возьму сноуборды.

Он возвращается через несколько секунд со сноубордами и куртками. Мы надеваем куртки, но сноуборды пока пристегивать бессмысленно. Нам нужно пересечь плоский участок до начала спуска вниз. Кертис обнимает меня за талию, поддерживая меня, и мы бежим вдоль верха скалы, так быстро как только можем в паудере глубиной сантиметров тридцать.

Моим легким не хватает кислорода.

– Расщелина, – только и могу произнести я, хватая ртом воздух.

– Мы ее обойдем.

И будем надеяться, что здесь нет других.

Я все еще жду выстрела.

– Я не думаю, что она хочет нас застрелить, – говорю я.

– Почему нет? – спрашивает Кертис.

Снежинки попадают мне в рот каждый раз, когда я его открываю.

– Она предпочтет, чтобы мы... упали в расщелину. – Я тяжело дышу, хватаю ртом воздух. – Чтобы это выглядело, как несчастный случай.

– Давай быстрее, – подгоняет Кертис.

Белая мгла приобретает серый оттенок. Я готова отключиться, у меня темнеет в глазах, но часть своего веса я переношу на Кертиса, а он продолжает бежать, так что я тоже бегу.

Мне никогда в жизни не приходилось так напрягаться. Мы двигаемся по памяти – и мы почти преодолели ровный участок.

Звучит выстрел. Потом еще один. И еще. У меня скручивает все внутри, ноги почти подкашиваются.

Рука Кертиса крепче обхватывает меня.

– Не останавливайся.

У меня на глаза наворачиваются слезы, в очках собираются лужицы. Я ничего не вижу.

«Я не могу прекратить беспокоиться о тебе, Милла».

Он на самом деле беспокоился. До сих пор. И он только что это доказал.

«И я думал, что ты тоже волнуешься за меня и испытываешь ко мне какие-то чувства».

Почему мне потребовалось столько времени, чтобы понять, насколько он мне был дорог? На самом деле дорог? Я поняла это только сейчас... И теперь он никогда об этом не узнает, потому что я никогда этого не показывала. «Прости, Brent. Мне очень, очень жаль».

Мне нужно отделаться от этих мыслей и бороться за выживание, но я икаю и рыдаю. Хватаю ртом воздух. Сколько раз я заставляла его страдать. Я ненавижу себя за это. Он этого не заслужил. А я не заслужила его. Он сделал с Саскией то, что сделал, из-за меня и провел следующие десять лет – последние десять лет своей жизни, – страдая из-за этого.

Может, Одетта промазала. Или просто ранила его.

– Смотри! – показывает пальцем Кертис.

Впереди виднеется что-то черное – одна из меток на трассе. Значит, начинается спуск вниз.

Я возвращаюсь в реальность. Одетта может появиться здесь в любую минуту. Если она убила Brentа, мы следующие на очереди. У нас нет шансов против нее. Кто такая биатлонистка на самом деле? Элитная охотница.

Я задерживаю Кертиса. Если он будет один, у него есть шанс спастись.

– Поезжай, – говорю я. – Пристегивай сноуборд и поезжай.

– Я не брошу тебя, – отвечает он.

– У меня слишком сильно болит колено. Мне нужно, чтобы ты спустился вниз и привел помощь.

– Нет.

У нас нет времени спорить.

– Помнишь, что я говорила тебе раньше? – напоминаю я ему в отчаянии. – Я тебе скажу «Прыгай», и ты должен прыгнуть?

– Помнишь, что я говорил тебе раньше? О том, что я готов впустить тебя в свою жизнь?

– Кертис! – Я не могу позволить себе плакать, больше не могу.

– Что ты будешь делать, если я уйду?

– Спрячусь. – Это свист ветра или звук приближающихся лыж? Я сильно сжимаю пальцы Кертиса. – Уходи! Пожалуйста!

Он смотрит на меня. И сжимает мои пальцы в ответ.

– Я приведу помощь.

Он исчезает, а я задеваю ногой за что-то в снегу. Топор-ледоруб. Я подхватываю его и оглядываюсь в поисках места, где я могла бы спрятаться. Есть только один вариант, но это то, что я надеялась больше никогда не делать. Сжимая топор в руке, я прыгаю в самый большой снежный нанос, который вижу, и закидываю себя снегом сверху так быстро, как только могу.

Я засыпаю ноги и тело. Вес снега придавливает меня в земле. Теперь руки и голова. Меня охватывает паника. Я не смогу дышать.

«Давай, ты все сможешь. Ты должна».

О боже, я уже слышу лыжи. Одетта до сих пор сильнее меня – и не только физически, у нее невероятная сила духа, даже после ее травмы. Я делаю последний вдох, кидаю снег себе на лицо и опускаю руки в снег. Он мокрый и холодный, лежит у меня на щеках. В голову приходит приводящая в ужас мысль. Ведь снег сейчас еще присыплет сверху и его слой может стать очень толстым. Везде вокруг меня.

И я останусь здесь навсегда, потому что он меня придавит.

Инстинкт самосохранения кричит во мне, приказывая встать, но сквозь маленькую дырочку я вижу, как приближается Одетта. Сердце начинает учащенно биться у меня в груди. Я не могу позволить себе дышать носом, чтобы не втянуть снег в себя, не задохнуться и не подавиться. Я делаю маленькие вдохи, чуть-чуть раскрывая губы.

Одетта оглядывается. У меня не было времени толком закопаться. Она заметит меня в любую секунду.

Откуда-то снизу доносится пронзительный свист. Одетта вскрикивает и срывает винтовку со спины. Зачем Кертис это сделал? Я

с ужасом смотрю, как Одетта прицеливается.

Потом она опускает винтовку и что-то произносит себе под нос. Похоже, ругательство. Белая мгла. Она не видит Кертиса. Я представляю, как он несется вниз по длинному крутому склону на плато. У него получилось!

Одетта достает что-то из рюкзака – какой-то черный предмет размером с кирпич. Что это такое? Она что-то с ним делает, а потом бросает вниз.

Она зажимает уши, а через несколько секунд раздается грохот. Потом тишина. А потом еще один звук... Рокот становится громче и громче, создается впечатление, что вокруг нас рушится гора. Я в шоке, но я понимаю, что происходит. Одетта не могла разглядеть Кертиса, поэтому она запустила лавину.

А судя по звуку, сейчас снег сошел со всего склона и несется вниз.

Глава 64

Наши дни

Снежная лавина напоминает медленнодвигающуюся волну бетона. Ее сила выталкивает из снега весь воздух, и как только она прекращает двигаться, снег застывает.

У меня все падает внутри, когда я представляю, как тело Кертиса несет по склону, переворачивая снова и снова.

«Не паникуй». Он знает, что делать. Он поплывет с этой волной, если сможет, и постарается держаться у поверхности. Когда движение волны замедлится, он расчистит немного места вокруг головы для дыхания – воздушный карман.

Если он не потерял сознание во время схода лавины.

Он знает, что нужно сохранять спокойствие и беречь запасы воздуха. Единственное, что он сейчас может сделать, – это ждать спасения. На нем есть лавинный датчик, и у меня при себе мой. Люди, унесенные лавиной, имеют девяностопроцентный шанс на спасение, если их находят в течение первых пятнадцати минут.

Через полчаса шансы падают до тридцати пяти процентов.

Я должна до него добраться. Но вначале мне нужно как-то проскочить мимо Одетты.

Она явно думает, что мы оба находимся где-то внизу, потому что все еще смотрит в другую сторону. Она приподняла очки на лоб и вглядывается в белую мглу. Я сжимаю топор в руке и вылезаю из снежного наноса. Каждая секунда на счету.

Мои очки запотели. Одним резким движением я поднимаю их на лоб. Одетта закидывает винтовку за спину, вставив руки в ремни, и пристегивает левую лыжу. Она собирается бежать на лыжах вниз и проверять, не удалось ли нам спастись от лавины. Я хромаю к ней, молясь, чтобы она меня не услышала.

Какая ирония. Я много лет корила себя, думая, что она получила ужасную травму из-за меня, а на самом деле все было совсем не так. Она страдала из-за меня, но совсем по другой причине. Но теперь я должна это сделать. Куда мне целиться? На верхней части тела

несколько слоев одежды, так что, думаю, лучше подойдет нога, причем правая, здоровая.

Я осторожно пробираюсь вперед, мои пальцы в перчатках крепко сжимают деревянную рукоятку, когда я приближаюсь к Одетте. Она пока еще меня не заметила. Я заносу топор, но все во мне протестует. Не думаю, что смогу это сделать. Одетта пристегивает вторую лыжу.

У меня перед глазами появляются образы. Кертис с переломанным телом лежит под слоем снега. Brent где-то там наверху с пулями в теле. Дейл и Хизер вместе в расщелине, вмерзшие в лед. Со всей силы я бью по правой ноге Одетты чуть выше колена. Она издает ужасный вопль и валится на бок. Теперь мы в равном положении.

– Кертис! – зову я.

Одетта извивается в снегу, сжимая ногу. Я снова поднимаю топор. Теперь, когда она лежит, лыжи ей мешают. Она пытается дотянуться до креплений, чтобы их отстегнуть. Я замахваюсь топором, на этот раз целясь ей в бедро. Мне нужно вывести ее из строя, чтобы я могла добраться до Кертиса.

Она катается по снегу, пытаюсь увернуться от удара. Одну лыжу она уже скинула. Я снова опускаю топор и попадаю чуть выше бедра. Судя по жуткому треску, я попала по кости. Одетта орет.

Она сбросила вторую лыжу и тянется к своему рюкзаку. Винтовка! Я отбрасываю в сторону топор и пытаюсь отобрать оружие у Одетты.

Пока мы сражаемся, текут драгоценные секунды. Мне нужно добраться до Кертиса. Я вырываю винтовку из рук Одетты и поднимаюсь на ноги. Боже, а она тяжелая.

– КЕРТИС! – кричу я так громко, как только могу.

Звук эхом разносится в горах. Если он там, внизу, то он должен меня услышать. Я напрягаю слух, чтобы уловить ответ, но ответа нет. Кертис похоронен под толщей снега.

Одетта с трудом поднимается на ноги, белые камуфляжные штаны окрашены красным. Она бросается в снег рядом. Топор!

У меня нет времени прицеливаться, и я даже не знаю, как стрелять из винтовки. Там есть предохранитель? Его нужно снять? Я отбрасываю винтовку в сторону и тоже бросаюсь за топором. Боль пронзает колено. Рука Одетты сжимается на деревянной ручке, я бью

по ней здоровой ногой, вкладывая в этот удар всю силу, на которую способна. Топор улетает по воздуху в белую мглу.

Мы замираем. Винтовка с одной стороны, топор с другой. Одетта бежит за топором. В ближнем бою он, конечно, лучшее оружие, и я не успею до него добежать, поэтому я бросаюсь к винтовке и хватаю ее. Одетта все еще пытается нащупать топор, паудер становится розовым вокруг нее.

Я прицеливаюсь.

– Стой!

Она поворачивает голову. Она потеряла очки и шапочку во время схватки, волосы засыпаны снегом. До того, как я успеваю среагировать, она, шатаясь, исчезает в белой мгле. Она безоружна, но идет вдоль скал к зданию. Я не могу искать Кертиса, пока она тут свободно ходит по территории. Вероятно, у нее там есть еще какое-то оружие – по крайней мере, исчезнувшие ножи. Вполне возможно, что есть и другие винтовки. Поэтому я бросаюсь за ней.

Мне легко идти за ней по следу – снег окрашен кровью там, где она ступала. Она потеряла уже много крови. Я поражена, что она до сих пор может бежать, хотя те, кто надеется попасть на Олимпийские игры, легко не сдаются. Боль в моей ноге значительно усилилась, перешла на новый уровень. Тем не менее я ведь тоже когда-то мечтала об Олимпиаде, так что я заставляю себя не думать о боли и хромаю быстрее.

Впереди маячит здание. Одетта уже почти у входа. Она сейчас побежит за оружием и несколько секунд спустя снова выйдет на охоту.

– Стой, или я стреляю! – кричу я.

Учитывая полное отсутствие опыта, мои шансы попасть с такого расстояния почти равны нулю. И Одетта определенно думает точно так же, потому что продолжает бежать.

Что я могу еще сказать, чтобы остановить ее?

– Она тебя никогда не любила! – кричу я в отчаянии. Это опасная тактика. Я рискую разозлить ее еще больше.

Одетта останавливается.

– Она тебе изменила.

Одетта поворачивается лицом ко мне.

– Ты ее соблазнила, – холодно говорит она.

– Она меня очаровала, точно так же, как и тебя.

Одетта не отвечает, но медленно приближается ко мне.

– Знаешь, что она мне сказала после нашей совместной ночи? Это был всего лишь стратегический шаг, чтобы расстроить тебя перед чемпионатом Великобритании.

– Я тебе не верю.

– Это был ее единственный шанс победить тебя.

– Ты врешь.

Я снимаю перчатку.

– Вот что она мне подарила после нашей совместно проведенной ночи.

Я опускаю руку в карман куртки и достаю серебряный браслет с аквамаринами.

Я вижу по глазам Одетты, что она его узнала. Она подходит ближе.

Я отступаю, помня, что где-то слева от меня находится край скалы.

– Подними руки вверх!

Она медленно поднимает руки. Я держу ее на мушке, когда она приближается.

Одетта останавливается в пяти метрах от меня и смотрит на браслет.

– Она никогда не сделала бы этого. Она любила меня.

Но голос Одетты дрожит, словно она внезапно почувствовала, что я говорю правду.

– Ты любила ее и любишь до сих пор. Я это вижу. Но она просто использовала тебя, так же как использовала всех остальных.

– Нет, – говорит Одетта, но звучит неубедительно.

– Ты сделала все это ради нее, но она не заслужила твоей преданности.

– Заткнись.

Она подходит ближе.

Я ей не доверяю. Я пчусь, вглядываясь в белую мглу. У скалы должен быть красный канат, они всегда помечают опасные участки.

– Остальных уже не спасти. Слишком поздно. Но дай мне, по крайней мере, попробовать спасти Кертиса.

Одетта оглядывается вокруг, словно взвешивая варианты, которые у нее имеются. Мой палец лежит на спусковом крючке. Я не могу

сказать, о чем думает Одетта. Что происходит у нее в голове? Бежать ей некуда. Но она попытается забрать меня с собой?

Я могла бы выстрелить ей в ногу. Это выведет ее из строя надолго – мне хватит времени поискать Кертиса. Только я себе не доверяю, я сомневаюсь, что попаду, куда хочу, и я не хочу ее убивать. Я могла бы...

Одетта снова бросает взгляд в сторону. Я слишком поздно понимаю, что она намеревается сделать.

Она делает шаг к краю скалы. Потом еще один. Она собирается прыгнуть!

– Нет! – кричу я. Здесь слишком высоко.

Но она подходит к краю. И прыгает.

Туман смыкается вокруг нее, и она исчезает.

Я осторожно подхожу к краю скалы и смотрю вниз. Я не вижу дна. Определенно шансов выжить после такого падения у нее не было.

Онемевшая от шока, я хромаю назад к отметке на трассе скоростного спуска. Я не могу сейчас переварить случившееся. Кертис находится под слоем снега уже минут десять, а я еще даже не начинала его искать. А если я опоздаю?

К тому времени, как я добираюсь до отметки, показывающей, что здесь начинается трасса, мое колено уже готово подломиться подо мной, поэтому я отбрасываю винтовку в сторону и съезжаю вниз по склону на попе. Трасса сейчас представляет собой какое-то месиво с ледяными глыбами тут и там. Я снимаю перчатки, запускаю руки внутрь худи. Руки у меня так сильно трясутся, что я с трудом достаю свой лавинный датчик. Надеюсь, что смогу сообразить, как его использовать. Я включаю его сбоку. «Режим поиска».

Вытягиваю лавинный датчик вперед. «Давай, найди его».

Ничего. Лавина могла и не утянуть его с собой. Кертис мог умчаться от нее. Я специально смотрела документальные фильмы о лавинах, чтобы узнать о них как можно больше. Я интересовалась их силой и скоростью. Скорее, Кертис находится где-то там, внизу, под толщей льда и снега, похоронен так глубоко, что радиуса действия датчика не хватает, чтобы уловить сигнал.

Шатаясь, я иду вниз по склону. «Где он?» Я только что потеряла Брента. Я не могу потерять и Кертиса. Таймер в моей голове

неумолимо тикает. Наверное, прошло больше получаса. Я отгоняю образ замерзшего и неподвижного Кертиса.

На экране появляется мелькающая стрелка, а также цифра «45», и загорается надежда. Кертис где-то здесь, в сорока пяти метрах от меня.

Туман здесь гуще. Я хромаю по снегу, иногда падаю, задевая ногами за ледяные булыжники, потому что очень спешу до него добраться. Цифры на экране меняются: 39, 25. Они становятся меньше, но это отнимает так много времени. Наконец весь экран начинает мигать. Я нашла Кертиса.

Я падаю на колени и пытаюсь разрыть снег голыми руками. Но он не поддается. Тогда я с трудом поднимаюсь и пытаюсь пробить его здоровой ногой. Бесполезно. Снег лежит плотным слоем.

Кертис находится у меня прямо под ногами.

Но я не могу до него добраться.

Эпилог

Девять месяцев спустя

Опять это время года.

Время года, когда ледник отдает тела.

Лед тает гораздо быстрее, чем обычно, из-за недавней волны тепла, поэтому предсказывают, что тел будет больше, чем появлялось в среднем в другие годы. Я теперь по несколько раз в день проверяю информацию в Интернете.

Теперь, конечно, я жду появления двух, вполне конкретных тел.

Но точно так же, как чайник никогда не закипит, если сидишь рядом и смотришь на него, ледник, за которым наблюдаешь, не желает отдавать жертв. По крайней мере, те, которые жду я. В этом месяце нашли трех альпинистов, все еще в связке друг с другом, и австрийскую семейную пару, которая пропала в 1999 году. По крайней мере, считают, что это они.

Я скрещиваю пальцы, как против сглаза, и прокручиваю информацию на экране. Ничего. Никаких новых тел. Ожидание убивает меня.

– Милла!

Голос Кертиса. Из спальни.

– Минутку! – кричу я и стираю историю поисковых запросов. Не нужно Кертису видеть, что я ищу. Это определенно будет совсем неромантично – знать, что твоя девушка проверяет, не появилось ли тело твоей сестры.

Что ей нужно точно убедиться: она мертва.

Я понятия не имею, ищет ли Кертис когда-нибудь эту информацию. Думаю, что его семье быстро сообщат, если она появится. Я закрываю крышку ноутбука и иду в спальню.

Кертис лежит на спине, сложив руки за головой. Простыни смяты, одеяло закрывает его до пояса. В открытое окно на его голую грудь падают солнечные лучи. Сейчас только семь утра, но уже тепло. Легкий ветер шевелит мои волосы и приносит с собой запах скошенной травы и звон коровьих колокольчиков в отдалении. Мне нравится Швейцария в августе.

– Иди сюда, – говорит Кертис.

Я продолжаю стоять в дверном проеме.

– Это приказ?

У него по лицу медленно расплывается улыбка.

– Да, приказ.

– А если я не послушаюсь?

– Возможно, мне придется тебя заставить.

Я приближаюсь к кровати, намереваясь остаться вне пределов досягаемости, но он хватает меня за запястье одной большой рукой, отбрасывает одеяло другой и валит меня на себя. Я падаю на жесткие накачанные мускулы у него на груди, его сильные руки обнимают меня, встречаются у меня на спине и плотно прижимают к себе. Его тело кажется теплым и очень крепким подо мной.

Если бы Кертис не был в такой прекрасной физической форме, то, возможно, сейчас не находился бы рядом со мной. Его сила позволила ему продержаться под толщей снега, пока я, хромая, не поднялась снова вверх по склону в поисках топора-ледоруба, заляпанного кровью, и не откопала его.

Когда я вытащила Кертиса, он уже не дышал. Я сделала ему искусственное дыхание – к счастью, в спортзале меня заставили пройти курсы по оказанию первой помощи. И Кертис стал дышать, но он очень сильно замерз, а также снова вывихнул плечо, когда его тащила лавина.

Мое колено едва выдержало путь вниз. Каким-то образом мы преодолели пятнадцать километров во время бушующей снежной бури и добрались до курорта. Это заняло шесть часов. Нас сразу же отправили в больницу. Приехала полиция, выслушала нас, потом арестовала братьев Одетты. Но это не дало никакого результата. Они отрицали, что что-либо знали про затеянную сестрой вендетту, и в конце концов только потеряли работу, но не свободу.

Врачи выписали меня на следующее утро, наложив бандаж на колено, но сказали, что после того, как я вернусь домой, его придется прооперировать. Кертис остался в больнице, а я отправилась наверх на ледник вместе с сотрудниками горноспасательной службы. Подъемники работали. Я смотрела, как спасатели достают тела Хизер и Дейла из расщелины.

Когда мы вернулись в «Панораму», то увидели, что сверху на лыжах едут спасатели из второго отряда и тащат за собой сани. До этого момента у меня еще оставалась надежда, что Brent каким-то образом выжил. Вдруг ему удалось уклониться от пули или он был только ранен. Вдруг он смог вернуться в здание и скрываться в нем ночью. Но потом я увидела, что лежит на санях. Неподвижное тело. И лицо было прикрыто. Надежда умерла.

Одетту не нашли. За ночь напало еще полметра снега.

Может, это и объясняет, почему ее не нашли, а может, не нашли по какой-то другой причине.

* * *

Час спустя мы с Кертисом идем к вагончику фуникулера, держась за руки.

Когда он предложил мне после отъезда из Ле-Роше перебраться к нему в Лондон и вместе лечь на операцию, а потом проходить реабилитацию, я еще не была уверена, соглашаться или нет. Со мной было трудно жить вместе, как с не достигшей высот бывшей спортсменкой, а травмированная я во сто крат хуже. Я чувствовала, что ему тоже будет тяжело, он страдал из-за того, что получил травму. В конце концов я решила, что если мы сможем пройти этот этап вместе...

И мы его пережили. Тогда он предложил мне тренировать подростков в его летних лагерях, где занимаются фристайлом.

Он обнимает меня, словно пытается защитить, когда вагончик фуникулера начинает движение. Вагончик заполнен только на четверть, здесь гораздо тише, чем бывает зимой. В нем едут профессиональные лыжники и сноубордисты, а также местные жители. Я оглядываю лица – проверяю, нет ли тут кого-то из наших детей, но еще рано, а они вчера вечером ходили развлекаться. Я снова занимаюсь сноубордингом и вполне могу еще попробовать сделать бэкфлип.

Мы плывем над чахлыми деревьями, деревянными сараями, в которых находятся механизмы, и кресельными подъемниками, которые сейчас не работают. Под нами бурным потоком несется река. Вода в

ней не прозрачная, серо-голубого цвета, это фактически растаявший снег. Я думаю о другой реке – замерзшей реке, которая течет так медленно, что человеческий глаз неспособен уловить это движение. И о телах, которые возможно плывут по ней.

«Нет. Не думай об этом».

Вскоре мы оказываемся над линией деревьев. Яркие пурпурные цветы растут везде в альпийской тундре под нами.

– Мне здесь нравится, – говорю я.

– И мне тоже, – отвечает Кертис. – Я раньше здесь катался с сестрой.

Я выдавливаю из себя улыбку. Он почти не упоминает ее теперь, и я не знаю, думает ли он о ней или нет, а если думает, то как часто.

Мы пересаживаемся в другой вагончик, и он поднимает нас на ледник, где и летом можно кататься на лыжах. Температура воздуха здесь на целых двадцать градусов ниже, чем там, где мы садились на подъемник. Я бросаю взгляд в будку оператора, когда мы проходим мимо нее, и из нее на меня смотрят знакомые голубые глаза, что приводит меня в ужас. Мурашки бегут у меня по коже.

Но это только отражение Кертиса.

Глупо бояться. Мне уже пора бы привыкнуть, потому что по крайней мере раз в день мне здесь мерещатся или Саския, или Одетта. Это цена, которую мне приходится платить за угрызения совести.

Кертис не стал рассказывать своей матери то, что узнал про последние часы жизни Саскии. Как он мог? Вместо этого, после долгих споров, он отдал ей пропуск Саскии на подъемник и сказал, что его недавно нашел во время прогулки по горам один из местных жителей Ле-Роше. Это доказательство того, что она тренировалась на горе в день своего исчезновения. Ее смерть, хотя и преждевременная, была трагической случайностью во время занятия любимым делом.

Теперь этот пропуск на подъемник вставлен в рамочку и смотрит со стены в доме родителей Кертиса и Саскии, среди целой галереи ее фотографий. Каждый раз, когда мы приходим к ним на ужин, за нами наблюдает добрая дюжина голубых глаз.

Кертис берет меня за руку, когда мы идем по льду к сноупарку. Он качает головой при виде снежного покрова.

– Если еще подтает, то кататься будет не на чем.

В этом году все ледники в Альпах рекордно уменьшились из-за глобального потепления.

Тренировки начинаются в десять утра, но две девочки уже в сноупарке, разминаются.

– Они страстно хотят добиться успеха, – говорит Кертис.

– Я знаю, – улыбаюсь я.

Работа тренером дала мне новую цель в жизни. Может, я смогу помочь другим добиться того, чего не смогла добиться сама. А у этих двух девочек – *моих* девочек – для этого есть все данные. Они молодые, находятся в прекрасной физической форме, у них бойцовский характер. Главное – у них есть воля к победе.

Когда я наблюдаю за ними, на меня накатывает волна ностальгии. Дни, когда я сама принимала участие в соревнованиях, ушли в прошлое, а их время только начинается.

Джоди кладет ступню на канатное ограждение, чтобы выполнить упражнение на растяжку мышц задней поверхности бедра. А Сюзетт... Так, а чем это занимается Сюзетт? Она склонилась над своим сноубордом и что-то втирает в него. И создается такое впечатление, что она не хочет привлекать к себе внимания. Она встречается со мной взглядом и убирает то, чем мазала сноуборд, себе в карман. Это точно был не парафин для сноуборда.

А когда она ставит сноуборд рядом с другим и присоединяется к Джоди у канатного ограждения, я понимаю кое-что еще.

Это был не ее сноуборд.

Когда тренировка заканчивается, я рассказываю Кертису о том, что видела.

– Предполагаю, что это был воск для серфборда, – говорю я. – К счастью, он, похоже, не повлиял на катание Джоди. Я предупредила Джоди – так, что этого никто не слышал.

– И что она тебе ответила? – интересуется Кертис.

– Покраснела, а потом призналась, что вчера приклеила прозрачную клейкую ленту к краям сноуборда Сюзетт.

Он хохочет.

– Тебе это никого не напоминает?

– Я не знаю, следовало мне что-то говорить, или пусть сами разбираются.

– Меня не спрашивай. – Кертис внезапно становится серьезным. – Иногда я задумываюсь, правильно ли я вел себя с тобой и Саскией. Я несколько раз остановил тебя, не дал ей отомстить. Может, мне не следовало влезать.

– Кто знает? – отвечаю я легким тоном. – Мы не можем изменить прошлое.

– Так кто из них Саския и кто ты?

– Я еще не решила. Может, обе хороши. По крайней мере, стоят друг друга.

«Ты ничуть не лучше ее». Я до сих пор помню день, когда он это сказал. Он не понимает, насколько был прав.

Все эти годы я храню свою тайну. Но когда льды наконец отдадут тело Саскии, будет ли производиться вскрытие? Я знаю, что мне не следовало этого делать, но я только хотела помешать ей выступить на чемпионате Великобритании по сноубордингу, как она помешала мне выступить на Le Rocher Open.

Смогут ли они найти снотворное у нее в организме по прошествии такого количества времени? В то последнее утро я растолкла таблетки и подсыпала их ей в кофе.

Это были таблетки, которые продаются только по рецепту, а рецепт выписывался мне. Я пытаюсь убедить себя, что они не сыграли никакой роли, если учесть все остальное, что с ней произошло в тот день. Но это были очень сильные таблетки, и я подмешала целых четыре. Если бы она их не приняла, то, может, смогла бы побороться с Хизер. Или быстрее пришла бы в сознание. Хизер показалось, что сумка двигалась, когда они везли ее на ледник. Может, в этот момент Саския еще была жива, но отключилась из-за снотворного. Или... *Хватит!* Я не могу изменить прошлое.

Кертис смотрит на горный хребет с острым как нож краем. Я прищуриваюсь, потому что мешает солнце, и вижу на этом краю две фигуры. Из горла у меня вылетает возглас удивления.

– Что? – поворачивается ко мне Кертис.

Я моргаю. Это не они. Это просто выходы горной породы. Две длинные и тонкие каменные колонны, которые совсем не похожи на людей. Кертис притягивает меня к себе. Я стою в его объятиях, гляжу на швейцарские Альпы в сторону Франции и снова думаю о той

замерзшей реке. Я гадаю, не нашли ли Саския и Одетта друг друга где-то в ее прозрачных глубинах? Я надеюсь, что нашли.

И еще одна мысль приходит мне в голову. Я пытаюсь загнать ее подальше, назад во тьму, как и всегда, когда у меня появляется именно эта мысль. Но она, похоже, не желает уходить и не желает быть загнанной в дальний угол сознания.

«Я выиграла».

Благодарности

Моему отцу. Ты никогда не прочитаешь эту книгу, но ты вдохновил меня на многое. И моей маме, самой сильной женщине из всех, кого я знаю. Вы подарили мне детство в горах. Спасибо вам за все.

Моему невероятному агенту Кейт Бурк за фантастические редакторские советы и за правку романа, а также экспертную оценку, включая организацию аукциона, в котором участвовали десять издательств. Мне очень повезло, что вы являетесь моим агентом. Джулиану Фридману за его энтузиазм и компетентность при продаже телевизионных прав. Джеймсу Пуси и Ханне Мюррелл за продажу прав на «Дрожь» за рубеж, в такое количество разных стран, и всем остальным сотрудникам «Блейк Фридман».

Двум моим потрясающим редакторам, Дженнифер Дойл из «Хедлайн», Великобритания, и Марго Липшульц из «Пингвин Путнэм», США, за то, что вы с таким энтузиазмом взялись за этот проект, прекрасную редактуру, которая так помогла, тщательность и внимание к деталям. Работать с вами – одно удовольствие. Я невероятно благодарна вам обоим за то, что вы потратили столько времени и усилий на эту книгу. Также огромная благодарность всем остальным сотрудникам «Хедлайн» и «Путнэм», а также «Хэчетт», Австралия.

Сью Каннингэм, первой читательнице этой и всех других моих книг, которая фонтанирует потрясающими идеями. Также Гейл Ричардс, гуру грамматики и королеве синопсиса. Вы блестящие слушательницы, вы оказываете моральную поддержку и сами являетесь классными писательницами. Без вас я не справилась бы.

Автору триллеров Анжеле Кларк, которая так любезно потратила свое время, помогая мне своими толковыми советами при работе над моим предыдущим проектом. Также автору триллеров Энн Госслин за мудрые слова и великодушную поддержку. Другим моим друзьям-писателям: Джулии Андерсон, Полу Фрэнсису, Даниэль Хасты, Джоди Мехртон, Линде Миддлтон и всем остальным писателям, с которыми я познакомилась на творческих онлайн-курсах Кертиса Брауна, включая

Шэннон Коуан, Джастина Подура, Стюарта Блейка, Адриана Хиггинса, Виз Вартон, Мерлина Варда и Дженни Фан-Радж. Вы учили меня, подбадривали меня и вдохновляли меня. Спасибо.

Моим мальчикам Лукасу и Даниэлю. Я вас очень люблю.

Всем моим друзьям, включая Аниту Фелан, которая на протяжении последнего года была моим ангелом-хранителем, и Селин Рейтгерс, вместе с которой мне больше всего нравится заниматься серфингом. Я благодарю Аманду Таунсенд за поддержку из Мельбурна на протяжении всего периода работы, Стива Уайта, который занимался для меня поиском сомнительной информации по Интернету, и Тамми Истена из школы сноубординга «МИНТ», который всячески меня вдохновлял. Спасибо дяде Фреду – прости за то, что ругалась.

Городскому совету города Голд-Кост и персоналу библиотеки за на самом деле первоклассную библиотечную систему. В наши дни городские советы в некоторых регионах мира закрывают библиотеки и сокращают библиотечные бюджеты, а мне, как мало зарабатывающей матери двух детей, хочется отметить, что без доступа в библиотеку эта книга не была бы написана.

Большое спасибо Писательскому центру в Квинсленде, а также писательским фестивалям в Брисбене и Байрон-Бее, писателям и профессионалам издательского бизнеса, семинары которых я посещала.

Мартину и Скотту, с которыми мы много времени проводим зимой. Мике, Дейву и Дейву и всем другим сноубордистам, с которыми я встречалась и вместе каталась. Спасибо за воспоминания.

Если кто-то из моих друзей-сноубордистов помнит меня по зимам, когда мы вместе катались, свяжитесь со мной. Давайте организуем встречу и вспомним прошлое (горько смеюсь). Нет, серьезно, в годы до появления Facebook я много путешествовала, но потеряла связь с огромным количеством людей. Я на самом деле хотела бы услышать о вас.

Всем сноубордистам прошлого и настоящего, поднявшим этот вид спорта на невероятный уровень, который мы наблюдаем сегодня. Я испытываю благоговейный трепет, думая о вашем мастерстве, физических и душевных силах и смелости. Вы вдохновляете. Всем сноубордистам, везде: счастливого катания, берегите себя. Цените эти воспоминания.

И моим читателям, где бы вы ни находились. Спасибо вам большое, что взялись читать нового автора и выбрали эту книгу. Надеюсь, вы получили удовольствие.

---

notes

Примечания

1

Буква «x» в конце послания (СМС) у современной английской и американской молодежи означает «целую, обнимаю». – *Прим. пер.*

«Пузырь» – кабинка канатной дороги гондольного типа. – *Прим. пер.*

Rocher – скала, скальная порода, валун (*фр.*). – *Прим. пер.*

Чинопоследование – порядок молитв, песнопений и действий, совокупность которых составляет определенное богослужение. В англиканской церкви такие листки, о которых говорится в тексте, могут раздавать прощающимся, которые пришли на поминальную службу, а также гостям на свадьбе. – *Прим. пер.*

DC Shoes – американская компания, специализирующаяся на производстве обуви для спорта, в частности сноубординга и скейтбординга. – *Прим. пер.*

6

В данном случае в английском языке игра слов: стейлфиш (дословно: тухлая рыба) – это еще и один из трюков в сноубординге. –
Прим. пер.

Труа Валле (дословно: Три долины) – крупнейший горнолыжный регион на планете, который раскинулся на территории трех альпийских долин, с высочайшим уровнем инфраструктуры и сервиса. – *Прим. пер.*

Вертикаль – участок стены в хафпайпе между краем и переходом. – *Прим. пер.*

Whitelines – журнал, также называемый «Библией сноубордиста» – все о сноубординге. – *Прим. пер.*

Паудер – рыхлый снег, который любят сноубордисты. Встречается только на больших высотах. – *Прим. пер.*

Фристайл (дословно: свободный стиль) – вольное катание в сноубординге с прыжками, трюками, обходом препятствий. – *Прим. пер.*

Сноуборд-кросс – сноубордист спускается по длинной, пологой и широкой трассе, на которой расположены различные препятствия. Олимпийская дисциплина с 2006 года. – *Прим. пер.*

Тинь – французский горнолыжный курорт. – *Прим. пер.*

Билли Морган – британский сноубордист, который первым выполнил указанный трюк за один вылет: пять полных оборотов и четыре сальто. – *Прим. пер.*

Ревинд означает движение, когда вращение начато, потом остановлено на каком-то этапе и снова начато в обратном направлении. Бэксайд и 540 – см. пояснения выше. – *Прим. пер.*

Шон Уайт – американский сноубордист, трехкратный олимпийский чемпион. – *Прим. пер.*

Шифти – один из самых простых трюков. При его выполнении происходит скручивание тела: верхняя часть тела вращается в одну сторону, а нижняя с доской в другую, потом тело возвращается в нормальное положение. – *Прим. пер.*

StairMaster – американская компания и тренажер (здесь) производства этой компании. – *Прим. пер.*

Терье Хааконен – норвежский сноубордист, многократный чемпион мира в хафпайпе. Упомянутый рекорд был установлен в Осло в 2007 г. – *Прим. пер.*

Криптонит – название вымышленного химического элемента из комиксов о Супермене. – *Прим. пер.*

Тартифлет – традиционное блюдо французской кухни, обычно его готовят зимой, подается на всех горнолыжных курортах. Это запеканка из картофеля с беконом и луком, залитая савойским сыром. – *Прим. пер.*

Маммот – горнолыжный курорт в США. – *Прим. пер.*

Стрейт-эйр – прямой прыжок – райдер вылетает в воздух из хафпайпа, разворачивается на 180 градусов и снова входит в хафпайп. – *Прим. пер.*

Джей-Зи – американский рэпер. – *Прим. пер.*

Сноупарк (дословно: снежный парк) – площадка для катания горнолыжников и сноубордистов, оборудованная специальными фигурами для выполнения трюков. Изначально строились только для сноубордистов. – *Прим. пер.*

Биг-эйр был включен в программу Олимпийских игр только в 2018 году. Действие романа происходит раньше. Хафпайп стал олимпийской дисциплиной с 1998 года. – *Прим. пер.*

Хаакон-флип – трюк назван в честь его создателя Терье Хааконсена (см. прим. выше). – *Прим. пер.*

GQ – ежемесячный мужской журнал о моде и стиле. – *Прим. пер.*

Мака перуанская используется как пищевой продукт в сыром, вареном и сушеном виде. Иногда ее называют перуанским женьшенем, так как считается, что она обладает свойствами афродизиака. – *Прим. пер.*

Super Greens – БАД и спортивное питание: смесь экстрактов трав и растений, отличающихся уникальным витаминно-минеральным составом. – *Прим. пер.*

Трассы делятся на следующие категории: «зеленая» – для начинающих, «синяя» – низкого уровня сложности, «красная» – среднего уровня сложности, «черная» – высокого уровня сложности. – *Прим. пер.*

Британский размер обуви 5 соответствует нашему 37,5, размер 7 – нашему 40. – *Прим. пер.*

Хинтертукс – ледник в австрийских Альпах на вершине одноименной горы, известный горнолыжный курорт, где можно кататься круглогодично. – *Прим. пер.*

При метод-грэбе делается захват заднего края доски, при инди-грэбе – переднего края. – *Прим. пер.*

Oakley – бренд итальянской компании Luxottica, производителя спортивных очков, обуви и аксессуаров. – *Прим. пер.*

Название происходит от английского слова «калека». – *Прим. пер.*

Для сноубординга требуется специальная обувь, для катания на скейтборде подходят обычные кеды, хотя райдеры, как правило, держат отдельную пару для своей «доски». Они называются «скейтерские кеды». *Прим. пер.*

На подъемнике такого типа перекладину нужно удерживать между ног, скользя на лыжах или сноуборде. – *Прим. пер.*

Ризул – горнолыжный курорт во Франции. – *Прим. пер.*

Спортивный тейп – клейкая лента из ткани, напоминающая лейкопластырь. Используется для фиксации или поддержки суставов. –
Прим. пер.

Sport 2000 – сеть магазинов горнолыжного снаряжения. – *Прим. пер.*

Хайбэк – задник крепления на сноуборде. – *Прим. пер.*

Отсылка к франшизе «Звездные войны».

Гордон Рамзи – британский шеф-повар. – *Прим. пер.*

«Оранжина» – безалкогольный газированный напиток с цитрусовым вкусом и ароматом. – *Прим. пер.*

Carrefour – французская розничная сеть. – *Прим. пер.*

Baby-G – женская модель часов под брендом Casio. – *Прим. пер.*

Максимально можно получить десять баллов. – *Прим. пер.*

Термин «расколота голень» означает боль в мышцах передней области голени после чрезмерных физических нагрузок. – *Прим. пер.*

Semer la pagaille – взбаламутить, вбить клин, раздуть ссору
(фр.). – *Прим. пер.*

Raison d'être – смысл существования (*фр.*). – *Прим. пер.*